

Евгений ШВАРЦ
ЗОЛУШКА

ПРЕДИСЛОВИЕ АЛЕКСЕЯ ГЕРМАНА

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГА

СЕНС / АМФОРА

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГА

«СЕАНС»
«АМФОРА»

Евгений ШВАРЦ

ЗОЛУШКА

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2006**

УДК 882
ББК 84Р7
Ш 33

Издатели выражают благодарность
Федеральному агентству по культуре и кинематографии при
Министерстве культуры РФ,
Российскому государственному архиву литературы и искусства,
Центральному государственному архиву литературы и искусства
Санкт-Петербурга,
киностудии «Ленфильм», киностудии им. М. Горького,
Марии Олеговне Крыжановской, Петру Багрову, Анатолию Загулину
за помощь в подготовке настоящего издания

Концепция и составление серии –
Любовь АРКУС

Дизайн серии –
Любовь АРКУС, Светлана БОНДАРЕНКО, Алексей ГУСЕВ

На первой странице обложки –
кадр из фильма «Золушка»

Оригинал-макет подготовлен издательством «Сеанс»

Шварц, Е.

Ш 33 Золушка : [киносценарии] / Евгений Шварц ; [вступ. ст. А. Германа; коммент. Е. Грачевой]. — СПб. : Сеанс ; Амфора, 2006. — 447 с. : ил. — (Серия «Библиотека кинодраматурга»).

ISBN 5-367-00219-6

В сборник вошли избранные сценарии классика отечественного кинематографа Евгения Шварца.

УДК 882
ББК 84Р7

- © Заболоцкая Н., Крыжановская М., Крыжановская Н., 1996
- © Аркус Л., состав, 2006
- © Герман А., вступительная статья, 2006
- © Грачева Е., комментарии, 2006
- © Киностудия им. М. Горького, иллюстрации, 1938, 1948, 1959
- © ОАО «Киностудия „Ленфильм“», иллюстрации, 1947, 1957, 1966
- © ООО «Сеанс», 2006
- © ЗАО ТИД «Амфора», 2006

ISBN 5-367-00219-6

СОДЕРЖАНИЕ

А. Герман. ПРЕДИСЛОВИЕ

7

ДОКТОР АЙБОЛИТ

13

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

47

ЗОЛУШКА

105

ПЕРВОКЛАССНИЦА

147

ПОВЕСТЬ О МОЛОДЫХ СУПРУГАХ

221

ДОН КИХОТ

297

МАРЬЯ-ИСКУСНИЦА

369

Комментарии

423

Фильмография

445

Алексей GERMAN

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1938 году мой папа, Юрий Герман, Евгений Львович Шварц и поэт Заболоцкий каждый вечер приходили к роддому, в котором я появился на свет. Они должны были это делать потому, что, по известным причинам, маме нельзя было волноваться. А если она не видела их воочию, то очень волновалась, что кого-нибудь из них арестовали и от нее этот факт скрывают. Вскоре одного из них троих действительно арестовали – Заболоцкого, самого безобидного и осторожного.

Писатель, драматург и сценарист, выдающийся сказочник и признанный классик Евгений Шварц в памяти моей, в том мире, который живет во мне, – остается дядей Женей, близким другом моих родителей, одним из главных персонажей комаровского сообщества советских интеллигентов, в котором прошла существенная часть моего детства. В сборнике, который предложен вниманию читателей, есть и тексты сценариев, и подробные комментарии специалистов, и цитаты из документов – на мой взгляд, из всего этого можно составить представление о работе Евгения Львовича для кино. Что я могу к этому добавить? Разве что попытаться перевести в слова обрывки изображений, кусочки фонограммы того нескончаемого кино, в котором я продолжаю жить.

В начале 1946 года папа получил Сталинскую премию, и мы переехали жить в Комарово: Морская улица, дом 1. Маленький-маленький домик, в котором было дикое количество клопов – они висели под потолком гроздьями. Какое-то время мы жили в этой даче, потом вернулись в Ленинград, а в доме оставались Евгений Львович Шварц и его жена Катерина Ивановна. Папа угодил в какие-то неприятности, и взрослые договорились, что Шварцы будут меня

братъ на лето. Еще при домике была баня, и там, тоже весь в неприятностях, жил дважды лауреат Сталинских премий, заслуженный деятель искусств Иосиф Ефимович Хейфиц.

Почему-то очень часто не было света, и тогда папа с Шварцем сидели в углу, пили водочку, говорили о чем-то своем. Однажды они меня позвали: «Лешка, вот ты всё читаешь, что ни попадя, а „Бруски“ Парфенова читал?» – «Читал». – «И ты считаешь, правильно ей дали Сталинскую премию?» Я ответил с воодушевлением: «Надо было две Сталинские премии дать!» И папа сказал, махнув рукой: «Иди отсюда, болван». Как-то он печально это сказал, и оба они были очень печальные, в своем углу на темной даче, со своей водочкой, со своими непонятными мне разговорами.

Я знал, что Шварц пишет сказки. Иногда он их мне читал. Я его любил, но в глубине души считал его занятие не слишком серьезным. Когда папа говорил про него: «Он великий человек», – это меня раздражало. Потому что у папы все были великие.

Однажды я вошел в уборную и увидел горбоносую женщину с задранными блестящими юбками. Проходивший мимо папа схватил меня за руку, уволок на кухню, шипел мне в ухо: «Эта женщина – великий русский поэт». Я ворчал: «А почему этот великий русский поэт на крючок не закрывается?» Потом узнал, что это была Ахматова.

В летнее время в Комарово через железную дорогу приходил тщедушный человек в круглых очках с тонкой шеей, похожий на птицу. Как и все они, пижоны, он имел при себе трость. Папа и про него мне сказал: «Запомни, это великий композитор. Его фамилия Шостакович». В общем, слово «великий» мало что для меня значило. Когда-то потом пришлось понять, что все они и вправду были великие, а сам я, комаровский хулиган и двоечник, и вправду был болваном.

Хорошо, хоть запомнил, как они, вместе с папой и Шварцем, иногда с Хейфицем, ходили пить боржом в пивную при станции. В пивной

этой играли всегда «У мальчика пара зеленых удивительных маминих глаз» и «По Берлинской мостовой». Пить боржом, острить – это было такое специальное занятие. Боржом стоил дорого, бутылка – рубль. Один раз к ним подошел выпивший человек и попросил попробовать боржому, потому что рубль – это тогда были деньги. Он попробовал, сплюнул и сказал: «А я думал, он жирный». Это фразу я потом вставил в «Лапшина».

На лето я перебирался к Шварцу. Верандочка, круглый абажур над столом, сделанный из непонятого материала, собака Тамарка, которая бродит вокруг, вздыхая и задыхаясь от непомерного веса. Тамарка походила на огромный табурет. От жира она не могла ходить, еле переваливалась с боку на бок. Шварцу говорили: «Что же это такое? Это даже не собака». Он разводил руками: «Ну если она хочет кушать, что же делать?» У меня была переэкзаменовка, и он занимался со мной математикой. Занятия эти проходили своеобразно. Помню, как читаю Пантелеева «Республику ШКИД», а Евгений Львович решает мои задачи. Ныхтит, старается, потом говорит мне растерянно: «Что-то у меня, Алеша, не сходится. Может так быть, что в ответе 2,5 бассейна?» Я ему назидательно, не отрываясь от книги: «А вы еще хорошенько подумайте, дядя Женя». И слышу от окна голос отца, который подошел незаметно, приехав из города, и наблюдает эту картинку: «Кто должен подумать, подлец? Ты, у которого переэкзаменовка, или дядя Женя, у которого переэкзаменований нет?»

Жить у них я не любил. Хотя Евгений Львович был ко мне добр и с ним всегда было интересно. Но, во-первых, к завтраку у них подавалась яичница с колбасой, плавающая в жиру, и меня тошнило от нее. А во-вторых, по вечерам меня заставляли играть в скучнейшую игру «Кун-кэн». Им для игры не хватало четвертого, и, вместо того чтобы раскатывать на велосипеде, я должен был сидеть с ними на веранде.

Кроме собаки Тамарки был еще кот Котан. Он тоже был огромным, очень пушистым и поразительной злобности существом. От него житья не было, он всех драл – и пребольно. Решили его кастрировать в целях всеобщей безопасности. Кто-то рекомендовал ветеринара,

однажды раздался стук в дверь, и на крыльце возник человек в форме энкэвдэшника. Все как-то заробели. Не лучшие были времена для такого гостя. Оказалось, что это ветеринар из Большого дома, который подрабатывает тем, что холостит котов. Из маленького чемоданчика он достал сапог и щипчики. В сапог заправил кота, так что снаружи остались только хвост и задние ноги, потом чикнул и, взяв сапог за подметку, каким-то очень ловким движением швырнул кота на двадцать метров в угол комнаты. Кот, еще не понимая всего, что с ним случилось, от боли вытянулся в нитку, страшно зашипел, поднялся на лапы и гневно сверкнул глазами, постепенно переходящими в девичьи. Ветеринар, оказавшийся грузином, меланхолично заметил: «Нэ любит». У нас потом это «нэ любит» очень долго было любимым выражением в семейном обиходе.

Шварц очень любил свою жену Катю, дочь Наташу, внуков. Любил друзей и их детей. Жил в ближнем круге и ближним кругом.

Когда он умирал, при нем были Катерина Ивановна и моя мама. Последние его слова были: «Катя, спаси меня». После того как всё случилось, Катя сказала: «Таня, возьми что-нибудь на память о Жене». Мама взяла маленькую картинку, которая всегда висела у Евгения Львовича над кроватью. Эта картинка и сейчас висит у меня в кабинете. Черный лес, черное озеро, какой-то темно-зеленый луг и маленький белый козленок, несчастный на фоне всего этого ужаса. После смерти Евгения Львовича Катерина Ивановна стала употреблять наркотики.

Это было тяжело, потому что она всех просила их достать. Люди о ней много дурного говорили. Но я думаю, что это был случай очень большой любви и невозможности жить без любимого человека. Она очень старалась, пыталась всячески. Купила дом, купила машину. После смерти Шварца его пьесы начали ставить во многих театрах, стали выходить книжки, появились деньги, которых ему так не хватало при жизни. Я помню, что мы с ней шли по Марсовому полю, о чем-то разговаривали, моросил дождь, скамейки были

мокрые. Она достала большую пачку сторублевок и заложила ими мокрые места на скамейке, чтобы мы сели. В этом было столько презрения к деньгам, к благополучию, которое ей ни к чему было без него. Столько нежелания жить. Когда она говорила, что хочет покончить с собой, мало кто принимал это всерьез. А она все-таки с собой покончила.

Она понимала, с кем она жила. Нечастое для жены качество. Причем ей было неинтересно, кто еще это понимает, кроме нее; достаточно было своего знания. А понимал мало кто. Самое удивительное, что не только я, мальчишка, но и многие, почти все, кроме папы, взрослые вокруг меня относились к Шварцу несколько иронически. Помоему, никому и в голову не приходило, что он большой писатель, настоящий мыслитель. Ну пишет человек сказочки... Для театра пишет, для кино. Песерьезно... Тогда ведь было время больших форм: пудовые фоллианты, многотомные эпопеи про классовую борьбу... Их авторы становились лауреатами, депутатами, заседали в президиумах... А тут, понимаешь, Золушки, Красные Шапочки, Волшебники, Медведи, «Тень, знай свое место».

Я до сих пор в толк не возьму, как он уцелел после «Дракона». Единственное разумное объяснение – люди боялись поверить глазам своим и ушам, боялись даже внутри себя заподозрить, что человек мог написать пьесу ПРО ЭТО.

Да еще этот человек – автор детских книжек, детских фильмов, детских пьес. Мягкий, исключительно добрый, вопиюще интеллигентный.

При поступлении в институт на вопрос «Самый любимый фильм», я ответил: «Золушка». Не «Чапаев», не «Трилогия о Максиме», не «Подвиг разведчика». Согласитесь, необычный ответ для завтрашнего студента. А ведь «Золушка» – это было нездешнее, невесть откуда и как возникшее, вопреки всему сияющее чудо... С грустью скажу, что Шварца ставили в основном плохо, как-то получалось ни про что. Во всяком случае, по сравнению с теми бездонными смыслами, какими мерцают его сюжеты.

Надо сказать, что многое в нем было поверх и помимо – внешности, образа, жизненного сюжета и характера деятельности. У него так тряслись руки, что он подпись свою не мог поставить. А при этом в первые дни войны пошел записываться добровольцем. Не взяли, слава богу. Сказали: как же вы оружие держать будете такими руками... Ходил, опираясь на палку, мучался отдышкой – а любил бокс, знал великолепно его историю, был сведущим теоретиком и заядлым болельщиком. И еще. Я думаю, что он очень хотел писать взрослые книжки, про современную жизнь, про отношения между людьми, про быт и житейские подробности. Я думаю, что не только партия и правительство, литературная и театральная общественность не ценили по достоинству, в должной мере, его великого дара, но и сам он не понимал, что на равных входит в малочисленную семью наиглавнейших писателей на свете – великих сказочников.

ДОКТОР АЙБОЛИТ

ЧАСТЬ 1

ТИТР: Жил-был доктор. Он был добрый. Звали его Айболит.

Перед зрителями появляется большой стол, заставленный баночками, коробочками, пузырьками и лекарствами. Среди всех этих медикаментов возвышается порядочных размеров бочка. Широколицый, полный человек в очках стоит возле стола, наливает на бочку белый бумажный лист. Затем, окунув кисточку в бутылочку с тушью, человек этот пишет на листе:

МИКСТУРА ОТ КАПЛЯ

для слона ДЖУМБО.

Принимать перед едой

три раза в день

по одному ведру.

Доктор АЙБОЛИТ.

Кончив писать, доктор открывает окно.

За окном стоит, ждет огромный слон.

– Твое лекарство готово, Джумбо, – говорит доктор.

Слон кланяется.

– Пожалуйста, – отвечает Айболит. – Но смотри, никогда больше не ешь пятьсот порций мороженого зараз.

Слон кланяется.

– То-то. Ну, бери свою микстуру.

Слон хоботом забирает бочку, ставит у своих ног и снова протягивает хобот в окно.

– Что тебе еще нужно? – спрашивает доктор Айболит.

Слон кряхтит, гудит, кивает головой.

– Ах, да! – восклицает доктор и отходит к противоположной стене комнаты.

Там висит полка, в которой укреплены термометры самых разнообразных размеров. Над самым большим из них надпись:

ДЛЯ СЛОНОВ.

Над самым крошечным – табличка:

ДЛЯ ВОРОБЬЕВ.

Доктор берет слоновый термометр – примерно в три четверти метра длиной – и протягивает своему пациенту.

Слон, взяв термометр, собирается уйти.

– погоди, – останавливает его Айболит. – Осторожней встряхивай его.

Слон кивает головой.

– Прошлый раз, встряхивая термометр, ты ударил по голове зебру и чуть не убил ее. Смотри, чтобы это не повторилось!

Слон кивает головой.

– А то я рассержусь.

– Ладно, – отвечает слон глубоким басом.

Уходит.

Доктор идет к столу, опускается в кресло, берет тетрадь в толстом переплете, собирается ее открыть – и вдруг прислушивается, вытянув шею.

Раздается едва слышное тоненькое, жалобное жужжанье и писк.

– Вы ко мне? – спрашивает доктор, взглянув во что-то очень маленькое, невидимое еще зрителю.

Жужжанье делается громче.

Доктор протягивает над столом руку и говорит:

– Кануки-кануки! Садитесь, пожалуйста!

Жужжанье переходит в негромкую печальную музыку.

Рука доктора – крупным планом.

На руку опускается мотылек.

Тончайшим голоском поет он:

Я несчастный, я несчастный мотылек.
Я на свечке свое крылышко обжег.
Помоги мне, помоги мне, Айболит.
Мое раненое крылышко болит...

Доктор отвечает мотыльку негромко, чтобы не напугать его и не оглушить:

Не печалься, мотылек,
Ты ложись на бочок,
Я пришью тебе другое,
Шелковое, голубое,
Новое,
Хорошее
Крылышко!

Громкий стук в дверь. Музыка обрывается.

ТИТР: И была у доктора злая сестра, которую звали Варвара.

Стук становится все громче и громче. Обернувшись к двери, доктор спрашивает:

– Кто там?

Доктору отвечает злой, визгливый голос.

– Это я! Отопри же сию секунду!

Доктор вздыхает.

Осторожно берет пинцетом мотылька. Сажает его на коробочку с порошками.

Идет к двери.

Отпирает ее.

И в комнату врывается разъяренная Варвара.

Она старше доктора. Ее полуседые волосы в беспорядке.

Когда она, сердясь, вертит головой – из узла на ее затылке во все стороны летят шпильки.

– Вот они, твои звери! – кричит Варвара. – Смотри! Смотри, что делается! Ужас!

Она хватает доктора за руку. Силой тащит его к окну. Показывает.

Большой крокодил посреди двора с увлечением пожирает что-то.

– Знаешь, что он ест? А?

– Я занят сейчас, Варвара! – отвечает доктор.

– Он ест мою любимую зеленую юбку.

– Где он ее нашел? – спрашивает доктор.

– Она валялась у меня на окошке. А он схватил ее своими зубищами.

– И хорошо сделал, – возражает доктор спокойно, направляясь к столу. – Юбку надо прятать в шкаф, а не бросать на окошко.

Доктор продолжает возиться с мотыльком, а Варвара, неистовствуя, мечется по комнате.

– Звери, звери, всюду одни звери! Я не могу их видеть. Они денег тебе не платят, а лечатся! – вопит она.

– Ну а что им делать, если они больны?

– Пусть околевают! Я добрая, я тихая, а они превратили меня в разбойницу! В комодке живут зайцы...

Варвара бросается к комоду, выдвигает ящик. Оттуда выглядывает зайчиха с тремя зайчиками...

– В шкафу живет белка, – продолжает Варвара, распахивает дверцу шкафа.

Из кармана висящего в шкафу пальто прыгает белка и несетя вверх по рукаву.

– В сундуке белые мыши, – визжит Варвара, откидывая крышку сундука.

Узенькие мордочки белых мышей выглядывают оттуда.

– И когда ты их всех выгонишь вон? – спрашивает Варвара. – Ну? Говори!

– Никогда! – отвечает доктор. – Это все мои друзья. Я их люблю.

Варвара в отчаянии падает на диван и тут же вскакивает с визгом.

– Что такое? – спрашивает доктор.

Варвара только трясет свирепо головой, так что шпильки летят во все стороны, и показывает пальцем на диван.

Доктор подходит к дивану и, вглядевшись, говорит:

– Ты забыла, что на диване у меня живет еж!

Он гладит ежа, затем возвращается к столу, берет пинцетом мотылька и, подойдя к окну, выпускает своего пациента. Раздается музыка, легкая, веселая. Мотылек пляшет в воздухе. Вокруг него вьются стрекозы, бабочки.

– Смотри, Варвара, – говорит доктор. – Смотри, как это приятно. Он прилетел ко мне больной, раненый, беспомощный. Он погиб бы без меня. А я ему пришил крылышко и отпустил его. И теперь – видишь:

Засмеялся мотылек
И помчался на лужок,
И летает под березами
С бабочками и стрекозами.
Я добра ему хочу,
Из окна ему кричу –
Ладно, ладно, веселись,
Только свечки берегись!

– А я зла ему хочу, – кричит Варвара, передразнивая доктора.

Музыка обрывается.

– Я хочу, чтобы он сгорел на свечке! – кричит Варвара.

Доктор оборачивается к ней с негодованием – но в окно вдруг прыгает обезьяна.

– Пошла вон! – кричит Варвара. – Брысь!

– Молчи! – останавливает сестру доктор.

Он указывает обезьяне на кресло и говорит:

– Кануки-кануки! Садитесь, пожалуйста.

Дрожа, обезьяна садится. Она грустно глядит на доктора.

– Это ужасно! – визжит Варвара. – Пришла лечиться, а деньги она тебе заплатит?

Доктор берет сестру за руку и ведет вон из комнаты. У Варвары от негодования отнимается язык. Она только поводит глазами и бешено трясет головой, шпильки так и летят во все стороны.

Доктор выпроваживает сестру и закрывает за ней дверь.

Потом обращается к обезьяне и спрашивает:

– Что у вас болит?

Обезьяна жалобно бормочет что-то и плачет.

– Ах, шея! – говорит доктор. – Сейчас посмотрю!

Он наклоняется к обезьяне. Вскрикивает:

– Но это ужасно! Кто это сделал?

Он бросается к столу, хватается за ножницы и бежит обратно к обезьяне. Осторожно перерезает он веревку, которая была туго затянута вокруг обезьяньей шеи.

– Кто этот безжалостный человек, который водил тебя на веревке? – спрашивает доктор снова.

Обезьяна не отвечает. Она плачет, закрыв руками мордочку.

– Не плачь, – утешает ее доктор. – Видишь эту баночку? Сейчас я помажу тебе шею такой удивительной мазью, что шея сразу перестанет болеть.

Айболит мажет обезьяне шею мазью.

Обезьяна перестает плакать.

– Живи у меня, обезьяна, – говорит доктор. – Я не хочу, чтобы тебя обижали.

Зверек с благодарностью хватается за руку доктора. Вдруг раздаются звуки шарманки. Печальный, тягучий вальс гремит под окном.

Первые же звуки вальса этого приводят обезьяну в ужас. Она вспрыгивает на спинку кресла, бросается вниз головой под стол, мечется по стенам.

– Что с тобой? – спрашивает ее изумленный доктор Айболит. – Чего ты испугалась? Это шарманщик зашел во двор со своею шарманкой!

Обезьяна бросается к доктору, обнимает его ноги, хватается за руки, когда он наклоняется, чтобы поднять ее, прячет голову у него на груди.

– Ах, вот в чем дело! – догадывается доктор наконец. – Ты боишься шарманщика?

Обезьяна несколько раз кивает головой.

– Это и есть твой хозяин? – спрашивает доктор.

Обезьяна вновь кивает головой.

– Тот самый, от которого ты убежала? Тот, что водил тебя на веревке?

Обезьяна, цепляясь в отчаянии за плечи доброго доктора, подтверждает и это.

– Не бойся, – говорит доктор. – Я не отдам тебя ему.

Он усаживает обезьяну в кресло и выглядывает в окно.

Шарманщик, усатый человек огромного роста, свирепого вида, в широкополой шляпе, крутит ручку шарманки. Он все время вертит головой, как будто ищет кого-то. То на крышу посмотрит, то на окна, то оглянется назад.

Вдруг из дома вихрем вылетает Варвара.

– Перестаньте сейчас же играть! – визжит она.

Шарманщик, который как раз смотрит пристально на крышу сарая, не замечает Варвары. Вопли шарманки заглушают Варварин голос.

Варвара приходит в неистовство. Шпильки дождем сыплются из ее волос.

– Сейчас Варвара выгонит его! – сообщает доктор обезьяне.

Обезьяна радостно прыгает в кресле.

Доктор снова смотрит в окно.

– Перестаньте! – ревет бешеная Варвара. – Я женщина тихая, я женщина добрая, а ваша гнусавая шарманка превращает меня в настоящую разбойницу!

Шарманщик услышал ее наконец.

Он перестает вертеть ручку своего инструмента.

– Добрая женщина, – говорит он хриплым голосом. – Не пожалуйте ли вы мне что-нибудь за мою игру?

– Нет! – отвечает Варвара свирепо. – Убирайтесь отсюда вон!

Доктор радостно кивает обезьяне.

Обезьяна пляшет.

Доктор снова выглядывает в окно и видит, что шарманщик и не думает уходить. Он стоит посреди двора и поглядывает во все стороны.

– Чего вы ждете? – визжит Варвара. – Вам угодно, чтобы я лопнула от злости?

– Добрая женщина, – гудит шарманщик своим хриплым басом. – Позвольте спросить вас: не забегала ли к вам моя обезьяна?

Прежде чем Варвара успевает ответить, Айболит кричит:
– Здесь нет вашей обезьяны! Уходите немедленно прочь!

Повинуясь повелительному жесту доктора, шарманщик поворачивает было к воротам, но вдруг Варвара останавливает его.

– Стойте, стойте, шарманщик, – говорит она ласковым голосом. – Куда же вы, голубчик! Мой брат поступил нехорошо. Он скрыл от вас правду. Ваша обезьяна здесь.

– Как тебе не стыдно, Варвара! – кричит доктор, но уже поздно.

Шарманщик швыряет свою шарманку на землю и ревет свирепо:

– Кровь и молния! Где она?! Я оторву ей голову!

– Пойдемте, я провожу вас, – ласково приглашает Варвара. Обезьяна снова в отчаянии мечется по комнате.

Доктор Айболит спокойно, с достоинством стоит у стола.

– Не бойся, – успокаивает он обезьяну. – Не бойся, глупенькая.

Дверь с грохотом распахивается, и в комнату врывается шарманщик.

За ним входит улыбающаяся, торжествующая Варвара.

Обезьяна бросается к доктору и прыгает к нему на руки.

Доктор ласково гладит ее.

– Вы обманули меня! – кричит шарманщик. – Вот моя обезьяна!

– Нет, эта обезьяна не ваша теперь. Она пришла ко мне и сказала, что не хочет жить у вас. Она останется у меня. Теперь это моя обезьяна. Уходите, – спокойно отвечает доктор.

– Отдавай обезьяну! – орет шарманщик.

– Не отдам! – спокойно возражает доктор. – Я не хочу, чтобы ты мучил ее.

Шарманщик бросается к доктору.

– Авва! – кричит Айболит.

В окно прыгает большая собака и кидается на шарманщика. Шарманщик хватается за стул и, отбиваясь от собаки стулом, бежит к доктору.

– Хрю-хрю! – кричит доктор.

В комнату вбегает небольшая белая свинка и бросается под ноги шарманщику.

Шарманщик падает.

Варвара хватается свинью за ноги. Шарманщик вскакивает.

– Карудо! – кричит доктор.

Попугай влетает в комнату.

– Бумба! – зовет Айболит.

Сова влетает следом за попугаем.

Они, хлопая крыльями, вертятся у самого лица Варвары, заставляют ее отступить в угол.

Утка кричит, вбегая в двери.

– Кика, назад! – приказывает доктор. – Ты тут ничем не можешь помочь! Тебя раздавят!

Кика убегает.

Доктор вместе с Аввой и Хрю-хрю наступают на шарманщика.

Тот не сдаётся. Увертываясь от свиньи, отбиваясь от собаки, он пытается схватить обезьяну.

Но вдруг в дверях показывается крокодил.

На спине его сидит Кика.

– Спасибо, Кика! – кричит доктор. – Ты догадалась позвать крокодила! Ну, злой шарманщик! Уходи! Или мой друг крокодил сейчас же проглотит тебя!

Шарманщик угрюмо оглядывается. Он окружен со всех сторон. Авва грозно рычит на него, Хрю-хрю не сводит с него глаз, крокодил приготовился к нападению, широко открыв свою страшную пасть, сова и попугай хлопают угрожающе крыльями.

Доктор указывает злодею на дверь.

Съежившись, шарманщик уходит.

Варвара, плача от злости, бежит за ним следом.

Звери окружают доктора.

– Спасибо вам! Спасибо, друзья мои, – говорит доктор. – Вы спасли нашего нового товарища от злого хозяина. Знакомьтесь. Эту славную обезьяну зовут Чи-чи.

Звери окружают обезьяну, ласкаются к ней.

А злой шарманщик выходит во двор.

Варвара следом.

Шарманщик поднимает свою шарманку.

Обернувшись, он грозит кулаком окну докторского кабинета.

– Вы совершенно правы, – кричит Варвара шарманщику. – Я женщина тихая, я женщина добрая, а эти звери превратили меня в настоящую разбойницу!

– Не отчаивайтесь! – гудит шарманщик. – Клянусь своими усами, – я избавлю вас от этих зверей. Я отомщу им всем, а доктору в особенности.

– Ах, пожалуйста! Будьте так любезны, сделайте им какую-нибудь гадость! – всхлипывая, просит Варвара. – Я помогу вам!

Поглядывая на дом, шарманщик берет Варвару за руку и отводит ее в угол двора.

– Я вижу, – тихо говорит он, – что они действительно превратили вас в настоящую разбойницу.

– Да! Да! – плачет Варвара.

– Тогда вам, значит, можно довериться. Я тоже настоящий разбойник! Я знаменитый морской разбойник Беналис!

– Да что вы! Как это приятно! – радостно кричит Варвара.

– Тс-с-с! – останавливает ее разбойник. – Мои товарищи ушли на корабле продавать добычу. А я, переодетый шарманщиком, брожу по городу, разведываю, подслушиваю, высматриваю, кого еще можно ограбить. Но никому ни слова об этом!

– Ни-ни! – соглашается Варвара, отчаянно трясая головой.

– Я буду навещать вас, – продолжает разбойник. – До свидания. Вместе мы найдем случай отомстить Айболиту и уничтожить всех его зверей!

– Ура! Ура! Ура! – отвечает Варвара, ликуя.

ЧАСТЬ 2

ТИТР: Каждый день после работы доктор Айболит шел гулять со своими зверями.

По берегу моря не спеша шагает добрый доктор Айболит. На плече у него сидит сова Бумба. Авва, собака, весело бежит

вперед. Верхом на Авве едет пополневшая, повеселевшая обезьяна Чи-чи. Попугай Карудо летает взад и вперед над головами друзей. Хрю-хрю бежит рядом с доктором, Кика, переваливаясь, торопится следом.

Все звери поют весело:

Шита-рита, тита-дрита!
Шивандаза, Шиванда!
Мы родного Айболита
Не покинем никогда!

Вдруг собака Авва останавливается, прислушивается, принохивается и с лаем бросается вперед.

Авва подбегает к группе скал, стоящих на берегу, и лает настойчиво, отрывисто, как будто зовет всех: скорее, сюда!

Айболит спешит на ее зов.

Он видит ворота, вделанные в скалу. На воротах висит замок. Авва лает безостановочно, встревоженно.

– Тише, Авва! – приказывает ей Айболит.

Авва замолкает.

– Я понимаю тебя, – говорит ей Айболит озабоченно. – Это действительно очень странно. Здесь в скалах – пещера. Но зачем понадобилось пещеру запирасть?

Утка Кика крикает.

– Нет! – возражает ей доктор. – Я не думаю, что там спрятались каштаны и орехи.

Обезьяна Чи-чи пищит и прыгает, схватившись рукою за замок, висящий в двери.

Сомневаюсь! – отвечает ей доктор. – Кому нужно прыгать тут бананы и апельсины?

Свинья Хрю-хрю хрюкает, глядя на Айболита.

Глупости! – сердится доктор. – Откуда там могут быть мякиши, пироги и шоколад!

Вдруг сова Бумба, сидящая на плече Айболита, встревожилась, запрыгала, захлопала крыльями.

Что? – спрашивает ее Айболит.

Сова приближает клюв к самому уху доктора.

– Как? – восклицает удивленный Айболит. – Ты думаешь? Ты уверена? Ты слышишь это? Не может быть!

Звери, заинтересованные, подбегают к доктору. Авва кладет передние лапы на жилет Айболита, Чи-чи хватает его за руку. Хрю-хрю толкает доктора своим пяточком в колено.

– Тише-тише! – останавливает их Айболит. – Тише, не мешайте ей. Бумбе кажется, что там, в пещере, – что-то живое. Человек или зверь.

Авва лает на доктора.

– Напрасно ты не веришь ей, – отвечает доктор Авве. – У всех у вас уши хуже, чем у нее.

Звери шумно выражают свое неудовольствие

– Хуже, хуже! – настаивает доктор. – Замолчите! Не мешайте ей слушать.

Звери замолкают.

Сова несколько мгновений прислушивается и снова приближает свой клюв к уху доктора Айболита.

– Да быть этого не может! – восклицает доктор. – Там человек? Ты слышишь, как он положил руку в карман?

Сова снова шепчет что-то на ухо доктору.

– Он достал... что? Не слышу... Пятак? Ах, платок! Носовой платок? Зачем?

Голова доктора и совы Бумбы показываются крупным планом.

В полной тишине раздается тихий, очень тонкий металлический голосок совы Бумбы.

– Я слышу, – говорит сова Бумба, – я слышу, как у этого человека катится по щеке слеза. Он плачет.

Все звери вскрикивают в ужасе, каждый на своем языке.

– Слеза? – спрашивает Айболит, потрясенный. – Слеза? Неужели там, за дверью, кто-то плачет? Нужно ему помочь. Я не люблю, когда плачут! Нужно найти ключ, пойдите найдите ключ!

Звери разбегаются в разные стороны.

Хрю-хрю роется под камнями, утка ныряет в море, собака бежит, принохаясь, взад и вперед, обезьяна взобралась

на скалу, осматривает там каждую расщелину, каждый уступ. Наконец все они возвращаются к доктору.

– Ключа нет.

– Беги домой, – приказывает доктор собаке Авве, – и принеси мне топор.

Авва со всех ног бросается бежать.

Двор дома доктора Айболита.

Варвара на пороге кухни колет топором толстое полено.

Авва влетает в ворота.

Подбегает к Варваре.

Лает.

– Говори по-человечески, что тебе надо! – спрашивает Варвара свирепо.

Авва лает снова.

– Замолчи! – кричит Варвара. – Не мешай мне!

Авва лает все громче и громче.

– Не превращай меня в разбойницу, – визжит Варвара. – Уймись!

Авва заливается, лает, прыгает перед Варварой, не слушает ее.

– Так вот же тебе, дерзкая! – кричит Варвара и бросает в Авву топором. Авве только этого и надо было. Она хватается топор зубами и вихрем уносится прочь.

Варвара столбом стоит посреди двора. Она потрясает головой. Шпильки так и летят во все стороны.

– Беналис! Беналис! – шипит она. – Когда же ты уничтожишь наконец всех этих негодных зверей!

Доктор Айболит ждет у пещеры.

Авва прибегает и приносит топор.

Доктор хватается топор и принимается рубить деревянные ворота, закрывающие вход в пещеру.

Ворота разлетаются в щепки.

Открывается вход в темную-темную пещеру.

Доктор берет щепку, зажигает ее и дает Авве. Авва берет ее зубами. Вторую горящую щепку берет в зубы Хрю-хрю. Третью несет Чи-чи, четвертую – сам Айболит.

Доктор, сопровождаемый зверями, углубляется в темноту. Сталактиты сверкают при свете горящих щепок.

Авва бросается вперед. Доктор и звери за ней. И все они видят: у стены пещеры маленький мальчик, съезжившись, сидит на соломе.

Он со страхом глядит на доктора. Слезы бегут по его щекам. Доктор делает шаг к нему.

Мальчик вскрикивает и в ужасе протягивает вперед обе руки.

— Что ты, что ты, мальчик, — ласково говорит ему доктор Айболит. — Неужели ты, как некоторые глупые дети, боишься докторов?

Ласковый голос Айболита успокаивает мальчика.

— Нет, я не боюсь докторов, — отвечает он. — А вы разве доктор?

— Доктор! — говорит Айболит.

— А вы не морской разбойник?

— Нет, нет, — отвечает доктор, добродушно смеясь. — Я доктор Айболит. Разве я похож на морского разбойника?

— Нет, нет, — говорит мальчик. — Хоть вы и с топором, но я вас не боюсь. Здравствуйте. Меня зовут Пента. Не знаете ли вы, где мой отец?

— Выйдем из пещеры, — говорит доктор Айболит, — здесь очень сыро. Ты можешь простудиться. Идем!

Авва, Хрю-хрю и Чи-чи бегут впереди с горящими щепками и освещают путь.

Доктор и Пента идут следом.

Они выходят на берег моря. Пента щурится от яркого солнечного света. Авва, Хрю-хрю, Чи-чи и доктор бросают горящие щепки. Доктор затаптывает их ногами.

Затем он усаживает мальчика на камень, сам садится напротив. Животные окружают их.

— Ну, — говорит доктор Айболит. — Расскажи нам, что с тобой случилось, как ты попал в эту пещеру, почему ты плакал. Мы постараемся помочь тебе.

— Хорошо, я расскажу вам все, — соглашается Пента. — Слушайте. Мой отец — рыбак. Несколько дней назад мы выехали

в море ловить рыбу. Я и отец, вдвоем, в рыбацкой лодке. Вдруг на нашу лодку напали морские разбойники и взяли нас в плен. Их предводитель, усатый, страшный, по имени Беналис...

– Как? – переспрашивает доктор.

– Беналис, – повторяет мальчик. – Беналис захотел, чтобы отец тоже стал пиратом, чтобы он грабил и топил корабли. Но отец не захотел стать пиратом. «Я честный рыбак и не желаю разбойничать», – сказал он. Тогда пираты страшно рассердились, схватили отца и увели неизвестно куда, а меня высадили на берег и заперли в этой пещере. С тех пор я не видел отца. Где он? Что они сделали с ним? Должно быть, они бросили его в море.

Закончив свой рассказ, Пента снова раздражается слезами.

– Не плачь! – утешает мальчика Айболит. – Плакать не нужно. Что толку в слезах? Лучше подумаем, как бы нам найти твоего отца. Скажи мне, каков он собой?

Всхлипывая, Пента отвечает:

– У него рыжие волосы и рыжая борода, очень длинная.

– Ага, так... – бормочет доктор Айболит и задумывается.

– Кика! – говорит он наконец.

Утка подбегает к доктору.

Доктор берет ее на руки.

– Чари-бари, – говорит он ей отдельно и внушительно.

– Кря-кря! – отвечает утка.

– Чава-чам! – продолжает Айболит.

– Кря-кря!

– Чука-чук! – заканчивает доктор повелительно и опускает утку на землю.

Утка бежит к морю и плывет прочь от берега, торюясь изо всех сил.

– Как смешно вы говорили с ней, – удивляется маленький Пента, – я не понял ни слова.

– Я часто разговариваю со своими зверями по-звериному, – объясняет добрый доктор Айболит. – Они понимают по-человечески, но в таких важных делах лучше говорить с ними на их языке.

– Что же вы сказали вашей утке? – спрашивает мальчик.

– Смотри, – говорит доктор, показывая на море.

И мальчик видит: утка, пока он разговаривал с доктором, заплыла довольно далеко.

Она покачивается на волнах и от времени до времени – ныряет в воду, задрав кверху хвост.

– Вы ей велели кувыркаться? – спрашивает Пента, недоумевая.

– Смотри, – приказывает опять доктор вместо ответа.

И Пента видит – что-то черное вынырнуло из воды около утки и снова рухнуло в воду. Еще. Еще.

Целое стадо дельфинов прыгает и ныряет вокруг утки Кики.

– Я сказал ей, – говорит доктор Пенте, – чтобы она позвала дельфинов.

– Зачем? – спрашивает Пента.

– Дельфины носятся по морю взад и вперед, ныряют до самого дна и снова поднимаются наверх. Они знают все морские новости. Коли твой отец утонул, то им уже это, конечно, известно.

– Ой, – говорит Пента. – Скорей бы вернулась она обратно. – Утка! Утка!

Кика, по-видимому, услышав зов мальчика, поворачивает и мчится к берегу.

Пента бросается к воде, хватая утку, спрашивает ее:

– Ну что? Ну – что?

– Кря-кря! – отвечает утка.

– Не понимаю, – чуть не плача, говорит Пента.

– погоди, мальчик, – останавливает его доктор. – Дай мне спросить.

Он берет утку на руки и спрашивает нетерпеливо:

– Чари-бари-чав-чав?

Утка крякает в ответ ему.

– Мне не интересно, что краб подрался с морским котом! – сердится Айболит. – Говори, что дельфины сказали об отце Пенты.

Утка снова весело крикает.

– И это мне не интересно! – кричит доктор сердито. – Акула-Каракула простудилась и кашляет! Пусть себе кашляет, я не стану лечить ее. Она злая! Видели эти сплетники отца Пенты? Говори, наконец!

Утка крикает, отвечает.

Лицо доктора просветлело.

– Ну, мальчик, – говорит он Пенте, – я рад за тебя. На дне моря нет рыжего рыбака с длинной рыжей бородой. Значит, твой отец жив!

Мальчик хохочет, прыгает от радости.

Но вдруг лицо его делается снова печальным.

– А где же он, если его нет в море? – спрашивает мальчик грустно.

– Если его нет в море, значит, он на суше, – отвечает доктор.

– А как мы его найдем? – спрашивает мальчик.

– Об этом надо подумать! – отвечает доктор.

И он приказывает зверям:

– Думайте!

И вот все глубоко задумываются, озабоченно расхаживая взад и вперед по берегу моря. Доктор расхаживает у самой воды. Обезьяна Чи-чи шагает за ним по пятам, в точности повторяя его движения. Доктор что-то пробормочет вполголоса – Чи-чи тоже. Доктор остановится и щелкнет пальцами – обезьяна тоже. Доктор в нетерпении – его раздражает трудность задачи – вдруг стукнет себя по лбу кулаком – и Чи-чи за ним.

Возле скал бегают взад и вперед собака Авва и свинка Хрю-хрю.

Утка Кика озабоченно плавает взад и вперед по воде.

Мальчик с надеждою смотрит на них. Шепчет:

– Думайте! Думайте скорей!

Но вот, наконец, собака Авва находит какое-то решение.

Она подбегает к доктору и лает.

К удивлению Пенги, доктор лает ей в ответ, отвечает ей на чисто собачьем языке. Лай его носит несколько вопросительный характер. Доктор как будто не очень уверен в правильности решения, предлагаемого Аввой.

Авва лает, настаивает на своем.

Доктор, еще несколько раз коротко пролаяв и получив ответ Аввы, подходит к Пенте.

Звери подбегают к ним.

– Авва уверяет, что она может найти твоего отца, – сообщает доктор мальчику.

– Как? – спрашивает Пента.

– По запаху, – отвечает доктор. – Ведь ты знаешь, что у собак замечательное чутье. Как бы далеко ни был твой отец – собака найдет его по запаху.

Хрю-хрю насмешливо хрюкает.

Доктор останавливает ее.

– Не смей называть Авву хвастуньей, – говорит он. – Если она найдет отца Пенты, тебе самой будет стыдно. Пента! Есть ли у тебя какая-нибудь вещь, которую держал в руках твой отец?

– Вот, – отвечает мальчик и достает из кармана большой носовой платок. Доктор протягивает платок Авве. Авва жадно его нюхает. Потом лает.

– Пахнет табаком и селедкой, – переводит доктор ее лай. – Авва говорит, что твой отец курил трубку и ел хорошую голландскую селедку. Это хорошо, – говорит она.

Авва бросается бежать.

Все за ней.

Авва подымается на вершину высокого холма и останавливается.

Доктор, Пента и звери окружают ее.

Авва принюхивается.

Она начинает тихонько скулить.

Музыка.

Очертанья зверей, Аввы, Пенты, доктора делаются расплывчатыми, почти исчезают.

И зрители видят то, что чутьем чует Авва.

Слышен голос доктора. Он говорит негромко, под музыку, объясняя Пенте все, что, скуля, сообщает ему Авва.

.. Ветер дует с севера, – говорит доктор. – Авва чует запах больших-больших дремучих лесов.

И перед зрителям разворачиваются большие дремучие леса, тайга.

– Пахнет белками, – говорит доктор, и зрители видят, как белка прыгает по соснам.

– Пахнет медведем.

Медведь пробирается между кустами.

– Леса исчезли, – говорит доктор. – Пахнет холодной соленой водой. Пахнет смолой, канатами, рыбой. Рыбаки плывут по северному морю.

Теперь море видят зрители, видят рыбацкие суда с белыми парусами, сети, рыбаков у сетей.

– И это исчезло, – продолжает Айболит. – Пахнет только снегом, снегом и льдом, льдом. Ничего живого вокруг. Ах нет! Морж поднял из воды свою голову. Белый медведь стоит на скале. А дальше опять снег, лед, лед и снег.

Зрители видят все, о чем говорит доктор. Музыка затихает, но не прекращается. Авва и все вокруг нее видны теперь ясно.

– На севере нет твоего отца, – говорит Айболит. – К счастью, ветер меняется. Ну, Авва? Что ты скажешь теперь?

Авва поворачивается к югу. Тихо скулит.

Музыка снова делается слышной, и снова расплываются очертания действующих лиц.

– Ветер с юга, – говорит доктор. – Авва слышит запах винограда...

Большие виноградники проплывают мимо зрителей.

– Она чует запах персиков, груш, слив, – говорит доктор.

За виноградниками идут сады. Деревья стоят, опустив ветки под тяжестью плодов.

– Пахнет высокими-высокими, тонкими-тонкими деревьями без веток. Пахнет большими листьями, которые свисают

с верхушек этих высоких и тонких деревьев. Это Авва говорит о пальмах, – объясняет Айболит.

И зрители видят пальмовые рощи.

– Обезьяны! Она чует обезьян! – восклицает доктор.

Видно, как радостно взволновалась смутно видимая на экране Чи-чи.

– По пальмам прыгают, носятся обезьяны.

– Пахнет горячим-горячим песком, – рассказывает доктор дальше.

Пальмы уходят. Перед зрителями – пустынные песчаные холмы, залитые ярким солнечным светом.

– Не бойся, Авва! Не бойся! Ведь он далеко. Она почувала... – говорит доктор.

Лев огромными прыжками взлетает на вершину холма. Останавливается. Поводит своей огромной башкой.

– Успокойся, Авва, успокойся, он не тронет тебя, он далеко, – повторяет доктор.

Пустыня, холмы, лев – все это заволакивается туманом, расплывается, тает. Затихает музыка.

Доктор гладит, успокаивает Авву. Авва рычит встревоженно.

Шерсть на ее спине стоит дыбом.

– Успокойся. Смотри. Ветер подул с моря, с запада. Нет ли там нашего рыбака? А ну-ка! Ищи.

Авва поворачивается мордой к западу.

Музыка становится слышнее.

Морские волны проносятся перед зрителем.

И вдруг Авва раздражается лаем.

– Он там! Он там! – кричит доктор. – Ветер пахнет табаком и селедкой! Отец Пенты там, за морем! Авва почувала его!

Музыка обрывается.

Доктор бежит вниз с холма. Звери и Пента за ним.

– Куда вы? – спрашивает Пента на бегу.

– В гавань! – отвечает доктор.

– Зачем?

– К моряку Робинзону!

Мол.

У мола стоит большой парусник.

Бородатый длинноволосый человек в грубой меховой одежде задумчиво ходит взад и вперед по палубе парусника.

Доктор вбегает по сходням на корабль. Все звери и Пента за ним.

– Робинзон! – кричит Айболит. – Нужно немедленно отправляться в путь!

– Куда? – спрашивает спокойно Робинзон.

– Надо спасти отца этого мальчика.

– Ладно! – коротко отвечает Робинзон. Не спеша подымается он на капитанский мостик. Опирается руками на перила – и вдруг разражается ревом, поражающим после негромких его разговоров с доктором.

– Свистать всех наверх! – ревет Робинзон. – Отдай концы! Подымай паруса!

Открытое море.

Корабль Робинзона летит на всех парусах.

Авва стоит на носу корабля.

У штурвала – Робинзон.

Возле – доктор Айболит, окруженный друзьями.

Авва коротко лает, обернувшись к капитанскому мостику.

– Есть два румба вправо, – отвечает Робинзон Авве и поворачивает колесо штурвала.

Доктор Айболит взглядывает на рею, восклицает вдруг:

– Как это кстати! Чайка! Чайка! Поди-ка сюда на минутку.

Чайка слетает вниз.

– Чайка! – говорит доктор Айболит. – Будь так добра, отнеси письмо сестре моей Варваре.

Чайка кивает головою в знак согласия.

Доктор Айболит достает из бокового кармана письмо.

Лети скорее! – просит доктор. – А то Варвара будет ждать меня к ужину и злиться.

Чайка берет письмо в клюв и улетает.

Авва снова лает коротко, обернувшись к Робинзону.

— Есть еще два румба вправо! — отвечает капитан и поворачивает колесо штурвала.

Корабль летит на всех парусах по волнам.

Двор дома доктора Айболита.

Варвара шагает большими шагами по двору.

— Они опоздали к ужину на целых четыре минуты, — ворчит Варвара свирепо. — Есть от чего сойти с ума! Он опять, конечно, лечит какую-нибудь тварь совершенно бесплатно! Ужасный человек!

Вдруг чайка показывается в небе.

Она спускается, проносится над самой головой Варвары, роняет к ее ногам письмо, вновь взлетает в небо и уносится прочь.

Варвара распечатывает письмо, читает его и радостно вскрикивает:

— Это хорошо! Это очень хорошо.

Она бросается в дом и через миг вылетает обратно, надевая на ходу шляпку, натягивая длинные черные перчатки.

Глухое ущелье в горах.

По ущелью пробирается Варвара, крадучись, озираясь, прячась со всеми приемами настоящей разбойницы.

Вот она поравнялась с густо разросшимся высоким кустарником. Оглянулась. И, засунув два пальца в рот, свистнула разбойничьим посвистом.

Издали-издали ей отвечает шарманка. Она играет три такта вальса — того вальса, что раздавался недавно под окнами доктора Айболита.

Варвара свистит вторично. И снова шарманка отвечает ей вальсом, он звучит теперь ближе.

Третий раз свистит Варвара. Раздается треск веток, шум шагов, и из высоких кустов показывается усатый шарманщик, он же разбойник Беналис.

Разбойник здоровается с Варварой.

– Что слышно, кровь и гром? – спрашивает он хриплым своим басом.

– Прекрасные новости, смерть и молния! – пищит Варвара.

– Какие? – спрашивает Беналис.

– Читай! – отвечает Варвара и протягивает разбойнику письмо доктора.

Разбойник достает из бокового кармана огромные круглые очки в черной оправе и, надев их на нос, читает:

«Дорогая Варвара! Мы едем на корабле Робинзона искать отца одного мальчика по имени Пента. Его похитил разбойник Беналис. Не жди нас к ужину. Не обижай, пожалуйста, крокодила. Целую тебя. Твой брат, добрый доктор Айболит».

Прочитав письмо, разбойник рвет его в клочки и швыряет на землю.

– Это значит, что он открыл мою пещеру! – ревет Беналис. – Ну, ладно! По крайней мере, десять дней пройдет, пока он разыщет отца Пенты. Тем временем вернется мой корабль, мы выедем навстречу доктору, его возьмем в плен, а всех его зверей – утопим, утопим, утопим!

– Ура! Ура! Ура! – отвечает Варвара, ликуя.

ЧАСТЬ 3

ТИТР: На другой день в два часа дня.

Корабль капитана Робинзона.

Авва по-прежнему стоит на носу корабля. Доктор Айболит, озабоченный, беседует с Робинзоном.

– Авва говорит, что отец Пенты где-то совсем близко!

Не понимаю, – бормочет капитан. – Земли не видно!

Но Авва уверяет, что явственно чувствует запах табака и сигарет! – настаивает доктор.

Хрю-хрю насмешливо хрюкает.

Не понимаю, – бормочет капитан. – Земли не видать.

Пента всхлипывает.

– Чи-чи! – говорит доктор Айболит. – Возьми это!

И доктор дает обезьяне большую подзорную трубу.

Обезьяна хватает трубу и вопросительно глядит на доктора.

– Поднимись на мачту, – командует доктор, – и погляди, не видно ли земли.

Обезьяна бросается к мачте. Держа трубку в одной руке, она при помощи трех остальных взбирается на верхушку мачты.

Усевшись там, она оглядывает море в подзорную трубу.

Вдруг обезьяна взвизгивает и соскальзывает с мачты вниз. Взлетев на капитанский мостик, она взбирается к Айболиту на плечи и приставляет к его глазам трубу.

И доктор видит: далеко в море чернеет маленький скалистый островок.

Сияя, доктор протягивает трубу Робинзону.

Робинзон глядит в трубу один миг.

Потом говорит негромко:

– Ладно!

И раздражается ревом:

– Свистать всех наверх! Земля на бакборте! Убрать паруса!

Авва громко лает.

Корабль Робинзона причаливает к островку.

Авва первая прыгает на берег. За нею Пента. За Пентою доктор. За доктором звери, за ними Робинзон.

Они все бегут за Аввой.

Авва мчится к дереву, что растет посреди островка.

Под деревом лежит, спит бородатый человек.

– Папа! Папа! – кричит Пента.

Бородатый человек просыпается, вскакивает и бросается обнимать и целовать сына.

Гремит веселая музыка.

Звери пляшут, прыгают, режут, визжат, кричат от радости.

Добрый доктор Айболит хохочет и пожимает руку отцу Пенты. Сдержанный Робинзон утратил свою обычную сдержанность и радуется, прыгает вместе со всеми...

Авва скромно сидит в стороне.

Вдруг Пента вспоминает о ней.

– Это она, Авва, нашла тебя! – кричит Пента и тащит отца к собаке.

Отец Пенты протягивает Авве руку.

Авва подает ему лапу.

Все, окружая их, поют под музыку:

Честь тебе и слава,
Дорогая Авва,
Дорогая Авва,
Честь тебе и слава.

Авва сконфужена. Она закрывает морду лапами.

А хор гремит:

Дорогая Авва!
Честь тебе и слава.
Честь тебе и слава,
Дорогая Авва!

Когда все немного поуспокоились, доктор укоризненно говорит свинье:

– Вот видишь, Хрю-хрю! А ты говорила, что Авва – хвастунья... Ай-ай-ай!

Свинья, отвернувшись, виновато хрюкает.

– То-то! – говорит ей доктор. – Ну, а теперь скорее на корабль! Нужно отвезти домой Пенту и его отца.

– Да, пожалуйста, – просит Пента. – Мама, наверное, ходит по берегу моря, ждет нас и плачет, и плачет...

– Идем! – приказывает доктор.

– Ладно, – спокойно соглашается Робинзон.

Они идут к кораблю, но вдруг раздается шум крыльев.

Все взглядывают наверх – и видят: большая стая журавлей летает, кружится над островком.

Вы ко мне? – кричит доктор.

Один из журавлей опускается на островок у самых ног Айболита. Кланяясь, переступая с ноги на ногу и щелкая клювом, он просит о чем-то доктора.

— Как же быть? — растерянно говорит доктор, выслушав журавля. — Мне надо немедленно возвращаться домой. Маленькие журавлята заболели ангиной. Надо их скорее вылечить. А если мы поедem сначала домой — мама Пенты будет плакать еще лишний день. Ах! Я придумал, что надо делать! Несите сюда скорее веревки и подушку!

Звери бросаются выполнять приказание доктора.

Авва тащит ему подушку. Чи-чи — веревки.

Доктор привязывает по одной веревке к каждому углу подушки.

Потом кричит журавлям:

— Вы понесете меня домой по воздуху. Хватайте клювами все четыре веревки!

Сказав это, доктор Айболит садится на подушку.

И журавли поднимают его в воздух.

Звери огорчены. Они жалобно воют, пищат, кричат.

— Ничего! Ничего! — кричит доктор, улетая, и машет им рукой.

— Когда вы привезете их домой, Робинзон?

— Завтра вечером! — отвечает тот.

— Смотрите не опоздайте, — раздается уже издали голос доктора.

— Ладно! — отвечает Робинзон коротко.

Доктор Айболит исчезает в небе.

Двор дома доктора Айболита.

Варвара хлещет зонтиком крокодила, выгоняет его.

— Вон! Вон! — кричит она. — Довольно! Довольно! Теперь я хозяйка! Довольно ты пожил у нас совершенно бесплатно. Ступай, ступай!

Крокодил плачет.

— Ничего, ничего! — свирпствует Варвара.

Шпильки так и летят у нее из головы.

– Довольно! Ты думаешь, доктор вернется?

Крокодил щелкает зубами.

– Как же! Жди! Вот так он и свалится сейчас с неба.

И точно в ответ на эти слова с неба, сидя на подушке, спускается доктор Айболит.

Варвара взвизгивает.

Крокодил радостно щелкает зубами.

– Оставь в покое крокодила, Варвара! – приказывает доктор и бежит в дом. Через миг он выбегает оттуда с сумкой в руках.

– А где все остальные?

– Они повезли Пенту и его отца к ним домой. Завтра вечером они вернутся. Я бегу лечить журавлят. Не смей без меня обижать крокодила.

Сказав это, доктор убегает.

Варвара сначала стоит неподвижно.

Потом бежит в дом, надевает шляпу, перчатки.

Бормочет.

– Вернутся завтра? Как же! Жди! Мы этого не допустим! Никогда! Кровь и молния! Гром и смерть!

ТИГР: На другой день к вечеру.

Высокий маяк стоит на берегу моря.

К маяку подходит доктор Айболит.

Он кричит, подняв голову кверху:

– Сторож! Джамбо! Где вы?

Дверь маяка открывается, и оттуда выходит старый седой щегр Джамбо.

– А, доктор Айболит! Как я рад видеть вас! Заходите! Поговорите с моей канарейкой, а то она все скучает и капризничает, – говорит Джамбо.

А это потому, что вы избаловали ее, Джамбо, – говорит доктор. – Я зайду к ней в другой раз. А теперь я к вам по другому делу. В порядке ли у вас на маяке лампы?

– О доктор! – восклицает Джамбо. – Конечно, у меня все в порядке! Ведь если хоть раз не загорятся на верхушке моего маяка лампы, то корабли, проходящие вечером и ночью, разобьются в темноте о камни и потонут.

– Вот поэтому я и приехал к вам, – говорит Айболит. – Будьте так добры, зажгите сегодня свою лампу поярче. Сегодня на корабле капитана Робинзона приедут мои лучшие друзья, все мои звери. Я очень скучаю без них и все время беспокоюсь.

– Ладно! – отвечает Джамбо. – Все будет в порядке!

– До свиданья, Джамбо! – говорит Айболит.

– До свиданья, добрый доктор Айболит, – говорит Джамбо. Доктор уходит.

Джамбо скрывается в маяке.

И сейчас же из-за одной стороны маяка выглядывает голова Варвары, а из-за другой – голова Беналиса.

– Хоть корабль мой и не вернулся, – шипит Беналис.

– Но дела наши блестящи, – шипит Варвара.

– Звери погибли! – гудит Беналис.

– Никто не спасется! – ликует Варвара.

Заметно стемнело.

На молу уже зажглись фонари.

Под одним из фонарей, взглядываясь в даль, стоит встревоженный доктор Айболит.

– Что это значит? – бормочет он. – Что случилось? Почему на маяке не зажглись огни? Надо побежать туда. Надо узнать, в чем дело! Корабль Робинзона разобьется о скалы!

Доктор бросается бежать.

Вот и маяк.

– Джамбо! Джамбо! – кричит доктор.

Ответа нет.

– Джамбо! Где же ты!

Тишина.

Доктор дергает за ручку двери, ведущей в маяк.

Дверь заперта.

Доктор пробует выломать дверь плечом. Это ему не удается.

Тогда он хватается с земли большой камень, ударяет о дверь раз, другой, третий, и дверь наконец поддается. Доктор распаивает ее и мчится наверх по винтовой лестнице, освещая себе путь карманным электрическим фонариком.

На одном из поворотов лестницы Айболит вдруг спотыкается обо что-то и чуть не падает.

И фонарик освещает связанного по рукам и ногам лежащего на ступеньках Джамбо.

Потрясенный доктор выхватывает из кармана нож и перерезает веревки, связывающие несчастного негра.

– Джамбо! – кричит доктор. – Кто связал тебя! Джамбо!

Негр молчит.

– Он в обмороке, – говорит доктор и бежит дальше. – Мне некогда приводить его в чувство. Надо скорее, скорее зажечь лампы. Иначе все погибнут.

Вот, наконец, и верхняя площадка маяка.

Доктор бросается к лампам и начинает шарить у себя по карманам. Вдруг он кричит не своим голосом:

– Что мне делать! Что мне делать! Я забыл дома спички! Как же я теперь зажгу лампы!

Доктор бросается вниз и обшаривает карманы Джамбы.

И тут нет спичек.

Доктор бежит в комнату негра.

Клетка с канарейкой стоит там на столе.

– Кинзолок! Мелифонт! Кинзолок! Где спички! Скажи мне скорей, где спички! – кричит ей доктор.

– Чик-чирик, – отвечает канарейка тончайшим голоском. – Накройте мою клетку платочком. Сквозит! Чик-чирик.

– Где спички, я тебя спрашиваю!

– Я такая нежная, я обязательно простужусь, накройте клетку! – повторяет канарейка.

– Ах ты, избалованная птица! – ревет доктор. – Из-за тебя может погибнуть целый корабль! Говори, где спички, или я тебя брошу в море.

– Не кричите на меня, а то я оглохну и не буду больше петь! Спички на окошке. Накройте меня платочком, – пищит птица.

Доктор хватает с окна спички и, не обращая внимания на крики канарейки: «Да накройте же мою клетку, грубиян», – бежит прочь.

Вот он на верхней площадке.

Он зажигает огромные лампы маяка.

Вспыхивает ослепительный свет.

Доктор взглядывает на море – и хватается за голову.

Слишком поздно!

Он видит: корабль тонет у подводных скал.

Доктор бросается вниз.

Негр Джамбо уже пришел в себя. Он стоит, покачиваясь, на ступеньках.

– Кто связал тебя? – спрашивает доктор.

– Разбойник Беналис, – отвечает Джамбо.

Доктор бежит дальше, освещая себе путь карманным фонариком. Он видит вдруг – две фигуры на берегу.

– Варвара! – узнает доктор. – Шарманщик!

– Я тебе не шарманщик, я разбойник Беналис, – хохочет тот.

– Ну что, добрый доктор? Где теперь твоя обезьяна? Где все твои звери?

– Ура! Ура! Утонули! – ликует Варвара.

Вдруг раздается знакомый лай.

Варвара взвизгивает в ужасе.

– Авва! Авва! – кричит доктор – и к нему на грудь с радостным визгом бросается собака. За нею Чи-чи. За Чи-чи – Хрю-хрю. И утка Кика, переваливаясь, спешит к доктору, и сова Бумба взлетает к нему на плечо.

Шарманщик, он же Беналис, пробует бежать, но Авва хватается его за полы плаща. Раздается топот многих ног. Прибегают Робинзон и его матросы. В руках у них факелы.

Беналис схвачен и Варвара тоже.

– Но корабль! Корабль! Я сам видел, как разбился корабль! – восклицает доктор Айболит.

– Это не наш корабль разбился, – спокойно объясняет Робинзон.

– А чей же? – спрашивает доктор.

– Разбойника Беналиса.

Беналис крикает.

– Но никто не утонул, – продолжает Робинзон, – я подобрал всех пиратов и запер их в трюме своего корабля. Только атамана не хватало. Но и его мы сейчас запрем туда же. И Варвару тоже. Я отвезу их всех на необитаемый остров.

– Но вы-то, как вы в темноте не наскочили на камни? – кричит Айболит.

– Вы забыли про сову Бумбу! – отвечает Робинзон. – Она прекрасно видит в темноте! Когда стемнело, я посадил ее на нос корабля, и она закричала, когда увидела камни.

Доктор целует Бумбу.

Гремит веселая музыка.

Доктор Айболит дома. Белые мыши выглядывают из сундука. Белка прыгает на дверце шкафа. Еж бегает по дивану. Остальные звери пляшут вокруг Айболита и поют:

Шига-рита, тира-дрита!
Шивандаза, шиванда!
Мы родного Айболита
Не покинем никогда.
Шивандары, шивандары,
Фундуклей и дундуклей!
Хорошо, что нет Варвары,
Без Варвары веселей!
Шита-рита, тита-дрита!
Шивандаза, шиванда!
Мы родного Айболита
Не покинем никогда.

К концу песни Чи-чи подымает с пола большую букву «Е». Авва берет в зубы букву «Ц». Хрю-хрю тащит букву «К». Айболит берет со стола букву «Н». Сова Бумба взлетает в воздух, надев на шею букву «О». Затем все выстраиваются так, что Айболит оказывается посередине. Остальные становятся по двое – справа от него и слева. А буквы, которые они держат, составляют слово:

КОНЕЦ.

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Крутые черепичные крыши. Трубы в железных колпаках, как в рыцарских шлемах.

На высоких шпилях флюгеры в виде петухов, драконов, единорогов.

Флюгеры крупным планом.

– Северный ветер, – пост петушиным голосом флюгер-петух.

– Северный ветер, – визжит единорог.

– Северный, северный, северный ветер, – кричат все три головы дракона, дрожа на тонком шпиле.

Начинает падать легкий сухой снег.

Вьется по ветру.

Одна из крыш крупным планом.

Из-за трубы выходит крошечный старичок с бородой до колен. Он натягивает поглубже свой остроконечный вязаный колпачок и отправляется в путь по гребню крыши, шагая спокойно, как по полу.

Он проходит мимо высокого шпиля, на котором стоит флюгер-петух.

Петух при виде старичка почтительно кланяется ему.

– Здравствуйте, господин Домовой! Северный ветер! – поет он тоненько.

– Здравствуйте, петушок-дружище! – отвечает крошечный старичок глубоким басом, можно даже сказать – октавой. – Давно задул северный?

– Со вчерашнего вечера, господин Домовой, – поет флюгер.

– Это к морозам, – озабоченно басит старичок. – Худо придется моим соседям, которые как домовые квартируют на чердаке. Надо будет завтра слетать к лешему, попросить у него дров взаймы.

Старичок садится на корточки и, как со снежной горы, съезжает с верхушки крыши вниз по желобу. Здесь окна чердачных жильцов.

Домовой бежит рысцей вдоль желоба мимо окон. Добегает до крайнего из них. Прыгает легко, как кошка, на карниз и пробует заглянуть в окно.

– Ничего не видно, – басит он с досадой. – Все стекла покрылись ледяными узорами и цветами.

– Это оттого, что Снежная королева взглянула на них сегодня ночью, пролетая мимо, – поет издали жестяной петух.

– Она здесь? – восклицает старичок. – Ну, быть беде!

– Почему-у? – кричит петух.

Мячиком взлетает старичок наверх на гребень крыши. Бежит по гребню до шпиля с флюгером. Прыгает петуху на спину. Садится на него верхом.

– Быть беде, – басит старичок. – Ох, быть беде, петушок, дружище. Мой любимец студент Ганс Христиан, который сочиняет такие славные сказки, – вырастил среди зимы удивительный розовый куст. Розы на нем цветут и не отцветают, пока люди, владеющие чудесным кустом, живут дружно. Ганс Христиан подарил этот розовый куст своим соседям: девочке Герде, мальчику Кею и их бабушке. Ведь во всем доме нет людей дружнее. И если Снежная королева проведает об этом, быть беде, ох, быть беде!

– Почему-у? – кричит петух.

– Она не простит моему славному сказочнику, что он среди зимы вырастил цветы. Она или украдет розы, или поссорит Бабушку, Герду и Кея, и цветы завянут. Ах, Снежная королева уже, наверное, проведала обо всем! Ведь она заглянула к ним в окна!

Старичок снова слетает вниз, мчится к крайнему окошку, прыгает на карниз и старательно ищет незамерзшего местечка на стекле. Наконец ему удается заглянуть в комнату.

И мы вместе с Домовым видим в рамке из ледяных цветов и узоров довольно просторную, очень уютную и чистую комнату.

В очаге пылает огонь.

Над огнем висит большой медный чайник.

Стол накрыт к чаю, на три прибора.

Большой пышный цветущий розовый куст стоит в деревянной кадке у стены.

Под кустом сидят мальчик и девочка, взявшись за руки.

Домовой принакает ухом к стеклу. Слышит: два детских голоса поют негромко, мечтательно.

– Снип-снап-снурре...

– Пурре-базелюрре!

– Снип-снап-снурре...

– Пурре-базелюрре!

– Пока все благополучно, – бормочет Домовой. – Посмотрим, что-то дальше будет...

Пение детей становится яснее.

Перед нами та самая комната, которую видел Домовой через замерзшее стекло.

Девочка и мальчик. Герда и Кей поют задумавшись.

Вдруг мальчик вскакивает.

Подбегает к двери. Прислушивается.

– Ступеньки скрипят, – сообщает он радостно.

– Бабушка идет! – восклицает девочка.

– Давай напугаем ее! Давай спрячемся! – предлагает Кей шепотом.

Герда радостно соглашается.

Дети прячутся под стол.

Раздается стук в дверь.

Дети молчат.

Стук повторяется.

Дети хихикают тихонько.

Дверь медленно открывается, и в комнату входит высокий пожилой человек в цилиндре. На его плечи накинута шинель с меховым воротником.

Лицо этого человека бледно, сурово, неподвижно.

Важно и медленно идет он по комнате, оглядываясь.

Вдруг Кей вылетает из-под стола с криком: «Гав-гав!»

За ним прыгает на четвереньках Герда, крича: «Бу-бу!»

Незнакомец, не теряя важного и сурового выражения лица, высоко подпрыгивает от неожиданности.

Дети, увидев чужого человека, замирают в ужасе.

– Невоспитанные дети, – восклицает незнакомец. – Что это за бессмысленный поступок? Я вас спрашиваю, невоспитанные дети.

– Простите, но мы воспитанные, – отвечает Кей.

– Мы очень, очень воспитанные, – поддерживает его Герда.

– Здравствуйте! Садитесь, пожалуйста.

– Воспитанные дети, – отчеканивает незнакомец, – А – не бегают да четвереньках; В – не кричат «бу-бу»; С – не вопят «гав-гав» и, наконец, D – не бросаются на незнакомых людей.

– Но мы думали, что вы наша бабушка, – оправдывается Герда.

– Вздор! Я вовсе не ваша бабушка! – обрывает ее незнакомец.

И, повернувшись спиной к детям, он своей важной, медленной поступью направляется к цветам.

– Действительно ли это живые розы? – ворчит он, наклоняясь над кустом.

– А – они издают запах, свойственный этому растению; В – обладают соответствующей окраской. И наконец, С – растут из подходящей почвы. Живые цветы среди зимы! Какое безобразие!

Дети крупным планом.

Герда шепчет Кею:

– Кей, честное слово, это злой волшебник. Давай убежим.

– Волшебники вроде собак, Герда. Они бросаются как раз на тех, кто их боится. Стой, не двигайся. Улыбайся.

Дети стоят неподвижно, изо всех сил стараясь улыбаться.

Незнакомец оборачивается.

Видит напряженно улыбающихся ребят.

– Что это значит? – восклицает он.

– Ни... ничего, – отвечает Кей, старательно скаля зубы.

– Вы строите мне рожи, невоспитанные дети? – шипит незнакомец.

Он делает шаг вперед.

Герда и Кей в страхе бросаются к дверям, но дверь распахивается, и дети попадают прямо в объятия Бабушки.

– Соскучились? – спрашивает, сияя и обнимая ребят, Бабушка – чистенькая, беленькая, румяная, живая старушка.

– Смотри, кто к нам забрался, – шепчет Герда. Показывает глазами на зловещего незнакомца.

Бабушка отстраняет детей.

Вежливо приседает гостю.

Тот хмуро кивает в ответ.

– Я к вам по делу, хозяйка, – заявляет он. – Вы знаете, кто я?

– Не имею чести, – отвечает Бабушка с поклоном.

– Так знайте же, – отчеканивает незнакомец. – Я богатый человек, хозяйка, очень богатый человек. Сам король знает, как я богат, – он дал мне за это звание Коммерции Советника. Вы видели большие фургоны с надписью «лед»? Видели, хозяйка? Лед, ледники, холодильники, подвалы, набитые льдом, – все это мое, хозяйка. Лед сделал меня богачом. Главный Бухгалтер!

В дверях появляется человек в больших очках, лысый, маленький, с большими счетами под мышкой. Он дрожит от холода, дышит на ладони, топчет ногами, стараясь согреться.

– Покажите этой доброй старушке самую ничтожную долю моего богатства, – приказывает Советник.

– Слушаюсь-с, господин Коммерции Советник! – отвечает Бухгалтер сиплым голосом.

Он берет счеты. Пробует подсчитать с их помощью самую ничтожную долю богатства господина Коммерции Советника, но косточки прилипли друг к другу.

– Прошу прощения, господин Коммерции Советник, – сипит Бухгалтер. – Счеты обледенели. Я пришел сюда из наших главных складов лечебного морковного мороженого. Впрочем, я подсчитаю устно.

Бухгалтер закрывает глаза.

Подсчитывает на пальцах, которые у него еле сгибаются от холода.

Шипит негромко:

– Миллион в уме... Два миллиона в уме... Три миллиона в уме... Так... Готово, господин Коммерции Советник. Эй, вы там, конторщики! Внести сюда сто тысяч талеров. Живо!

Повинуясь приказу Главного Бухгалтера, в комнату, сгибаюсь под тяжестью мешков с золотыми монетами, входят четыре замерзших конторщика.

– Смотрите, старушка, – говорит Советник гордо. – Перед вами сто тысяч талеров – и это только самая ничтожная доля моих богатств. Я все могу купить, хозяйка. Я пришел сюда, чтобы купить ваши розы.

– Мне очень жаль, что вы потрудились напрасно, господин Коммерции Советник, – отвечает Бабушка спокойно. – Ведь эти цветы не продаются.

– А вот продаются! – говорит Советник упрямо.

– А вот нет! – возражает непокорная Бабушка.

– А вот продаются!

– А вот ни за что!

– Увидим! – восклицает Советник. – Бухгалтер, выдайте ей десять талеров!

Бухгалтер устремляется к Бабушке с десятью талерами, с заранее заготовленной распиской, с чернильницей и гусиным пером. Эти последние вещи он добывает из карманов своего сюртука.

– Не возьму, – заявляет Бабушка.

– Выдайте ей двадцать талеров, – приказывает Советник.

Бабушка столь же решительно отвергает Бухгалтера с двадцатью талерами.

– Выдайте ей тридцать, – повелевает Советник. – Пятьдесят. Сто. И сто мало? Ну, хорошо – двести. Этого на целый год хватит и вам, и этим гадким детям.

– Это очень хорошие дети, – возражает Бабушка. – Отойдите от меня, господин Бухгалтер.

– Сколько же вы хотите, корыстолюбивая старуха? – спрашивает Советник яростно.

– Я уже говорила вам, господин Советник, – отвечает Бабушка вежливо, но твердо. – Эти цветы подарил нам студент, сказочник, учитель моих ребятишек. А подарки не продаются.

– Вздор! – выпаливает Советник.

– Эти розы – наша радость, – поясняет Бабушка.

– Вздор, вздор, вздор! Деньги – вот радость! Я предлагаю вам деньги, слышите – деньги, понимаете – деньги!

– Господин Советник, есть вещи более могущественные, чем деньги, – говорит Бабушка твердо.

Это заявление ужасает Советника, доводит почти до обморока Бухгалтера, приводит в полное недоумение конторщиков, принесших золото.

– Да ведь это бунт! – вопит рассвирепевший богач. – Значит, деньги, по-вашему, ничего не стоят? Сегодня вы говорите, что деньги ничего не стоят, а завтра скажете, что богатые и почтенные люди ничего не стоят! Вы решительно отказываетесь от денег?

– Да, – отвечает Бабушка.

– В таком случае пусть с вами разговаривает сама Королева, слышите вы, сумасшедшая старуха! – кричит Советник и, надев цилиндр, бросается к двери.

На пороге он сталкивается с новым действующим лицом сказки.

Это долговязый, несколько неуклюжий юноша. Несмотря на нескладность свою, он держится уверенно, просто и весело.

– Ах вот кто пришел, – шипит Советник. – Господин Сказочник. Сочинитель сказок, которым грош цена. Это все ваши штуки! Ну, ничего! Мы с вами рассчитаемся, любезный Ганс Христиан!

– Снип-снап-снурре-пурре-базелюрре! – отвечает ему Сказочник серьезно и спокойно.

– Вздор! – шипит Советник.

– Вздор! – сипит Бухгалтер.

– Вздор! – шепчут конторщики.

– Снип-снап-снурре-пурре-базелюрре, – повторяет Сказочник многозначительно, без тени улыбки.

Советник пожимает плечами и не находит слов, чтобы ответить юноше.

Гордо подняв голову, он выходит из комнаты.

Так же гордо выплывает прочь замерзший Главный Бухгалтер. Заносчиво подняв носы, шествуют за ними конторщики с золотом.

Дверь с шумом захлопывается за ними.

Сказочник, весело смеясь, поворачивается к детям.

И сразу делается серьезным.

— Что случилось? — спрашивает он. — Вы испугались, дети? Не нужно! Смотрите, как розы весело кивают нам всем. Они говорят на своем языке: мы с вами, вы с нами, и все мы вместе. Слышите?

Он поднимает палец. Издали-издали раздается едва слышная музыка.

Сказочник смеется, бросается вперед, взмахивает радостно руками и сбивает со стола чашку.

Едва успевает подхватить ее на лету.

— И не стыдно тебе, чашка, — говорит Сказочник укоризненно. — Все эти чашки, чайники, столы, стулья, сюртуки, бандажи из-за того, что я говорю на их языке и часто болтаю с ними, считают меня своим братом и ужасно меня не уважают. Эта чашка вздумала танцевать со мной. Стой. Смирно!

Установив чашку на подходящем ей месте, Сказочник снова поворачивается к ребятам.

И снова его подвижное лицо темнеет.

Веселая болтовня его не рассмешила и не успокоила Герду и Кей.

Взявшись за руки, стоят они, задумчивые и озабоченные.

Сказочник бросается к ним.

— Дети, дети! Неужели этот ледяной Советник так напугал вас?

Герда и Кей переглядываются.

— Я не боюсь, — говорит Кей.

— Я тоже, — поддерживает его Герда не совсем уверенно. — Я... Я только хотела бы узнать, о какой королеве он говорил.

— О Снежной королеве, — отвечает Сказочник серьезно.

— Она повелевает морозами, снегами и метелями. Советник с нею в большой дружбе, ведь она поставляет ему лед. Живет Королева далеко-далеко на севере, но зимой, когда дует Северный ветер, она прилетает на черном облаке сюда к нам.

– Полно вам рассказывать сказки! – добродушно ворчит Бабушка. – Смотрите, вы совсем напугали ребят!

И действительно.

Дети еще больше встревожились. Они косятся на окно.

Там на улице разыгралась метель.

Стекла дребезжат под ударами ветра.

– Подите сюда, дети! – зовет Сказочник. – Смотрите на меня!

Он хватает кочергу, лежащую возле очага, и, установив ее на ладони, идет с нею по комнате.

– Многие уверяют, – говорит Сказочник, жонглируя кочергой, – будто я нескладный, неуклюжий, длинноногий парень. А я – видите, ловок, проворен, точен! Будьте спокойны, друзья мои! Что нам сделают Советник и Снежная королева, пока мы веселы и дружны, пока сердца наши горячи? Да ничего. Ну-ка попробуй – тронь нас, ты, Снежная королева! Ах!

Сказочник, увлекшись, делает резкое движение рукой.

Кочерга летит далеко в сторону.

Разбивает стекло в окне.

Свист, звон, вой.

Северный ветер врывается в комнату через разбитое окно.

Лампа, висящая над столом, гаснет.

Снежинки, светясь, вьются и пляшут в темноте.

– Спокойно, дети! – кричит Сказочник – Это я виноват! Сейчас я зажгу лампу.

Вспыхивает свет.

Все вскрикивают.

Сказочник замирает, стоя на стуле под лампой.

Что это?

Прекрасная, богато одетая, высокая, стройная женщина стоит посреди комнаты.

Она в белом с головы до ног. Огромный бриллиант сверкает у нее на груди.

Холодно улыбаясь, глядит она на Бабушку, Герду и Кей.

Сказочник прыгает со стула. Хочет заговорить, но незнакомка делает едва заметный жест рукой -- предостерегающий, повелительный.

И Сказочник умолкает, отшатнувшись.

– Это вы? – спрашивает Герда.

– Кто вы? – спрашивает Кей.

Женщина не отвечает ни слова. Она, очевидно, наслаждается замешательством.

Молча проходит она к бабушкиному креслу, которое стоит возле самого разбитого окна.

Спокойно и величественно опускается она в кресло. Ветер и снег, врывающиеся в комнату, как видно, ничуть не беспокоят ее.

– Сейчас я заложу окно подушкой, – говорит Бабушка.

Женщина не отвечает. Она не сводит глаз с цветущего розового куста.

Суровое, гневное выражение появляется на ее лице.

Она по очереди оглядывает всех находящихся в комнате. Взгляд ее задерживается на Кее.

И снова она холодно улыбается.

Заложив окно подушкой, Бабушка храбро подходит к незнакомке.

– Чем я могу служить вам, сударыня? – спрашивает она.

– Я пришла сюда за этим мальчиком, – отчетливо, звонко, холодно отвечает женщина, указывая на Кея.

Герда вскрикивает.

– Я не понимаю вас, сударыня, – говорит Бабушка растерянно.

– Я одинока и богата, – продолжает незнакомка. – А вам, при вашей бедности, конечно, трудно содержать приемыша...

– Я не приемыш, – кричит Кей.

– Он говорит правду, сударыня, – поддерживает его Бабушка. – Ему и года не было, когда умерли его родители. Он вырос у меня на руках. Он такой же родной мне, как моя единственная внучка и как мои покойные дети.

– Эти чувства делают вам честь, – говорит незнакомка небрежно. – Но ведь вы старая и можете умереть.

– Бабушка не может умереть! – вскрикивает Герда.

– Тише ты! – сурово останавливает ее незнакомка. – Соглашайтесь же, хозяйка. Я навсегда обеспечу этого мальчика. То, что я предлагаю, выгодно нам всем.

Кей с трудом удерживает слезы, бросается к Бабушке и обнимает ее.

– Бабушка, бабушка, не отдавай меня, дорогая! – умоляет он. – Я не люблю ее, а тебя я так люблю! Розы ты и то пожалела, а я ведь целый мальчик! Я умру, если она возьмет меня к себе!

– Бабушка, ну вот, честное слово, не отдавай его! – плачет Герда.

– Что вы, дети! Я никому и ни за что не отдам Кея, – успокаивает Бабушка ребят.

– Вы слышите! – кричит Кей незнакомке.

Не отвечая, незнакомка хлопает трижды в ладоши.

Двери распахиваются.

В комнату входят мальчики в коротеньких белых меховых плащах, в шелковых белых чулках, в атласных белых туфельках.

Они очень бледны.

Движения их плавны и мягки.

Двое из них несут роскошный наряд, украшенный драгоценными камнями. Наряд этот так и сверкает.

Четверо других несут большой белый ящик.

– Если ты пойдешь ко мне – все эти слуги и еще сотни других будут повиноваться каждому твоему слову, – говорит незнакомка. – Этот наряд и еще сотни других я подарю тебе. В этом ящике сотая доля игрушек, которые будут твоими собственными.

Незнакомка делает знак рукой.

Пажи откидывают боковую стенку ящика.

Рождается негромкая, но звонкая музыка. Кажется, что невидимые музыканты играют в белом ящике на стеклянных инструментах.

И пажи достают из ящика и кладут на пол удивительные игрушки.

Тут и сабли, и панцири, и каски. Они сверкают так, будто сделаны из серебра.

А вот удивительные заводные солдатки.

Они маршируют по полу, как живые, обходят ножки стола, сохраняя равнение, поворачивают и снова шагают без усталости.

И солдатики также сверкают так, будто они не оловянные, а серебряные.

Незнакомка подходит к окну и выдергивает прочь подушку, которой Бабушка заткнула разбитое стекло. Ветер затих, как по волшебству. Снег перестал идти. Луна сияет в небе. Женщина знаком подзывает Кея. Кей нехотя повинуется.

– Взгляни, – говорит незнакомка, указывая вниз на улицу.

И Кей видит: у ворот дома стоит просторная белая карета, запряженная четверкой белых коней.

А возле дверцы кареты лакей в белой ливрее с трудом удерживает под уздцы пятого коня. Этот конь оседлан. Он прыгает на месте в нетерпении. Здесь, наверху, явственно слышно, как стучат его копыта и как звенят пустые стремена.

– Этот конь будет твоим, Кей, – говорит женщина. – Слышишь?

Кей молчит.

– Смотри, Бабушка, – шепчет Герда.

Сверкающие солдатики, маршируя, приблизились к очагу и вдруг остановились разом. Все они: и командиры, и рядовые – вдруг покрылись мелкими водяными капельками.

Вот они пошатнулись все разом и, не нарушая строя, повалились ничком на пол.

Незнакомка замечает это.

Она, чуть наклонившись, дует на солдатиков.

И солдатики, окрепнув внезапно, вскакивают все как один.

Пятясь, отступают они в полном боевом порядке от пылающего очага.

– Ну, Кей, – спрашивает незнакомка, снова усаживаясь в кресло. – Отвечай – пойдешь ты со мной?

– Никуда я не пойду! – отвечает мальчик угрюмо.

– Не упрямься, Кей, – говорит незнакомка ласково. – Подумай!

– Не уйду я отсюда, – отвечает Кей твердо.

– В последний раз спрашиваю тебя, Кей, – настаивает женщина. – Подумай, прежде чем ответишь, мальчик. Останешься ли ты в этой жалкой конурке или уедешь со мной в мой дворец?

– Я останусь тут, – отвечает мальчик быстро. – Вот вам!

– Молодец! – начинает Сказочник, но незнакомка вновь делает едва заметный повелительный жест, и он умолкает и отшатывается.

– Будь по-твоему, Кей, – говорит незнакомка и встает с кресла. – Но ты хоть поцелуй меня на прощанье.

Сказочник снова делает движение, собираясь заговорить, но незнакомка опять укрощает его.

Кей стоит неподвижно, упрямо опустив голову.

– Ну же, Кей! – настаивает женщина. – Ты боишься? Вот не думала, что ты трус.

– Я не трус, – отвечает мальчик и храбро направляется к незнакомке.

Поднимается на цыпочки.

Протягивает ей губы.

Говорит холодно:

– Всего хорошего.

И незнакомка целует его.

Сейчас же за разбитым окном появляется целый рой снежинок. Становится слышно, как отчаянно ревет и свистит ветер.

– До свидания, господа, – говорит незнакомка холодно. – Эй вы, в путь!

Пажи укладывают игрушки в ящик.

Они очень спешат.

Один из пажей роняет нечаянно солдатика.

Упав на пол, солдатик разбивается вдребезги со стеклянным звоном.

И тут происходит нечто страшное.

Незнакомка спокойно и холодно хватается пажу за шиворот. Легко, как котенка, поднимает она его высоко вверх и швыряет в пылающий очаг.

Легкая вспышка пламени – и паж исчезает бесследно. Только белое облачко пара поднимается над угольями и рассеивается в воздухе.

Герда и Бабушка вскрикивают горестно.

А пажи работают молча и сосредоточенно, как будто гибель товарища ничуть не обеспокоила и не огорчила их.

Игрушки уложены.

Незнакомка удаляется величественно.

Пажи следуют за ней, унося роскошный наряд и ящик с удивительными игрушками.

И тут Сказочник приходит в себя, наконец.

– Какой ужас! – восклицает он, бросаясь к Бабушке. – Ведь это была она, она, Снежная королева!

– Почему же вы не сказали? – спрашивает Герда.

– Не мог! – признается Сказочник растерянно. – Она протянула руку, и холод пронизывал меня с головы до ног, и язык отнимался, и...

Резкий, невеселый хохот прерывает его.

Это хохочет Кей.

Никогда он не смеялся так странно.

– Что ты, Кей? – спрашивает Герда испуганно.

– Смотрите, как смешно, – отвечает Кей отчетливо, звонко и холодно. – Наши розы вянут. А какие они стали безобразные, гадкие, фу!

И все видят:

Розы на чудесном розовом кусте с легким шелестом осыпаются, темнея. Несколько мгновений – и вот ни одного цветка нет больше в живых.

– Розы погибли, ах, какое несчастье! – восклицает Бабушка и бежит к кусту.

– Смотрите, какая потеха! – отчеканивает Кей. – Как смешно Бабушка переваливается на ходу. Это прямо утка, а не Бабушка. Перестань тарачить на меня глаза, Герда. Если ты заревешь, я дерну тебя за косу!

– Кей, я не узнаю тебя! – говорит Бабушка печально.

– Скажите пожалуйста! – отвечает Кей резко и холодно. – Я из-за них остался в этой конуре, не поехал во дворец, такие чудесные игрушки, а они ворчат еще!

Бабушка молчит, растерянно опустив руки.

Герда начинает всхлипывать.

– Спать, спать! – бросается к ней Сказочник. – Уже поздно, живо спать!

– Я прежде хочу узнать, что с ним случилось, – плачет Герда.

– А я пойду спать, – отчеканивает Кей. – У-у! Какая некрасивая, когда плачешь.

– Спать, спать!

Сказочник выпроваживает детей в спальню и подбегает к Бабушке.

– Вы знаете, что с Кеем? – шепчет он. – Его поцеловала Снежная королева. А у человека, которого она поцелует, сердце застывает и превращается в кусок льда. Теперь у нашего Кея ледяное сердце!

– Ничего, ничего, – говорит Бабушка. – Мы отогреем его! Ведь мы так любим Кея. Я уверена, завтра же к вечеру он станет таким же добрым и веселым, как всегда.

Они разговаривают и не видят, что за разбитым окном во тьме смутно белеет лицо Снежной королевы.

Она слышит последние слова Бабушки.

Отвечает на них негромко:

– Посмотрим!

ТИТР: На другой день утром.

Солнце только что встало.

Просторная городская площадь.

Посреди площади стоит большое снежное Чучело.

Рано. На площади нет ни одного человека.

Появляется Кей.

Волочит за собой на ремешке санки.

Подходит к чучелу, оглядывает его вяло, без малейшего интереса и усаживается в санки.

Молчит.

Лицо его сердито и брюзгливо.

Так проходит несколько мгновений.

И вдруг происходит чудо.

Кей неподвижен по-прежнему, но зато оживает Чучело.

Глаза Чучела, сделанные из угольков, приходят в движение.

Воровато взглянув направо, налево, Чучело шепчет:

– Что так рано сегодня, Кей?

– Они спят еще все, – отвечает Кей звонко, отчетливо, холодно. – Я потихоньку оделся и убежал сюда. Мне скучно в нашей конуре.

Чучело снова оглядывается осторожно.

Шепчет:

– Покатать тебя, мальчик?

– Покатай, Чучело, – соглашается Кей равнодушно.

Неуклюжее, рыхлое, огромное тело снежного Чучела приходит в движение. Шевельнулись плечи. Едва намеченные, бесформенные ручищи с трудом отделились от туловища.

Чучело медленно и осторожно направляется к санкам, чтобы взяться за ремешок.

Но тут случается беда.

Голова Чучела, плохо укрепленная, валится с плеч.

Это не обескураживает чудовище.

Чучело нащупывает голову своими неуклюжими ручищами и осторожно ставит ее на место.

Старательно поправляет сделанный из моркови нос. Он при падении свернулся на сторону.

Все приведено в порядок.

И Чучело снова нагибается, придерживая голову одной рукой.

На этот раз Чучелу удастся благополучно зажать в кулак ремешок, привязанный к санкам.

И чудовище пускается в путь.

Кей, неподвижный, равнодушный, сидит в санках, а Чучело бегаёт кругами по площади все быстрее и быстрее.

Не спеша входит на площадь Снежная королева.

Следом за нею шагает Коммерции Советник.

– Домой! – кричит Королева звонко.

И Чучело, словно подстегнутое этим криком, бросается вперед.

Оно несется вдоль по улице, как вихрь, и мчит за собою санки с неподвижным, застывшим мальчиком.

Исчезает вдали в вихре снега.

– Следите за Гердой, – отчетливо и холодно приказывает Королева Советнику. – Эта упрямая девчонка пойдет за Кеем на край света. Задержите ее.

– Слушаю-с, ваше величество, – отвечает Советник почтительно.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Снова показываются остроконечные черепичные крыши домов.

– Южный ветер, – поет флюгер-петух.

– Южный ветер, – визжит единорог.

– Южный, южный, южный ветер, – кричат все три головы дракона, дрожа на тонком шпиле.

Мягко сияет весеннее солнышко. Оно только что встало. Его первые лучи упали на трубы в железных колпаках.

Домовой идет мимо флюгера-петуха.

– Доброе утро, господин Домовой! – поет тот. – Южный ветер.

– Здравствуй, петушок-дружище, – отвечает Домовой глубоким басом. – Вот и весна пришла, а я все грущу.

– Почему-у? – поет петух.

– Соседку мою жалко, – басит Домовой. – Бабушку жалко. Вот уже четыре месяца, как пропал Кей. А теперь Герда собирается идти искать его. Ох, быть беде, быть беде. И куда же это их носит! Сидели бы дома, как мы, домовые, и все было бы ладно!

Как со снежной горы, съезжает Домовой с гребня крыши вниз к желобу, к окнам чердачных жильцов.

Бежит рысдой вдоль окон.

Останавливается у последнего из них.

Прыгает, как кошка, на карниз.

Заглядывает осторожно в окно.

Герда, положив на подоконник листок бумаги, пишет старательно, выводит большие буквы гусиным пером.

– Весна пришла, дорогая Бабушка, – пишет Герда, – а сердце Кея не ожило, он не вернулся к нам. Я пойду его искать. Прости меня. Твоя Герда.

Домовой соскакивает в карниза.
Ходит взад и вперед по желобу.
Охает глубоким басом.
– Что случилось? – поет петух.
– Она уходит, петушок-дружище, – басит Домовой. – Что-то будет, что-то будет!

Он взглядывает вниз.

Видит: Герда идет по пустынной улице одна-одинешенька.

Домовой машет ей колпачком.

Петух кивает ей вслед.

А девочка идет, не оглядываясь.

Скрывается за углом.

Лес.

Маленькие весенние цветочки.

Герда идет по тропинке.

Рска.

Плывет большая барка с большим неуклюжим парусом.

Герда сидит на корме, за грудой канатов.

Высокие скалистые горы.

Узенькая тропинка вьется среди скал.

Герда идет по тропинке, не отдыхая, не останавливаясь.

И всюду: в лесу, на реке, в горах – она поет свою песенку.

Жили-были Кей да я,
С нами Бабушка моя,
Мы друг друга уважали,
Никого не обижали.
Вдруг в разбитое стекло
Снег и горы принесло.
Что такое, в самом деле?
Мы за что осиротели?
Почему пропал наш Кей,
Самый лучший из детей?
Я на все добьюсь ответа,
Доберусь до края света
И найду тебя, родной,
Приведу тебя домой!

Огромный дворец с башнями, башенками, балконами, высокими и узкими окнами.

Тяжелая, украшенная резьбой и металлическими украшениями парадная дверь.

На двери белая эмалевая дощечка:

КОРОЛЬ ЭРИК ХХІХ
ПРИЕМ ОТ 3 ДО 5
ЗВОНИТЬ ДВА РАЗА.

Появляется Герда.

Перед огромной парадной дверью дворца она кажется крошечной.

Большой сытый ворон, сидя на карнизе, с глубоким вниманием разглядывает девочку.

Герда читает табличку.

Находит кнопку звонка.

Звонит дважды.

Ответа нет.

Девочка, подождав немного, звонит снова.

Ждет.

Ворон раскрывает клюв.

Говорит глухо, слегка картавя:

– Простите, барышня, вы не швырнете в меня камнем?

Герда поражена тем, что с нею заговорила птица, но, как хорошо воспитанная девочка, она не показывает этого.

– О, что вы, сударь, конечно, нет! – отвечает она очень вежливо.

Ворон приходит в восхищение от того, что его назвали сударем.

– Ха-ха-ха, – кричит он. – Это приятно слышать. А палкой вы не швырнете в меня?

– Что вы, сударь...

– Ха-ха-ха! А кирпичом?

– Никогда, сударь.

– Позвольте почтительнейше поблагодарить за вашу удивительнейшую учтивость! Красиво я говорю?

– Очень, сударь, – хвалит Герда искренно.

– Ха-ха-ха! – ликует ворон. – Это оттого, что я вырос в парке королевского дворца. Я почти придворный ворон. А невеста моя – настоящая придворная ворона, она питается обедками королевской кухни. Вы не здешняя, конечно?

– Нет, я пришла издалека, – отвечает девочка, вздыхая.

– Я так и думал, – говорит ворон. – Иначе бы вы знали, что во дворце сегодня нет приема. Дочь короля, принцесса, вышла нынче утром замуж. Целый месяц теперь, кроме поваров и музыкантов, никто не будет работать во дворце. Кра, кра, праздник, праздник! Но, прошу прощения, вы чем-то огорчены? Расскажите, расскажите, я добрый ворон, а вдруг я помогу вам!

– Видите ли, сударь, я ищу одного мальчишка, который пропал этой зимой, – объясняет Герда. – Он взял свои санки, ушел и больше не возвращался. Имя этого мальчишка...

– Кей! – кричит ворон. – Кей! Кей!

Это открытие приводит его в необычайный восторг. Он, как безумный, носится вокруг девочки, крича:

– Кей! Кей! Кей!

– Но откуда вы знаете, что его так зовут? – спрашивает Герда, пораженная.

– А вас зовут Герда, – кричит ворон.

– Но откуда вы знаете все это?

– Наша родственница – сорока, ужасная сплетница, – поясняет ворон. – Она знает все, что делается на свете, и все новости приносит нам на хвосте. Так мы узнали и вашу историю. Вы думаете, что Кей у нас во дворце?

– Я ищу его всюду, сударь, – отвечает Герда.

– Стойте! – говорит ворон. – Дайте мне подумать!

Герда ждет терпеливо, а ворон думает.

Этот процесс выражается у него очень бурно. Ворон то взлетает в небо, то камнем устремляется вниз, то принимается каркать во все горло, то безмолвно замирает, уткнувшись носом в землю.

– Очень может быть, – говорит он наконец.

– Что может быть, сударь? – спрашивает Герда.

– Очень может быть, что Кей у нас во дворце. Вы не трусиха?

– Я боюсь лягушек, а больше ничего на свете, – отвечает Герда.

– В таком случае возьмите меня за лапки и держите крепко-крепко, – приказывает ворон.

Герда так и делает.

Ворон взмахивает крыльями и взлетает вместе с Гердой в воздух.

Они летят вокруг дворца, над высокою решеткою дворцового парка, над огромными, аккуратно подстриженными деревьями и наконец опускаются на одной из полянок в парке.

Здесь стоит маленький позолоченный изящный домик.

– Многоуважаемая Герда, – говорит ворон, – сейчас я познакомлю вас с моею невестой, придворною вороною. Это ее резиденция. Она будет в восторге. Клара, Клара!

– Карл, Карл! – отвечает голос из домика.

Дверцы открываются, и оттуда выходит ворона, как две капли воды похожая на своего жениха.

– Здравствуй, Карл! – говорит она и церемонно кланяется.

– Здравствуй, Клара! – отвечает ворон, кланяясь точно так же.

– Здравствуй, Карл!

– Здравствуй, Клара!

– Здравствуй, Карл!

– Здравствуй, Клара!

– У меня крайне интересные новости, – говорит ворон, поклонившись в последний раз. – Ты сейчас раскроешь клюв от удивления, Клара. Эту девочку зовут Герда!

– Герда! – кричит Клара и широко открывает клюв.

– Клара, – продолжает ворон, – это еще не все. Мне кажется, что жених принцессы Эльзы – это и есть Кей.

– Что вы! – возражает Герда. – Ведь Кей – простой мальчик, а не принц.

– Но ведь жених принцессы еще вчера тоже был простым мальчиком, – говорит Клара. – Принцесса выбрала его только за то, что он очень храбро разговаривал с ней!

– А как зовут вашего принца? – спрашивает Герда.

– Его зовут – ваше высочество, – отвечает Клара.

– У него с собой санки? – спрашивает Герда.

– Да, он что-то нес в котомке за спиною, – отвечает Клара.

– Идемте во дворец, я поговорю с принцем. Если это Кей, я попрошу его написать Бабушке записку, что он жив и здоров, и уйду к себе.

Вороны переглядываются.

– Ах! – говорит Клара. – Я боюсь, что вас не пустят туда! Ведь это все-таки королевский дворец, а вы простая девочка. Как быть? Я не очень люблю детей. Они вечно дразнят меня. Они кричат: «Карл у Клары украл кораллы». Но вы не такая. Вы сразу покорили мое сердце. Что же делать?

Некоторое время вороны оживленно разговаривают на своем языке.

Затем Клара спрашивает:

– Вы храбрая девочка, Герда?

– Я боюсь лягушек, а больше ничего на свете, – отвечает Герда.

– В таком случае мы сейчас спрячем вас на чердаке, а ночью проберемся во дворец. Возьмите нас за лапки и держитесь крепко-крепко.

Герда так и делает.

По небу летят ворон и ворона.

Герда летит с ними.

– Урра, урра, урра, – кричит Клара. – Верность, храбрость, дружба...

– Разрушают все преграды, – подхватывает Карл. – Урра, урра, урра!

Парадная дверь королевского дворца.

Подъезжает черная карета, в которую запряжены белые кони.

Из кареты выходит Советник.

Двери дворца распахиваются перед ним.

Советник входит во дворец.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Огромный тронный зал дворца.

Ночь.

Зал освещен луной.

При лунном свете ясно видна черта, проведенная по полу, по задней стене и по потолку зала.

Эта черта делит зал аккуратно пополам.

Бесшумно открывается одна из дверей.

Появляется Клара, держа в клюве фонарь.

Она зовет негромко:

– Карл, Карл!

Входят ворон и Герда.

– Держитесь правой стороны, – предупреждает Клара. – Не переступайте черту.

– Скажите, пожалуйста, а зачем проведена эта черта? – спрашивает Герда.

– Король подарил принцу полцарства, – отвечает Клара, – и все апартаменты дворца государь тоже аккуратно поделит пополам. Правая сторона – принца и принцессы, а левая – королевская. Нам благоразумнее держаться правой стороны. Вперед!

Едва успевают они сделать несколько шагов, как раздается негромкая музыка. В полуосвещенном зале появляются легкие, прозрачные фигуры. Они приближаются, светясь. Это роскошно одетые дамы в кринолинах. Они церемонно приседают, кланяются, кружатся под музыку.

– Что это? – спрашивает Герда испуганно.

– Это просто сны придворных дам, – отвечает ворона. – Придворным дамам снится, что они на балу.

Вдруг музыку заглушает лай собак, топот коней, глухие крики «Ату его, ату-ту! Улю-лю! Держи! Режь! Бей!..»

Фигуры танцующих дам тают и расплываются.

В зале появляется полупрозрачный светящийся дикий кабан. Его преследуют призрачные всадники на призрачных конях.

– А это кто? – спрашивает Герда.

– А это сны придворных кавалеров, – отвечает Клара. – Кавалерам снится, что они на охоте.

Раздается легкая, веселая, радостная музыка.

Охотники тают и расплываются в воздухе.

Из-под земли подымаются худые изможденные люди.

Они пляшут радостно.

Исчезают. На их место из-под земли поднимаются все новые и новые призраки изможденных людей.

— А это кто? — спрашивает Герда

— А это — сны узников, заточенных в подземелье, — отвечает ворона. — Узникам снится, что их отпустили на свободу.

Вдруг раздается звон бубенцов и громкий топот.

Сны узников исчезают разом.

— А это что такое? — спрашивает Герда.

— Я не понимаю, — отвечает ворона растерянно.

Звон бубенцов и топот приближаются.

— Давайте спрячемся, — говорит Клара испуганно.

Герда и птицы прячутся за высоким двойным тронем, стоящим на половине принца и принцессы.

Едва они успевают скрыться, как двери на половине принца и принцессы широко распахиваются.

В зал галопом врываются две шеренги рослых лаксеев. В руках у лаксеев канделябры с зажженными свечами.

В зале становится светло как днем.

Между шеренгами лаксеев бегут принц и принцесса.

Они играют в лошадки.

Принц изображает лошадь.

Он прыгает, роет ногами пол, лихо бегает по своей половине зала.

На груди его звенят бубенцы игрушечной сбруи.

Лакеи, сохраняя на лицах важное, строгое, невозмутимое выражение, несутся следом за детьми.

— Ну, довольно, — говорит принц, останавливаясь внезапно. — Надоело в лошадки. Давай играть в прятки.

— Давай, — радостно соглашается принцесса. — Считай до ста.

Принц старательно считает до ста.

Принцесса, сопровождаемая лакеями, ищет, где бы ей спрятаться.

Она заглядывает за трон.

Взвизгивает.

Обе шеренги лакеев взвизгивают тоже.

Отскакивает в ужасе.

Обе шеренги лакеев тоже отскакивают.

Принц бросается на помощь принцессе.

Навстречу ему из-за трона выходит плачущая Герда, сопровождаемая низко кланяющимися воронами.

Принц и принцесса глядят на них с глубоким удивлением.

– Как ты попала сюда, девочка? – спрашивает принц. – Мордочка у тебя довольно славная. Почему ты пряталась от нас?

Герда с трудом удерживает слезы.

– Ах, принц, – говорит она. – Я давно бы вышла к вам. Но, увидев вас, я заплакала. А я очень не люблю плакать при всех... Я вовсе не плакса, поверьте мне.

Сказав это, Герда снова раздражается слезами.

– Что вы тут стоите? – говорит принц лакеям. – Слыхали, кажется, девочка не любит плакать при всех. Поставьте подсвечники и уходите.

Лакеи ставят канделябры у стены и удаляются с поклонами.

– Почему ты заплакала, увидев меня, отвечай, девочка, – спрашивает принц ласково. – Отвечай же! Я ведь такой же простой мальчик, как и ты. Я был пастухом. А в принцы попал только потому, что не испугался, как все другие женихи, войдя во дворец. Ну же! Не бойся.

– Я не боюсь, – говорит Герда, всхлипывая. – Я плачу потому, что вы вовсе не Кей.

– Конечно, нет, – отвечает принц. – Меня зовут Клаус. Но почему это так огорчает тебя?

– Ах! Я угадала почему! – вскрикивает принцесса. – Помнишь, Клаус, я рассказывала тебе историю Герды и Кея, которую слышала от вороны. Тебя зовут Герда, да, девочка?

Герда молча кивает головой.

Это открытие поражает принца.

Он хватается принцессе за руку и отводит ее в сторону.

– Эльза, – говорит он решительно. – Мы должны сделать что-нибудь для Герды. Думай!

Принцесса думает старательно.

Воскликает, просяив:

– Придумала! Давай пожалуем ей голубую ленту через плечо и подвязку с мечами, бантиками и колокольчиками.

– Глупости, – отвечает принц. – Герда, ты в какую сторону сейчас пойдешь?

– На север, – отвечает Герда. – Я боюсь, что Кея унесла она. Снежная королева.

– Хорошо, – говорит принц. – Я знаю, что надо делать. – Ворона, летите в конюшню и прикажите от моего имени заложить в карету четверку вороных коней.

Вороны кланяются и улетают.

– Герда, садись в кресло и жди нас. Мы сейчас пойдем в гардеробную и принесем тебе оттуда муфту, перчатки, шапку, меховые сапожки и шубу, – продолжает принц.

– Пожалуйста, Герда, – говорит принцесса ласково. – Мне не жалко. У меня четыреста восемьдесят девять шуб.

– Жди нас! Отдыхай! Не бойся. Ты только не переходи на королевскую половину, а на нашей тебя никто не посмеет тронуть. Эльза, за мной!

Принц хватает один из канделябров и убегает, сопровождаемый принцессой.

– Спасибо, Клаус! Спасибо, Эльза! – кричит Герда им вслед.

Принц и принцесса исчезли.

Герда остается одна в огромном тронном зале.

Она сидит в большом кресле, сжавшись в комочек.

Чувствуется, ей здесь неуютно и жутко.

Вдруг дверь на королевской половине зала открывается.

Герда вскакивает испуганно.

Появляется невысокий полный пожилой человек в пенсне.

На голове его корона.

На плечах – горностаевая мантия.

На ногах – ночные туфли. Они так и шлепают на ходу.

Важно и медленно этот человек шагает к трону. Усаживается.

Принимает величественную позу.

Говорит:

– Девочка, перед тобою король Эрик двадцать девятый.
Сделай реверанс.

Герда приседает послушно.

– Так, – говорит король. – А теперь поди сюда, мне надо с тобой поговорить.

Герда идет и вдруг у самой черты, отделяющей королевскую половину, останавливается как вкопанная.

Это приводит короля в крайнее изумление.

– Что это? – спрашивает он. – Что это такое? Ты меня, понимаешь, меня, заставляешь ждать? Иди же.

– Простите, но только дальше я не пойду, – отвечает Герда решительно.

– Как это так? – недоумевает король. – А если я приказываю?

– Все равно! – отвечает Герда. – Друзья мои не советовали мне покидать половину принцессы.

Король, разгневанный, вскакивает с трона.

Бежит к черте.

– Иди сюда, говорят тебе! – кричит он.

– Не пойду, – отвечает Герда.

– А я тебе говорю, что пойдешь!

– А я говорю, что нет.

– Сюда! Слышишь, ты, цыцленок!

– Я вас очень прошу не кричать на меня, ваше величество, – говорит Герда сурово. – Я столько за это время перевидала, что вовсе не пугаюсь, только сама тоже начинаю сердиться.

Король задумывается на миг.

Затем улыбается.

– Какая храбрая девочка! – говорит он с восхищением. – Я люблю храбрецов. Дай руку, не бойся!

И он протягивает Герде руку через черту.

Герда доверчиво подает ему свою.

И тут происходит нечто неожиданное.

Король одним движением перетягивает Герду на свою половину зала.

Кричит:

– Эй, стража!

На зов его, сталкиваясь в дверях, толпою летят солдаты с обнаженными шпагами.

Но, прежде чем они успевают добежать до короля, Герда кусает его за руку.

Король вскрикивает и выпускает девочку.

Солдаты замирают в ужасе.

Герда на половине принцессы.

– Это мошенничество! Это нечестно! – кричит она королю.

– Уши заткнуть! – приказывает король.

Солдаты выполняют приказание.

Король машет рукой.

Солдаты уходят.

– Ты что же это делаешь? – кричит король Герде. – Ты ругаешь меня, понимаешь, меня, при моих подчиненных! Ведь перед тобою сам я! Ты всмотришься, это я, король!

Герда отвечает тихо и рассудительно:

– Ваше величество, скажите, пожалуйста, что вы ко мне привязались? Я веду себя тихо, никого не трогаю. Что вам от меня надо?

Король не находит ответа на этот простой вопрос.

Угрюмо шагает он взад и вперед по своей половине тронного зала.

Ночные туфли его так и шлепают.

Вдруг он останавливается.

– Ты права! – говорит он кротко. – Ты наша гостья, а с гостями следует быть терпеливыми. Прости меня.

– Пожалуйста, ваше величество, – отвечает Герда вежливо.

Король подходит к высокому узкому дубовому шкафу, стоящему у стены.

Отпирает его.

Достает оттуда лыжи – небольшие, изящные, отделанные серебром.

– Ты ищешь мальчика по имени Кей? – спрашивает король.

– Да, ваше величество, – отвечает Герда.

– Эти волшебные лыжи-самоходы помогут тебе в твоих поисках, – говорит король. – Смотри!

Он сбрасывает ночные туфли.

Надевает лыжи.

Приказывает:

– Вперед!

И лыжи сами собой, без малейшего усилия со стороны ездока, мчат его по паркетному полу тронного зала.

– Видишь! – приговаривает король. – Вот оно как! Хороша штука? Гоп!

Лыжи прыгают.

– Выше!

Лыжи несут короля над полом.

– Еще выше!

Лыжи поднимают короля под самый потолок.

– Вниз!

Король плавно снижается, снимает лыжи, натягивает свои ночные туфли и прислоняет лыжи к стене.

– Бери их себе, Герда, – говорит он мягко. – Помни, что и у короля есть сердце, девочка.

Герда не двигается с места.

Король добродушно хохочет.

– Ты не веришь мне? Какая потешная девочка! Смотри, я ухожу. Видишь? Спокойной ночи, дорогая.

– Спокойной ночи, ваше величество.

Улыбаясь, король удаляется.

Плотно закрывает за собой дверь.

Герда не знает, что ей делать.

Она подбегает к двери, за которой скрывался король.

Прислушивается, перегнувшись через пограничную черту.

Шлепанье королевских ночных туфель замирает вдали.

И девочка решается.

Не сводя глаз с двери, за которой скрылся король, Герда переходит за черту.

Крадется на цыпочках к лыжам.

Хватает их крепко.

И вскрикивает от ужаса.

С грохотом распахивается железная потайная дверь в стене возле самого того места, где стоят волшебные лыжи.

Король легко, как мячик, прыгает оттуда.

За ним целый отряд стражи.

Потайная дверь захлопывается.

Солдаты бегут к черте и выстраиваются вдоль нее, отрезают Герде путь на половину принцессы.

– Что? – вопит, ликуя, король. – Чья взяла? Ты забыла, что в каждом дворце есть потайные двери! Взять ее!

Начальник стражи в панцире, латах и шлеме неуклюже двигается к Герде.

Но храбрая девочка не растерялась.

Она быстро надевает волшебные лыжи.

Кричит:

– Вперед!

Лыжи мчат ее прочь от начальника стражи.

– Ловите ее! Держите! – ревет король.

Солдаты цепью двигаются к девочке.

Герда приказывает лыжам:

– Гоп!

Лыжи взвиваются в воздух.

– Вниз.

И лыжи мягко снижаются на половине принцессы.

– Стыдно, стыдно, ваше величество! – кричит Герда оттуда.

– Уши заткнуть и вон отсюда! – приказывает король.

Стража удаляется, заткнув уши.

– Стыдно, стыдно, стыдно, король! – кричит Герда.

– Не говорите глупостей, – возражает король сердито. – Король имеет право быть коварным! Отдавай мои лыжи, дерзкая девчонка!

– Пожалуйста! – отвечает девочка. – От такого обманщика мне ничего не надо.

Снимает лыжи.

Приказывает:

– Ступайте к своему хозяину.

Лыжи покорно бегут к королю.

Он ловит их и запирает в шкаф.

Пауза.

– Ну, ладно, – говорит король наконец. – Я вижу, что силой с тобой ничего не поделаешь... Войди в мое положение...

Пожалуйста, сдайся. Мне очень нужно заточить тебя в подземелье.

– Зачем? – удивляется Герда.

– Коммерции Советник требует этого, – отвечает король, вздыхая.

– Он здесь? – вскрикивает в ужасе девочка.

– Да. Он, оказывается, все время следил за тобой. Ну! Соглашайся же! Я должен этому Советнику массу денег! Горы! Я у него в руках. Если я не схвачу тебя – он меня разорит! Он прекратит поставку льда, и мы останемся без мороженого. Он прекратит поставку холодного оружия, и соседи мои разобьют меня! Понимаешь? Очень прошу тебя, пойдем в темницу. Я сам выберу тебе местечко посуше. Ладно?

– Нет! – отвечает Герда твердо.

Оба вздрагивают.

Потайная дверь вновь распаивается с шумом.

Коммерции Советник появляется оттуда.

Подходит к королю.

Говорит ему презрительно:

– Король должен быть: А – холоден, как снег; В – тверд, как лед, и С – быстр, как северный ветер. Почему девочка не схвачена еще?

– Она на половине принцессы, – оправдывается король угрюмо.

– Вздор! – обрывает его Советник.

С ледяным спокойствием направляется он к пограничной черте, без малейшего колебания переходит ее. Бросается к Герде, замершей от ужаса. Хватает девочку на руки.

– Все! – говорит он самодовольно.

– Нет, это еще не все, Советник! – раздается веселый голос.

Распахивается потайная дверь на половине принцессы.

Оттуда выскакивает Сказочник, спокойный, улыбающийся.

В правой руке у него пистолет, в левой – шпага.

– Отпустите девочку! – приказывает он Советнику, прицеливаясь в него из пистолета.

Тот повинуется.

– Как вы попали сюда? – спрашивает он угрюмо.

– Я переодевался до неузнаваемости и следил за каждым вашим шагом, Советник. А когда вы уехали из города, я отправился за вами следом.

– Зовите стражу, государь! – кричит Советник.

– Ни с места, король, – приказывает Сказочник и прицеливается в короля.

Король приседает от страха, закрывшись обеими руками.

– Зовите стражу, – настаивает Советник. – Пистолет не выстрелит. Этот нескладный человек забыл насыпать на полку пороху.

– Ни с места, король! – кричит Сказочник. – А вдруг пистолет все-таки выстрелит!

– Король! Пистолет не заряжен. Слышите! – шипит Советник.

– А... а он говорит, что заряжен, – отвечает король, дрожа.

– Ну, ладно, я сам справлюсь с этим нескладным человеком, – говорит угрожающе Советник.

Он выхватывает шпагу и бросается на Сказочника.

Тот очень ловко отбивается шпагой, которую держит в левой руке.

Сражаясь, он продолжает держать короля под прицелом.

– Кривле! Крабле! Бумс! – приговаривает Сказочник при каждом ударе.

Обе стороны бьются яростно.

От шпаг летят искры.

Король воровато, тихонечко пробирается к пограничной черте.

Сражающиеся бегают по всему залу.

Вот пробегают они мимо самой черты.

И король с неожиданной легкостью подкрадывается и дает Сказочнику подножку.

Сказочник падает.

Советник приставляет шпагу к его горлу.

– Иди немедленно на половину короля, – приказывает Советник Герде, – иначе я убью этого мальчишку.

Герда тихо, опустив голову, двигается к черте.

Но тут дверь распахивается и в зал вбегают принц и принцесса.

Они несут шубу, шапку и меховые сапожки для Герды.

– Клаус! Эльза! – кричит Герда – Они хотят убить лучшего моего друга!

Наклонив голову, как бычок, бросается принц прямо на Советника.

Тот невольно отступает.

Сказочник вскакивает.

– Король подставил ему ножку, – жалуется Герда принцу и принцессе.

Принцесса вспыхивает.

– Ах, вот как! – кричит она. – Ну, сейчас, государь, вы свету не взвидите! Сейчас, сейчас я начну капризничать...

– Я больше не буду, – бормочет король испуганно.

В окно влетают вороны.

– Каррета подана, – докладывают они.

– Молодцы, – кричит Клаус. – Жалую вам за это ленту через плечо и эту самую... подвязку со звоночками.

Ворон и ворона низко кланяются.

– Идем!

Клаус берет Герду за одну руку, принцесса – за другую, и они бегут к двери.

Король тихонько скрывается.

– Я догоню тебя, девочка, – кричит Сказочник Герде вслед.

И вот они остаются одни, друг против друга, Сказочник и Советник.

– Ну, Советник, не советую вам больше трогать нас, – говорит Сказочник.

– Я не нуждаюсь в ваших советах, Сочинитель, – отчеканивает тот.

– Вы проиграли, Советник!

– Игра еще не кончена, Сочинитель!

Враги, угрожающе глядя друг на друга, выходят каждый в свою дверь.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Поляна в необычайно густом лесу.

Посреди поляны дуб в три обхвата.

Тихо.

Слышно, как поют птицы.

Кажется, что ни одного человека нет вокруг.

Вдруг издали раздается пронзительный зловещий свист.

В ответ свистят совсем близко.

Трещат сучья.

И на поляне появляется усатый человек необычайно свирепого вида.

Он в широкополой шляпе, в сапогах со шпорами. За кушак заткнуты три пистолета и нож.

Этот человек ведет за руку Коммерции Советника.

Глаза Советника завязаны платком.

Оглядевшись внимательно, человек свирепого вида свистит трижды.

В ответ раздается сухое щелканье.

В стволе огромного дуба, растущего посреди поляны, открывается вдруг круглое окошечко.

В окошечко выглядывает пожилая женщина в очках. Она курит трубку. На голове ее широкополая шляпа, одетая набекрень.

– Сними с него платок и убирайся, – приказывает женщина.

Человек свирепого вида с поклоном выполняет приказание.

– Что вам нужно? – спрашивает женщина Советника.

– Мне нужно видеть атамана разбойников, сударыня.

– Это я, – отвечает женщина.

– Вы?

– Да, я.

Окошечко захлопывается, и тотчас же со скрипом открывается целая дверь.

Обнаруживается, что за дверью, в стволе дуба, скрывается большое дупло.

На стенах дупла висят ножи разнообразнейших размеров и форм.

Столик стоит посреди.

На столике счеты и большая бухгалтерская книга.

Женщина, которая выглядывала в окошечко, сидит за столиком.

Работает.

– Ну? – ворчит она. – Что вы замолчали? Я Атаманша разбойников. С тех пор как умер от простуды мой муж, дело в свои руки взяла я. Чего вы хотите от меня?

Советник подходит поближе к дуплу.

Шепчет:

– Я могу вам указать на великолепную добычу, Атаманша.

– Ну?

– Сейчас по дороге проедет золотая карета, запряженная четверкой вороных лошадей из королевской конюшни.

– Так... Однако карета в самом деле золотая?

– Да. И поэтому едет она тихо. Ведь золото – тяжелая вещь.

– Кто в карете?

– Девчонка.

– Есть охрана?

– Нет.

Атаманша вылезает из дупла.

Позванивая шпорами, подходит к Советнику вплотную.

Спрашивает строго:

– Какую долю добычи вы требуете? Только не запрашивайте – пристрелю.

– Вы отдадите мне девчонку, – отвечает Советник спокойно. – Это нищая девчонка. Вам не дадут за нее выкупа.

– Ладно, – отвечает Атаманша. – Дежурный!

Появляется дежурный разбойник, тот самый, что привел Советника.

– Подзорную трубу! – приказывает Атаманша.

С подзорной трубой в руках она ловко по замаскированной лестнице забирается быстро на верхушку дуба.

Смотрит в трубу.

Видит:

Далеко-далеко среди деревьев белест дорога.

Четверка сытых больших вороных коней, запряженных цугом, с трудом тянут тяжелую золотую карету.

– Он не соврал! – кричит Атаманша. – Карета едет по дороге и вся так и сверкает.

– Золото, – говорит Советник веско.

– Золото! – кричит дежурный разбойник.

– Золото... – заключает Атаманша.

Она сбегает вниз.

Закладывает два пальца в рот.

Свистит оглушительно.

И тотчас же во всех деревьях, окружающих поляну, открываются круглые окошечки. В деревьях потолще открываются даже по три, по четыре окошечка.

Изо всех окошечек выглядывают мрачные, свирепые, зверские физиономии.

– Выходи! – кричит Атаманша.

Скрипят двери. Из логовищ, скрытых внутри деревьев, вылезают вооруженные до зубов разбойники.

Свирепо глядя на Советника, они поют:

Дважды два –
Четыре трупа,
Берегись, прохожий!
Слово скажешь –
Потом ляжешь,
Трупом ляжешь тоже!
Ради золота
Тут заколото
Шестью шесть – тридцать шесть хабрецов.
Ради золота
Тут заколото
Семью семь – сорок девять купцов.

Окончив песню, разбойники все как один выхватывают из ножен сабли, машут ими в воздухе.

Советник взирает на все это без малейшего страха, скорее даже с удовольствием.

– Ну, любезный друг, – говорит Атаманша, – если вы обманули нас, если возле кареты нас встретит засада – вам отсюда не уйти живым.

– Вздор! – отвечает Советник. – Мы люди деловые. Мы прекрасно поладим друг с другом.

– Новичок! – зовет Атаманша.

Из толпы разбойников выходит один, самый свирепый на вид из всех.

У него огромная борода. Один его глаз закрыт черным пластырем.

Голова под шляпой повязана платком, очевидно, он был ранен недавно.

От времени до времени разбойник не то откашливается, не то рычит.

– Ты останешься здесь, – приказывает ему Атаманша.

– Атаманша, возьмите меня с собой! – ревет Бородач. – В бою я зверь!

– Там не будет боя. Охраны нет. Кучер, лакей да девчонка.

– Девчонка! – ревет разбойник. – Возьмите меня, Атаманша. Я ее заколю!

– Зачем? – удивляется Атаманша.

– С детства детей ненавижу, – хрипит Бородач.

– Мало ли что! – отвечает Атаманша. – Ты останешься здесь. Следи за этим человеком и, если он вздумает бежать, убей его. По коням!

Разбойники бросаются в чащу, выводя оттуда взнузданных и оседланных коней.

Дежурный подводит коня Атаманше.

Она одним прыжком вскакивает в седло.

Скачет галопом по тропинке. Разбойники за нею.

Поют:

Мы охотимся ночами,
Мы садимся на коня,
Опоясавшись мечами,
Тихо шпорами звеня.
Золотые, золотые
Полновесные, литые.
Эй, прохожий, смирно стой!
Жизни стоит золотой!
На охоту выезжая,
Мы собаки не берем.

Где добыча дорогая,
Без собаки разберем.
Золотые, золотые,
Полновесные, литые.
Эй, прохожий, смирно стой!
Жизни стоит золотой.

Советник расхаживает взад и вперед по поляне.
Бородач ходит за ним следом, не спуская с него глаз.
Советник в прекрасном настроении.
Он напевает:

– Дважды два – четыре, все идет разумно. Дважды два – четыре, все идет, как должно. Пятью пять – двадцать пять, слава Королеве! Шестью шесть – тридцать шесть, горе дерзким детям!

– Дети, дети... – ворчит Бородач. – Я бы держал всех детей в клетке, пока они не вырастут.

– Очень разумная мысль, – соглашается Советник. – Слушай, разбойник. Если Атаманша не выдаст мне девчонки, я поручу тебе одно дельце.

– За деньги? – спрашивает Бородач.

– Разуметсяя.

– Тогда что хотите – пожалуйста.

Советник кладет руку на плечо Бородача.

– Разбойник, ты мне нравишься!

Бородач отскакивает.

– Какие у вас холодные руки, – шипит он. – Я чувствую это даже через одежду!

– Я ведь всю жизнь возился со льдом. Нормальная температура моя – тридцать три и два, – поясняет Советник. – Здесь нет детей?

– Не знаю. Я в этой шайке недавно. С полчаса всего, – отвечает Бородач. – Однако откуда тут быть детям?

– Конечно, – соглашается Советник. – Детей тут нет. Сказочник следил за мной, но я запутал следы, и он теперь за тридевять земель. Кто за тебя заступится, дерзкая девчонка?

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Приятный легкий мелодический звон.
Это звенит золотая карета, мягко покачиваясь на рессорах.
Два толстых лакея спят на запятках.
Толстый кучер дремлет на козлах.
Герда задумчиво сидит у открытого окна.
Напеваает:

Я на все добьюсь ответа,
Доберусь до края света.
Я найду тебя, родной,
Приведу тебя домой.

Кругом мирно и спокойно.
И вдруг раздается свист, такой страшный и пронзительный, что вороные кони, храпя, оседают на задние ноги.
Кучера и лакея как ветром сдуло.
На четвереньках удирают они в лесную чащу.
Герда остается одна.
Она пробует открыть тяжелую дверь кареты.
Тонот копыт.
Влетает Атаманша.
За ней вся шайка.
На всем скаку останавливает Атаманша своего коня возле окна кареты.
Хватает Герду.
Сажает на седло перед собой.
— Подождите, дорогие разбойники, — кричит девочка.
Громовый хохот шайки раздается ей в ответ.
Только Атаманша сохраняет полное спокойствие делового человека.
— За мной! — кричит она. — Карету везите на поляну. Вперед!
Она мчится с Гердой по дороге.
Большая часть шайки скачет за ней.
Остальные медленно двигаются за тяжелой золотой каретой.
Карета звенит печально, медленно, негромко.

Галопом влетает на поляну Атаманша.

Спешивается.

Разбойники, сопровождающие ее, тоже соскакивают на землю.

Снимают с коня Герду.

Умные кони по свисту скрываются в чаще.

– Эй, ты, незнакомец! – кричит Атаманша. – Ты свободен, ты не обманул нас.

– Напоминаю вам о нашем условии, Атаманша, – говорит Советник. – Отдайте мне девочку.

– Можешь забрать ее с собой, – разрешает Атаманша.

Герда бежит прочь от Советника, но разбойники не дают ей уйти. Куда бы ни бросилась Герда, всюду свирепые, усатые лица, сверкающие сабли, угрожающие окрики.

Бородач доволен.

Он рычит от восторга.

– Отпустите меня, милые разбойники, – умоляет Герда. – Ведь я маленькая девочка, я уйду потихонечку, как мышка, вы даже не заметите. Без меня погибнет Кей – это очень хороший мальчик. Поймите меня! Ведь есть же у вас друзья!

– Не говори глупостей, девочка! – ревет Бородач. – Мы люди серьезные, деловые, у нас нет ни друзей, ни жен, ни семьи. Жизнь научила нас, что единственный верный друг – золото.

– Разумно сказано! – отвечает Советник. – Вяжите ее!

– Лучше выдерите меня за уши или отколотите меня, если вы такие злые, – умоляет Герда. – Но только отпустите. Да неужели же здесь нет никого, кто заступился бы за меня?

– Нет! – отвечает Советник гордо.

Но едва он успевает сказать это, как на поляне появляется крепкая миловидная черноволосая девочка.

Одета она так же, как и Атаманша – по-разбойничьи.

За плечами у нее ружье.

На поясе – два убитых зайца.

– Здесь есть дети! – вскрикивает Советник в ужасе.

Бородач рычит.

– Здравствуй, дочь! – кричит Атаманша радостно и дает девочке щелчок в нос.

– Здравствуй, мать! – отвечает девочка приветливо и тоже щелкает мать по носу.

– Как поохотилась, дочь?

– Отлично, мать. Подстрелила двух зайцев. А ты?

– И я ничего. Добыла золотую карету, четверку вороных коней и маленькую девочку.

– Девочку! – кричит радостно Маленькая разбойница.

Она оглядывается и видит Герду.

Хохочет от восторга во все горло.

Швыряет на землю ружье и зайцев.

Бросается к Герде. Вертит ее во все стороны, разглядывая, как новую игрушку. Треплет ее по щеке, ласково.

Заявляет решительно:

– Я беру девочку себе.

– Протестую! – кричит Советник.

– Это еще что за старый сухарь? – удивляется Маленькая разбойница. – Мама, застрели-ка его. Не бойся, девочка, пока я с тобой не поссорилась, никто тебя пальцем не тронет. Идем ко мне.

Маленькая разбойница хватается девочку за руку.

Взбирается с нею по лестнице на дуб, растущий посреди поляны. Здесь обнаруживаются легкие мостики с перилами, переброшенные с верхушки дуба на соседние деревья. Этот легкий качающийся воздушный путь уходит зигзагами далеко в глубь леса.

Девочки бегут по мосткам.

Исчезают.

– Что это значит? – ревет Советник. – Вы нарушаете наши условия, Атаманша?

– Да! – отвечает та спокойно. – Раз моя дочь взяла девочку себе – я ничего не могу поделать. Я дочери ни в чем не отказываю. Детей надо баловать – тогда из них вырастают настоящие разбойники.

Раздается легкий мелодический звон.

Показывается золотая карета.

Атаманша сразу забывает о Советнике.

– Выпрягать коней! – приказывает она. – Взять топоры!
Разрубить карету! Поделить ее!

Восторженные вопли.

Разбойники со всех ног бросаются выполнять приказание Атаманши.

Советник хватается за руки Бородача.

– Не спеши, – шепчет он и тянет его за собой в глубь леса.

– Но ведь там будут делить золото, – упирается Бородач.

– Ты ничего не потеряешь, – шипит Советник. – Я заплачу тебе.

Они скрываются в чаще.

Отсюда в просветы между стволами видно, как тяжелыми топорами рубят на части золотую карету.

Карета звенит, как большой тяжелый колокол.

– Ты должен будешь заколоть девчонку, – шепчет Советник.

– Которую? – спрашивает Бородач.

– Пленницу.

– Сколько заплатишь?

– Не обижу.

– Сколько? Я не мальчик: знаю, как делают дела.

– И это говорит благородный разбойник!

– Благородные разбойники были когда-то, да повымерли.

Остались ты да я. Дело есть дело. Тысячу талеров.

– Пятьсот! – торгуется Советник.

– Тысячу.

– Семьсот.

– Тысячу, и деньги вперед. Не хочешь? Прощай.

– Постой! – пугается Советник.

Достает из кармана туго набитый кошелек.

Швыряет разбойнику.

– Только сделай свое дело поскорее! – шипит он.

– Будьте покойны, – отвечает Бородач, зловеще усмехаясь. –

Сегодня же ночью, как только шайка уедет на охоту, все будет сделано.

Мостки, идущие по деревьям.

Заходит солнце.

Девочки, обнявшись, шагают по качающейся воздушной дороге.

Вокруг мостков, куда ни взглянешь, как зеленые холмики, верхушки огромного леса.

Герда, очевидно, только что кончила рассказывать о своих приключениях.

Маленькая разбойница говорит ей:

– Твоя история мне понравилась, Герда. – Теперь, даже если мы поссоримся, я никому не позволю тебя тронуть. Я сама тогда тебя убью.

Мостки делают неожиданный поворот, и перед девочками появляется верхушка старинной зубчатой башни.

Воздушная деревянная дорожка кончается у одной из башенных бойниц.

Маленькая разбойница вводит Герду в башню.

Полукруглая комната внутри башни.

Это настоящее разбойничье логово.

Пол покрыт звериными шкурами. В углу горой насыпаны золотые монеты и драгоценные камни. Большие свечи вставлены в золотые канделябры, прибитые к каменным стенам. Разнообразнейшее оружие свалено в беспорядке у стен.

– Ну, вот мы и дома, – говорит Маленькая разбойница. – Давай сюда твою шубу, шапку и меховые сапожки. Я заберу их себе. Ведь подружки должны делиться.

Герда повинуется не совсем охотно.

– Тебе жалко этих вещей? – спрашивает Маленькая разбойница гневно.

– Нет, – отвечает Герда. – Я только боюсь, что очень замерзну, когда поеду на север за Кеєм.

– Ты не поедешь туда! – возражает Маленькая разбойница решительно. – Вот еще глупости, только что подружились, и вдруг уезжать! Смотри, как у меня интересно. Вот золото – бери его сколько хочешь. Вот пистолеты – можешь стрелять из них в кого тебе угодно. Вот драгоценные камни, возьми

себе горсточку. А за этой дверью самое интересное. Здесь живет мой любимый Северный олень. Он умеет разговаривать.

– Покажи мне его, – просит Герда.

Маленькая разбойница зажигает все свечи в канделябрах – в башне уже темно.

Подходит к стене.

Снимает огромный заржавленный ключ, висящий на гвозде.

Отпирает большую железную дверь.

За дверью – никого.

– Прячется! – говорит Маленькая разбойница. – Бойтся! Я каждый вечер шекочу ему шею острым ножом. Он так умо- рительно дрожит, когда я это делаю! Эй, ты! Иди сейчас же сюда. Ну! Живо!

В дверях появляется Северный олень.

Стоит угрюмо, понурившись.

Маленькая разбойница выхватывает из-за пояса нож.

Проводит по шее оленя.

Тот прыгает, вертит головой.

– Не надо! – просит Герда.

– Почему? – удивляется Маленькая разбойница. – Ведь это так весело!

– Мне хочется поговорить с ним. Можно?

– Говори, – разрешает Маленькая разбойница.

– Олень, – спрашивает Герда, – ты знаешь, где страна Снежной королевы?

Олень кивает головой.

– А Снежную королеву ты когда-нибудь видел?

Олень кивает головой.

– А скажи, пожалуйста, не видел ли ты когда-нибудь вместе с Королевой маленького мальчика?

Олень кивает головой.

Герда потрясена.

Маленькая разбойница хмурится.

– Расскажи, – умоляет Герда. – Пожалуйста, расскажи, как это было.

Олень тихо, с трудом подбирая слова, рассказывает:

– Я... прыгал... по снежному полю... вдруг летит... Снежная королева... Я ей сказал: «Здравствуйте»... А она не ответила... Она разговаривала... с мальчиком... Он был совсем белый от холода... Снежное чучело тащило его санки...

– Санки! – восклицает Герда. – Значит, это был действительно Кей.

– Да... Это был Кей, – подтверждает Олень. – Так называла его... Королева.

– Девочка! – умоляет Герда в отчаянии. – Девочка, отпусти меня. Белый от холода... Надо растереть его рукавицей и потом дать ему горячего чая с малиной. Ах, я избила бы его, глупый мальчишка! Может, он превратился теперь в кусок льда! Девочка, отпусти меня, дорогая!

Маленькая разбойница молчит, отвернувшись.

– Отпусти! – вменивается Олень. – Она... сядет... ко мне на спину, и я... отвезу... ее туда. Там моя родина. Отпусти...

Маленькая разбойница вдруг бросается к двери, захлопывает ее и запирает на ключ. Кричит Герде:

– Не смей смотреть на меня так жалобно, а то я застрелю тебя!

Вдали раздается пронзительный свист.

– Спать! – приказывает Маленькая разбойница. – Уже стемнело. Наши поехали на охоту. Спать!

– Отпусти! – ревет за дверью Северный олень.

– Замолчи, ты! – кричит Маленькая разбойница.

Она оглядывается.

Находит на полу веревку.

– Я привяжу тебя, – говорит она Герде, – тройным секретным разбойничьим узлом к этому кольцу в стене. Веревка длинная, она не помешает тебе спать. Спи, моя крошка, а то я заколю тебя. Слышишь? Прощай.

И она тушит все свечи, кроме одной.

В комнате воцарился полумрак.

Открыв узкую дверь в стене, Маленькая разбойница исчезает.

Слышно, как топчет копытами, стучит рогами Олень.

Герда лежит на медвежьей шкуре, подперев голову рукой.

– Девочка, девочка, убежим! – вдруг вскрикивает Олень за железной дверью.

— Я привязана, — отвечает Герда печально.

— Это мне моими копытами не развязать узла, а у тебя есть пальцы, — ревет Олень. — Попробуй!

— Хорошо, — отвечает Герда, — я попробую.

Встав на колени, трудится Герда над тройным секретным разбойничьим узлом.

А в одной из узких бойниц в стене комнаты показывается Бородач.

В зубах у него нож.

Он легко соскакивает в комнату.

Герда оглядывается.

Вскрикивает:

— Кто это?

Одним прыжком подлетает разбойник к Герде.

Взмахивает ножом.

Перерезает веревку, которой девочка была привязана к стене.

Прежде чем Герда успевает опомниться, разбойник с силой дергает себя за бороду.

Борода остается у него в руках.

Затем он срывает приклеенный нос, освобождает глаз от пластыря, голову от платка.

— Ганс-Христиан! — радостно вскрикивает девочка.

Сказочник радостно смеется.

— Я, переодевшись до неузнаваемости, следил за Советником, — поясняет он, — Советник прямо из дворца отправился к разбойникам. Я обогнал его и поступил в шайку. И он не узнал меня. И дал мне тысячу галеров, чтобы я убил тебя. Бежим!

Он хватает Герду за руку, бежит с нею, и вдруг оба замирают в ужасе.

Узенькая дверца в стене распахивается, и дорогу беглецам преграждает Маленькая разбойница. В одной руке у нее ярко пылающий факел, в другой — пистолет.

Она целится прямо в Сказочника.

— Это еще кто такой? — спрашивает она угрожающе.

— Это тот друг мой, который знает так много сказок, — робко отвечает Герда. — Он пришел сюда, чтобы спасти меня.

Молча укрепляет Маленькая разбойница факел в стене.

Подходит к Герде.

– Так ты хотела убежать от меня? – спрашивает она грозно.

– Я бы оставила тебе записку, девочка, – шепчет та.

Маленькая разбойница стоит несколько мгновений неподвижно.

Она бормочет что-то про себя свирепо.

Кажется, что вот-вот она бросится на Герду.

Но Маленькая разбойница говорит вдруг тихо:

– Да ты хоть поцелуй меня на прощанье.

Герда бросается к ней в объятия.

Крепко поцеловав Герду несколько раз, сохраняя суровое неприступное выражение лица, Маленькая разбойница возвращает Герде шубу, шапку, меховые сапожки.

Снимает ключ с гвоздя.

Отпирает железную дверь.

Выпускает Оленя.

Приказывает Герде кратко:

– Садись верхом.

Герда выполняет приказание.

Маленькая разбойница достает откуда-то из-под половицы ключ, еще более заржавленный и огромный, чем тот, которым запиралась дверь к Оленю.

Находит в стене большую замочную скважину.

Поворачивает ключ трижды.

Скрип, щелканье, грохот.

Часть стены, дрогнув, опускается со звоном.

Открывается пологий спуск, ведущий вниз к лесу.

– Уезжай! – приказывает Маленькая разбойница.

– Спасибо, девочка, – благодарит Герда.

– Спасибо, – ревет Олень.

– Спасибо, – говорит Сказочник.

– А ты меня за что благодаришь? – набрасывается на него Маленькая разбойница. – Ты останешься здесь. Будешь развлекать меня, рассказывать сказки, пока она не вернется.

– Но позвольте... – начинает было растерянно Ганс Христиан.

– Молчи! – обрывает его Маленькая разбойница. – Скачи, скачи, Олень, пока я не передумала!

Она еще раз целует Герду с таким строгим лицом, что может показаться, будто она кусает ее. Кричит:

– Вперед!

Олень срывается с места и стрелой мчится по пологому спуску к лесу.

Полная луна сияет на небе.

Олень скрывается среди деревьев. Показывается далеко-далеко на дороге.

– Прощай, – доносится издали его рев.

– До свидания! – кричит Герда.

Маленькая разбойница снова трижды поворачивает ключ. Стена становится на свое место.

Сказочник молчит, глубоко задумавшись.

– Ну, ты! – набрасывается на него Маленькая разбойница. – Чего ты стоишь как пень? Рассказывай сказку да пошумнее! Если ты меня не рассмешишь – застрелю. Ну?

И Маленькая разбойница прицеливается в беднягу из пистолета.

– Начинай! Раз, два, три!

– Много-много лет назад, – начинает Сказочник послушно, – жил да был снежный болван. Стоял он во дворе против кухонных окон. И вот однажды он сказал... Бедная девочка, бедная Герда!

Маленькая разбойница начинает плакать. Вытирает слезы рукавчиком пистолета.

– Герда такая маленькая, – продолжает Сказочник, – одна среди метелей, снегов, ледяных гор. Но не надо плакать. Нет, не надо. Может быть, она победит все-таки? Полмира обошла она, и ей служили и люди, и звери, и птицы. Она маленькая, но она сильна. Непобедимая сила в ее горячем сердце.

Когда Сказочник говорит последние слова – стены башни, он сам, Маленькая разбойница исчезают постепенно во мгле и снежном вихре.

И когда Сказочник затихает, мы видим огромный дворец Снежной королевы.

Стены дворца состоят из бесчисленных снежных вихрей. Крошечная Герда появляется перед этими гигантскими живыми стенами.

Идет смело прямо в дворцовые двери.

Герда в бесконечном ледяном зале.

– Кей! – кричит она.

– Кей!

– Кей!

– Кей! – отвечает эхо.

Герда бежит вперед.

И вдруг навстречу ей выходят знакомые бледные пажи в коротеньких белоснежных меховых плащах. Они преграждают девочке путь.

– Ее величества дома нет! – говорят они мягко и негромко, все разом.

– Я хочу видеть Кея! – кричит Герда.

– Господин Кей занят! – отвечают пажи вежливо.

Герда бросается вперед.

Пажи хотят задержать ее, но, прикоснувшись к ней, -- вдруг мягко опускаются на землю обессиленные, превращаются в снежные груды.

Герда в новом зале.

Навстречу ей бросается отряд снежных чучел.

Герда отталкивает их – они рассыпаются. И они тоже превращаются в бесформенные груды снега.

Герда вбегает в третий зал и останавливается неподвижно.

С ужасом глядит вверх.

На необычайно высоком троне сидит бледный, мрачный, сосредоточенный Кей.

В руках у него длинный ледяной жезл.

Он перебирает своим жезлом квадратные многоугольные крупные льдинки, лежащие у подножья трона.

– Кей, Кей! – зовет Герда испуганно.

Он отвечает ей сухо, глуховатым голосом:

– Тише, Герда, ты сбиваешь меня.

– Кей, милый, это я! – кричит Герда.

– Да, – отвечает мальчик.

– Ты забыл меня?

– Я никогда и ничего не забываю.

– Кей, Кей! – умоляет девочка. – Ты нарочно пугаешь меня, дразнишь? Или нет? Ты подумай, я столько дней все иду, иду, и вот нашла тебя, а ты даже не сказал мне «здравствуй».

– Здравствуй, Герда, – говорит мальчик равнодушно.

– Как ты это говоришь? – жалуется Герда. – Что мы с тобой в ссоре, что ли? Ты даже не взглянул на меня. Я не испугалась короля, я ушла от разбойников, я не побоялась замерзнуть, а с тобой мне страшно. Я боюсь подойти к тебе. Кей, это ты?

– Я, – отвечает мальчик вяло.

– А что ты делаешь?

– Я должен сложить из этих льдинок слово «вечность».

– Зачем?

– Не знаю. Так велела мне Королева. Если я сложу слово «вечность», Королева подарит мне весь мир и пару коньков в придачу.

Герда в отчаянии, скользя и падая, устремляется вверх по ледяным ступенькам трона.

Вот она возле Кея.

Обнимает его.

Уговаривает, чуть не плача.

– Кей, Кей, бедный мальчик, что ты делаешь, дурачок? Пойдем домой! Ты тут все забыл. А там что делается! Я столько увидела, пока искала тебя! А ты сидишь и сидишь, как будто на свете нет ни хороших людей, ни разбойников, ни детей, ни взрослых, а только есть, что эти кусочки льда. Ты бедный, глупый Кей.

– Нет, я разумный, право, так, – возражает Кей тихо.

– Кей, Кей, – будит его Герда. – Встань! Пойдем домой! Там уже весна, колеса стучат, прилетели ласточки. Там небо чистое – слышишь, Кей? Чистенькое, будто оно умылось. Слышишь? Ну, засмейся, что я говорю такие глупости. Ведь небо не умывается.

– Ты... – шепчет Кей, – ты беспокоишь меня.

– Там весна! – говорит Герда, плача и обнимая Кея. – Мы вернемся и пойдем на речку, когда у Бабушки будет свободное время. Мы посадим ее на траву! Мы ей руки разотрем. Ведь когда она не работает, у нее руки болят... Помнишь?

Кей молчит.

– Кей! Без тебя во дворе все идет худо! – кричит Герда громко, будто разговаривает с глухим. – Ты помнишь сына слесаря? Того, что зовут Ганс? Того, что всегда хворает? Так вот, его побил соседский мальчишка, которого ты прозвал Булкой.

– Из чужого двора? – спрашивает Кей и роняет свой ледяной жезл.

– Да, – рыдает Герда. – Да! Он толкнул Ганса. Ганс упал, ухо поцарапал и заплакал. А я подумала: «Если бы Кей был дома, то заступился бы за него». Ведь правда, Кей?

– Правда, – отвечает Кей, как бы сквозь сон. И жалуется вдруг тихо:

– Мне холодно.

– Видишь! – радуется Герда и обнимает Кея еще крепче. – Я ведь правду говорю! Кей! Оживи совсем! Миленький! А прыгает дальше всех теперь Оле. А у соседской кошки три котенка, одного нам дадут. А Бабушка все плачет и стоит у ворот. Кей, ты слышишь? Дождик идет, а она все стоит и ждет, ждет, ждет...

Совершается чудо.

Кей вскакивает.

Оглядывается, шатаясь.

Герда поддерживает его.

– Герда! – восклицает Кей звонко. – Герда, это ты? Что случилось? Ты плачешь? Кто тебя посмел обидеть? Как ты попала сюда? Уйдем скорее. Здесь холодно...

Он пробует идти, но ноги плохо повинуются ему.

Герда сводит Кея вниз, заботливо помогая ослабевшему мальчику.

– Ничего... – приговаривает она, – шагай. Вот так... Ты научишься... Ноги разойдутся... Дорога впереди такая трудная, такая длинная, что непременно научишься ходить... Вот так... Шагай... Мы дойдем, дойдем, дойдем...

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Знакомые крутые черепичные крыши.

Небо покрыто тяжелыми грозowymi тучами.

Маленький Домовой выходит из-за трубы.

Идет по острому гребню крыши, как по полу.

Проходит мимо острого шпиля, на котором сидит флюгер-петух.

– Добрый вечер, господин Домовой, – поет петух едва слышно. – Ветра совсем нет нынче.

– Да, петушок-дружище, – басит Домовой. – Это затишье перед грозой. Я с утра томлюсь. Все мне кажется, что не только гроза приближается к нам.

– А что же еще? – шепчет петух.

– Что-то случится сегодня необыкновенное. Близится, близится что-то! – предрекает старичок, подняв палец вверх.

– Хорошее или худое? – поет петушок едва слышно.

– А вот этого-то я и не знаю, петушок-дружище, – басит Домовой. – Рад бы знать, да не знаю. Но что-то случится, ох, что-то случится!

Домовой садится на корточки и съезжает с верхушки крыши к желобу.

Заглядывает вниз во двор.

– Петушок-дружище! – вопит он. – Началось, петушок! Гляди, кто приехал!

Во двор дома въезжает целая кавалькада.

Впереди на маленьких лошадаках ворон и ворона.

На груди у птиц ленты.

На лапах – подвязки с мечами, бантиками и колокольчиками.

Следом за ними едут верхом принц и принцесса.

А за принцем и принцессой – Сказочник и Маленькая разбойница.

Все они спешиваются.

Входят в дом.

Домовой бежит к крайнему окну.

Прыгает на подоконник.

Заглядывает в открытое окно.

В комнате уже сумерки.

Горит висючая лампа.

Бабушка, грустная, похудевшая, сидит одна-одинешенька у стола.

Вяжет чулок.

Стук в дверь.

– Войдите, – говорит Бабушка.

Дверь открывается и входит Сказочник. За ним Маленькая разбойница, Клаус, Эльза, ворона и ворон.

Бабушка бросается к Сказочнику.

– Что с детьми? – спрашивает она, глядя на него умоляюще. – Вы... вы боитесь сказать?

– Ах, нет, уверяю вас. – Мы просто сами ничего не знаем, – кричит ворона. – Поверьте мне! Птицы никогда не врут.

– Мы думали, что они уже дома, – говорит Маленькая разбойница. – Мы приехали сюда, а тут пусто...

Бабушка грустно качает головой.

– Да, здесь так пусто, – говорит она. – Я вяжу чулки моим ребятишкам. Я связала уже две дюжины чулок, а они все еще не вернулись. Уже больше года я все жду, жду, жду...

Домовой, подслушивающий у окна, вытирает слезы своим колпачком.

Принцесса тоже плачет.

Маленькая разбойница выхватывает вдруг пистолет.

Кричит свирепо:

– Сядьте, Бабушка, милая Бабушка, и не надрывайте мне сердце, я этого терпеть не могу. Сядьте, родная, а то я всех расстреляю из пистолета!

Бабушка садится в кресло.

– Ты права, девочка, – говорит она. – Не надо унывать. Может быть, они спасутся. Тише!

– Что такое? – спрашивает Сказочник.

– Ступеньки скрипят! – отвечает Бабушка. – Я за все эти долгие вечера стала очень чуткой. Слышите?

Все прислушиваются..

Действительно: ступеньки скрипят все громче и громче.

И что-то музыкальное есть в этом скрипе.

– Это идут хорошие люди! – радуется Сказочник. – Под ногами плохих людей ступеньки ворчат, как собаки, а сейчас они поскрипывают, как скрипочки. Идут сюда, сюда! Я уверен, что это...

Сказочник бросается к двери, распахивает ее, и тотчас же оглушительный удар грома потрясает стены.

Град обрушивается на крышу с грохотом.

– Гроза началась! – кричит Домовой и вертится на подоконнике.

А в открытую дверь быстро и гневно входит Снежная королева, сопровождаемая Советником.

– Извольте немедленно вернуть мне мальчишку, – говорит повелительно Королева. – Слышите? Иначе я превращу всех вас в лед!

– А я после этого расколю вас на кусочки и продам, – шипит Советник.

– Ищите его! – приказывает Королева.

Советник, извиваясь, как змея, заглядывает под столы, ныряет под стулья, бежит в спальню и возвращается.

Гроза бушует за окном.

Град стучит по крыше.

– Его действительно нет, – докладывает Советник Снежной королеве.

– Отлично! – Значит, дерзкие дети погибли в пути. Идем!

Королева делает шаг к двери, но Маленькая разбойница и принц Клаус бросаются ей наперерез.

За ними остальные.

Все, взявшись за руки, преграждают путь Королеве и Советнику.

– Имейте в виду, любезные, – отчеканивает Снежная королева, – что довольно мне взмахнуть рукой, и тут навеки воцарится полная тишина и мертвое спокойствие.

– Маши руками, ногами, хвостом – все равно мы тебя не выпустим! – кричит Маленькая разбойница.

Снежная королева взмахивает рукой.

Удар грома.

Вой и свист ветра.

– Ну и что? – спрашивает Маленькая разбойница.

– Мне даже и холодно не сделалось, – говорит принц.

– Я очень легко простуживаюсь, а теперь я даже насморка не схватила, – радуется принцесса.

Королева кусает губы от гнева.

Советник с ненавистью глядит на Сказочника.

– Все равно мы заморозим вас! – шипит он.

– Нет! – отвечает Сказочник спокойно и весело. – Тех, у кого горячее сердце, вам не превратить в лед. Мы победим!

– Никогда! – кричит Советник яростно. – Власти нашей не будет конца. Скорей повозки побегут без коней! Скорей люди полетят по воздуху, как птицы!

– Да, так оно и будет, Советник, – смеется Сказочник.

– Дорогу Королеве! – приказывает Советник.

– Простите, но мы ни за что не дадим вам дороги, – говорит Бабушка твердо. – А вдруг дети близко и вы нападете на них? Нет, нет, нельзя, нельзя.

Королева поворачивается к открытому окну и шепчет что-то.

Отчаянный порыв ветра врывается в комнату.

Лампа гаснет.

– Держите дверь! – кричит Сказочник.

– Сейчас я зажгу свет, – говорит Бабушка.

Свет вспыхивает.

Дети держат дверь, навалившись на нее всей тяжестью.

Но Советник и Королева исчезли бесследно, несмотря на это.

– Где же они? – кричит принц.

– Ее величество, – говорит ворона.

– И их превосходительство, – говорит ворон.

– Изволили отбыть...

– Через открытое окно.

Вдруг Бабушка бросается к увядшему розовому кусту.

– Смотрите! – кричит она.

Розы с легким шелестом распускаются одна за другой.

Проходит несколько мгновений, и вот чудесный розовый куст цветет пышно, цветет еще богаче, чем прежде.

– Что это значит? – спрашивает Бабушка.

– Это значит, – отвечает Сказочник, – это значит – вот что это значит!

Он указывает на дверь.

Дверь открывается тихо.

Герда и Кей, сияющие, появляются на пороге.

Шум.

Все сбиваются в один ликующий, плачущий и смеющийся клубок.

Сначала нельзя разобрать ни слова.

Но вот говорит Герда:

– Бабушка, у него было ледяное сердце. Но я обняла его, плакала, плакала, и сердце его вдруг растаяло. И мы пошли сначала потихоньку, а потом все быстрее и быстрее...

– И, кривле-кривле-бумс, вы пришли домой! – подхватывает Сказочник. – И друзья ждали вас, а враги удрали в открытое окно. Все идет отлично. Мы с вами, вы с нами, и все мы вместе. Что враги сделают нам, пока сердца наши горячи? Да ничего. Пусть только появятся, и мы скажем им. Эй, вы...

И тут Сказочник запекает, и все подхватывают хором:

Снип-сноп-снурре
Пурре-базелюрре!

Комната исчезает в тумане.
Домовой сидит верхом на петухе.
Оба они поют радостно:

Снип-сноп-снурре
Пурре-базелюрре!

Исчезают во мгле и они.
И из темноты выступает, светясь, слово:

КОНЕЦ.

ЗОЛУШКА

Скромный ситцевый занавес. Тихая, скромная музыка. На занавесе появляется надпись:

ЗОЛУШКА.
*Старинная сказка,
которая родилась
много, много веков назад,
и с тех пор все живет да живет,
и каждый рассказывает ее на свой лад.*

Пока эти слова пробегают по скромному ситцевому занавесу, он постепенно преобразуется. Цветы на нем оживают. Ткань тяжелеет. Вот занавес уже бархатный, а не ситцевый. А надписи сообщают:

*Мы сделали из этой сказки
музыкальную комедию,
понятную
даже самому взрослому зрителю.*

Теперь и музыка изменилась – она стала танцевальной, праздничной, и пока проходят остальные полагающиеся в начале картины надписи, занавес покрывается золотыми узорами. Он светится теперь. Он весь приходит в движение, как будто он в нетерпении, как будто ему хочется скорее, скорее открыться.

И вот, едва последняя надпись успеваешь исчезнуть, как занавес с мелодичным звоном раздвигается.

За занавесом ворота, на которых написано:

ВХОД В СКАЗОЧНУЮ СТРАНУ.

Два бородатых привратника чистят не спеша бронзовые буквы надписи. Раздается торжественный марш. Вбегают, строго сохраняя строй, пышно одетые музыканты.

За ними галопом влетает Король. Вид у него крайне озабоченный, как у хорошей хозяйки во время большой уборки. Полы его мантии подколоты булавками, под мышкой метелка для обметания пыли, корона сдвинута набекрень.

За Королем бежит почетный караул – латники в шлемах с копьями.

Король останавливается у ворот, и музыканты разом обрывают музыку.

К о р о л ь. Здорово, привратники сказочного королевства!

П р и в р а т н и к и. Здравия желаем, ваше королевское величество!

К о р о л ь. Вы что, с ума сошли?!

П р и в р а т н и к и. Никак нет, ваше величество, ничего подобного!

К о р о л ь (*все более и более раздражаясь*). Спорить с королем! Какое сказочное свинство! Раз я говорю: сошли – значит, сошли! Во дворце сегодня праздник. Вы понимаете, какое великое дело – праздник! Порадовать людей, повеселить, приятно удивить – что может быть величественнее? Я с ног сбился, а вы? Почему ворота еще не открыты, а? (*Швыряет корону на землю.*) Ухожу, к черту, к дьяволу, в монастырь! Живите сами как знаете. Не желаю я быть королем, если мои привратники работают еле-еле, да еще с постными лицами.

1-й п р и в р а т н и к. Ваше величество, у нас лица не постные!

К о р о л ь. А какие же?

1-й п р и в р а т н и к. Мечтательные.

К о р о л ь. Врешь!

1-й п р и в р а т н и к. Ей-богу, правда!

К о р о л ь. О чем же вы мечтаете?

2-й п р и в р а т н и к. О предстоящих удивительных событиях. Ведь будут чудеса нынче вечером во дворце на балу.

1-й п р и в р а т н и к. Вот видите, ваше величество, о чем мы размышляем.

2-й п р и в р а т н и к. А вы нас браните понапрасну.

К о р о л ь. Ну ладно, ладно. Если бы ты был королем, может, еще хуже ворчал бы. Подай мне корону. Ладно! Так и быть, остаюсь на престоле. Значит, говоришь, будут чудеса?

1-й п р и в р а т н и к. А как же! Вы – король сказочный? Сказочный! Живем мы в сказочном королевстве? В сказочном!

2-й п р и в р а т н и к. Правое ухо у меня с утра чесалось? Чесалось! А это уже всегда к чему-нибудь трогательному, деликатному, завлекательному и благородному.

К о р о л ь. Ха-ха! Это приятно. Ну, открывай ворота! Довольно чистить. И так красиво.

Привратники поднимают с травы огромный блестящий ключ, вкладывают в замочную скважину и поворачивают его в замке. И ворота, повторяя ту же мелодию, с которой раздвигался занавес, широко распахиваются.

Перед нами – сказочная страна.

Это страна прежде всего необыкновенно уютная. Так уютны бывают только игрушки, изображающие деревню, стадо на лугу, озера с лебедями и тому подобные мирные, радующие явления.

Дорога вьется между холмами. Она вымощена узорным паркетом и так и сияет на солнце, до того она чистая. Под теплыми деревьями поблескивают удобные диванчики для путников.

Король и привратники любят несколько мгновений своей уютной страной.

К о р о л ь. Все как будто в порядке? А, привратники? Не стыдно гостям показать? Верно я говорю?

Привратники соглашаются.

К о р о л ь. До свидания, привратники. Будьте вежливы! Всем говорите: добро пожаловать! И смотрите у меня, не напейтесь!

П р и в р а т н и к и. Нет, ваше величество, мы – люди разумные, мы пьем только в будни, когда не ждешь ничего интересного. А сегодня что-то будет, что-то будет! До свидания, ваше величество! Бегите, ваше величество! Будьте покойны, ваше величество!

Король подает знак музыкантам, гремит марш. Король устремляется вперед по дороге.

Уютная усадьба, вся в зелени и цветах. За зеленой изгородью стоит очень рослый и очень смирный человек.

Он низко кланяется Королю, вздрагивает и оглядывается.

К о р о л ь. Здравствуйте, господин Лесничий!

Л е с н и ч и й. Здравствуйте, ваше королевское величество!

К о р о л ь. Слушайте, Лесничий, я давно вас хотел спросить: отчего вы в последнее время все вздрагиваете и оглядываетесь? Не завелось ли в лесу чудовище, угрожающее вам смертью?

Л е с н и ч и й. Нет, ваше величество, чудовище я сразу заколол бы!

К о р о л ь. А может быть, у нас в лесах появились разбойники?

Л е с н и ч и й. Что вы, государь, я бы их сразу выгнал вон!

К о р о л ь. Может быть, какой-нибудь злой волшебник преследует вас?

Л е с н и ч и й. Нет, ваше величество, я с ним давно расправился бы!

К о р о л ь. Что же довело вас до такого состояния?

Л е с н и ч и й. Моя жена, ваше величество! Я человек отчаянный и храбрый, но только в лесу. А дома я, ваше величество, сказочно слаб и добр.

К о р о л ь. Ну да?!

Л е с н и ч и й. Клянусь вам! Я женился на женщине прехорошенькой, но суровой, и они выют из меня веревки. Они, государь, — это моя супруга и две ее дочери от первого брака. Они вот уже три дня одеваются к королевскому балу и совсем загоняли нас. Мы, государь, — это я и моя бедная крошечная родная дочка, ставшая столь внезапно, по вине моей влюбчивости, падчерицей.

К о р о л ь (*срывает с себя корону и бросает на землю*). Ухожу, к черту, к дьяволу, в монастырь, если в моем королевстве возможны такие душераздирающие события, живите сами как знаете! Стыдно, стыдно, Лесничий!

Л е с н и ч и й. Ах, государь, не спешите осуждать меня. Жена моя — женщина особенная. Ее родную сестру, точно такую же, как она, съел людоед, отравился и умер. Видите, какие в этой семье ядовитые характеры. А вы сердитесь!

К о р о л ь. Ну хорошо, хорошо! Эй! вы там! Подайте мне корону. Так уж и быть, остаюсь на престоле. Забудьте все, Лесничий, и приходите на бал. И родную свою дочку тоже захватите с собой.

При этих словах Короля плющ, закрывающий своими побегами окна нижнего этажа, раздвигается. Очень молоденькая и очень милая, растрепанная и бедно одетая девушка выглядывает оттуда. Она, очевидно, услышала последние слова Короля. Она так и впилась глазами в Лесничего, ожидая его ответа.

– Золушку? Нет, что вы, государь, она совсем еще крошка! Девушка вздыхает и опускает голову.

– Ну, как хотите, но помните, что у меня сегодня такой праздник, который заставит вас забыть все невзгоды и горести. Прощайте!

И Король со свитой уносится прочь по королевской дороге.

А девушка в окне вздыхает печально. И листья плюща отвечают ей сочувственным вздохом, шелестом, шорохом.

Девушка вздыхает еще печальнее, и листья плюща вздыхают с нею еще громче.

Девушка начинает петь тихонько. Стена и плющ исчезают. Мы видим просторную кухню со сводчатым потолком, огромным очагом, полками с посудой. Девушка поет:

Дразнят Золушкой меня,
Оттого что у огня,
Силы не жалея,
В кухне я тружусь, тружусь,
С печкой я вожусь, вожусь,
И всегда в золе я.
Оттого что я добра,
Надрываюсь я с утра
До глубокой ночи.
Всякий может приказать,
А спасибо мне сказать
Ни один не хочет.
Оттого что я кротка,

Я чернее угля.
Я не виновата.
Ах, я беленькой была!
Ах, я миленькой слыла,
Но давно когда-то!
Прячу я печаль мою.
Я не плачу, а пою,
Улыбаюсь даже.
Но неужто никогда
Не уйти мне никуда
От золы и сажи!

– Тут все свои, – говорит Золушка, кончив песню и принимаясь за уборку, – огонь, очаг, кастрюли, сковородки, метелка, кочерга. Давайте, друзья, поговорим по душам.

В ответ на это предложение огонь в очаге вспыхивает ярче, сковородки, начищенные до полного блеска, подпрыгивают и звенят, кочерга и метелка шевелятся, как живые, в углу, устраиваются поудобней.

– Знаете, о чем я думаю? Я думаю вот о чем: мачеху и сестриц позвали на бал, а меня – нет. С ними будет танцевать Принц, а обо мне он даже и не знает. Они там будут есть мороженое, а я не буду, хотя никто в мире не любит его так, как я! Это несправедливо, верно?

Друзья подтверждают правоту Золушки сочувственным звоном, шорохом и шумом.

– Натирая пол, я очень хорошо научилась танцевать. За шитьем я очень хорошо научилась думать. Терпя напрасные обиды, я научилась сочинять песенки. За прялкой я их научилась петь. Выхаживая цыплят, я стала доброй и нежной. И ни один человек об этом не знает. Обидно! Правда?

Друзья Золушки подтверждают и это.

– Мне так хочется, чтобы люди заметили, что я за существо, но только непременно сами. Без всяких просьб и хлопот с моей стороны. Потому что я ужасно гордая, понимаете?

Звон, шорох, шум.

– Неужели этого никогда не будет? Неужели не дождаться мне веселья и радости? Ведь так и заболеть можно. Ведь это очень вредно – не ехать на бал, когда ты этого заслуживаешь! Хочу, хочу, чтобы счастье вдруг пришло ко мне! Мне так надоело самой себе дарить подарки в день рождения и на праздники! Добрые люди, где же вы? Добрые люди, а добрые люди!

Золушка прислушивается несколько мгновений, но ответа ей нет.

– Ну что же, – вздыхает девочка, – я тогда вот чем утешусь: когда все уйдут, я побегу в дворцовый парк, стану под дворцовыми окнами и хоть издали полюбуюсь на праздник.

Едва Золушка успевает произнести эти слова, как дверь кухни с шумом распахивается. На пороге – Мачеха Золушки. Это рослая, суровая, хмурая женщина, но голос ее мягок и нежен. Кисти рук она держит на весу.

З о л у ш к а. Ах, матушка, как вы меня панугали!

М а ч е х а. Золушка, Золушка, нехорошая ты девочка! Я забочусь о тебе гораздо больше, чем о родных своих дочерях. Им я не делаю ни одного замечания целыми месяцами, тогда как тебя, моя крошечка, я воспитываю с утра до вечера. Зачем же ты, солнышко мое, платишь мне за это черной неблагодарностью? Ты хочешь сегодня убежать в дворцовый парк?

З о л у ш к а. Только когда все уйдут, матушка. Ведь я тогда никому не буду нужна!

М а ч е х а. Следуй за мной!

Мачеха поднимается по лестнице. Золушка – следом. Они входят в гостиную. В креслах сидят сводные сестры Золушки – Анна и Марианна. Они держат кисти рук на весу так же, как мать. У окна стоит Лесничий с рогатиной в руках. Мачеха усаживается, смотрит на Лесничего и на Золушку и вздыхает.

М а ч е х а. Мы тут сидим в совершенно беспомощном состоянии, ожидая, пока высохнет волшебная жидкость, превращающая ногти в лепестки роз, а вы, мои родные, а? Вы развлекаетесь и веселитесь. Золушка разговаривает сама с собой, а ее папаша взял рогатину и пытался бежать в лес. Зачем?

Л е с н и ч и й. Я хотел сразиться с бешеным медведем.

М а ч е х а. Зачем?

Л е с н и ч и й. Отдохнуть от домашних дел, дорогая.

М а ч е х а. Я работаю как лошадь. Я бегаю, хлопочу, очаровываю, ходатайствую, требую, настаиваю. Благодаря мне в церкви мы сидим на придворных скамейках, а в театре – на директорских табуреточках. Солдаты отдают нам честь! Моих дочек скоро запишут в бархатную книгу первых красавиц двора! Кто превратил наши ногти в лепестки роз? Добрая волшебница, у дверей которой титулованные дамы ждут неделями. А к нам волшебница пришла на дом. Главный королевский повар вчера прислал мне в подарок дичи.

Л е с н и ч и й. Я ее сколько угодно приношу из лесу.

М а ч е х а. Ах, кому нужна дичь, добытая так просто! Одним словом, у меня столько связей, что можно с ума сойти от усталости, поддерживая их. А где благодарность? Вот, например, у меня чешется нос, а почесать нельзя. Нет, нет, отойди, Золушка, не надо, а то я тебя укушу.

З о л у ш к а. За что же, матушка?

М а ч е х а. За то, что ты сама не догадалась помочь бедной, беспомощной женщине.

З о л у ш к а. Но ведь я не знала, матушка!

А н н а. Сестренка, ты так некрасива, что должна искупать это чуткостью.

М а р и а н н а. И так неуклюжа, что должна искупать это услужливостью!

А н н а. Не смей вздыхать, а то я расстроюсь перед балом.

З о л у ш к а. Хорошо, сестрицы, я постараюсь быть веселой.

М а ч е х а. Посмотрим еще, имеешь ли ты право веселиться. Готовы ли наши бальные платья, которые я приказала тебе сшить за семь ночей?

З о л у ш к а. Да, матушка!

Она отодвигает ширмы, стоящие у стены. За ширмами на трех ивовых манекенах – три бальных платья. Золушка, сияя, глядит на них. Видимо, она вполне удовлетворена своей работой, гордится ею. Но вот девочка взглядывает на Мачеху и сестер, и у нее опускаются руки. Мачеха и сестры смотрят на свои роскошные наряды недоверчиво, строго, холодно, мрачно.

В напряженном молчании проходит несколько мгновений.

– Сестрицы! Матушка! – восклицает Золушка, не выдержав. – Зачем вы смотрите так сурово, как будто я сшила вам саваны? Это нарядные, веселые балльные платья. Честное слово, правда!

– Молчи! – гудит Мачеха. – Мы обдумали то, что ты натворила, а теперь обсудим это!

Мачеха и сестры перешептываются таинственно и злое. И вот Мачеха изрекает наконец:

– У нас нет оснований отвергать твою работу. Помоги одеться.

К усадьбе Лесничего подкагивает коляска. Толстый усатый кучер в ливрее с королевскими гербами осаживает сытых коней, затем он надевает очки, достает из бокового кармана записку и начинает по записке хриплым басом петь:

Уже вечерняя роса
Цветочки оросила.
Луга и тихие леса
К покою пригласила.

(Лошадям.) Тпру! Проклятые!

А я, король, наоборот,
Покою не желаю.
К себе любезный мой народ
На бал я приглашаю.

(Лошадям.) Вы у меня побалуете, окаянные!

А чтоб вернее показать
Свою любовь и ласку,
Я некоторым велел послать
Свою личную, любимую,
Ах-ах, любимую,
Да-да, любимую,
Любимую, любимую
Коляску.

Двери дома распахиваются. На крыльцо выходят Мачеха, Анна, Марианна в новых и роскошных нарядах. Лесничий робко идет позади. Золушка провожает старших. Кучер снимает шляпу, лошади кланяются дамам.

Перед тем как сесть в коляску, Мачеха останавливается и говорит ласково:

— Ах да, Золушка, моя звездочка! Ты хотела побежать в парк, постоять под королевскими окнами.

— Можно? — спрашивает девочка радостно.

— Конечно, дорогая, но прежде приberi в комнатах, вымой окна, натри пол, выбели кухню, выполи грядки, посади под окнами семь розовых кустов, познай самое себя и намели кофе на семь недель.

— Но ведь я и в месяц со всем этим не управлюсь, матушка!

— А ты поторопись!

Дамы усаживаются в коляску и так заполняют ее своими пышными платьями, что Лесничему не остается места. Кучер протягивает ему руку, помогает взобраться на козлы, взмахивает бичом, и коляска с громом уносится прочь.

Золушка медленно идет в дом. Она садится в кухне у окна. Мелет кофе рассеянно и вздыхает.

И вдруг раздастся музыка легкая-легкая, едва слышная, но такая радостная, что Золушка вскрикивает тихонько и весело, будто вспомнила что-то очень приятное. Музыка звучит все громче и громче, а за окном становится все светлее и светлее. Вечерние сумерки растаяли.

Золушка открывает окно и прыгает в сад. И она видит: невысоко, над деревьями сада, по воздуху шагает не спеша богато и вместе с тем солидно, соответственно возрасту одетая пожилая дама. Ее сопровождает Мальчик-паж. Мальчик несет в руках фугляр, похожий на фугляр для флейты.

Увидев Золушку, солидная дама так и расцветает в улыбке, отчего в саду делается совсем светло, как в полдень.

Дама останавливается над лужайкой в воздухе так просто и естественно, как на балконе, и, опершись на невидимые балконные перила, говорит:

– Здравствуй, крестница!

– Крестная! Дорогая крестная! Ты всегда появляешься так неожиданно! – радуется Золушка.

– Да, это я люблю! – соглашается крестная.

– В прошлый раз ты появилась из темного угла за очагом, а сегодня пришла по воздуху...

– Да, я такая выдумщица! – соглашается крестная.

И, подобрав платье, она неторопливо, как бы по невидимой воздушной лестнице, спускается на землю. Мальчик-паж – за нею. Подойдя к Золушке, крестная улыбается еще радостнее. И совершается чудо.

Она молодеет.

Перед Золушкой стоит теперь стройная, легкая, высокая, золотоволосая молодая женщина. Платье ее горит и сверкает, как солнце.

– Ты все еще не можешь привыкнуть к тому, как легко я меняюсь? – спрашивает крестная.

Золушка. Я восхищаюсь, я так люблю чудеса!

Крестная. Это показывает, что у тебя хороший вкус, девочка! Но никаких чудес еще не было. Просто мы, настоящие феи, до того впечатлительны, что стареем и молодеем так же легко, как вы, люди, краснеете и бледнеете. Горе – старит нас, а радость – молодит. Видишь, как обрадовала меня встреча с тобой. Я не спрашиваю, дорогая, как ты живешь... Тебя обидели сегодня...

Фея взглядывает на паж.

Паж. Двадцать четыре раза.

Фея. Из них напрасно...

Паж. Двадцать четыре раза.

Фея. Ты заслужила сегодня похвалы...

Паж. Триста тридцать три раза!

Фея. А они тебя?

Паж. Не похвалили ни разу.

Фея. Ненавижу старуху лесничиху, злобную твою Мачеху, да и дочек ее тоже. Я давно наказала бы их, но у них такие большие связи! Они никого не любят, ни о чем не думают,

ничего не умеют, ничего не делают, а ухитряются жить лучше даже, чем некоторые настоящие феи. Впрочем, довольно о них. Боюсь постареть. Хочешь поехать на бал?

З о л у ш к а. Да, крестная, но...

Ф е я. Не спорь, не спорь, ты поедешь туда. Очень вредно не ездить на балы, когда ты заслужил это.

З о л у ш к а. Но у меня столько работы, крестная!

Ф е я. Полы натрут медведи – у них есть воск, который они наворовали в ульях. Окна вымоет роса. Стены выбелят белки своими хвостами. Розы вырастут сами. Грядки выполнят зайцы. Кофе намелют кошки. А самое себя ты познаешь на балу.

З о л у ш к а. Спасибо, крестная, но я так одета, что...

Ф е я. И об этом я позабочусь. Ты поедешь на бал в карете, на шестерке коней, в отличном бальном платье. Мальчик!

Паж открывает футляр.

Ф е я. Видишь, вот моя волшебная палочка. Очень скромная, без всяких украшений, просто алмазная с золотой ручкой.

Фея берет волшебную палочку. Раздается музыка, танцевальная и негромкая.

Ф е я. Сейчас, сейчас буду делать чудеса! Обожаю эту работу. Мальчик!

Паж становится перед Феей на одно колено, и Фея, легко прикасаясь к нему палочкой, превращает мальчика в цветок, потом в кролика, потом в фонтан и наконец снова в пажа.

– Отлично, – радуется Фея, – инструмент в порядке, и я в ударе. Теперь приступим к настоящей работе. В сущности, все это нетрудно, дорогая моя. Волшебная палочка подобна дирижерской. Дирижерской – повинуются музыканты, а волшебной – все живое на свете. Прежде всего прикатим сюда тыкву.

Фея делает палочкой вращательные движения. Раздается веселый звон. Слышен голос, который поет без слов, гулко, как в бочке. Звон и голос приближаются, и вот к ногам Феи подкатывается огромная тыква. Повинуясь движениям палочки, вращаясь на месте, тыква начинает расти, расти... Очертания ее расплываются, исчезают в тумане, а песня без слов переходит в нижеследующую песню:

Я тыква, я, дородная
Царица огородная,
Лежала на боку,
Но, палочке покорная,
Срываюсь вдруг проворно я
И мчусь, мерси боку!
Под музыку старинную
Верчусь я балериною,
И вдруг, фа, соль, ля, си,
Не тыквой огородною –
Каретой благородною
Я делаюсь, мерси!

С последними словами песни туман рассеивается, и Золушка видит, что тыква действительно превратилась в великоленную золотую карету.

– Какая красивая карета! – восклицает Золушка.

– Мерси, фа, соль, ля, си! – гудит откуда-то из глубины экипажа голос.

Волшебная палочка снова приходит в движение. Раздается писк, визг, шум, и шесть крупных мышей врываются на лужайку. Они вьются в бешеном танце. Поднимается облако пыли и скрывает мышей.

Из облака слышится пение: первые слова песни поют слабые высочайшие сопрано, а последние слова – сильные глубокие басы. Переход этот совершается со строгой постепенностью.

Дорогие дети,
Знайте, что для всех
Много есть на свете
Счастья и утех.
Но мы счастья выше
В мире не найдем,
Чем из старой мыши
Юным стать конем!

Пыль рассеивается – на лужайке шестерка прекрасных коней, в полной упряжке. Они очень веселы, бьют копытами, ржут.

– Тпру! – кричит Фея. – Назад! Куда ты, демон! Балуй!

Лошади успокаиваются. Снова приходит в движение волшебная палочка. Не спеша входит старая, солидная крыса. Отдуваясь, тяжело дыша, нехотя она встает на задние лапки и, не погружаясь в туман, не поднимая пыли, начинает расти. Ставши крысой в человеческий рост, она подпрыгивает и превращается в кучера – солидного и пышно одетого. Кучер тотчас же идет к лошадям, напевая без всякого аккомпанемента:

Овес вздорожал,
Овес вздорожал,
Он так вздорожал,
Что даже кучер заржал.

– Через пять минут подашь карету к крыльцу, – приказывает Фея.

Кучер молча кивает головой.

– Золушка, идем в гостиную, к большому зеркалу, и там я одену тебя.

Фея, Золушка и паж -- в гостиной. Фея взмахивает палочкой, и раздается балльная музыка, мягкая, таинственная, негромкая и ласковая.

Из-под земли вырастает манекен, на который надето платье удивительной красоты.

Ф е я. Когда в нашей волшебной мастерской мы положили последний стежок на это платье, самая главная мастерица заплакала от умиления. Работа остановилась. День объявили праздничным. Такие удачи бывают раз в сто лет. Счастливое платье, благословенное платье, утешительное платье, вечернее платье.

Фея взмахивает палочкой, гостиная на миг заполняется туманом, и вот Золушка, ослепительно прекрасная, в новом платье стоит перед зеркалом. Фея протягивает руку. Паж подает ей лорнет.

– Удивительный случай, – говорит Фея, разглядывая Золушку, – мне нечего сказать! Нигде не морщит, нигде не собирается в складки, линия есть, удивительный случай! Нравится тебе твое новое платье?

Золушка молча целует Фею.

– Ну вот и хорошо, – говорит Фея, – идем. Впрочем, стой. Еще одна маленькая проверка. Мальчик, что ты скажешь о моей крестнице?

И маленький Паж отвечает тихо, с глубоким чувством:

– Вслух я не посмею сказать ни одного слова. Но отныне – днем я буду молча тосковать о ней, а ночью во сне рассказывать об этом так печально, что даже домовая на крыше заплачет горькими слезами.

– Отлично, – радуется Фея. – Мальчик влюбился. Нечего, нечего смотреть на него печально, Золушка. Мальчуганам полезно безнадежно влюбляться. Они тогда начинают писать стихи, а я это обожаю. Идем!

Они делают несколько шагов.

– Стойте, – говорит вдруг маленький паж повелительно.

Фея удивленно взглядывает на него через лорнет.

– Я не волшебник, я еще только учусь, – говорит мальчик тихо, опустив глаза, – но любовь помогает нам делать настоящие чудеса.

Он взглядывает на Золушку. Голос его звучит теперь необыкновенно нежно и ласково:

– Простите меня, дерзкого, но я осмелился чудом добыть для вас это сокровище.

Мальчик протягивает руки, и прозрачные туфельки, светясь в полумраке гостиной, спускаются к нему на ладони.

– Это хрустальные туфельки, прозрачные и чистые, как слезы, – говорит мальчик, – и они принесут вам счастье потому, что я всем сердцем жажду этого! Возьмите их!

Золушка робко берет туфельки.

– Ну, что скажешь? – спрашивает Фея, еще более молодея и сияя. – Что я тебе говорила? Какой трогательный, благородный поступок. Вот это мы и называем в нашем волшебном мире – стихами. Обуйся и поблагодари.

– Спасибо, мальчик, – говорит Золушка, надевши туфельки. – Я никогда не забуду, как ты был добр ко мне.

Золотая карета, сверкая, стоит у калитки. На небе полная луна. Кучер с трудом удерживает шестерку великолепных коней. Мальчик-паж, распахивая дверцу кареты, осторожно и почтительно помогает девочке войти.

Сияющее лицо Золушки выглядывает из окошечка. И Фея говорит ей:

– А теперь запомни, дорогая моя, твердо запомни самое главное. Ты должна вернуться домой ровно к двенадцати часам. В полночь новое платье твое превратится в старое и бедное. Лошади снова станут мышами...

Лошади бьют копытами.

– Кучер – крысой.

– Эх, черт, – ворчит кучер.

– А карета – тыквой!

– Мерси сан суси! – восклицает карета.

– Спасибо вам, крестная, – отвечает Золушка, – я твердо запомню это.

И Фея с маленьким Пажом растворяются в воздухе.

Золотая карета мчится по дороге к королевскому замку.

Чем ближе карета к замку, тем торжественнее и праздничнее все вокруг. Вот подстриженное деревцо, сплошь украшенное атласными ленточками, похожее на маленькую девочку. Вот деревцо, увешанное колокольчиками, которые звенят на ветру.

Появляются освещенные фонариками указатели с надписями:

ОТКАШЛЯЙСЯ,
СКОРО САМ КОРОЛЬ БУДЕТ ГОВОРИТЬ С ТОБОЙ
УЛЫБАЙСЯ,
ЗА ПОВОРОТОМ ТЫ УВИДИШЬ КОРОЛЕВСКИЙ ЗАМОК.

И действительно, за поворотом Золушка видит чудо. Огромный, многобашенный и вместе с тем легкий, праздничный,

приветливый дворец сказочного короля весь светится от факелов, фонариков, пылающих бочек. Над дворцом в небе висят огромные грозди воздушных разноцветных шариков. Они привязаны ниточками к дворцовым башням.

Увидя все это сказочное великолепие, Золушка хлопает в ладоши и кричит:

– Нет, что-то будет, что-то будет, будет что-то очень хорошее!

Карета со звоном влетает на мост, ведущий к воротам королевского замка. Это необыкновенный мост. Он построен так, что, когда гости приезжают, доски его играют веселую, приветливую песню, а когда гости уезжают, то они играют печальную, прощальную.

Весь огромный плац перед парадным входом в замок занят пышными экипажами гостей.

Кучера в богатых ливреях стоят покуривают у крыльца.

Увидя карету Золушки, кучера перестают курить, глядят пристально. И Золушкин кучер на глазах у строгих ценителей осаживает коней на всем скаку перед самой входной дверью. Кучера одобрительно гудят:

– Ничего кучер! Хороший кучер! Вот так кучер!

Парадная дверь королевского дворца распахивается, два лакея выбегают и помогают Золушке выйти из кареты.

Золушка входит в королевский замок. Перед нею – высокая и широкая мраморная лестница.

Едва Золушка успевает взойти на первую ступень, как навстречу ей с верхней площадки устремляется Король. Он бежит так быстро, что великолепная мантия развеивается за королевскими плечами.

К о р о л ь. Здравствуйте, неизвестная, прекрасная, таинственная гостя! Нет, нет, не делайте реверанс на ступеньках. Это так опасно. Не снимайте, пожалуйста, перчатку. Здравствуйте! Я ужасно рад, что вы приехали!

З о л у ш к а. Здравствуйте, ваше величество! Я тоже рада, что приехала. Мне очень нравится у вас.

К о р о л ь. Ха-ха-ха! Вот радость-то! Она говорит искренне!

З о л у ш к а. Конечно, ваше величество.

К о р о л ь. Идемте, идемте.

Он подает руку Золушке и торжественно ведет ее вверх по лестнице.

К о р о л ь. Старые друзья – это, конечно, штука хорошая, но их уж ничем не удивишь! Вот, например, Кот в сапогах. Славный парень, умница, но, как приедет, сейчас же снимет сапоги, ляжет на пол возле камина и дремлет. Или Мальчик-с-пальчик. Милый, остроумный человек, но отчаянный игрок. Все время играет в прятки на деньги. А попробуй найди его. А главное, у них все в прошлом. Их сказки уже сыграны и всем известны. А вы... Как король сказочного королевства, я чувствую, что вы стоите на пороге удивительных сказочных событий.

З о л у ш к а. Правда?

К о р о л ь. Честное королевское!

Они поднимаются на верхнюю площадку лестницы, и тут навстречу им выходит Принц. Это очень красивый и очень юный человек.

Увидев Золушку, он останавливается как вкопанный. А Золушка краснеет и опускает глаза.

– Принц, а Принц! Сынок! – кричит Король. – Смотри, кто к нам приехал! Узнаешь?

Принц молча кивает головой.

К о р о л ь. Кто это?

П р и н ц. Таинственная и прекрасная незнакомка!

К о р о л ь. Совершенно верно! Нет, вы только подумайте, какой умный мальчик! Ты выпил молоко? Ты скушал булочку? Ты на сквозняке не стоял? Отчего ты такой бледный? Почему ты молчишь?

П р и н ц. Ах, государь, я молчу потому, что я не могу говорить.

К о р о л ь. Неправда, не верьте ему! Несмотря на свои годы, он все, все говорит: речи, комплименты, стихи! Сынок, скажи нам стишок, сынок, не стесняйся!

П р и н ц. Хорошо, государь! Не сердитесь на меня, прекрасная барышня, но я очень люблю своего отца и почти всегда слушаюсь его.

Принц поет:

Ах, папа, я в бою бывал,
 Под грохот барабана
 Одним ударом наповал
 Сразил я великана.
 Ах, папа, сам единорог
 На строгом поле чести
 Со мною справиться не мог
 И пал со свитой вместе.
 Ах, папа, вырос я большой,
 А ты и не заметил.
 И вот стою я сам не свой –
 Судьбу мою я встретил!

К о р о л ь. Очень славная песня. Это откуда? Нравится она вам, прекрасная барышня?

– Да, мне все здесь так нравится, – отвечает Золушка.

– Ха-ха-ха! – ликует Король. – Искренне! Ты заметь, сынок, она говорит искренне!

И Король устремляется вперед по прекрасной галерее, украшенной картинами и скульптурами на исторические сюжеты: «Волк и Красная Шапочка», «Семь жен Синей Бороды», «Голый король», «Принцесса на горошине» и т. п.

Золушка и Принц идут следом за Королем.

П р и н ц (робко). Сегодня прекрасная погода, не правда ли?

З о л у ш к а. Да, Принц, погода сегодня прекрасная.

П р и н ц. Я надеюсь, вы не устали в дороге?

З о л у ш к а. Нет, Принц, я в дороге отдохнула, благодарю вас!

Навстречу Королю бежит пожилой, необыкновенно подвижный и ловкий человек. Собственно говоря, нельзя сказать, что он бежит. Он танцует, мчась по галерее, танцует с упоением, с наслаждением, с восторгом. Он делает несколько реверансов Королю, прыгая почти на высоту человеческого роста.

– Позвольте мне представить моего министра бальных танцев господина маркиза Падетруа, – говорит Король. – В далеком-далеком прошлом маркиз был главным танцмейстером в замке Спящей красавицы. Сто лет он проспал вместе

со всем штатом королевского замка. Вы представляете, как он выспался! Он теперь совсем не спит. Вы представляете, как он стосковался по танцам! Он теперь танцует непрерывно. И как он проголодался за сто лет! У маркиза теперь прекрасный аппетит.

Маркиз низко кланяется Золушке и начинает исполнять перед нею сложный и изящный танец.

– Вы понимаете балетный язык? – спрашивает Король.

– Не совсем, – отвечает Золушка.

– В торжественных случаях маркиз объясняется только средствами своего искусства. Я переведу вам его приветственную речь.

И, внимательно глядя на танец маркиза, Король переводит:

– Человек сам не знает, где найдет, где потеряет. Рано утром, глядя, как пастушок шагал во главе стада коров...

Маркиз вдруг останавливается, укоризненно взглядывает на Короля и повторяет последние па.

– Виноват, – поправляется Король, – глядя на пастушка, окруженного резвыми козочками, маркиз подумал: ах, жизнь пастушка счастливее, чем жизнь министра, отягощенного рядом государственных забот и тревожений. Но вот пришел вечер, и маркиз выиграл крупную сумму в карты...

Маркиз останавливается и повторяет последние па, укоризненно глядя на своего государя.

– Виноват, – поправляется Король, – но вот пришел вечер, и судьба послала маркизу неожиданное счастье. Даже дряхлая, но бойкая старушка...

Маркиз снова повторяет па.

– Виноват, – поправляется Король, – даже сама муза Терпсихора менее грациозна и изящна, чем наша грациознейшая гостья. Как он рад, как он рад, как он рад, ах-ах-ах!

Закончив танец, министр кланяется Золушке и говорит:

– Черт, дьявол, демон, мусор! Простите, о прелестная незнакомка, но искусство мое так изящно и чисто, что организм иногда просто требует грубости! Скоты, животные, интриганы! Это я говорю обо всех остальных мастерах моего искусства!

Медведи, жабы, змеи! Разрешите пригласить вас на первый танец сегодняшнего бала, о прелестная барышня!

– Простите, – вмешивается Принц решительно, – но гостья наша приглашена мною!

Бальный зал – роскошный и вместе с тем уютный. Гости беседуют, разбившись на группы.

Мачеха Золушки шепчется с Анной и Марианной, склонившись над большой записной книжкой, очень похожей на счетную.

Лесничий дремлетazole.

А н н а. Запиши, мамочка, Принц взглянул в мою сторону три раза, улыбнулся один раз, вздохнул один, итого – пять.

М а р и а н н а. А мне Король сказал: «очень рад вас видеть» – один раз, «ха-ха-ха» – один раз и «проходите, проходите, здесь дует» – один раз. Итого -- три раза.

Л е с н и ч и й. Зачем вам нужны все эти записи?

М а ч е х а. Ах, муженек дорогой, не мешай нам веселиться!

А н н а. Папа всегда ворчит.

М а р и а н н а. Такой бал! Девять знаков внимания со стороны высочайших особ!

М а ч е х а. Уж будьте покойны, теперь я вырву приказ о зачислении моих дочек в бархатную книгу первых красавиц двора.

Гремят трубы. Гости выстраиваются двумя рядами.

Входят Король, Золушка, Принц и министр бальных танцев.

Гости низко кланяются Королю.

К о р о л ь. Господа! Позвольте вам представить девушку, которая еще ни разу не была у нас, волшебной одетую, сказочно прекрасную, сверхъестественно искреннюю и таинственно скромную.

Гости низко кланяются. Золушка приседает. И вдруг Мачеха Золушки выступает из рядов.

М а ч е х а. Ах, ах, ваше величество, я знаю эту девушку. Клянусь, что знаю.

К о р о л ь. Закон, изданный моим прадедом, запрещает нам называть имя гостьи, пожелавшей остаться неизвестной.

Золушка. Ах, ваше величество, я вовсе не стыжусь своего имени.

– Говорите, сударыня, прошу вас!

Мачеха. Ах, слушайте, сейчас вы все будете потрясены.

Эта девушка...

Мачеха выдерживает большую паузу.

– ...эта девушка – богиня красоты. Вот кто она такая...

Король. Ха-ха-ха! Довольно эффектный комплимент.

Мерси.

Мачеха. Многоуважаемая богиня...

Золушка. Уверяю вас, вы ошибаетесь, сударыня. Меня зовут гораздо проще, и вы меня знаете гораздо лучше, чем вам кажется.

Мачеха. Нет, нет, богиня! А вот, богиня, мои дочери. Эту зовут...

Золушка. Анна!

Мачеха. Ах! А эту...

Золушка. Марианна!

Мачеха. Ах!

Золушка. Анна очень любит землянику, а Марианна – каштаны. И живете вы в уютной усадьбе, возле королевской дороги, недалеко от чистого ручья. И я рада видеть вас всех, вот до чего я счастлива сегодня.

Золушка подходит к Лесничему.

– А вы меня не узнаете? – спрашивает она его ласково.

– Я не смею, – отвечает ей Лесничий робко.

Золушка нежно целует отца в лоб и проходит с Королем дальше, мимо низко кланяющихся гостей.

Раздаются звуки музыки. Гости выстраиваются парами. Бал открылся.

В первой паре – Принц и Золушка.

Принц. Я знаю, что вы думаете обо мне.

Золушка. Нет, Принц, нет, я надеюсь, что вы не знаете этого!

Принц. Я знаю, к сожалению. Вы думаете: какой он глупый и неповоротливый мальчик.

Золушка. Слава тебе господи, вы не угадали, Принц!

Танцами дирижирует маркиз Падетруа. Он успеваает и танцевать, и следить за всеми. Он птицей вьется по всему залу и улыбается блаженно.

Золушка. А скажите, пожалуйста, Принц, кто этот высокий человек в латах, который танцует одно, а думает о другом?

Принц. Это младший сын соседнего короля. Два его брата уехали искать приключений и не вернулись. Отец захворал с горя. Тогда младший отправился на поиски старших и по дороге остановился у нас отдохнуть...

Золушка. А кто этот милый старик, который все время путает фигуры?

Принц. О, это самый добрый волшебник на свете. Он по доброте своей никому не может отказать, о чем бы его ни попросили. Злые люди так страшно пользовались его добротой, что он заткнул уши воском. И вот теперь он не слышит ничьих просьб, но и музыки тоже. От этого он и путает фигуры.

Золушка. А почему эта дама танцует одна?

Принц. Она танцует не одна. Мальчик-с-пальчик танцует с ней. Видите?

И действительно, на плече у дамы старательно пляшет на месте веселый, отчаянный мальчуган, с палец ростом, в коротеньких штанишках. Он держит свою даму не за руку, а за бриллиантовую сережку и кричит ей в самое ухо что-то, должно быть, очень веселое, потому что дама хохочет во весь голос.

Вот танец окончен.

– Играть, давайте играть, – кричит Король.

– В кошки-мышки, – кричит Кот в сапогах, выскакивая из-под камина.

– В прятки! – просит Мальчик-с-пальчик.

– В фанты, – приказывает Король. – В королевские фанты. Никаких фантов никто не отбирает, никто ничего не назначает, а что, ха-ха, Король прикажет – то все, ха-ха, и делают.

Он знаками подзывает доброго волшебника. Тот вынимает воск из ушей и идет к Королю.

Сразу к доброму волшебнику бросаются просители с Мачехой Золушки во главе. Но стража окружает волшебника и отгесняет просителей.

Подойдя к Королю, добрый волшебник чихает.

– Будьте здоровы! – говорит Король.

– Не могу отказать вам в вашей просьбе, – отвечает добрый волшебник старческим, дребезжащим голосом – и необычайно здоровеет. Плечи его раздвигаются. Он становится много выше ростом. Через миг перед Королем стоит богатырь.

– Спасибо, дорогой волшебник, – говорит Король, – хотя, откровенно говоря, просьбу свою я высказал нечаянно.

– Ничего, ваше величество, – отвечает добрый волшебник великолепным баритоном, – я только выиграл на этом!

– Мы сейчас будем играть в королевские фанты, – объясняет Король.

– Ха-ха-ха! Прелестно! – радуется волшебник.

– Первый фант – ваш! Сделайте нам что-нибудь этакое... – Король шевелит пальцами, – доброе, волшебное, чудесное и приятное всем без исключения.

– Это очень просто, ваше величество, – отвечает волшебник весело.

Он вынимает из кармана маленькую трубочку и кист. Тщательно набивает трубочку табаком. Раскуривает трубку, затягивается табачным дымом во всю свою богатырскую грудь и затем принимается дуть, дуть, дуть.

Дым заполняет весь бальный зал. Раздастся нежная, негромкая музыка.

Дым рассеивается.

Принц и Золушка плывут по озеру, освещенному лунной. Легкая лодка скользит по спокойной воде не спеша, двигается сама собой, слегка покачиваясь под музыку.

– Не пугайтесь, – просит Принц ласково.

– Я несколько не испугалась, – отвечает Золушка, – я от сегодняшнего вечера ждала чудес – и вот они пришли. Но все-таки где мы?

– Король попросил доброго волшебника сделать что-нибудь доброе, волшебное, приятное всем. И вот мы с вами перенеслись в волшебную страну.

– А где же остальные?

– Каждый там, где ему приятно. Волшебная страна велика. Но мы здесь ненадолго. Человек может попасть сюда всего на девять минут, девять секунд и ни на один миг больше.

– Как жалко! Правда? – спрашивает Золушка.

– Да, – отвечает Принц и вздыхает.

– Вам грустно?

– Я не знаю, – отвечает Принц. – Можно задать вам один вопрос?

– Конечно, прошу вас!

– Один мой друг, – начинает Принц после паузы, запинаясь, – тоже принц, тоже, в общем, довольно смелый и находчивый, тоже встретил на балу девушку, которая вдруг так понравилась ему, что он совершенно растерялся. Что бы вы ему посоветовали сделать?

Пауза.

– А может быть, – спрашивает Золушка робко, – может быть, принцу только показалось, что эта девушка ему так нравится?

– Нет, – отвечает Принц, – он твердо знает, что ничего подобного с ним не было до сих пор и больше никогда не будет. Не сердитесь.

– Нет, что вы! – отвечает Золушка. – Знаете, мне грустно жилось до сегодняшнего вечера. Ничего, что я так говорю? А сейчас я очень счастлива! Ничего, что я так говорю?

В ответ Золушке Принц поет:

Перед вашей красотой
Словно мальчик я дрожу.
Нет, я сердца не открою,
Ничего я не скажу.
Вы как сон или виденье.
Вдруг нечаянно коснусь,
Вдруг забудусь на мгновенье
И в отчаяньи проснусь...

И тут музыка затихает, Принц умолкает, а чьи-то нежные голоса объявляют ласково и чуть печально:

– Ваше время истекло, ваше время истекло, кончайте разговор, кончайте разговор!

Исчезают озеро, лодка и луна.
Перед нами снова бальный зал.

– Благодарю, – говорит Король, пожимая руку доброму волшебнику. – Вино, которое мы пили с вами из волшебных бокалов в волшебном кабачке, было сказочно прекрасным!

– Какие там магазины! – восхищается Мачеха Золушки.

– Какие духи! – стонет Анна.

– Какие парикмахерские! – кричит Марианна.

– Как там тихо и мирно! – шепчет Лесничий.

– Какой успех я там имел! – ликует маркиз Падетруа.

Он делает знак музыкантам, и они начинают играть ту же самую музыку, которую мы слышали в волшебной стране.

Все танцуют.

Принц и Золушка в первой паре.

– Мы вернулись из волшебной страны? – спрашивает Принц.

– Не знаю, – отвечает Золушка, – по-моему, нет еще. А как вы думаете?

– Я тоже так думаю, – говорит Принц.

– Знаете что, – говорит Золушка, – у меня бывали дни, когда я так уставала, что мне даже во сне снилось, будто я хочу спать! А теперь мне так весело, что я танцую, а мне хочется танцевать все больше и больше!

– Слушаюсь, – шепчет маркиз Падетруа, услышавший последние слова Золушки.

Он дает знак оркестру. Музыка меняется. Медленный и чинный бальный танец переходит в веселый, нарядный, живой, быстрый, отчаянный.

Золушка и Принц пляшут вдохновенно.

Музыканты опускаются на пол в изнеможении.

Танец окончен.

Принц и Золушка на балконе.

– Принц, а Принц! – весело говорит Золушка, обмахиваясь веером. – Теперь мы знакомы с вами гораздо лучше! Попробуйте, пожалуйста, угадать, о чем я думаю теперь.

Принц внимательно и ласково смотрит Золушке в глаза.

– Понимаю! – восклицает он. – Вы думаете: как хорошо было бы сейчас поесть мороженого.

– Мне очень стыдно, Принц, но вы угадали, – признается Золушка.

Принц убегает.

Внизу – дворцовый парк, освещенный луной.

– Ну вот, счастье, ты и пришло ко мне, – говорит Золушка тихо, – пришло неожиданно, как моя крестная! Глаза у тебя, счастье мое, ясные, голос нежный. А сколько заботливости! Обо мне до сих пор никто никогда не заботился. И мне кажется, счастье мое, что ты меня даже поблаиваешься. Вот приятно-то! Как будто я и в самом деле взрослая барышня.

Золушка подходит к перилам балкона и видит справа от себя на башне большие, освещенные факелами часы.

На часах без двадцати одиннадцать.

– Еще целый час! Целый час и пять минут времени у меня, – говорит Золушка, – за пятнадцать минут я, конечно, успею доехать до дому. Через час и пять минут я убегу. Конечно, может быть, счастье мое, ты не оставишь меня, даже когда увидишь, какая я бедная девушка! Ну, а если вдруг все-таки оставишь? Нет, нет... И пробовать не буду... Это слишком страшно... А кроме того, я обещала крестной уйти вовремя. Ничего. Час! Целый час, да еще пять минут впереди. Это ведь не так уж мало!

Но тут перед Золушкой вырастает Паж ее крестной.

– Дорогая Золушка! – говорит мальчик печально и нежно. – Я должен передать вам очень грустное известие. Не огорчайтесь, но Король приказал перевести сегодня все дворцовые часы на час назад. Он хочет, чтобы гости танцевали на балу подольше.

Золушка ахает:

– Значит, у меня почти совсем не осталось времени?!

– Почти совсем, – отвечает Паж. – Умоляю вас, не огорчайтесь. Я не волшебник, я только учусь, но мне кажется, что все еще может кончиться очень хорошо.

Паж исчезает.

– Ну, вот и все, – говорит девочка печально.

Убегает Принц, веселый и радостный. За ним – три лакея. Один лакей несет поднос, на котором сорок сортов мороженого, другой несет легкий столик, третий – два кресла.

Лакеи накрывают на стол и убегают с поклонами.

– Это лучшее мороженое на всем белом свете, – говорит Принц, – я сам выбирал его. Что с вами?

З о л у ш к а. Спасибо вам, Принц, спасибо вам, дорогой Принц, за все. За то, что вы такой вежливый. За то, что вы такой ласковый. И заботливый, и добрый. Лучше вас никого я не видела на свете!

П р и н ц. Почему вы говорите со мной так печально?

З о л у ш к а. Потому что мне пора уходить.

П р и н ц. Нет, я не могу вас отпустить! Честное слово, не могу! Я... я все обдумал... После мороженого я сказал бы вам прямо, что люблю вас... Боже мой, что я говорю. Не уходите!

З о л у ш к а. Нельзя!

П р и н ц. Подождите! Ах, я вовсе не такой смешной, как это кажется. Все это потому, что вы мне слишком уж нравитесь. Ведь за это сердиться на человека нехорошо! Простите меня. Оставайтесь! Я люблю вас!

Золушка протягивает Принцу руки, но вдруг раздается торжественный и печальный звон колоколов. Куранты башennых часов отбивают три четверти!

И, закрыв лицо руками, Золушка бросается бежать.

Принц несколько мгновений стоит неподвижно. И вдруг решительно устремляется в погоню.

В большом зале веселье в полном разгаре. Идет игра в кошки-мышки. Принц видит: платье Золушки мелькнуло у выхода в картинную галерею. Он бежит туда, но хоровод играющих преграждает ему путь.

Бледный, сосредоточенный, мечется Принц перед веселым, пляшущим препятствием, и никто не замечает, что Принцу не до игры.

Король стоит у колонны с бокалом вина в руках.

– Ха-ха-ха! – радуется он. – Мальчик-то как развеселился. Счастливей возраст!

Принцу удалось наконец вырваться. Он выбегает в галерею, а Золушка исчезает в противоположном ее конце.

Принц выбегает на верхнюю площадку лестницы.

Золушка спешит вниз по широким мраморным ступеням.

Она оглядывается.

Принц видит на миг ее печальное, бледное лицо. Золушка, узнав Принца, еще быстрее мчится вниз.

И хрустальная туфелька соскальзывает с правой ее ноги. У нее нет времени поднять туфельку. На бегу снимает она левую и в одних чулочках выскальзывает на крыльцо.

Карета ее уже стоит у дверей.

Мальчик-паж печально улыбается Золушке. Он помогает ей войти в карету. Входит вслед за ней и кричит кучеру:

– Вперед!

И когда Принц выбегает на крыльцо, он слышит, как доски моста играют печальную прощальную песенку.

Принц стоит на крыльце опустив голову. В руках его сияет хрустальная туфелька.

А Золушка, сидя в карете, глядит на туфельку, оставшуюся у нее, и плачет.

И Мальчик-паж, сидя на скамеечке напротив, негромко всхлипывает из сочувствия.

– Дорогая Золушка, – говорит он сквозь слезы, – я, чтобы хоть немножко развеселить вас, захватил один рубиновый стаканчик со сливочным мороженым. Попробуйте, утешьте меня, а стаканчик я потом верну во дворец.

– Спасибо, мальчик, – говорит Золушка.

И она ест мороженое, продолжая тихонько плакать.

Карета бежит все быстрее и быстрее.

– Ох, натерпелся я страху! – бормочет кучер. – Обратиться в крысу при лучших кучерах королевства! Нет, уж лучше в крысоловке погибнуть.

– Да, уж за это мерси, фа, соль, ля, си! – бормочет карета.

Кучер лихо осаживает коней у самой калитки усадьбы Лесничего. И в тот же миг раздается отдаленный звон часов, бьющих двенадцать.

Все исчезает в вихре тумана.

Тоненькие голоса кричат издали:

– Прощай, хозяйка! Прощай, хозяйка!

Голос гулкий, как из бочки, бормочет, замирая:

– Адье, адье, адье, ма пти, тюр-лю-тю-тю!..

И когда затихает вихрь и рассеивается туман, мы видим прежнюю Золушку, растрепанную, в стареньком платьице, но в руках ее сияет драгоценная хрустальная туфелька.

Бальный зал королевского дворца.

Король, веселый, сдвинув корону на затылок, стоит посреди зала и кричит во весь голос:

– Ужинать, ужинать, господа, ужинать! Таинственная гостья, где вы?

Старик лакей наклоняется к уху Короля и шепчет:

– Они изволили отбыть в три четверти одиннадцатого по дворцовому времени.

– Какой ужас! – пугается Король. – Без ужина?! Ты слышишь, сынок? Принц, где ты?

– Их королевское высочество изволят тосковать на балконе с одиннадцати часов по дворцовому времени, ваше величество!

– Садитесь за стол без меня, господа, – кричит Король, – я сейчас: тут меня вызывают на минутку.

Принц стоит у перил балкона, задумчивый и печальный. В руках у него хрустальная туфелька.

Вихрем врывается Король.

К о р о л ь. Мальчик, что случилось? Ты заболел? Так я и знал!

П р и н ц. Нет, государь, я совершенно здоров!

К о р о л ь. Ай-яй-яй! Как нехорошо обманывать старших! Сорок порций мороженого! Ты объелся! Фу, стыд какой!

Сорок порций! С шести лет ты не позволял себе подобных излишеств. Конечно, конечно – ты отморозил себе живот!

П р и н ц. Я не трогал мороженого, папа!

К о р о л ь. Как не трогал? Правда, не трогал! Что же тогда с тобой?

П р и н ц. Я влюбился, папа.

Король с размаху падает в кресло.

П р и н ц. Да, папа, я влюбился в нашу таинственную, прекрасную, добрую, простую, правдивую гостью. Но она вдруг убежала так быстро, что эта хрустальная туфелька соскользнула с ее ноги на ступеньках лестницы.

К о р о л ь. Влюбился? Так я и знал... Впрочем, нет, я ничего не знал. *(Срывает корону и швыряет ее на пол.)* Ухожу, к черту, к дьяволу, в монастырь, живите сами как знаете! Почему мне не доложили, что ты уже вырос?

П р и н ц. Ах, папа, я еще сегодня спел тебе об этом целую песню.

К о р о л ь. Разве? Ну ладно, так и быть, остаюсь. Ха-ха! Мальчик влюбился. Вот счастье-то!

П р и н ц. Нет, папа! Это несчастье!

К о р о л ь. Ерунда!

П р и н ц. Она не любит меня.

К о р о л ь. Глупости! Любит, иначе не отказалась бы от ужина. Идем искать ее!

П р и н ц. Нет, папа, я обиделся!

К о р о л ь. Хорошо, я сам ее разыщу!

Он складывает ладони рупором и кричит:

– Привратники сказочного королевства! Вы меня слышите?

Издали-издали доносится ответ:

– Мы слушаем, ваше величество!

К о р о л ь. Не выезжала ли из ворот нашего королевства девушка в одной туфельке?

Г о л о с и з д а л и. Сколько туфелек было, говорите, на ней?

К о р о л ь. Одна, одна!

Г о л о с и з д а л и. Блондинка? Брюнетка?

К о р о л ь. Блондинка! Блондинка!

Г о л о с и з д а л и. А лет ей сколько?

К о р о л ь. Примерно шестнадцать.

Г о л о с и з д а л и. Хорошенькая?

К о р о л ь. Очень!

Г о л о с и з д а л и. Ага, понимаем. Нет, ваше величество, не выезжала. И никто не выезжал! Ни один человек! Муха и та не пролетала, ваше величество!

К о р о л ь. Так чего же вы меня так подробно расспрашивали, болваны?

Г о л о с и з д а л и. Из интереса, ваше величество!

К о р о л ь. Ха-ха-ха! Дураки! Никого не выпускать! Поняли? Запереть ворота! Поняли? Сынок, все идет отлично! Она у нас в королевстве, и мы ее найдем! Ты знаешь мою распорядительность. Дай сюда эту туфельку!

Король вихрем уносится прочь. Он подбегает к столу, за которым ужинают гости, и кричит:

– Господа, радуйтесь! Принц женится! Свадьба завтра вечером. Кто невеста? Ха-ха-ха! Завтра узнаете! Маркиз Падетруа, за мной!

И Король бежит из зала, сопровождаемый министром бальных танцев.

Раннее утро.

На лужайке позади двора выстроился отряд королевской стражи. Выбегает Король, сопровождаемый министром бальных танцев. Король останавливается перед стражей в позе величественной и таинственной.

К о р о л ь. Солдаты! Знаете ли вы, что такое любовь?

Солдаты вздыхают.

К о р о л ь. Мой единственный сын и наследник влюбился, и влюбился серьезно.

Солдаты вздыхают.

К о р о л ь. И вот такая, вы понимаете, штука получилась. Только он заговорил с девушкой серьезно, как она сбежала!

С о л д а т ы. Это бывает!

К о р о л ь. Не перебивайте! Что тут делать? Искать надо! Я и министр знаем девушку в лицо. Мы будем ездить взад и вперед, глядеть в подзорные трубы. А вы будете ловить невесту при помощи этой хрустальной туфельки. Я знаю, что все вы отлично умеете бегать за девушками.

С о л д а т ы. Что вы, ваше величество!

К о р о л ь. Не перебивайте! Я приказываю вам следующее: ловите всех девушек, каких увидите, и примеряйте им туфельку. Та девушка, которой хрустальная туфелька придется как раз по ноге, и есть невеста Принца. Поняли?

С о л д а т ы. Еще бы, ваше величество!

К о р о л ь. А теперь отправляйтесь в мою сокровищницу. Там каждому из вас выдадут по паре семимильных сапог. Для скорости. Берите туфельку и бегите. Шагом марш!

Солдаты удаляются.

Король бежит к королевским конюшням. Министр – за ним.

Коляску уже выкатили из конюшни, но коней еще не запрягли.

Король и министр усаживаются в коляску. Король прыгает на месте от нетерпения.

– Кучер! – кричит Король. – Да что же это такое, кучер!

Королевский кучер выходит из конюшни.

К о р о л ь. Где кони?

К у ч е р. Завтракают, ваше величество!

К о р о л ь. Что такое?

К у ч е р. Овес доедают, ваше величество. Не позавтракавши разве можно? Кони королевские, нежные!

К о р о л ь. А сын у меня не королевский? А сын у меня не нежный? Веди коней!

К у ч е р. Ладно! Пойду потороплю!

Кучер уходит не спеша. Король так и вьется на месте.

– Не могу! – вскрикивает он наконец. – Да что же это такое? Я – сказочный король или нет? А раз я сказочный – так к черту коней! Коляска – вперед!

И коляска, повинувшись сказочному Королю, срывается с места, подняв оглобли, и вот уже несется по королевской дороге.

Семь розовых кустов, выросших под окнами Золушкиного дома.

Золушка выходит из дверей.

— Здравствуйте, дорогие мои, — говорит она приветливо цветам.

И розы кивают ей.

— Знаете, о чем я думаю? — спрашивает девушка.

Розы качают головами отрицательно.

— Я скажу вам, но только шепотом. Он мне так понравился, что просто ужас! Понимаете?

Розы дружно кивают в ответ.

— Только, смотрите, никому ни слова, — просит Золушка.

Розы изо всех сил подтверждают, что они не проболтаются.

— Дорогие мои, — шепчет Золушка, — я пойду в лес и помечтаю о том, что все, может быть, кончится хорошо.

Золушка идет по лесу по тропинке и поет. И вдруг останавливается. Лицо ее выражает ужас. Она опускает голову, и длинные ее волосы, распутившись, закрывают лицо.

Из лесной чащи навстречу Золушке выходит Принц.

Он бледен.

П р и н ц. Я испугал вас, дитя мое? Не бойтесь! Я не разбойник, не злой человек, я просто несчастный принц! С самого рассвета я брожу по лесу и не могу найти места с горя. Помогите мне.

Золушка отворачивается.

П р и н ц. Скажите мне: кто пел сейчас здесь в лесу, где-то недалеко? Вы никого не встретили?

Золушка отрицательно качает головой.

П р и н ц. Вы говорите мне правду? Вы в самом деле не знаете, кто пел?

Золушка отрицательно качает головой.

П р и н ц. Я не вижу вашего лица, но мне думается почему-то, что вы девушка добрая. Будьте добры! Помогите мне. Мне так грустно, как никогда в жизни! Мне нужно, непременно нужно найти одну девушку и спросить ее, за что она так обидела меня. Нет, нет, не уходите, стойте! Покажите мне ваше лицо!

Золушка отрицательно качает головой.

П р и н ц. Ну пожалуйста! Не знаю, может быть, я сошел с ума, но скажите, это не вы пели здесь сейчас?

Золушка отрицательно качает головой.

П р и н ц. Что-то очень знакомое есть в ваших руках, в том, как вы опустили голову... И эти золотые волосы... Вы не были вчера на балу? Если это вы, то не оставляйте больше меня. Если злой волшебник околдовал вас, я его убью! Если вы бедная, незнатная девушка, то я только обрадуюсь этому. Если вы не любите меня, то я совершу множество подвигов и понравлюсь вам наконец!.. Скажите мне хоть слово! Нет, нет – это вы! Я чувствую, что это вы!

Принц делает шаг вперед, но Золушка прыгает от него легко, как котенок, и исчезает в чаще.

Она мчится без оглядки между кустами и деревьями и у калитки своего дома оглядывается. Никто не преследует ее. Золушка подбегает к розовым кустам и шепчет им:

– Я встретила Принца!

Розы дрожат, пораженные.

– Что со мной случилось! – шепчет Золушка. – Я такая правдивая, а ему не сказала правды! Я такая послушная, а его не послушалась! Я так хотела его видеть – и задрожала, когда встретила, будто волк попался мне навстречу. Ах, как просто все было вчера и как странно сегодня.

Золушка входит в дом.

Вся семья сидит в столовой и пьет кофе.

М а ч е х а. Где ты пропадала, пехоршая девочка? Бери пример с моих дочек. Они сидят дома, и судьба награждает их за это. Они пользовались вчера на балу таким успехом! И я несколько не удивлюсь, если Принц женится на одной из присутствующих здесь девушек.

З о л у ш к а. Ах, что вы, матушка!

М а ч е х а. Как ты смеешь сомневаться, негодная!

З о л у ш к а. Простите, матушка, я думала, что вы говорите обо мне.

Мачеха и дочери переглядываются и раздражаются хохотом.

– Прощаю тебя, самодовольная девочка, потому что я в духе. Идемте, постоим у изгороди, дочки. Может, проедет какая-нибудь важная особа и мы крикнем ей «здравствуйте». Иди за нами, Золушка, я подумаю, что тебе приказать.

Мачеха и сестры выходят из дому и замирают на месте в крайнем удивлении: мимо дома по королевской дороге проносится отряд солдат в семимильных сапогах.

Их едва можно разглядеть, с такой быстротой они мчатся. Вот они уже превратились в едва заметные точки на горизонте. Но сейчас же точки эти начинают расти, расти. Солдаты летят обратно.

Поравнявшись с домом Лесничего, солдаты разом, не нарушая строя, валятся на спину, снимают с себя семимильные сапоги.

Вскакивают.

Капрал отдает честь дамам и говорит:

– Здравия желаем, сударыня. Простите, известно, что спинать сапоги при дамах некрасиво. Но только они, извините, сударыня, семимильные.

М а ч е х а. Да я это заметила, капрал. А зачем их надели, капрал?

К а п р а л. Чтобы поймать невесту Принца, сударыня.

Дамы ахают.

К а п р а л. С этими семимильными сапогами мы просто извелись. Они, черти, проносят нас бог знает куда, мимо цели. Вы не поверите, сударыня, мимо какого количества девушек мы проскочили с разгона, а еще большее количество напугали до полусмерти. Однако приказ есть приказ, сударыня. Разрешите примерить вашим дочкам эту туфельку.

М а ч е х а. Какой номер?

К а п р а л. Не могу знать, сударыня, но только кому туфелька как раз, та и есть невеста Принца.

Дамы ахают.

М а ч е х а. Капрал! Зовите Короля! Туфелька как раз по ноге одной из моих дочек.

К а п р а л. Но, сударыня...

М а ч е х а. Зовите Короля! (*Многозначительно.*) Я вам буду очень благодарна. Вы понимаете меня? Очень! (*Тихо.*) Озолочу!

К а п р а л. За это спасибо, но как же без примерки?

М а ч е х а (*тихо*). Водка есть. Два бочонка. Слышите?

К а п р а л. Еще бы! Однако не могу. Приказ есть приказ!

М а ч е х а. Дайте туфлю.

Она примеряет туфельку Анне. Анна стонет.

Примеряет Марианне – та кричит.

М а ч е х а. Других размеров нету?

К а п р а л. Никак нет, сударыня.

Мачеха еще раз пробует надеть своим дочерям хрустальную туфельку, но ничего у нее не получается. Она думает напряженно несколько мгновений, потом говорит нежно и мягко:

– Золушка!

З о л у ш к а. Да, матунка!

М а ч е х а. Мы иногда ссорились с тобою, но ты не должна на меня сердиться, девочка. Я всегда хотела тебе добра. Отплати и ты мне добром. Ты все можешь – у тебя золотые руки. Надень эту туфельку Анне.

З о л у ш к а. Матушка, я...

М а ч е х а. Я очень тебя прошу, крошка моя, голубушка, дочка моя любимая.

Золушка не может противиться ласковым речам. Она подходит к Анне. Осторожно и ловко действуя, она каким-то чудом ухитряется надеть сестре туфлю.

М а ч е х а. Готово! Кончено! Поздравляю тебя, Анна, ваше королевское высочество! Готово! Все! Ну, теперь они у меня попляшут во дворце! Я у них заведу свои порядки! Марианна, не горюй! Король – вдовец! Я и тебя пристрою. Жить будем! Эх, жалко – королевство маловато, разгуляться негде! Ну ничего! Я поссорюсь с соседями! Это я умею. Солдаты! Чего вы стоите, рот раскрыли?! Кричите «ура» королевским невестам!

Солдаты повинуются.

М а ч е х а. Зовите Короля!

Капрал трубит в трубу.

Раздается шум колес.

К калитке подкатывает королевская коляска без коней. Король, сияющий, прыгает из коляски, как мальчик. За ним, танцую и кружась, вылетает маркиз Падетруа.

Король мечется по лужайке и вопит:

— Где она, дорогая! Где она, моя дочка?

Золушка робко выглядывает из-за розовых кустов.

М а ч е х а. Вот она, ваше величество, дорогой зятек.

И она, торжествуя, указывает на Анну.

К о р о л ь. Ну вот еще, глупости какие!

М а ч е х а. Взгляните на ее ножки, государь!

К о р о л ь. Чего мне смотреть на ножки?! Я по лицу вижу, что это не она.

М а ч е х а. Но хрустальный башмачок пришелся ей впору, государь!

К о р о л ь. И пусть! Все равно это не она!

М а ч е х а. Государь! Слово короля — золотое слово. Хрустальная туфелька ей впору?! Впору. Следовательно, она и есть невеста. Вы сами так сказали солдатам. Верно, солдаты? Ага, молчат! Нет, нет, зятек, дельце обделано. Муж!

Вбегают Лесничий.

М а ч е х а. Твоя дочка выходит за Принца!

Л е с н и ч и й. Золушка?

М а ч е х а. При чем тут Золушка? Вот эта дочь! Чего ты стоишь как пень? Кричи «ура»!

К о р о л ь. Ах, черт побери, какая получается неприятность! Что делать, маркиз?

М а р к и з. Танцевать, конечно.

Он протягивает Анне руку и ведет ее в танце.

М а р к и з. Что с вами, красавица? Вы прихрамываете, красавица? Эге! Да туфелька убежала от вас, красавица!

И он поднимает с травы хрустальную туфельку.

Пробует надеть ее Анне.

— Но она вам невозможно мала! Какой чудодей ухитрился обуть вас?

Маркиз пробует надеть туфельку Марианне.

— Увы, и вам она мала, барышня!

– Это ничего не значит! – кричит Мачеха. – Неизвестная невеста тоже потеряла эту туфельку во дворце.

М а р к и з. Неизвестной красавице туфелька была чуть-чуть великовата.

К о р о л ь. Ну, ничего, ничего, это бывает, не расстраивайтесь, сударыня. Больше здесь нет девушек?

Л е с н и ч и й. Есть, государь, моя дочка Золушка.

К о р о л ь. Но ведь вы говорили, Лесничий, что она еще совсем крошка?

Л е с н и ч и й. Так мне казалось вчера, государь.

И он выводит из-за розовых кустов упирающуюся Золушку. Мачеха и сестры хохочут.

К о р о л ь. Приказываю не хихикать! Не смущайтесь, бедная девочка. Посмотрите мне в глаза. Ах! Что такое?! Какой знакомый взгляд. Примерить ей немедленно туфельку.

Маркиз повинуется.

– Государь, – кричит он, – это она! А это что? Смотрите, государь!

Он достает из кармана Золушкиного фартука вторую туфельку.

Король подпрыгивает, как мячик. Целует Золушку, кричит:

– Где Принц? Принца сюда! Скорее! Скорее!

Топот копыт. Верхом на коне влетает галопом старый лакей.

– Где Принц? – спрашивает Король.

Старый лакей соскакивает с седла и говорит негромко:

– Его высочество, чтобы рассеять грусть-тоску, изволили бежать за тридцать земель в одиннадцать часов дня по дворовому времени.

Король плачет, как ребенок.

Дамы торжествующе улыбаются.

– Боже мой! Это я виновата, – убивается Золушка, – почему я не заговорила с ним в лесу? Он погибнет теперь из-за моей застенчивости. Принц! Милый Принц! Где ты?

И нежный детский голосок отвечает Золушке:

-- Он здесь!

И из дома выходит мальчик Паж. Он ведет за руку улыбающегося Принца. Король хохочет, как ребенок.

– Я не волшебник. Я только учусь. Но ради тех, кого люблю, я способен на любые чудеса, – говорит мальчик.

Музыка.

Фея появляется среди присутствующих. Она взмахивает волшебной палочкой – и вот Золушка одета так же блистательно, как была вчера.

Новый взмах палочкой – и знакомая золотая карета со знакомым кучером и знакомыми конями лихо подкатывает к калитке.

– Ну, что скажешь, старуха лесничиха? – спрашивает Фея.

Мачеха молчит.

– Венчаться! – кричит Король. – Скорее, скорее во дворец венчаться!

– Но, – говорит Принц тихо, – но Золушка так и не сказала, любит ли она меня.

И Золушка подходит к Принцу.

Она робко улыбается ему.

Он наклоняется к ней, и тут Король хлопотливо и озабоченно задергивает тот самый занавес, который мы видели в начале сказки.

К о р о л ь. Не люблю, признаться, когда людям мешают выяснять отношения. Ну вот, друзья, мы и добрались до самого счастья. Все счастливы, кроме старухи лесничихи. Ну, она, знаега ли, сама виновата. Связи связями, но надо же и совесть иметь. Когда-нибудь спросят: а что ты можешь, так сказать, предъявить? И никакие связи не помогут тебе сделать ножку маленькой, душу – большой, а сердце – справедливым. И, знаете, друзья мои, мальчик Паж тоже в конце концов доберется до полного счастья. У Принца родится дочь, вылитая Золушка. И мальчик в свое время влюбится в нее. И я с удовольствием выдам за мальчугана свою внучку. Обожаю прекрасные свойства его души: верность, благородство, умение любить. Обожаю, обожаю эти волшебные чувства, которым никогда, никогда не придет...

И Король указывает на бархатный занавес, на котором загорается слово:

КОНЕЦ.

ПЕРВОКЛАСНИЦА

На экране появляется тетрадь – обыкновенная, всем нам с детства знакомая, тоненькая синяя школьная тетрадка.

Детская рука выводит старательно посреди обложки, там, где обыкновенно пишется фамилия ученика, крупными буквами название фильма:

«ПЕРВОКЛАССНИЦА»

(Рассказ о приключениях Маруси Орловой).

Сразу же вслед за этим тетрадь открывается. На экране чистая страница в косую линейку, на каких пишут в первом классе наши школьники.

Та же детская рука пишет с начальной строки название первой главы:

КАК МАРУСЯ ПЕРВЫЙ РАЗ ПРИШЛА В ШКОЛУ.

Большое, сияющее чистотой, очевидно, только что отремонтированное школьное здание. У двери табличка:

156-Я ЖЕНСКАЯ ШКОЛА СТАЛИНСКОГО РАЙОНА.

Против этого огромного здания стоит маленькая семилетняя Маруся Орлова. В руках у нее сверток в газетной бумаге.

С глубоким интересом разглядывает девочка и сверкающие на солнце стекла окон, и табличку у дверей, и самые двери.

Но вот она храбро входит в школу.

Большой пустынный вестибюль.

Маруся идет мимо пустых вешалок. Растерянно оглядывается.

Гулко звучат ее шаги.

Длинный высокий коридор. Светлый, солнечный, с рядом свежеокрашенных дверей.

На полу лежат четкие квадраты – тени от оконных переплетов.

Маруся идет, осторожно ступая по ним, прислушиваясь.

За одной из дверей слышна песня, такая, какую поет за работой мастеровой.

Маруся стучит в эту дверь.

– Открывайте, не заперто! – слышит Маруся мужской голос.

Маруся входит и видит...

Большая пустая комната.

Пол закапан известью и краской.

Высоко на козлах стоит маляр, старичок в очках.

Напевая что-то, он красит оконную раму.

– Здравствуйте! – говорит девочка.

– Здравствуй, гражданочка! – отвечает маляр.

– Скажите, пожалуйста, что, эта школа еще не готова?

– На девяносто девять процентов готова! – отвечает маляр.

– На сколько?

– На девяносто девять.

Маруся не понимает.

– А это много или мало? – спрашивает она.

– Порядочно, – говорит маляр. – А зачем тебе знать, на сколько готова школа?

– А вдруг она не откроется первого сентября.

– Что ты, что ты! – пугается маляр. – Мы свое дело сделаем. Мы понимаем, что это за день – первое сентября.

– Вот хорошо! – отвечает Маруся. – Скажите, в какой комнате записывают в первый класс?

– В тридцать восьмой, – отвечает маляр.

Маруся стоит, не двигается.

– А какая она? – спрашивает девочка после паузы.

– Кто – она?

– Тридцать восьмая комната.

– Как тебе сказать... – отвечает маляр. – Ну, тридцать восьмая и есть тридцать восьмая. Ах, понимаю! – Ты цифр не знаешь!

– Знаю. Знаю ноль. Один. Еще знаю шесть. Девять помню. А вот тридцать восемь забыла.

– Понятно, – отвечает маляр... – Ну, тогда походи в коридор и гляди. Из какой комнаты будут выходить маленькие девочки – там и записывают. Поняла?

– Спасибо! – отвечает Маруся.

Вот девочка снова в коридоре. Идет, оглядывается, прислушивается.

Но вот наконец открывается одна из дверей и оттуда выходит молодая женщина. За руку она ведет девочку в белой панамке, сдвинутой на затылок.

Маруся слышит, как женщина говорит девочке:

– Вот видишь, Верочка! Ничего страшного и не было! Видишь, какая добрая учительница! А ты не хотела идти...

Мама и дочка удаляются сияя. Маруся толкает дверь и входит в очень интересную комнату. Вначале у нее разбегаются глаза.

Прежде всего ее взор поражает форменное платьице, коричневое с белым воротничком и черным передником.

Платице это укреплено на фанерной доске, оклеенной цветной бумагой.

На витрине напротив – учебники для первого класса, ручки, карандаши, тетради – все, что нужно принести первокласснику с собой в школу в первый день занятий.

За столом, прямо против двери, две женщины. Наверное, учительницы. Одна, помоложе, записывает что-то на большом листе бумаги. А другая, постарше, глядит на Марусю через круглые очки. Черные глаза ее за стеклами очков кажутся огромными и сердитыми.

Маруся делает было шаг назад.

Но учительница говорит мягко:

– Не бойся, девочка.

– Здравствуйте, тетя! – отвечает ей Маруся, ободрившись разом.

– Меня зовут Анна Ивановна, – отвечает учительница.

– Здравствуйте, Анна Ивановна, – поправляется Маруся. – Вы учительница?

– Совершенно верно! – отвечает Анна Ивановна. – А ты кто?

– Я Маруся Орлова.

– Зачем пришла-пожаловала?

– В школу записаться! – отвечает девочка.

Тут и учительница помоложе поднимает голову.

– Здравствуйте! – говорит Маруся и ей.

– Здравствуй! – отвечает та. – А почему ты пришла одна, без мамы?

– Ей сегодня некогда. Вчера обещала пойти, а сегодня говорит: подожди до завтра.

– А ты ждать не любишь? – спрашивает седая учительница.

– Все девочки с нашего двора записались уже, – объясняет Маруся. – А маме все некогда. Тогда я сама пошла. Я документы принесла.

– Какие? – спрашивает Анна Ивановна.

– Все! – отвечает Маруся и кладет на стол завернутый в газету сверток.

– А где ты их взяла? – спрашивает молодая учительница.

– В комод, в маленьком ящичке, – отвечает Маруся. – Вы, какие нужно, возьмите. А какие не нужно, я отнесу домой.

Маруся разворачивает сверток и показывает учительнице документы.

– Это бабушкин паспорт, – объясняет девочка. – А это квитанция за телефон. А эта, синенькая, за квартиру. А это военный заем. А это письма от папы. Он летчик. Он сейчас улетел в Заполярье. А здесь в конверте мои волосы, когда мне был один годик. Это орденские книжки – мамины. Моя мама – доктор, а во время войны была капитан медицинской службы. А это я, когда мне было два месяца.

– Достаточно! – говорит Анна Ивановна и собирается снова завернуть сверток в газету.

– Одну минуточку! – просит молодая учительница. – Дайте мне посмотреть на телефонную квитанцию. Так. Благодарю вас.

Внимательно взглянув на квитанцию, учительница выходит из комнаты.

– Так, – говорит Анна Ивановна. – Хорошо. Ты, значит, очень хочешь учиться?

– Очень! – подтверждает девочка с жаром.

– А что ты умеешь делать? Читать умеешь?

– Да! – отвечает Маруся. – Вот. Смотрите.

Маруся наклоняется к газете, в которую были завернуты документы, и читает, водя пальцем.

– Вот это «А». Это «О»... Вот это «Р». Вот еще «Я». Я и писать умею.

– А ну-ка! – просит Анна Ивановна. – Напиши мне что-нибудь. Садись вот на этот стул. Вот тебе карандаш. Вот тебе бумага.

Маруся усаживается и пишет старательно, изо всех сил нажимая карандашом.

Молодая учительница возвращается...

– Готово! – сообщает девочка.

Учительницы смотрят и видят: девочка написала крупными печатными буквами свое имя.

– Верно я написала? – спрашивает девочка.

– Не очень, – отвечает Анна Ивановна. – Две буквы у тебя смотрят не в ту сторону. Видишь?

И она подчеркивает карандашом буквы «Р» и «Я».

– Правда! – говорит Маруся. – Читаю я их правильно, а пишу иногда почему-то неправильно.

– А скажи мне, Маруся, ты послушная девочка? – спрашивает Анна Ивановна.

– Очень! – убежденно отвечает Маруся.

– Так. Ты, значит, спросила у мамы разрешения прийти сегодня в школу?

Маруся молчит, потупившись.

– Отвечай, Маруся! – мягко, но настойчиво спрашивает учительница.

– Спросила... – бормочет Маруся.

– И мама отпустила тебя?

– Нет, – вздыхает Маруся.

– Значит, ты не послушалась маму?

– Не послушалась, – шепчет Маруся.

– Почему?

– Я не знаю...

– Ну, а все-таки...

– Очень захотелось.

– Вот видишь! Значит, ты не такая уж послушная?

– Нет, послушная. Кого хотите спросите!

В дверь стучат.

– Ну вот, сейчас мы и спросим! – говорит Анна Ивановна. – Войдите, пожалуйста!

В комнату быстро входит молодая женщина. Она чуть-чуть запыхалась – видно, что спешила изо всех сил.

Маруся бросается к вновь пришедшей.

– Мама! Мама! – умоляет она. – Скажи учительницам, что я послушная.

– Я бы сказала, – говорит мама, – но боюсь, что они мне не поверят.

– Здравствуйте, Нина Васильевна, садитесь, – говорит молодая учительница. – Маруся притащила столько документов, что мы знаем и как вас зовут, и номер вашего телефона, и какая Маруся была в два месяца.

– Ох, Маруся, Маруся! – вздыхает мама. – Хорошо еще, что бабушка ничего не узнала. Ведь она могла совсем заболеть, увидев, что ты пропала.

– Нет! – говорит Маруся.

– А если да? – спрашивает Анна Ивановна. – Значит, ты только о себе и думаешь? А ведь в классе у тебя будет сорок товарищей. Как же ты с ними поладишь, если будешь думать только о себе?

– Не буду! – уверяет Маруся. – Я буду обо всех думать. Вот увидите!

– Увидим! – отвечает Анна Ивановна многозначительно.

Перед нами снова длинный сводчатый школьный коридор. Мама и Маруся выходят из двери. Обе очень веселы.

– Вот видишь, мама, – говорит Маруся. – Ну вот и записались... А ты все завтра да завтра...

На странице в косую линейку детская рука пишет название следующей главы:

КАК МАРУСЯ НЕ ПОСЛУШАЛАСЬ БАБУШКУ.

Прихожая в Марусиной квартире.

Марусина бабушка – совсем еще не старая, живая, маленькая, быстрая – дает последние наставления Марусе, которая собралась гулять.

Обе, и внучка и бабушка, беседуют шепотом.

– Ты хорошо помнишь, что я тебе сказала? – спрашивает бабушка.

– Очень хорошо помню! – отвечает Маруся.

– Не гоняйся за копейками! Среди них могут быть бешеные!

– Не шенчи так громко! – просит Маруся. – Маму разбудить после дежурства!

– С Сережей не связывайся! Непременно подерешься с ним!

– Не свяжусь. Отпирай, бабушка! – томится Маруся.

– А главное – не прыгай под шлангом, когда двор будут поливать. Сегодня ветер. Промокнешь – простудишься!

Маруся во дворе.

Это чистый, просторный асфальтированный двор. В центре двора – довольно большой сквер с газонами, клумбами, скамеечками.

Маруся идет мимо сквера, глядит на играющих детей, выбирает, к кому присоединиться.

Вдруг беленький пушистый котенок выбегает из кустов, гонится за обрывком бумаги, летающим на ветру.

Маруся бросается было к котенку, но останавливается. Машет рукой.

– А ну его! – говорит девочка. – Еще взбешусь, и в школу не пустят.

Маруся шествует дальше. Сережа с деревянной шашкой в руке неожиданно вырастает перед ней.

– Чего идешь, как тетка? – спрашивает он.

– Отойди, Сережа. Не приставай! Я в школу записалась! – отвечает Маруся.

– Я тоже записался, а не фасону.

– Отойди! – отвечает Маруся. – А то еще подерусь с тобой, и в школу не пустят.

Из подвала поднимается дворник.

Не торопясь, он раскатывает длинный шланг с медным наконечником. Сразу же со всех концов двора раздаются вопли.

– Иван Сергеевич вышел!

– Иван Сергеевич поливать будет!

– Ребята! Сюда! За мной! – кричит Сережа. И, забыв про Марусю, бросается к дворнику.

Миг – и дворник окружен помощниками. Иные помогают всерьез. Иные сделали себе из этого развлечение: наступают на шланг как бы нечаянно.

– Ребята! – говорит дворник серьезно. – Все лето прожили мы дружно. Давайте не ссориться напоследок. Уйдите от крана. Когда жарко было, я кого можно окачивал. Сегодня и не просите. Ветер. И так прохладно. Так что не вертитесь возле шланга. Не выйдет дело.

– Вы хоть побрызгайте на меня, Иван Сергеевич, – просит Сережа.

– Никогда! – твердо отвечает Иван Сергеевич.

Маруся колеблется некоторое время. Ей, видимо, очень хочется присоединиться к толпе, собравшейся возле дворника, но она мужественно преодолевает и это искушение.

В стороне у стены девочки играют в мячик, в трешки. Маруся присоединяется к играющим. А дворник привинтил уже шланг, открутил круглый кран. С силой брызнула из медного наконечника, засверкала на солнце вода.

Мальчики пустились в опасную, но увлекательную игру.

Они во что бы то ни стало хотят попасть под струю воды, бьющую из крана.

Они прыгают под самой струей.

Смех, шум, визг.

Мальчики в полном восторге.

Но Иван Сергеевич – мастер своего дела. Струя воды проделывает сложные зигзаги: то поднимается высоко к небу, то упирается в землю. Разбрасывает во все стороны фонтаны брызг.

Сережа ловко проскакивает под самой струей туда и обратно.

Иван Сергеевич вовремя отводит шланг в сторону, укоризненно качает головой.

Маруся с девочками играет в мяч.

Мяч упал и покатился по двору.

Девочки побежали за ним. Подняли.

Вернулись обратно.

Все, кроме Маруси.

Она как зачарованная глядит на прыгающих вокруг дворника ребят.

Сережа замечает ее.

– Маруся боится! – кричит он.

– Сам ты боишься, – сердится девочка.

– Боится! – ликует Сережа. – Боится! Боится! Боится!

И Маруся не выдерживает.

Храбро бросается она под самый шланг и показывает чудеса ловкости и храбрости.

Вдруг напор воды падает. Иван Сергеевич идет к крану, чтобы выяснить причину аварии. Наконечник шланга лежит на асфальте. Сережа берет его.

Внезапно шланг наполняется водой. И струя окатывает девочку с ног до головы.

Испуганный Сережа убегает.

Угрюмая Маруся сидит высоко на пожарной лестнице.

Голос со двора:

– Маруся! Ты чего там делаешь?

– Сохну! – отвечает девочка мрачно.

И вот уже Маруся лежит в кровати. Бабушка сидит возле. На одеяле шахматная доска. Бабушка и внучка играют в шашки.

– Бабушка, – спрашивает Маруся, – как ты думаешь, у меня нормальная?

– Постой, постой... Сейчас, сейчас... – бормочет бабушка. –
На тебе!

Бабушка делает ход и победоносно глядит на внучку.

– Ах, вот как? – удивляется Маруся. – Ты мне две шашки
поддаешь?

– А беру три! – радуется бабушка.

– Постой, постой... – бормочет Маруся. – Сейчас, сейчас.

– Горло не болит?

Маруся делает глотательное движение.

– Не болит! Как же это так? И в дамки проходит? С ума
сойти!

– Вот не поверила бабушке и лежишь теперь! – ворчит ста-
рушка. – Все ребята пойдут учиться в срок, а ты – неизвестно...

Мама входит в комнату.

– Давай градусник, Маруся, – протягивает она руку.

– Пожалуйста! Пожалуйста! Нормальная! Нормальная! –
поет девочка.

Мама смотрит на градусник.

Потом на Марусю.

Укоризненно качает головой.

– Что такое? Мама? Что?

Маруся становится на колени.

Шашки на доске смешиваются.

– Не прыгай! – говорит мама. – Ложись!

– Сколько у нее? – спрашивает бабушка.

– Ни одного! – отвечает мама сурово.

– Ох! – пугается бабушка.

– Совсем не поднялась у нее температура! – говорит мама.

– Почему же это? – спрашивает бабушка.

– А это уж Марусю надо спросить, – отвечает мама.

Маруся опускает голову.

– Молчишь? – спрашивает мама. – Ну так я отвечу за тебя.

Она совсем не держала градусник. Вынула из подмышки да
спрятала под подушку. Боялась, что температура повышенная.
Ставь градусник как следует. Я сама буду за тобой следить.

– Мама, в школу хочется, – ноет Маруся.

– Да, уж не поблагодарит меня Анна Ивановна за такую Лису Патрикеевну, – сердится мама. – Просто стыдно мне пускать такую девочку в школу.

Маруся покорно укладывается в кровать. И вот уже наступила ночь.

Настольная лампочка, прикрытая газетой, едва освещает постель.

Маруся лежит неподвижно, закрыв глаза, но по всему видно – не спит девочка. Вздыхает. Охает. Отдувается.

Наконец она открывает глаза.

Приподнимается на постели.

Взглядывает на будильник.

Четверть второго.

Маруся в ужасе опускается на подушки.

– Мама! – зовет она робко. – А мама! Я жду, жду, а часы с места не двигаются... С ними случилось что-то... Я час лежала, глаза не открывала, а они показывают, что только пять минут провело... Мама! Бабушка!

Маруся прислушивается. Ответа нет.

– Бабушка! Мама!.. – зовет Маруся. – Ведь проспим! Уже первое сентября! Давайте чай пить.

Молчание.

Вдруг Маруся слышит отдаленный гул.

Комната озаряется вспышкой синеватого света.

– Бабушка! – зовет Маруся громко. – Уже трамваи пошли! Бабушка!

Щелкает выключатель.

Зажигается яркая лампочка под потолком.

В комнате становится светло.

Мама стоит на пороге в халате. Улыбается ласково.

Увидев, что мама не сердится, Маруся манит ее к себе. Хлопает рукой по кровати, рядом с собой.

– Мамочка, сядь! – просит она. – Мамочка, часы испортились! Первые трамваи пошли, мама!

– Это не первые трамваи, а последние, дочка, – объясняет мама, улыбаясь. – Часы идут как следует. Успокойся, девочка.

Ложись. Все придет в свое время. И солнце встанет, и будильник зазвонит, и ты проснешься и пойдешь в школу.

Мама садится рядом с Марусей.

Гладит ее по голове.

Маруся успокаивается и постепенно засыпает.

На странице в косую линейку детская рука старательно выводит надпись – название следующей главы:

КАК МАРУСЯ НАЧАЛА УЧИТЬСЯ.

Тикает будильник.

Светаает.

На стуле возле Марусиной кровати юбка с ляпочками и белая кофточка расплываются, тают, и перед нами появляется форменное школьное платье, коричневое с черным передником.

Маруся спит.

Солнечный луч пробивается через штору, освещает отрывной календарь. На листке календаря – первое сентября.

Маруся спит.

Щелкнув, звонит будильник.

Маруся спит.

Входит бабушка. Открывает штору.

В комнату врывается солнце. Становится совсем светло.

Маруся продолжает спать.

– Маруся! – зовет бабушка. – Внучка! Пора вставать!

Маруся прячет голову под одеяло.

– В школу опоздаешь!

Только тогда Маруся открывает глаза.

Сразу садится.

Видит солнце за окном, улыбающуюся бабушку, веселую маму в дверях и, наконец, форменное платье на спинке стула.

Маруся вскакивает с кровати. Всплескивает руками в восторге.

– Мама! Бабушка! – кричит Маруся. – Наконец-то я иду в школу.

– Ах! – говорит Маруся, замерев в восторге у зеркала в новом форменном платье. Она впервые видит себя настоящей школьницей.

– Как будто немножко в плечах тянет... – сомневается бабушка.

– Ой, бабушка, что ты! – негодует Маруся. – Не трогай! Испортишь!

Маруся стоит в прихожей, ждет, прыгая на месте от нетерпения, пока мама наденет шляпу.

– Пенал взяла? – озабоченно спрашивает бабушка.

– Вот он, миленький! – говорит Маруся.

Достает из сумки пенал.

Гладит его ласково.

– Тетрадки не забыла?

– Вот они, голубушки, – отвечает Маруся.

Вдруг раздается резкий звонок.

Бабушка открывает дверь. Входит пожилой гражданин с маленькой сумочкой через плечо.

– Здесь проживает Маруся Орлова? – спрашивает он строго.

– Вот я, – говорит Маруся растерянно. – А вы кто такой?

– А я телеграмму вам принес.

– Мне?! – Маруся улыбается радостно. – Телеграмму?

– Вам! – отвечает почтальон. – Расписывайтесь.

Маруся мнетя.

– Можно маме расписаться?

– Ну уж так и быть, – разрешает почтальон, скрывая улыбку.

– На первый раз можно.

Мама расписывается.

Почтальон протягивает Марусе телеграмму.

– Нате, читайте.

– Можно, мама прочтет? – спрашивает Маруся.

– Ну уж ладно, – соглашается почтальон. – Но только в следующий раз сами расписывайтесь и сами читайте. А то не дам телеграмму.

Он кивает, улыбаясь, маме, бабушке и Марусе и исчезает.

– Я телеграмму получила! – удивляется Маруся восторженно. – От кого? А, мамочка?

И мама читает:

«Поздравляю дочку с большим праздником, с началом занятий. Скоро прилечу, учись хорошенько. Целую. Папа».

Ясное осеннее утро.

Маруся и мама шагают по двору.

Семь подъездов выходят во двор. И на который ни глянет Маруся – на первый ли, на седьмой ли, – отовсюду выбегают мальчишки и девочки. За мальчишками едва поспевают провожатые. Старшие идут по двое, по трое – успели уже подружиться в школе.

Вот группа девочек-старшекласниц.

А вот промелькнул знакомый мальчик. Кажется, это Сережа. Но как он изменился. Он в длинных штанах. Ранец за плечами, от волос не осталось и следа. Он идет рядом с мамой. Однако шагает с независимым видом.

И вот Маруся уже за воротами.

На улице тоже много школьников.

Часть девочек одета особенно нарядно – в белых фартуках.

Маруся и мама идут по улице.

Они проходят мимо репродуктора.

Замолкает веселая музыка.

Репродуктор говорит громко:

– Поздравляем советских школьников с началом занятий!

– Спасибо вам! – отвечает Маруся репродуктору серьезно и торжественно.

Снова гремит веселая музыка, и под музыку мама и Маруся подходят к знакомому крыльцу 156-й школы.

Над дверьми плакат:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Маруся и мама входят в вестибюль.

В вестибюле шумно и оживленно.

Настроение праздничное.

Маруся замирает на миг.

Ее ошеломляет всеобщее волнение, поражает праздничная, но совсем новая для нее обстановка.

Матери, бабушки, няни, папы, дети прощаются, разговаривают, смеются.

Дежурные педагоги и пионервожатые – девочки шестого и седьмого классов – встречают новеньких. Какая-то девочка забила в угол и плачет там тихонько. Ее успокаивают мать и один из дежурных педагогов.

– В класс маме нельзя! Мама твоя никуда не уйдет, она здесь будет.

И здесь над лестницей висит большой плакат:

ПРИВЕТ ПЕРВОКЛАССНИЦАМ!

Мама читает Марусе этот плакат вслух.

Рядом пожилая женщина умоляюще просит педагога:

– Она у меня маленькая, нигде еще не бывала, ее нужно впереди посадить, поближе к учительнице. Она всего боится...

Между тем маленькая девочка весела и не показывает никаких признаков смущения. Она держится за бабушкину руку и, глядя на плачущую девочку, поет:

– А я не плачу! А я не плачу!

– Сюда! Сюда! – говорит дежурный педагог. – Маруся, попрощайся с мамой. Не бойся, мама зайдет за тобой к концу уроков.

– А я не боюсь, – отвечает Маруся гордо. – Мама, ты не заходи за мной. Хорошо? Пожалуйста. Дорогу ведь не надо переходить. Не заходи. Я сама.

– Хорошо, хорошо! – улыбается мама. – Как договорились, так и будет. До свидания, девочка.

Она целует Марусю.

Направляется к выходу.

– Мама! – вдруг вскрикивает Маруся отчаянно.

– Что ты! – пугается мама. – Что с тобой?

Маруся молчит.

Цепляется за маму обеими руками.

– Что, что? – спрашивает мама ласково. – Народу уж больно много? И все незнакомые? Жутковато все-таки?

– Нет, нет! – бормочет Маруся. – Я... я тебя почему позвала. Я хотела сказать: бабушке кланяйся.

Маруся еще раз целует маму.

С подчеркнута храбрым и независимым видом направляется к двери.

Мама глядит ей вслед, пока она не исчезает на лестнице в сплошном потоке девочек.

Так же храбро Маруся входит в класс и останавливается как вкопанная.

Это тот самый класс, где некогда Маруся беседовала с маляром.

Девочка замирает на пороге, глаза разбегаются.

Все новое.

Совсем новое.

Доска на стене, ряды парт, окантованные картины.

И как много девочек!

Вот одна озирается, как зверек, вздрагивает от малейшего стука. Эге, да это Вера, та самая девочка, которую видела Маруся, когда приходила записываться.

А другая девочка с пышными волосами строит ей гримасы исподтишка. Ее крайне забавляет, что Вера так встревожена.

А вон две девочки совсем осмелели – играют в ладошки.

– Я уже окончила детский сад, – хвастает одна из них.

А вон у стены Анна Ивановна разговаривает с маленькой девочкой, объясняет ей что-то.

Усадив девочку за парту, учительница выпрямилась, внимательно оглядела класс, и Маруся вдруг почувствовала, что учительница видит и ее, и всех остальных девочек. Наблюдает за ними.

Испуганная Вера приободрилась, впилась в учительницу взглядом, как будто безмолвно зовет на помощь.

Пышноволосая девочка перестала строить гримасы.

Маруся снова приняла свой независимый и гордый вид.

Она храбро подходит к учительнице.

Протягивает ей руку.

Говорит:

– Здравствуйте!

– Здравствуй, Маруся, – отвечает Анна Ивановна и пожимает Марусе руку.

Часы в коридоре.

Дежурная няня глядит на часы и протягивает палец к кнопке звонка.

Раздается продолжительный звонок.

Ряды парт в первом классе.

Девочки уже расселись. Глядят во все глаза на Анну Ивановну.

Звонок обрывается.

– Поздравляю вас, девочки! – говорит Анна Ивановна. – Зазвонил звонок, и началась у вас новая жизнь. Вы теперь школьницы. Ученицы первого класса. Это, девочки, очень важный шаг в вашей жизни. Сегодня и по радио говорят о школе. И в газетах пишут. И сам товарищ Сталин спрашивает: «А сколько сегодня школ открылось в стране? Сколько детей пришло в первый класс на свой первый урок?»

Анна Ивановна идет по проходу между партами.

– Я давно уже учительница, девочки, – говорит она, – многие мои ученики теперь совсем взрослые, умные, славные люди. Они пишут мне письма. И я всегда вспоминаю, какие они были, когда первый раз пришли в школу. Одна девочка, например...

И тут Анна Ивановна взглядывает на Веру.

– Одна девочка так всего боялась, что задрожала вся, когда зазвонил звонок.

Верочка опускает голову. Пышноволосяя, веселая девочка, сидящая перед ней, весело хохочет.

– А теперь эта девочка стала Героем Советского Союза, – заключает Анна Ивановна.

Вера приятно поражена.

Пышноволосяя девочка сразу перестает смеяться.

– Да, да, – продолжает Анна Ивановна. – Все мои бывшие ученицы ничего, ну ничегошеньки тоже не знали когда-то. Даже здороваться не умели.

Маруся весело хохочет.

– Да, да, представь себе, не умели, – говорит Анна Ивановна, – глядя на Марусю.

– Одна девочка, например, подошла ко мне и протянула руку. Здравствуйте! – говорит. А так не полагается. Нельзя первой протягивать руку старшим.

Маруся перестала смеяться.

– Видите, какие они были смешные! – продолжает Анна Ивановна. – Но потом они стали учиться. И учились с удовольствием. Ведь это очень интересно – учиться. И мы с вами начнем сегодня новую, замечательную школьную жизнь. Здороваться научимся. Научимся, как полагается настоящим школьникам, вести себя в классе так, чтобы не мешать, помогать друг другу. И класс свой разглядим как следует. Ведь сегодня началась у вас новая жизнь, и вас окружают новые, интересные вещи. Первый раз в жизни сели вы за парту.

Маруся и сидящая с ней рядом Верочка внимательно разглядывают парту.

– Вот в этот ящик вы будете класть свои книжки и тетради, – рассказывает Анна Ивановна. – Здесь станет чернильница, когда вы начнете писать чернилами. А вот доска. Эта доска поможет нам учиться писать. Вон она у нас какая. Тройная.

Мы видим классную доску, разделенную на три части. В косую линейку, в клетку и просто без линеек. Мел. Чистую белую тряпочку, которой вытирают с доски.

– Вы с нынешнего дня школьницы, – продолжает Анна Ивановна, – и мы познакомимся со школой, в которой вы теперь учитесь. Тихонько, тихонько, чтобы не мешать учиться другим, пройдем мы по школьным коридорам.

Дверь первого класса бесшумно открывается. Тихо-тихо выходят девочки из класса. Идут по замолкшему школьному коридору.

– Вот это физический кабинет, – говорит Анна Ивановна. – Здесь занимаются сейчас шестиклассницы.

Девочки глядят через стеклянную дверь на комнату, заставленную приборами. На возвышении у стола стоит девочка, вертит ручку машины с большим стеклянным колесом.

Между металлическими шариками пролетают искры.

Девочки в школьной библиотеке.

С удивлением и интересом разглядывают полки с книгами.

– Когда вы научитесь читать, – объясняет Анна Ивановна, – в школьной библиотеке вам будут давать книги. Книг много. И одна интереснее другой... Есть у нас и своя комната – учительская. Там во время перемены отдыхают учителя. Давайте заглянем и туда...

Девочки с любопытством заглядывают в дверь учительской комнаты.

– А вот здесь учатся десятиклассницы, – объясняет Анна Ивановна. – В школе учатся десять лет. Вы учитесь первый год, а они – последний. Скоро они уже перестанут ходить в школу!..

– Бедные! – вздыхает Маруся.

И вот мы уже снова в классе. В первом «А» Анна Ивановна заканчивает урок.

– Сейчас зазвонит звонок, и первый наш урок кончится, – говорит Анна Ивановна. – Вы отдохнете и поиграете на перемене. А после перемены будет у нас арифметика. А потом русский язык. И на каждом уроке мы узнаем и запомним что-нибудь новое, интересное. И скоро, скоро вы станете настоящими школьницами.

– Я сегодня! – говорит Маруся.

– Что сегодня? – спрашивает учительница.

– Сделаюсь настоящей школьницей.

– Посмотрим, посмотрим, – отвечает Анна Ивановна, улыбаясь.

На скамейках в вестибюле ждут взрослые, пришедшие за новенькими.

Здесь в уголке родителей висит объявление:

ЗАНЯТИЯ В 1-М КЛАССЕ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ
В 1 ЧАС 15 МИНУТ.

На часах – четверть второго.

Няня нажимает кнопку звонка.

Пустой безмолвный школьный коридор мигом оживает. Разом открываются все двери классов. Из дверей выбегают девочки. Веселый шум. Топот множества ног.

Ожидающие встают.

И вот на лестнице появляется первый класс.

Первоклассницы идут парами. Их сопровождает Анна Ивановна.

Девочки сияют. Чувствуется, что они не просто шагают, а шествуют строем, подчеркнуто соблюдая порядок.

Но вот они увидели своих родных.

Первоклассницы так переполнены впечатлениями сегодняшнего дня, им так много надо рассказать, что порядок сразу нарушается.

Девочки бросаются к своим.

– Видела, мама! – кричит пышноволосяя девочка. – Видела, как мы красиво шли? Мы и завтрак так ходили.

– Мама! Я ничего теперь не боюсь! – кричит Верочка. – Одна девочка боялась, как я, а теперь Герой Советского Союза.

– Папа, я арифметику учила!

– Бабушка! Я рассказывала!

– Больше всего мне понравилась перемена! – в восторге кричит какая-то девочка.

– Мама! Так было весело! Как жалко, что тебя не пустили, – говорит та самая девочка, которая недавно плакала здесь же в углу.

Маруся, сияя, шагает по улице.

Совершенно ясно, что она чувствует себя настоящей школьницей. Она преисполнена достоинства в новом форменном платье. Это даже заметно по ее походке. Ей кажется, что весь город смотрит на нее с уважением.

Какой-то капитан, летчик, попадаетея ей навстречу.

– Дядя Володя! – вопит девочка радостно. Протягивает руку летчику, но тут же отдергивает ее и старательно прячет за спину.

– Здравствуй, Маруся! – говорит ей капитан и протягивает девочке руку.

Девочка с вежливым полупоклоном обменивается с капитаном рукопожатием.

– Что это с тобой сегодня? – удивляется капитан.

И тут же улыбается во все лицо.

– Ах! – восклицает он. – Ты в форме! Да как же это я мог забыть! Ты из школы?

– Да, – отвечает Маруся.

– Сразу видно! – говорит капитан убежденно. – Тебя просто узнать нельзя! Настоящая школьница.

– Ой! Сколько мы сегодня выучили! – выкладывает Маруся скороговоркой. – И как вставать без шума, здороваться с Анной Ивановной. И как руку поднимать. И считали, сколько нас в ряду сидит. Это называется арифметика. А на русском Анна Ивановна сказку нам рассказывала. До свидания! Меня мама и бабушка ждут.

Маруся раскланивается, заложив руки за спину. Маруся входит во двор не снеча. И вдруг встречается лицом к лицу с Сережей. Увидев своего врага, Маруся делает было шаг назад.

Но потом вежливо кивает ему и говорит:

– Здравствуй, Сережа!

Вместо ответа Сережа высовывает язык.

– Смотри-ка! – удивляется Маруся. – Ты, значит, в школу не ходил сегодня?

Сережа стоит молча, высунув язык.

– Понимаю! – кивает головой Маруся. – Тебя не приняли!

– Кого-кого не приняли? – спрашивает Сережа, прикладывая ладонь к уху.

– Тебя.

– Еще как приняли! Ого! На первую парту посадили.

– А чего же ты язык показываешь? Тебе не говорили, что надо себя вести вежливо?

– Вот так не говорили! Целый день говорили.

– А чего ж ты? Не понял, что ли?

– Вот так не понял. У нас поди-ка не пойми. У нас учительница – ого! Получше вашей.

– А ты нашу видел?

– Конечно, видел. Не понравилась.

– О! Не понравилась. У нас учительница – красавица.

– Красавица... Вот она какая. – И Сережа делает страшную гримасу.

Оскорбленная в лучших чувствах, Маруся кладет осторожно у стены свою школьную сумку. Подходит к Сереже.

– Перестань! – говорит она грозно. – А то...

– А то что?

– А то ка-а-ак дам!

– Ты? – преувеличенно удивляется Сережа.

– Я!

– Мне?!

– Тебе!

Сережа отшвыривает свою сумку в сторону. Дети замирают друг перед другом в угрожающих позах, как боевые петухи.

В столовой суетятся мама и бабушка, готовятся торжественно встретить первоклассницу.

– Ну, сегодня у нее будет настоящий праздник! – радуется бабушка. – Все, что она любит, – все на столе. И пирог. И торт. Одно меня страшит – как бы не объелась...

– Что-то запаздывает дочка! – смотрит на часы мама. – Уже двадцать минут, как кончились уроки.

Продолжительный звонок.

Бабушка и мама спешат в прихожую.

Открывают дверь.

Ахают в ужасе.

Маруся, очень веселая и оживленная, стоит на пороге – но в каком виде! Взъерошенные волосы. На щеке – пятно грязи. Одна из пуговиц висит на ниточке.

– Мамочка! Бабушка! – кричит Маруся. – Как интересно было. Ну прямо сказка. Раз-два – и превратилась я в настоящую первоклассницу. Вы меня теперь не узнаете.

– Постой, постой! – перебивает мама. – А почему ты в таком страшном виде?

– А это я с Сережкой подралась.. У него еще хуже вид! – с торжеством сообщает Маруся.

– Идем в ванную! Умойся! – ворчит бабушка. – Не узнаете меня... Пока что очень хорошо я тебя узнаю..

Знакомая страница тетради в косую линейку. Детская рука старательно выводит очередную надпись:

И ВОТ ПОШЛИ ДНИ ЗА ДНЯМИ.

Одна за другой следуют короткие сцены.

Класс.

За окнами деревья школьного сада. Желтеющие листья.

Ряды парт. Первоклассницы за партами. В класс входит Анна Ивановна. Девочки шумно, с грохотом встают.

– Здравствуйте! – приветствует их Анна Ивановна. – Садитесь!

Так же шумно девочки садятся.

– Мне хочется, чтобы вы научились вставать тихо. Это очень важно. Посмотрите внимательно, как это нужно делать, – говорит Анна Ивановна.

Анна Ивановна у доски.

– Штриховка – это начало письма. Ведите карандаш медленно, аккуратно, сверху вниз, сверху вниз... – показывает Анна Ивановна.

И мы видим на доске аккуратно заштрихованные мелом фигуры – квадрат и круг.

Снова парты.

Анна Ивановна раздает детям их первую книгу.

– Вот по этой книге вы будете учиться азбуке...

В руках у Маруси букварь.

Обложка букваря яркая и заманчивая.

Урок природы.

Девочки в школьном парке собирают опавшие желтые листья.

– А это, девочки, лист клена, – объясняет Анна Ивановна, показывая лист. – Найдите дерево с такими листьями.

Девочки мгновенно разбегаются в поисках дерева.

Маруся первая обхватила руками ствол клена.

Девочки на уроке ритмики. Нелепо шагая под музыку, маршируют они по кругу.

– Раз, два, три... раз, два, три...

Девочки на уроке пения.

Как птенцы, широко раскрывают рты.

Школьный коридор. Перемена. Анна Ивановна идет по коридору. Девочки окружают ее толпой. Возгласы:

– Анна Ивановна! Мама велела купить простоквашу, а в буфете простокваши нет! Что мне кушать?

– Анна Ивановна! Когда я без калош, калошный мешочек не надо приносить?

– Анна Ивановна! Сегодня мама чашку разбила – так расстроилась.

Маруся бежит по коридору. Незнакомая учительница останавливает ее. Кладет ей руку на плечо.

– Девочка! – говорит она. – Нельзя бегать так, без оглядки. Ушибешься.

– Пустите! Мы сейчас в пятнашки играем, – сердится Маруся.

– Стой, стой! – говорит учительница строго. – Разве ты не знаешь, что учительницу надо слушаться?

– Так ведь вы не наша! – обижается Маруся.

– Что не ваша?

– Учительница! Наша – Анна Ивановна.

И вдруг Анна Ивановна появляется возле.

– Стыдно, Маруся! – говорит она строго. – Надо слушаться всех учительниц. Ты знаешь, кто с тобой разговаривал? Директор школы...

Анна Ивановна входит в класс.

Все встают, кроме одной девочки, которая сидит на третьей парте. Увидав Анну Ивановну, эта девочка раздражается слезами.

– Что случилось? – спрашивает Анна Ивановна.

– Заблудилась! – рыдает девочка. – Где мои девочки? Где моя Любовь Викторовна?

– Идем, покажу! – улыбается Анна Ивановна.

Анна Ивановна раздает детям разноцветные кружки.

Они сидят, думают.

Поднимается одна рука.

– Анна Ивановна! Значит, надо разложить по два?

– Да, – отвечает Анна Ивановна.

И сейчас же подымается еще несколько рук. И все девочки спрашивают буквально то же самое.

– По два? Да, Анна Ивановна?

Анна Ивановна отвечает спокойно и терпеливо. Вдруг одна девочка укладывает вещи в сумку и спокойно направляется к выходу.

– Ты куда, Оля? – удивляется Анна Ивановна.

– Домой! – спокойно отвечает Оля. – Мне захотелось маму увидеть. Соскучилась по ней.

– Придется тебе потерпеть! – отвечает Анна Ивановна. – Заниматься ты ходишь в школу, как взрослые на работу. Представь себе – едешь ты в трамвае, вдруг вожатый уходит. Ему домой захотелось. Хорошо это будет? Нельзя, Оля. Все должны работать, пока не придет время отдыхать.

Оля возвращается на свое место.

– Девочки! – продолжает Анна Ивановна. – На завтра, на дом, задаю вам такой урок. Вымыть хорошо шею, уши, хорошо причесать волосы, вычистить ботинки...

На местах, где сидели только что первоклассницы, сидят теперь в классе за их партами родители. Анна Ивановна проводит родительское собрание.

– Сейчас самое трудное время, – говорит она. – Девочки только что начинают приучаться к порядку. И ваша задача помочь нам. В этом деле нет мелочей. Следите, чтобы дети приходили в класс умытые, причесанные, аккуратно одетые, как настоящие первоклассницы.

Снова класс.

Но сейчас в классе совсем необычная обстановка. Пришла пионервожатая Валя.

Она читает первоклассницам книжку.

Девочки расселись вокруг нее, слушают внимательно, с большим интересом.

– Есть на свете большая страна, – выразительно читает Валя. – Это самая большая страна на свете. Если идти пешком из конца в конец, нужно идти четыре года. Если спросить жителей этой страны, всех сразу, по радио: какое у вас время дня?

Один ответит: у нас утро.

Другой ответит: у нас полдень.

Третий ответит: у нас вечер.

Четвертый ответит: у нас ночь.

Если спросить жителей этой страны, всех сразу, по радио: какое у вас время года?

Один ответит: у нас весна.

Другой ответит: у нас зима.

Вновь на экране страница тетради в косую линейку. Детская рука с новой строки начинает писать новую надпись:

НЕСЧАСТНЫЙ И СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ МАРУСИ.

Анна Ивановна входит в класс. Говорит торжественно:

– Ну, девочки, сегодня у нас большой день. Садитесь. Просмотрела я дома ваши работы.

Все с глубочайшим вниманием глядят на учительницу.

– Аня, Верочка, Шура, Таня и Нюся, встаньте, – говорит Анна Ивановна.

Пять девочек встают бесшумно.

– Все эти девочки, – говорит Анна Ивановна, – держат карандаши правильно.

Маруся быстро смотрит на правую свою руку и прячет ее.

– И пишут они, – продолжает Анна Ивановна, – аккуратно, даже красиво, можно сказать. Ну прямо – молодцы.

Девочки сияют.

– Все принесли ручки? – спрашивает Анна Ивановна.

– Да! Конечно! Принесли! – хором отвечают счастливицы.

Анна Ивановна открывает шкаф.

– Подойдите ко мне! – говорит она.

Девочки на радостях особенно отчетливо выполняют правила поведения в классе. Не горбясь, не шаркая ногами, подходят они к учительнице.

Каждая получает по чернильнице. Возвращаются на свои места. Маруся поднимает руку.

– Что, Маруся! – спрашивает Анна Ивановна.

– А я? – говорит девочка.

– Что ты?

– А мне когда?

– Что когда?

– Когда мне разрешите писать чернилами? Анна Ивановна! – продолжает Маруся до крайности вежливо, чувствуя, что учительница не слишком довольна. – Пожалуйста! Я очень вас прошу! Я больше не буду.

– Что не будешь?

– Не буду держать карандаш, как сегодня.

– Значит, ты знаешь, почему я тебе не дала чернил?

– Знаю. Только мне очень хочется. Я не буду забывать, как держать этот... второй палец.

– Нет, Маруся! – говорит Анна Ивановна. – Это не пустяк – начать писать чернилами. Придется тебе еще поработать, Маруся.

Маруся садится.

Мрачно смотрит на свою соседку Верочку.

А та – установила чернильницу...

...достала из пенала ручку с новеньким пером...

...приготовилась писать.

– Не лезь локтем на мою половину, – шипит Маруся.

Верочка покорно отодвигается. Окунает ручку в чернила. Задерживает на миг ручку над листом и вдруг – о ужас! – клякса падает на чистый лист. Весь класс вздыхает от ужаса.

– Ха-ха-ха! – ликует Маруся. – Кляксу, кляксу поставила!

Верочка падает головой на парту.

Разражается слезами.

Анна Ивановна подходит к ней.

– Вера, Верочка, ничего! – говорит она. – Первый раз прощается. Сейчас мы возьмем чистый лист да и начнем сначала. А тобой, Маруся, я очень недовольна.

Маруся встает угрюмо.

– Я-то думала – все девочки обрадуются за своих подруг. А вы, оказывается, огорчились.

– Я обрадовалась! – говорит одна девочка.

– Я тоже.

– И мы.

– И я!

– А я как обрадовалась!

– Ну, что ты скажешь на это, Маруся? – спрашивает Анна Ивановна.

– Они врут, – отвечает Маруся угрюмо.

– Маруся!

– Они говорят неправду, – поправляется Маруся.

– Почему ты так думаешь?

Маруся молчит.

– У твоей мамы два ордена? – спрашивает Анна Ивановна.

– Да! – отвечает Маруся.

– Ты обрадовалась, когда маму наградили? Отвечай спокойно, весело. Рассказывай. Обрадовалась?

– Очень. Да, я очень обрадовалась, Анна Ивановна.

– А мамыны товарищи поздравляли ее? Расскажи-ка?

– Очень поздравляли, – рассказывает Маруся. – Мы тогда работали в санитарном поезде, и даже машинист прибежал маму

поздравить. На остановке. И телеграммы приходили. А повар к обеду сделал пирог. Мама сказала: «Это прямо как именины».

– Вот видишь, – говорит Анна Ивановна. – В санитарном поезде понимали, что все они – одна дружная военная семья. Что одному радость, то и всем радость. А ты не веришь, что девочки могут радоваться за свою подругу. Ведь все мы – одна дружная, мирная семья. Первый класс. А? Верно, Маруся?

– Я вот этой не поверила, Нине... – бормочет Маруся.

– Почему?

– Не рада она. Она поссорилась на перемене с Шурой. На всю жизнь.

Нина поднимает руку.

– А перед уроком – помирилась, – сообщает она торжествующе.

– Вот видишь, – говорит Анна Ивановна. – Садись, Маруся! Пиши карандашом. Пиши, старайся хорошенько, не сдавайся, и ты победишь, как твои подруги.

Вечер.

Маруся сидит за столом, за обычным своим занятием.

Чертит что-то карандашом в тетради.

Бабушка расположилась у стола, поближе к лампе. Шьет.

Маруся начала было потягиваться, как вдруг застыла от изумления, глядит, не мигая, на бабушкины руки.

– Бабушка, ты ловкая? – спрашивает Маруся.

– Довольно ловкая, – отвечает бабушка, не отрываясь от работы. – А что?

– Пальцы у тебя какие послушные, – вздыхает Маруся. – Тебе рано дали чернила?

– Не помню! – отвечает бабушка рассеянно.

– Не помнит! – восклицает Маруся в крайнем изумлении. – Смотрите-ка! Не помнит...

– Только две девочки в классе теперь пишут карандашом, – продолжает Маруся печально. – Я и Галя. Беда! Вдруг ей завтра дадут чернила, а мне нет. А я Галку не люблю. Она всех дразнит.

– Возьми чернила да и пиши себе, – предлагает бабушка. – Постели на стол газету, чтоб на скатерть не капнуть, да пиши...

– Ой! – ужасается Маруся. – Анна Ивановна не позволяет еще мне! Что ты!

– Ну, как знаешь! – говорит бабушка. Не хочешь, не надо.

– Ох, скорее бы завтра! – томится Маруся. – Завтра, наверное, дадут мне чернила...

Первый класс «А».

Девочки сидят, пишут.

Все пишут чернилами.

Только Маруся и Галя, пышноволосяя девочка, что сидит на парте перед Марусей, пишут карандашами.

Анна Ивановна направляется к своему столу.

Останавливается.

Все головы поднимаются.

Все глаза устремлены на учительницу.

– Сейчас. Сейчас скажет! – бормочет Маруся.

– Галя! – говорит Анна Ивановна. – Подойди ко мне. Я дам тебе чернильницу.

Галя встает бесшумно. Идет к столу. Получает чернильницу. Садится на место.

Маруся глаз не сводит с Анны Ивановны.

А та молчит.

Ищет что-то в классном журнале, лежащем перед ней.

Нет, не получить сегодня чернильницы Марусе.

Маруся опускает голову. Пишет ожесточенно карандашом, не глядя ни на кого.

Бросает на нее внимательный взгляд Анна Ивановна. Улыбается.

И вдруг Галя падает головой на парту. Отчаянно плачет.

– Галя! – удивляется Анна Ивановна. – Что случилось?

– Ве... ве... ве... – никак не может произнести Галя.

– Успокойся, Галя. Ты уже не маленькая. Говори, что случилось? – останавливает ее Анна Ивановна. – А вдруг мы придумаем, как тебе помочь.

– Ве... ве... вечером заказное письмо принесли... – рассказывает Галя, всхлипывая. – Ма... мама... взяла ручку расписаться у меня... из сумки. По... потом стала письмо читать... От брата... Из Суворовского... А ручку забыла обратно... положить.

– Да! – вздыхает Анна Ивановна. – Что ж делать-то. Ни у кого нет лишней ручки?

Девочки добросовестно заглядывают в свои сумки, в портфели, в пеналы.

– Нет! Никто не захватил в класс ручки.

Нина поднимает руку.

– Что ты хочешь сказать? – спрашивает Анна Ивановна.

Нина встает.

– У моего папы на столе, – сообщает она, – наверное, ручек пять есть. В таком стеклянном высоком стакане они стоят.

– Так, – кивает головой Анна Ивановна. – Ну и что?

– Я завтра принесу ручку.

– Завтра... – бормочет Галя. – Завтра я сама принесу.

– Верно! – говорит Нина печально.

Пока идут все эти переговоры, противоречивые чувства разрывают Марусино сердце.

Она то открывает пенал, где лежит ее ручка, то снова закрывает, то прячет пенал в парту, то снова достает, кладет перед собой.

Сжимает его судорожно обеими руками... и вдруг решается...

Достает ручку.

Протягивает Гале.

– На! – говорит она угрюмо.

– Чего? – ворчит Галя, не понимая.

– На, – повторяет Маруся решительно. – Я все равно карандашом пишу... Бери ручку.

– Молодец, Маруся! – говорит Анна Ивановна. – Вот теперь я вижу, что ты настоящая советская школьница. Помогла товарищу в беде.

Маруся стоит, улыбается.

– Но только я не знаю все-таки как быть! – продолжает Анна Ивановна. – Я и тебе хотела дать сегодня чернила. Ты теперь хорошо пишешь...

Маруся делает было движение вперед, чтобы вырвать ручку у Гали.

Потом машет рукой отчаянно.

– Пусть! – говорит она.

– Что пусть?

– Пусть она пишет. Или так лучше. Она пусть немного попишет, а потом я немного напишу. Потом опять она, потом опять я.

– Ну, Маруся – ты совсем у меня молодец! – радуется Анна Ивановна.

Подходит к Марусе.

– Знаешь, чем наши летчики удивляли в бою фашистов? – задает она вопрос.

– Смелостью? – спрашивает Маруся.

– Да, – подтверждает Анна Ивановна. – А еще тем, что помогали друг другу в бою. Фашисты дрались каждый за себя, а наши летчики – дружно, как один. Привыкли с детства стоять друг за друга. Вот и ты привыкнешь к этому. Молодец! Ну, а теперь идем за чернилами.

Маруся со скромным достоинством идет к столу.

Получает чернильницу и чудную новенькую ручку.

– На, – говорит Анна Ивановна. – Возьми мою ручку для такого случая.

Взоры всех девочек устремлены на Марусю. Подумать только, какая счастливая. Она будет писать ручкой Анны Ивановны.

Маруся возвращается на место.

Благоговейно окунает ручку в чернила и чуть дыша начинает писать.

Снова появляется страница знакомой тетради, и на ней пишется следующее заглавие:

КАК МАРУСЯ ПЕРВЫЙ РАЗ ДЕЖУРИЛА.

Утро.

Листьев на деревьях уже нет.

Иней на крышах.

Иней на пожелтевшем газоне.

Еще очень рано.

Во дворе пусто. Только дворник подметает двор.

Из подъезда выбегает Маруся.

Поскользнулась на замерзшей лужице. Едва не упала.

Мчится к воротам.

– Куда в такую рань, Маруся? – окликает ее дворник.

– Ох, Иван Сергеевич! Я дежурная сегодня! – сообщает девочка.

Скрывается в воротах.

Няня отпирает дверь первого класса. Маруся в нетерпении прыгает возле.

– Ох эта Орлова! – посмеивается няня. – И какая она быстрая, эта Орлова! Прибежала ни свет ни заря...

– Нянечка, ведь я дежурная, – объясняет Маруся.

– Да уж вижу, понимаю, – отвечает няня, широко распахивая дверь.

– Беги, работай!

Маруся с упоением и азартом начинает хозяйничать в классе.

Первым делом она надевает на руку красную повязку. Затем принимается старательно вытирать и без того чистую доску. Доводит ее до блеска.

Напевает что-то, все более и более увлекаясь.

В пустом классе голос звучит особенно гулко. И поэтому Маруся поет с наслаждением на придуманный ею мотив:

Я великий умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников начальник
И мочалок командир.

Теперь она уже вытирает парты.

Поливает горшки с зелеными растениями в уголке живой природы.

Взобравшись на подоконник, открывает форточку. Поправляет расставленные и так в образцовом порядке вещи на столе учительницы.

И на все лады, на всяческие мотивы продолжает петь:

Я великий умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников начальник
И мочалок командир.

Двор.

Появляются школьники – главным образом младшие.

Идут не спеша.

Еще рано.

В пустом классе на месте Анны Ивановны безмолвно сидит Маруся.

Она уже устала ждать прихода девочек.

Наконец в класс не спеша входит Верочка. На рукаве у нее повязка с красным крестом, на боку сумочка.

Маруся мгновенно оживляется.

– Что это сегодня так поздно все? – спрашивает она строго. – Жду, жду, а вы все не идете.

– И совсем не поздно. Очень даже рано, – вздыхает Верочка. – Я от страха просыпаюсь раньше будильника. Все боюсь, что он испортился.

– Погляди-ка мне уши и руки. Чистые? Мне потом некогда будет осматриваться. Я дежурная.

Вера добросовестно разглядывает Марусины пальцы, ногти, шею, уши.

– Очень даже чистые, – говорит Вера.

– Я так и знала, – говорит Маруся удовлетворенно.

Класс начинает наполняться девочками. Вера направляется к своему посту. Становится у дверей. Осматривает вновь входящих. Маруся в качестве дежурной помогает ей. В класс входит очередная девочка. Показывает свои довольно грязные руки.

– Это что такое? – вскрикивают пораженные Маруся и Вера.

– Что за руки! Ай-ай-ай! – негодует Маруся. – Иди умойся! – сердито приказывает она.

– Я дома три раза мыла, – оправдывается девочка, – а по дороге встретила Пирата.

– Это еще кто такой? – спрашивает Маруся строго.

– А пес такой! – объясняет девочка. – Не знаете? В доме номер семь живет.

– Ну и что?

– Он палки так красиво носит! Я ему палки бросала. А они мокрые.

– Иди, иди умывайся! – приказывает Маруся. – А то не позволю тебе сегодня учиться.

Разглядывая свои руки, виновная покорно удаляется.

Класс уже заполнился.

Две девочки в шутку начинают бороться. Маруся бежит к ним.

– Нельзя! – кричит она повелительно. – Вы поднимаете пыль! Подругам легкие портите.

В другом углу завозились другие девочки. Маруся успела и сюда.

– Майя! – кричит Маруся. – Не толкай Шуру! Шура, перестань ей язык показывать. Ну что это такое! Только теперь я вижу, какие мы непослушные!

Зазвонил звонок.

И вот уже все девочки сидят на своих местах.

Все, кроме Маруси.

Важная, она стоит возле стола учительницы.

Входит Анна Ивановна. Здоровается с девочками.

Говорит Марусе приветливо:

– Ах, вот кто нынче моя первая помощница.

Быстро, но зорко оглядывает Анна Ивановна класс. Удовлетворенно кивает головой Марусе.

– Молодец! Все в полном порядке. И доска чистая, никто не записан. Значит, девочки тебя слушаются. Молодец!

Анна Ивановна открывает портфель, достает оттуда тетрадки.

– Вот, – говорит она Марусе, – раздай девочкам. Сейчас мы будем писать.

– Они все уже проверенные? – озабоченно спрашивает Маруся.

– Да, – отвечает Анна Ивановна. – Конечно. Все проверены.

Маруся раздает тетрадки.

– Ай-ай-ай! – говорит она тоном Анны Ивановны, обращаясь к одной из девочек. – Разве можно так горбиться. Сядь прямо. Девочка невольно выпрямляется. Однако весьма удивленно смотрит на Марусю.

Анна Ивановна улыбается. Укоризненно качает головой.

Прихожая.

Раздается звонок.

Бабушка торопливо открывает дверь.

Чинно входит в прихожую Маруся.

Тихо и сдержанно говорит:

– Здравствуй, бабушка!

– Что с тобой? – встревоженно спрашивает бабушка. – Ты заболела?

– Нет, бабушка! Просто я – дежурная сегодня, – отвечает Маруся. – Дежурные ведут себя очень хорошо. Я так устала...

– Ну так же, как я после дежурства в клинике, – говорит, улыбаясь, вошедшая мама.

– Знаешь, мама, ведь я теперь вроде Анны Ивановны, – говорит Маруся важно.

– Как? – удивляется мама. – Тебя и в учительницы произвели?

– Я дежурная, мама! Порядок в нашем классе на ком? На мне. Кто ребят выстраивает на перемене? Я. Они меня слушаются. А почему? А потому, что я дежурная. Понимаешь, мама?

– Очень даже хорошо понимаю.

– Мамочка! – говорит Маруся. – У меня к тебе большая просьба. Проверь, пожалуйста, будильник. Поставь его на шесть, как сегодня.

– Зачем в такую рань, – удивляется мама. – Ведь ты сегодня уже отдежурила.

– Так надо, мама! Если я завтра опоздаю – все пропало.

Утро. Еще очень рано.

Школа еще заперта.

Маруся ждет, сидя на ступеньках.

Школьная раздевалка.

Во всем ряду вешалок висит только одно Марусино пальто.

Маруся с красной повязкой на руке вытирает классную доску. Вытирает парты.

Поливает цветы, стоящие в классе.

Открывает форточку.

Все это проделывает очень быстро и уверенно.

И вот в пустом классе на месте Анны Ивановны снова сидит Маруся и ждет девочек.

Наконец класс заполнился первоклассницами.

Нина, сев на место, раскрывает свою сумку, достает пенал, тетради и, к восторгу своих соседей, куклу.

Толпа окружает Нину.

Восторженные возгласы.

– Платьнице какое!

– Чистенькое какое!

– Сама сшила, сама стирала! – объясняет Нина.

– Ой, ой! Глаза!

– Ой, туфли!

Суровая Маруся спешит на шум. Раздвигает плечом толпу. Пробирается к парте.

Нина усадила куклу возле чернильницы. Заботливо управляет ей прическу.

– Это что такое? – спрашивает Маруся негодующе.

– Это кукла! – отвечает Нина.

– Зачем?

– Чего зачем?

– Не чего, а что. Зачем принесла куклу в школу! А?

– Потому что дома нельзя ее оставлять. Вовка у нас уже большой парень, пять лет ему, а все лезет в куклы играть.

– А тебе жалко маленькому брату дать игрушку? – качает головой дежурная.

– Не жалко, а разобьет он.

Маруся наклоняется над куклой.

– Правда, бьющаяся... – бормочет она. – Крючок неправильно застегнут... Ой, чулочки! Чулочки какие...

Опершись локтями о парту, дежурная на несколько мгновений предается блаженному созерцанию.

Но вот она опомнилась.

– Сейчас же унеси ее домой! – приказывает Маруся. –

Школа – для учения.

– Не понесу! – говорит Нина упрямо.

Девочки ропщут.

– Куда ее нести!

– Пусть останется!

– Она опоздает на урок.

– Тише! Я дежурная! – кричит Маруся. – Ну не хочешь нести – посади ее обратно в сумку.

– Пусть она так посидит до звонка, – просит Нина.

– Нельзя! – отказывает дежурная. – Спрячь.

Нина сидит не двигаясь, прижимает куклу к себе.

– Спрячь! А то запишу!

Нина сидит, не двигается.

Маруся направляется к доске.

– Записываю! – говорит она торжественно.

Нина всхлипывает.

Весь класс притих, пораженный зловещей угрозой Маруси.

– Маруся, не записывай! – умоляет Вера. – Я боюсь!

– Н-и-н-а, – записывает непреклонная Маруся.

Нина с таким вниманием глядит на нелегкую Марусину работу, что даже всхлипывать перестает.

– С-о-к-л...

– Ошибка! – кричит Нина.

– Где?

– Пропустила «О»! Соколова надо, а ты: Соклова.

Нина бежит к доске.

– Вот сюда «О» надо. И «С» у тебя за линейку зашло...

Маруся вносит поправки, указанные Ниной.

Но вдруг в класс вихрем врывается пышноволосяя Галя.

Видит девочек у доски и чуть не роняет сумку от возмущения.

- Это что такое? – кричит она строго.
- Маруся Нину записывает, – сообщает Вера печально.
- Зачем?
- Запишет, а потом Анне Ивановне скажет. Маруся дежурная.
- Кто дежурная?! – вскрикивает Галя возмущенно.
- Я дежурная! – отвечает Маруся.
- А вот нет.
- А вот да.

– Дежурная сегодня я! – сердится Галя. – Не смей доску пачкать. Скоро звонок, а доска не вытерта. Пусти, я вытру.

– Я сама вытру! – отвечает Маруся и стирает тщательно свою запись, все забыв перед лицом столь серьезной опасности.

- Снимай нарукавную повязку! – приказывает Галя.
- Не сниму!

– Посмотри расписание! Анна Ивановна говорила, что сегодня мне дежурить!

Маруся только головой трясет упрямо.

Галя бежит к цветам.

– И цветы полила! – ужасается она. – Что за плохая девочка! Доску вытирает, за порядком следит... Я скажу Анне Ивановне.

Звонит звонок.

– Девочки! По местам! Звонок! – кричит Галя.

– Не слушайте ее, а слушайте меня! – кричит Маруся. – По местам! Девочки!

– Анна Ивановна идет! – сообщает Верочка, стоящая у дверей.

Все разбегаются по местам. Входит Анна Ивановна. Девочки встают бесшумно.

– Здравствуйтесь, девочки! Садитесь! – говорит учительница и сама садится за свой стол.

– Ну-с, кто сегодня у нас дежурит?

Встают Галя и Маруся.

Говорят хором:

– Я!

Анна Ивановна взглядывает на обеих внимательно.

Догадывается сразу, в чем дело.

– Так, так, так! Понимаю! – говорит учительница. – Кому-то из этих двух девочек ужасно жалко расстаться с нарукавной повязкой. Маруся, верно я говорю?

Маруся молчит.

– Не хочется тебе сдавать дежурство?

– Очень, – вздыхает Маруся.

– А почему?

Маруся молчит.

– Потому что дежурную все должны слушаться?

Маруся молчит.

– Ну отвечай же! Маруся!

– Я не знаю, – отвечает Маруся. – Но только мне очень понравилось дежурить. Я думала, вы мне позволите еще подежурить. Пожалуйста!

– Нет, Маруся! – говорит Анна Ивановна. – Если бы всем от этого была польза, – разрешила бы. Но Галя будет дежурить не хуже тебя. А ты сумей себя так вести, чтоб тебя уважали и слушались и без нарукавной повязки. Садись! Сегодня дежурить будет Галя.

Маруся угрюмо садится и отдает Гале нарукавную повязку.

Пока Анна Ивановна достает из шкафа какие-то школьные принадлежности, Маруся рисует на листе бумаги невероятное страшилище.

Ставит под ним подпись:

Галька.

И улыбается, чувствуя себя отмщенной.

Вечер.

Мама читает у стола. Бабушка шьет. Маруся сидит за уроками. Пишет так старательно, что даже язык высунула.

Но вот она откидывается на спинку стула.

Глядит на свет и шурится.

– Мама, – спрашивает она. – Тебя подруги слушаются?

Мама улыбается.

– Иногда слушаются, – отвечает она.

– А когда?

– Когда я бываю права.

– А почему, когда смотришь на свет, лучики бегут от лампы к глазам?

– Не знаю, – рассеянно говорит мама, продолжая читать.

– А вот Анна Ивановна – все знает, – говорит Маруся. – Вот сегодня пришла, только взглянула и сразу узнала, что Галья у меня хочет отобрать дежурство.

– Ну, и что она сделала? – спрашивает бабушка.

– Ну, и велела мне дежурство сдать.

– Почему же?

– Не хотела, чтоб я все дежурила да дежурила. Хочешь, чтоб тебя слушались, – пожалуйста, веди себя хорошо. А дежурить нечего там. А то привыкнешь, потом и не отвыкнешь.

Мама опускает книжку.

– Значит, Галя правильно отобрала у тебя дежурство?

– Ничего не правильно, – возмущается Маруся. – Терпеть ее не могу. Анна Ивановна правильно сказала, а Галя неправильно. Фу! Галья... Волосы у нее дыбом стоят. Прямо как дым вокруг головы. А на солнце – так, как будто светится через них! Фу!

– А ведь вы с ней дружили недавно?

– Дружили, когда я ей ручку отдала. А потом она Шуре сказала, будто я сказала, что Нина сказала, что она с Шурой не играет.

– Да, – говорит мама. – Запутанная история.

– Конечно, запутанная! – подтверждает Маруся.

– Вот мальчики не ссорятся из-за таких пустяков, – говорит бабушка.

– Они не ссорятся, они дерутся, – отвечает Маруся.

– Я знаю одну девочку, которая совсем недавно тоже подралась с мальчиком, – говорит мама многозначительно.

– Мама! – удивляется Маруся. – Как это недавно? Это было совсем давно.

– А по-моему, всего с месяц назад это случилось, – говорит мама.

– Ну да? – неуверенно спрашивает девочка.

– Уверяю тебя.

– Нет, нет, это было очень давно, – отвечает Маруся твердо. – Я была тогда совсем не такая.

Мама встает.

Заглядывает в Марусину тетрадь.

– Красиво? – спрашивает Маруся.

– Ничего себе, – отвечает мама.

– Вот еще строчку напишу – и готово! – сообщает Маруся.

Она пишет. Мама глядит.

– Дай мне одну букву написать, – просит мама.

– Ой! – пугается Маруся. – Ты не умеешь.

– Как – не умею! – улыбается мама. – Я все-таки женщина с высшим образованием.

– Нет, нет, – кричит Маруся. – Ты «В» неправильно пишешь заглавное! И «р» маленькое. Я на конверте видела. Анна Ивановна не так велит писать.

– Ну хорошо! – соглашается мама. – Не буду. Ты так вкусно пишешь, что мне тоже захотелось было попробовать.

– А ты, мамочка, возьми листок и садись возле, – предлагает Маруся. – Я тебе буду показывать.

– Да ладно уж, потерплю, – отвечает мама.

– Я бы тебе позволила, но Анна Ивановна сказала, что за домашнюю работу она завтра отметки будет ставить, – сообщает Маруся.

Появляется страница тетради. Знакомая рука пишет новое заглавие:

ПЕРВАЯ ОТМЕТКА МАРУСИ.

Маруся сидит за партой и глядит на свою тетрадь. Улыбается.

Под ее домашней работой стоит четверка.

– Анна Ивановна! – ноет одна девочка. – Почему вы всем поставили отметки, а мне нет?

– Ты болела и отстала от класса.
– Как же я теперь? – ноет девочка. – У всех отметки есть, одна я несчастная.

Маруся весело бежит домой.

И вдруг видит – по улице ей навстречу бежит Сережа.

Он тоже очень весел.

Быстро прыгает на ходу.

Чтобы не встретиться со своим врагом в воротах, Маруся останавливается у витрины магазина.

Делает вид, что разглядывает выставленные там совсем неинтересные электроприборы и радиолампы.

Сережа вошел уже было в ворота, но вдруг заметил папиросную коробку, лежащую возле урны с мусором.

Подлетает лихо к урне. Поддевает коробку носком, бьет, как футбольный мяч.

Делает несколько неудачных ударов по воротам. И наконец забивает гол и исчезает.

Маруся пускается было в путь, но Сережа вновь вылетает из ворот.

Теперь он ведет воображаемый мяч, обманывая воображаемого противника.

Вот футболист исчезает наконец.

Переждав, Маруся осторожно заглядывает в ворота, входит во двор и видит:

Сережа делает героические усилия, чтоб загнать уже сильно помятую папиросную коробку в подъезд.

Сумка его растянулась. Болтается на руке.

А посреди двора на асфальте лежат букварь и растрепавшаяся тетрадь.

Сережа, увлеченный игрой, ничего не замечает.

Маруся останавливается.

Поглядывает то на тетрадь с букварем, то на их владельца.

То отойдет, то вернется.

Никак не может решить, как ей поступить в данном случае.

А Сережа уже загнал коробку на ступеньки.

Вот-вот, сейчас-сейчас скроется он за дверью!

Порыв ветра распахивает тетрадь.

И Маруся видит: Сережа тоже получил сегодня отметку.

Тоже четверку!

И товарищеские чувства одерживают верх.

Маруся кричит. Кричит очень неопределенно. Нечто вроде «оуа» или «ауо». Просто для того, чтобы Сережа обернулся.

Нет! Не действует этот неопределенный крик на отчаянного футболиста.

– Эй, ты! – зовет тогда Маруся.

И это не помогает.

– Сережа! – кричит она наконец.

Мальчик оглядывается.

Маруся молча показывает ему на тетрадь. И, не оглядываясь, направляется к своему подъезду.

Сережа хватается за тетрадь и букварь.

Кладет в сумку.

– Фасоня! – кричит вслед Марусе неблагодарный мальчик.

Маруся не оглядывается.

– То-то. Посмирнела, – радуется Сережа.

– Кто посмирнел? – не выдерживает Маруся.

– Да ты! – кричит мальчик.

Маруся возвращается.

– Это я посмирнела? – спрашивает она угрожающе.

– А то кто?

– И не стыдно, – качает головой Маруся. – Я твою тетрадку нашла с четверкой, а ты ругаешься.

– Разве это с четверкой тетрадь выпала? – ужасается Сережа.

Лезет в сумку.

Достает мокрую тетрадь, заглядывает в нее. Говорит:

– Эх, ты!

– И я четверку получила! – сообщает Маруся.

Достает свою тетрадь. Показывает Сереже.

– Хм... – говорит Сережа неопределенно. – Я бы пятерку получил, да пятно учительница нашла. Вот, видишь?

И Сережа показывает отпечаток своего пальца на уголке страницы.

– Я говорю ей, что у меня руки не отмываются. Не верит!

– Строгая? – спрашивает Маруся.

– Ого! – отвечает Сережа. – А у вас?

– Не знаю, – отвечает Маруся. – Мы ее любим.

– А мы тоже, – сознается Сережа. – Когда она рассказывает сказки, особенно. В классе «Б» не такая. Они свою хвалят, но это глупости.

– А кружки у вас есть? – спрашивает Маруся.

– Ого! Сколько угодно, – говорит Сережа. – Ритм! Слышала такое слово?

Вместо ответа Маруся, напевая, проделывает ряд ритмических движений.

Сережа не без грации делает то же самое.

– А уголок живой природы есть у вас? – спрашивает Сережа.

– Ого! – отвечает Маруся. – Самый красивый в школе. Ну, до свидания, а то бабушка там, наверное, измучилась, не знает, сколько мне поставили.

Дети расходятся.

– А гимнастика есть у вас? – кричит Маруся из дверей своего подъезда.

– Есть! – кричит Сережа. – А на экскурсии вас водят?

– Во-о-одят! – откликается Маруся издали.

Маруся вбегает в прихожую.

– Бабушка! – радостно вопит она. – Я с Сережей не подралась! Поговорила и не подралась. Честное слово!

Чудеса! – удивляется бабушка. – А еще какие новости?

Хорошие! Очень! – ликует Маруся. – Я отметку получила.

А какую? – спрашивает бабушка.

Четверку! Гляди! – ликует Маруся. – Бабушка! Что ж ты не радуешься? Ведь четверка – это близко к пятерке!

*Вновь появляется страница тетради в косую линейку.
Детская рука старательно пишет название новой главы:*

ДНИ ШЛИ ЗА ДНЯМИ, НЕДЕЛИ ЗА НЕДЕЛЯМИ.

Вновь следуют одна за другой короткие сцены.

Класс.

За окнами стоят голые деревья.

Ряды парт. Девочки склонились над работой.

Все пишут чернилами.

– Эту фразу начнем с новой строки, – диктует Анна Ивановна.

Маруся старательно пишет, обмакивая ручку в чернила.

Снова класс.

По проходу между партами идет Анна Ивановна.

Она раздает девочкам новую книгу.

– Уберите букварь. Вот вам новая книга. По ней мы будем читать.

В руках у Маруси первая книга для чтения. Вот ее обложка – яркая и заманчивая.

А вот другая книжка.

Эту книжку держит в руках пионервожатая Валя. Мы видим ее сидящей за столом, окруженной первоклассницами.

Мы видим класс, в котором это происходит.

Сегодня класс выглядит необычно.

Парты придвинуты к стене. Всюду следы работы. Еще не убраны обрезки бумаги, банка с клеем, ножницы.

Первоклассницы готовятся к годовщине Октября.

Класс убран флажками.

Еловыми ветками украшена рама с портретом товарища Сталина.

За окнами уже темнеет.

В классе горит электричество.

Пионервожатая Валя читает вслух:

«Ленину было ясно – победа близка. Владимир Ильич каждый день посылал письма в Петроград – товарищам Сталину, Дзержинскому, Свердлову. В письмах он давал указания о том, как начинать вооруженное восстание. Из ленинского шалаша шли в Петроград приказы. Шалаш стал штабом революции, – читает Валя. – И вот в ночь на 7 ноября 1917 года в Петрограде началось восстание...»

На парте сохнет только что сделанный руками девочек плакат.

Портреты Ленина и Сталина по краям плаката. А посредине лозунг:

«Да здравствует XXX годовщина Октября!»

Школа уже одета по-праздничному. На фасаде большой плакат:

«Да здравствует XXX годовщина Октября!»

Портреты Ленина и Сталина, алые флаги висят над подъездом.

Валя читает. Голос ее продолжает звучать:

«Самое любимое место Ильича было у большого пня среди ивовых кустов. Там Ленин любил работать. Садился на землю, клал на пень листы бумаги и писал...»

Из подъезда школы выходит Маруся. Она глубоко сосредоточена. О чем-то думает.

Только что прочитанный рассказ оставил, очевидно, неизгладимый след в ее памяти.

Маруся идет по улице.

Бормочет что-то. Иногда даже жестикулирует, рассуждая вслух. Улыбается.

Марусе кажется, что Валя продолжает читать. Она совсем слышит ее голос:

«Ильич часто забывал про еду; вспоминал, что очень голоден только тогда, когда ему приносили со станции завтрак.

Однажды разливские ребята поймали в озере большую щуку и принесли ее в шалаш. Перед шалашом у Ленина висел на колышках котелок...»

Идет Маруся и вдруг останавливается.

Ей преградили путь.

– Гражданка! Отчего вы такая сердитая?

Маруся поднимает голову, опомнившись. Дядя Володя стоит перед нею, улыбается.

– Ох, дядя Володя, я задумалась! – отвечает Маруся.

– О чем, позвольте узнать?

– Нам книжку читала Валя. Как Ленин жил в шалаше.

– Хорошая книжка?

– Очень! Счастливая Валя, так читать умеет хорошо!

– А кто такая Валя?

– Не знаете? Пионервожатая наша!

– Ты, значит, пионерка?

– Ой, что вы! – смущается Маруся. – Нам нельзя еще. Пионеры, знаете, какие должны быть? Еще придется поучиться. Вы не к нам идете?

– Нет, от вас, – отвечает дядя Володя. – Уже поздно. Дома беспокоятся, почему ты так долго не идешь. Я за тобой. Пойдем, провожу. Голодна, небось?

– Ох, дядя Володя! – говорит Маруся. – Сегодня такой день. И читали нам. И мы готовились к годовщине Октября. И нам дали отметки за первую четверть.

– Очень хорошо, – говорит капитан, доставая записную книжку. – Ведь я сегодня улетаю в Заполярье. Поэтому и у вас был. Мама посылает твоему папе письмо. Бабушка – варенье. А ты чем отца порадуешь к празднику? Пятерок сколько?

– Три! – отвечает Маруся. – Русский устный. Поведение. Пение.

– Так! – капитан записывает. – Четверок много?

– Немного. Одна. Русский письменный.

– Так! Троек?

– Остальные тройки. Потому что я спешу очень... Все тороплюсь куда-то. Но Анна Ивановна обещает, что я исправлюсь.

– Понятно! – говорит капитан. – Так и доложим. Желаю тебе дальнейших успехов.

Снова класс.

Девочки решают контрольную работу.

Маруся пишет быстро. Торопится, как на пожар.

Несет листок Анне Ивановне.

– Опять ты первая, – качает головой Анна Ивановна. –
Все проверила?

– Все, все!

– А то проверь еще, у тебя есть время.

– Нет, нет, – говорит Маруся. Садится на место. Заглядывает в тетрадь соседки, ахает и хватается за голову.

– Вот, то-то и есть! – говорит Анна Ивановна.

Первоклассницы облепили окно.

Девочки в восторге. За окном падает первый снег. Кружатся легкие снежинки.

Деревья смежного сада уже покрыты снегом.

Зима.

В парке, куда вышли сейчас девочки на урок природы, много снега.

Девочки разрывают его ногами.

– В глубине, под снегом, – рассказывает детям Анна Ивановна, – спрячутся от мороза корни трав. Прикрытые сверху снежным одеялом, они не замерзнут. И почки деревьев плотно закрыты, как дверь в комнату. Туда, вовнутрь, не заберется мороз. Так они и будут жить теперь до весны.

Школьный зал.

Девочки на уроке ритмики.

Под музыку проделывают они теперь уже сложные ритмические упражнения.

В том же зале.

Девочки на уроке пения.

Стройно звучит детский хор.

Первоклассницы разучивают новогоднюю песню. Песня эта слышна в классе, где девочки старательно, под руководством

пионервожатой Вали, высунув языки, клеят игрушки на елку. Готовятся к встрече Нового года.

И здесь, на площади, звучит эта песня. Вот она, зимняя, праздничная, новогодняя Москва.

Большая роскошная елка на Манежной площади.

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ НОВЫЙ 1948-й год!»

Страница в косую линейку с новым заглавием:

И ВОТ ПРИШЛИ НОВОГОДНИЕ КАНИКУЛЫ.

Дворник Иван Сергеевич, сидя на корточках на полу в кухне, занимается серьезным и сложным делом – вставляет большую елку в деревянную крестовину. Мохнатые колпочки мешают ему, лезут в лицо, но он ловко орудует топором, не сдастся.

Мама и бабушка помогают дворнику – держат непокорную елку.

Маруся раздвигает осторожно ветки, чтобы они не кололи Ивану Сергеевичу лицо.

Вдруг Иван Сергеевич спрашивает совершенно серьезно:

– А скажите, не напрасно ли я стараюсь?

– Как напрасно? – удивляется Маруся. – Почему напрасно, Иван Сергеевич?

– А вдруг ты не заслужила елку? Какие у тебя отметки?

Маруся улыбается со скромной гордостью.

– Скажите ему, мама, бабушка!

– У нее всего одна четверка, – сообщает бабушка с удовольствием – русский письменный. Остальные – пятерки.

– Ого! – говорит Иван Сергеевич с уважением. – Ну, с такими отметками и погулять не стыдно.

– Ой, скорее бы завтра, – ноет Маруся. – Сейчас украсим елку. Потом еще чай попьем... Умываться надо... Да раздеваться... Да пока усну... Да пока проснусь... Нет, не дожидаться мне этого дня.

– Дождемся! – улыбается мама. – Давай-ка лучше сообразим, кого же мы в гости позовем. Сколько нам с бабушкой пирожков печь.

– Давайте! – говорит Маруся. – Ну... значит... прежде всего Галю позовем.

– Постой, постой! Ведь ты же с ней в ссоре, – говорит бабушка.

– Я? С Галей? – удивляется Маруся. – Ну что ты, бабушка! Галя очень хорошая девочка. Потом Веру... Она очень славная. Нину еще непременно. Шуру, Асю, Олю, Катю, Майю, Зину, Наташ всех трех. У нас в классе три Наташи, мама.

– Порядочно, – говорит Иван Сергеевич.

– Ни в каком классе столько нет! Потом Светлану, Клару.

– Маруся! У нас тарелок не хватит столько! – ужасается бабушка.

– Они из блюдец поедят! – говорит Маруся. – Ой! Еще Женю. Еще Симу...

– Погибли! – говорит мама. – Погибли, погибли!

– Кто? – удивляется Маруся.

– Мы с бабушкой! – объясняет мама. – Ну куда мы денем столько народу?

– Сейчас, сейчас! – говорит Маруся. – Еще Олю, Надю, Лиду, Тамару, Люсю, Лену...

– Батюшки! Весь класс! – хохочет бабушка.

– Ну, чем же я виновата, что у нас девочки такие хорошие, – жалуется Маруся.

– Нет уж, зови только самых лучших знакомых. Иначе нам не разместиться, – говорит мама решительно.

– Мама! Они все теперь мои лучшие знакомые.

– Придется выбирать, – говорит мама.

– Ой! – вздыхает Маруся. – Люсю одну позвать – Лена обидится. Они на одной площадке живут. Тамару не звать – жалко. Она и так вчера двойку получила.

– Ну и пусть дома сидит, учится, – говорит Иван Сергеевич.

– Нет, жалко, – возражает Маруся.

– Вот Сережу бы я позвала! – говорит мама. – Раньше он бывал у тебя.

- Ну вот еще! – говорит Маруся. – Ни за что не позову.
– Вы же теперь в дружбе?
– Нет, в ссоре. Вчера чуть не подрались. Он Лизиного котенка хотел со двора к себе домой унести.
– Было, – говорит Иван Сергеевич.
– Ну, думай, Маруся! Думай! – торопит мама.
– Ладно уж! Я только свою колонку в гости позову, – решает Маруся.
– Сколько же это будет – колонка? – заинтересованно спрашивает Иван Сергеевич.
– Только четырнадцать девочек!
Иван Сергеевич выпрямляется.
– Елка готова – можно звать, – говорит он.

Прихожая завалена пальто, рейтузами, шапочками, ботами. Елка стоит прямая, как стрела. Ладная, густая. И словно по призыву волшебника, на ней загораются свечи, сверкают игрушки, поблескивает золотой дождь. Сияет, искрится на удивление красиво украшенная елка.

Музыка, веселые детские голоса.

К столовому столу приставлен еще кругленький столик и под углом к ним – мамин письменный.

Девочки пьют чай.

Маруся угощает.

– Пожалуйста, девочки, еще. Попробуйте конфеты с витаминами. Папа прислал мне за пятерки. Они из Заполярья летели. Возьмите пирожки, у нас их целая гора.

Звонок.

– Ой! – кричит Маруся радостно. – Еще кто-то пришел!

Она открывает дверь.

Сереза стоит угрюмо на площадке. В руках сверток.

– Здравствуй! – говорит он.

– Здравствуй! – отвечает Маруся.

– Мама велела, чтобы я тебе передал... – докладывает он мрачно и протягивает сверток Марусе.

– А что это? – не понимает Маруся.

– Яблоки.

– Какие?

– Какие-какие! Дедушка привез из Крыма. Целый ящик.

Мама велела, чтобы я тебе подарил к Новому году.

Мама выходит в переднюю.

– Что же ты, Сережа? Войди, а то дует.

Сережа входит.

– Здравствуйте, Нина Васильевна! – говорит Сережа басом.

– Раздевайся, заходи.

– Не хочу.

– Почему?

– Не хочу. Там девчонки одни.

– Не девчонки, а девочки, – поправляет Маруся.

– Ну пусть, – соглашается Сережа. – Не пойду, все равно.

– Полно, полно тебе басом разговаривать! – смеется мама. –

Девочки тебя не обидят. Идем!

Столы убраны.

Дети играют в различные игры.

И Сережа играет со всеми вместе.

От его мрачной застенчивости не осталось и следа.

Он хохочет, заливаясь точно так же, как и все девочки.

Гости ушли.

Мама и бабушка занимаются уборкой.

– Тише, тише! – говорит бабушка. – Марусю разбудим.

– Ничего, – отвечает мама. – Она набегалась. Ее теперь и пушками не разбудишь.

Мама заглядывает в спальню и охает тихонько.

– Иди-ка, полюбуйся! – зовет она бабушку.

Бабушка подходит и видит.

Маруся и не думает спать.

Она сидит на кровати, закутавшись в одеяло, поджав ноги. В руке у нее книжка. Она читает с глубоким увлечением.

– Первый раз вижу! Подумать только! – шепчет мама. – Дочка зачиталась... с увлечением читает. Понимаешь?

– Да уж чувствую, не объясняй! – сияет бабушка.

Мама тихонько входит к Марусе.

– А спать кто будет, дочка? – спрашивает она ласково.

– Мама! – говорит Маруся, поднимая глаза от книги. – Это та самая книжка! Ты подарила мне ту самую книжку! Помнишь, я тебе рассказывала.

– Какую? – спрашивает мама, притворяясь удивленной.

– Что нам Валя читала – А. Кононов. «Рассказы о Ленине». Я думала, что их только вслух можно читать. Открыла... Ой! Знакомое! Попробовала прочесть одну строчку, потом другую. И вдруг ка-а-к зачиталась! Мамочка! Как интересно! Я, значит, всякие книжки могу теперь читать!

– Теперь ты только спать можешь, – улыбается мама.

– Ой, мамочка, сейчас усну. Еще немного подумаю и усну! – обещает Маруся. – Я вот о чем думаю... Как хорошо было бы, если бы Ленин и Сталин, когда были маленькие, жили бы в нашем доме. А, мамочка? Во дворе играли бы. И я с ними... Мамочка, я знаю, что это так... выдумка... но только это очень интересно...

Маруся задумывается.

– Ну, девочка, что? – спрашивает мама.

– Только я не знаю, как их называть... Если бы они были маленькие, я все равно называла бы их... Владимир Ильич, Иосиф Виссарионович. Верно?

– Спи, девочка, спи, родная! – просит мама.

– Сейчас, сейчас, мама! Еще минуточку! Ты только послушай.

И Маруся читает вслух по книжке:

«...а хозяйство из ленинского шалаша – топор, котелок, чайник и коса – находится в Музее Ленина в Москве».

– Хватит, девочка, – говорит мама строго. – Спи. Уже поздно. Завтра обо всем поговорим.

– Ну, хорошо. Раз, два, три! Засыпаю! – отвечает Маруся и с головой покрывается одеялом.

Появляются предметы хозяйства ленинского шалаша – топор, котелок, чайник и коса.

Маруся и мама идут по Музею Ленина.

– Вот они, мамочка, правда, – радуется Маруся, увидев знакомые предметы.

Маруся разглядывает их с глубочайшим вниманием.

– Как интересно, мама. Значит, в книжках правду пишут.

На странице в косую линейку написано следующее заглавие:

И ВОТ КАНИКУЛЫ КОНЧИЛИСЬ.

Маруся входит в класс.

Вид у нее очень важный и солидный.

Под мышкой книга – драгоценный мамин подарок.

Девочки радостно бросаются ей навстречу. Верочка первая торопится рассказать важную новость.

– Маруся! – кричит она. – Смотри! У нас новенькая! Она все болела, болела, а теперь к нам пришла.

И Маруся видит: на парте сидит незнакомая худенькая стриженная девочка. Озирается с ужасом.

– Бойтся, – сочувственно замечает Верочка.

– Как тебя зовут, девочка? – спрашивает Маруся.

– Ася! – отвечает новенькая робко.

– Бояться не надо! – говорит Маруся наставительно. – Здесь твои подруги. Никто тебя не обидит. Ты читать умеешь?

– Да! – отвечает девочка.

– А писать?

– Умею. Я вас догнала. Вот!

И Ася показывает девочкам свои тетради.

Девочки окружают ее толпой.

– Смотри-ка! – говорит Маруся. – Правда! Кто тебя научил?

– Мама.

Маруся несколько ошеломлена.

– Погоди-ка, погоди... – говорит она. – А доска у вас дома была?

– Нет.

– Значит, к доске ты не умеешь выходить?

– Нет.

– Ага! – радуется Маруся. – Дома разве так научишься. Ну, ничего. Сейчас мы тебе покажем все. А как здороваться с учительницей, знаешь? Нет. Вот смотри. Девочки, сядьте. Я буду Анна Ивановна.

Маруся вихрем выбегает из класса.

Затем входит не спеша, приветливо улыбаясь.

Девочки встают.

Новенькая тоже.

– Здравствуйте, девочки! Садитесь, – говорит Маруся. – Ася, вставать надо тихо. Грохот мешает заниматься другим. К доске, Ася. Без шума. Ровненько. На место. Это не пустяк. Первоклассницы должны ровненько ходить. Поняла?

– Ага! – говорит Ася.

– Не ага, а да, – поправляет Маруся. – Первоклассницы должны правильно разговаривать. Это у тебя что такое? – спрашивает Маруся, указывая на подбородок.

– Борода, – говорит девочка.

– Вот и не знаешь! Подбородок, надо знать. А это переносица. Правильно разговаривать надо.

– А это лоб? – спрашивает ошеломленная Ася.

– Да, Ася, это лоб, – отвечает Маруся. – Но если ты хочешь спросить что-нибудь – поднимай руку.

– Только пальцами не щелкай! – кричит Галя.

– Тише, тише! Я объясняю, – говорит Маруся. – Да, пальцами не щелкай. Анна Ивановна и так все увидит. Она все видит. Ой! Сколько ей еще объяснять надо! А сейчас звонок.

– Про вежливость ей скажи! – кричат девочки наперебой. – Про то, что она теперь не одна. Что от наших двоек всей школе обидно! Чтоб домой не уходила, пока звонок не зазвонит! Про уголок живой природы! Про экскурсии! Про кружки скажи! Что ссориться нельзя!

Ася оглядывается во все стороны растерянно.

Звонит звонок.

Ася вздрагивает.

– Не вздрагивай! – говорит Маруся строго. – Это звонок. Бояться нечего. Не подсказывайте, – останавливает девочек Маруся. – Я сама знаю. Вот что... Мы научились, что такое мы... Понимаешь?

– Нет, – честно признается Ася.

– Мы – знаешь что такое! Первоклассницы. Мы друг за друга. А вся школа за нас. А шеф – завод Сталина – за всю школу. И мы за них... Вот так и веди себя. Понятно? Писать можно и дома научиться, а это...

Звонит звонок.

Ася вздрагивает.

– Не вздрагивай! – повторяет еще раз строго Маруся. – Это звонок. Бояться нечего.

– Одна девочка тоже вздрагивала, а потом стала Героем Советского Союза, – успокаивает Верочка.

– Анна Ивановна идет! – сообщает дежурная.

Асс шепчут со всех сторон.

– Встать не забудь! Без шума.

– Руку подымай, когда захочешь спросить.

Входит Анна Ивановна.

Девочки бесшумно встают.

А бедная Ася, заметавшись, встает с грохотом. Делает шаг к доске, поднимает одну руку, потом другую.

С шумом что-то вываливается из парты и катится по полу.

Анна Ивановна улыбается.

– Успокойся, Ася, – говорит она. – Я уже вижу. Девочки хотели научить тебя всему за раз. Ничего, не обижайся. Это они любя. Они забыли, что сами росли да умнели понемножку. Ото дня ко дню. И часто поворачивали обратно. Садитесь, девочки.

Девочки усаживаются.

– Ну, девочки, поздравляю вас с Новым годом и новым учебным полугодием! – говорит Анна Ивановна. – Теперь мы пойдем вперед еще быстрее, чем шли до сих пор.

На косых линейках тетради знакомая рука выводит последнее название главы:

КАК МАРУСЯ ПРОПАЛА.

Ясный весенний день.

Снега почти не видно.

От скверика в Марусином дворе, от потемневшей снеговой горки бегут по асфальту веселые ручьи.

Маруся, Галя и Вера работают, помогают весне. Деревянными лопатами разгребают снег, бросают его в воду.

Сереза выбегает из подъезда.

– Хорошо, что в воскресенье и вдруг хорошая погода. Верно? – говорит он весело.

– Очень даже хорошо, – поддерживает Вера.

– Хочешь играть с нами? – предлагает Галя.

– Мне некогда. Я сейчас иду вербу покупать. Учительница сказала, что если принесем в класс вербу и поставим в уголок живой природы, то беседа будет интересная, – сообщает Сереза.

– А где ее продают? Нам тоже нужно! – оживляется Маруся.

– За углом, у сквера.

– Подожди, и мы пойдем! – просят девочки.

– Пошли! – соглашается Сереза.

Маруся вихрем врывается домой.

– Бабушка! – кричит она. – Дай скорей денег. Вербу надо купить для школы. Ее у сквера продают, за углом.

– Хорошо, – говорит бабушка. – Только не пропадите.

– Не пропадем, бабушка! – говорит Маруся. – Как найдем вербу, так и вернемся.

Дети у скверика за углом.

Они огорчены.

– Вчера тут стояла одна, позавчера, – жалуется Сереза. – А сегодня не приехала...

– Воскресенье, – вздыхает Вера. – У нее выходной.

– Я поеду, – говорит Сереза.

– Куда?

– За город. Сам найду вербу. До свиданья!

И Сережа бежит на остановку.

Вскакивает на площадку трамвая.

– Когда вернешься? – кричит Маруся.

– Через час! – отвечает Сережа.

И уезжает очень веселый.

– Вот... У них будет в уголке верба, а у нас нет... – жалуется Галя.

– Давай поедем! – предлагает Маруся. – А? Давайте, девочки. Анна Ивановна обрадуется! Вот, скажет, молодцы. Вербу принесли.

– А дома?

– А дома я сказала: как найдем вербу – так и вернемся. Ну? Едем. Живенько. Солнышко какое. В окно будет интересно смотреть.

Трамвай идет уже по городским окраинам. Маруся, Галя, Вера глядят в окно. Вот вокруг пошли деревья и поля. Вагон опустел.

Бородатый добродушный дядя поглядывает на девочек.

– Первоклассницы, а первоклассницы! – окликает он их. – Это вы куда же едете?

– Вербу искать, – отвечает Вера.

– А откуда вы знаете, что мы первоклассницы? – спрашивает Маруся.

– А я сам первоклассник! – улыбается бородач. – Своих сразу узнаю.

Девочки смеются.

– Напрасно смеетесь! – говорит бородач. – Мне только семь лет. Но я великан. А великаны растут не по дням, а по часам. Вон каким дяденькой я в семь лет вырос.

И девочки, и бородач смеются.

– Ну, а теперь без шуток, – говорит бородач. – Зачем вам верба?

– Для уголка живой природы. Если найдем – будет беседа про растения! – объясняет Маруся. – Мы это любим.

– Вот это радует мое сердце! – говорит бородач. – Если говорить без шуток – я ученый. То, что называется ботаник. Всю жизнь занимаюсь растениями и знаю о них массу интересных вещей.

– Ой! Приезжайте к нам в класс. Расскажите! – просят девочки.

– Приеду, – отвечает бородач. – С удовольствием. Вы из какой школы?

– 156-й, – отвечает Галя.

– Запомню, – говорит бородач. – Ну так вот. У меня сейчас лекция, а то бы и я поехал с вами за вербой.

Бородач встает.

– Сойдите через две остановки. Оглянитесь внимательно. И увидите вербу, если ее уже всю не обломали. Кстати, дома знают, что вы отправились за вербой?

– Бабушка знает, – отвечает Маруся.

– Ну, то-то! – говорит бородач. – До свидания! – Он пожимает руки девочкам и сходит с трамвая.

Девочки идут по лесу.

Оглядываются.

Не видать вербы!

Здесь снега еще много, куда больше, чем в городе. Совсем как зимой.

Девочки оглядываются.

– Пойдем назад! – просит Вера. – Здесь очень уж тихо. Ой!

Девочки шарахаются в сторону.

Мокрый снег срывается с веток, тяжело шлепается на землю. Какая-то птица пролетает между стволами. Хлопает крылом.

– Что, испугалась! – поучительным тоном говорит Маруся. – Это птица. Кажется, дятел. На юг не улетает. Питается насекомыми. Смешно птиц пугаться. Не маленькие.

– Нет, правда, идем. Мне тоже в город захотелось... – просит Галя. – И правда, тихо тут очень.

– Ладно уж, идем! – соглашается Маруся. Девочки поворачивают, и вдруг лица их расплываются в улыбке.

Они видят – белка замерла на ветке и внимательно разглядывает детей.

– Белочка! – взвизгивают хором девочки.

Белочка, распушив хвост, прыгает в чашу.

– Где она? – шепчет Галя.

– Белочка! Где ты? На, на, на! – зовет Маруся.

– Смотрите! – шепчет Вера.

С высокого дерева снова глядит на ребят любопытный зверек.

Девочки тихонько, стараясь не дышать, крадутся поближе к белке.

Забыты все страхи.

На лицах – полный восторг.

Девочки исчезают в чаще.

Бабушка стоит у окна.

Глядит на улицу.

Солнце скрылось за тучами.

Поднялся ветер.

Снег начинает падать крупными хлопьями.

Вьется по ветру.

Бабушка одевается.

Выходит во двор.

Сережа идет по двору.

– Сережа! Ты Марусю не видел тут с ее подругами? – спрашивает бабушка.

– Видал! – отвечает Сережа. – Только давно. Я уехал за город. А они возле скверика стояли. За углом.

Бабушка идет по улице.

Заглядывает в скверик.

Там пусто.

Лес.

Девочки бредут между деревьями.

Вера плачет.

Галя ворчит.

– Это ты виновата! Поедем! Поедем! Вот и заблудились.

– Замолчи! – говорит Маруся сурово. – Анна Ивановна говорит, что в беде дружно держаться надо. Будешь ссориться, я тебя за косу дерну.

– Такой дикий лес! – плачет Вера. – Совсем дикий лес. Как на картинке.

– Мы сюда на трамвае приехали! – сердится Маруся. – А до диких лесов сколько недель надо добираться? Забыла?

Некоторое время девочки идут молча.

– Тише, – говорит Маруся.

Девочки прислушиваются.

Где-то, трудно понять где, как будто в верхушках деревьев, что-то поет, гудит, протяжно и жалобно.

Девочки жмутся друг к другу в страхе.

– Я говорила... – шепчет Вера. – Это лес какой-то не такой... Белка завела нас да и бросила.

– Это вот что гудит! – кричит радостно Маруся. – Это телеграф! Проволоки на ветру гудят. Вот они!

И действительно, смутно видимые в падающем снеге и между белыми лапами деревьев тянутся телеграфные провода.

– Идем! – зовет Маруся. – Пойдем под проволоками и придем на какой-нибудь телеграф. И дадим домой телеграмму: простите, мы заблудились. Маруся, Галя, Вера.

Радостные, поглядывая все время вверх, чтобы не потерять своего друга и проводника, бегут девочки по темнеющему лесу.

Сильно повеселев, они начинают петь хором:

– Ты гуди, гуди, гуди! Ты гуди, гуди, гуди!

Марусе приходит в голову продолжение:

– И нас до дому доведи...

Дети приветствуют эту находку радостным смехом.

Теперь они поют хором две строчки:

– Ты гуди, гуди, гуди и нас до дому доведи.

Скачут, вернутся волчками. Бегут туда, куда ведет их телеграфный провод.

И вдруг останавливаются пораженные.

Крутой, очень крутой обрыв открывается у самых их ног.

Замерзшая река тускло поблескивает вниз.

Телеграфный провод ныряет вниз, бежит к столбу на противоположном пологом берегу. Исчезает в лесу.

– Ничего! – говорит Маруся. – С другой стороны найдем станцию телеграфную. Поворачивай!

Галя плачет.

– Ничего! – говорит Маруся. – Ничего! Мы... не маленькие.

И вдруг, обняв подруг, она разражается отчаянным ревом.

– Темнеет! – плачет она. – Темнеет! Что будет! Что будет!

В Марусиной столовой. Марусина мама, Марусина бабушка, Верина мама и Галина мама.

– Спасибо, Анна Ивановна! – говорит мама и вешает трубку.

– Сейчас учительница придет сюда, – говорит мама. – Позвонит на радио, позвонит в милицию.

Кабинет начальника милиции.

Начальник говорит по телефону.

– Все понятно, товарищ учительница. Сейчас передам телефонограмму по всем отделениям. Срочно прикажу искать.

Комната дежурного в отделении милиции. Дежурный принимает телефонограмму. Повторяет вслух слово за словом:

– Три девочки, ученицы первого класса...

Дежурная комната в другом отделении, другой дежурный пишет, повторяя:

– ... 156-й школы ушли из дому утром...

Третий дежурный третьего отделения пишет:

– ... и не вернулись. Принять срочные меры к розыску...

Милиционер выбегает из отделения милиции.

Застегивает на ходу шинель.

Вскакивает на мотоциклет.

Мчится по улице.

Анна Ивановна в столовой у Маруси. Говорит успокаивающе:

– Найдем, найдем. И милиция ищет их. И ученицы мои бывшие, теперь семиклассницы, обходят всех Марусиных подруг. Спрашивают...

И мы видим одну из них – пионервожатую – на площадке лестницы. Она звонит.

Ей открывает Нина.

– Нина Соколова? – спрашивает вожатая. – К тебе не заходили сегодня Маруся, Галя и Вера?

– Нет! – отвечает испуганно Нина. – А что?

– Потом узнаешь! – отвечает вожатая. И бежит вниз по лестнице.

И мы снова видим Анну Ивановну, которая продолжает:

– И шефам я позвонила. Директор послал свою машину, на случай, если понадобится.

Под окном громко гудит сирена автомобиля.

– Да вот машина и приехала уже, – говорит Анна Ивановна. – И на радио...

Репродуктор на улице говорит громко:

– Три девочки, ученицы первого класса 156-й школы...

Знакомый нам бородач, ботаник, останавливается как вкопанный у репродуктора.

– Маруся Орлова, – продолжает репродуктор, – Галя Боромыкова и Вера Петрова ушли сегодня утром и не вернулись. Просьба ко всем видевшим их сообщить по телефону – центр 5-32-36.

Бородач достает из кармана кошелек. Из кошелька гривенник.

Бежит в дверь, возле которой висит табличка: «Телефон-автомат».

По шоссе мчится большой автомобиль. В автомобиле Анна Ивановна, бородачатый ботаник, офицер милиции.

Следом – автомобили и мотоциклисты с милиционерами.

Девочки бредут по лесу.

Выходят на большую поляну.

Идут очень медленно.

– Бежит кто-то, – шепчет Галя. – Ой! Волк! Волк!

И действительно, большая темная тень приближается к девочкам огромными шагами.

Девочки бегут в ужасе.

Вера оглядывается.

Волк все ближе и ближе.

В отчаянии Верочка валится в снег.

Закрывает руками голову.

Кричит:

– Спасите меня! Пожалуйста, спасите! Дорогие! Милые!

Маруся оборачивается и видит: подруга беспомощно зарылась головой в снег.

Маруся хватает торчащую из снега палку.

И не помня себя, отчаянно размахивая ею, бросается на выручку.

Галя, помедлив, идет за нею следом.

– Пошел вон! Пошел вон! Немедленно!-- кричит Маруся волку.

И волк останавливается вдруг.

– Ага! – ликует Маруся. – Испугался! Вставай, Вера! Тот-то! Нас трое, а волк один! Ага! Сел?

Волк и на самом деле сел.

Поднял голову.

Залаял отрывисто, громко, выразительно, как будто призывая кого-то.

– Собака! Волки не лают, Анна Ивановна говорила.

– Вставай, Вера, – ликует Галя.

Вера встает.

Маруся отряхивает снег с ее шубки.

И вдруг девочки видят...

...Далеко, далеко в черной мгле за поляной загораются огоньки. Они блуждают между деревьями, как бы переглядываются, перемигиваются. И наконец, выстроившись полукругом, двигаются вперед к девочкам.

– Разбойники... – шепчет Вера.

– Нет, нет, нет! – кричит Маруся восторженно. – Собаки разбойникам не помогают. Это милиция. Они ищут кого-нибудь.

Маруся бросается к собаке.

Пес, большой немецкий овчар, виляет хвостом, но когда Маруся хочет погладить его – увертывается. А когда Маруся хочет побежать вперед, он загроживает ей дорогу.

Рычит предостерегающе.

– Пусти! – просит Маруся. – Мне надо сказать милиционерам, чтоб они нам показали дорогу.

Пес не слушается.

– Пусти! Мы ведь не бандиты. Мы просто нечаянно убежали.

Пес отказывается считаться с этими доводами.

– Ничего, они все равно сюда идут, – говорит Галя.

И действительно – цепь черных фигур двигается вперед. Теперь видно, что огоньки – это электрические фонари в руках идущих.

Вот луч света падает на тесно прижавшихся друг к другу девочек.

И они слышат знакомый голос.

– Маруся! Галя! Вера!

Девочки ахают тихонько.

– Девочки! Почему вы не откликаетесь? – встревоженно спрашивает знакомый голос.

– Анна Ивановна! – вскрикивает Маруся.

Девочек окружает целая толпа. Здесь и бородач, и пионервожатая, и милиционеры. И вот сама Анна Ивановна подходит к девочкам.

– Ну, девочки, – говорит Анна Ивановна. – Вы меня очень обидели. Что же это выходит? Учились мы, разговаривали, дружили, и все напрасно!

– Так ведь мы за вербой для уголка живой природы... – бормочет Маруся чуть слышно.

Девочки со всей свитой идут по дороге.

На повороте дороги бородач оказывается возле девочек.

– Да... – говорит бородач, – обидели учительницу. Да еще какую учительницу. Часу не прошло, как она полгорода на ноги поставила... И все, чтобы вам помочь. Нехорошо...

Мчится автомобиль.

Девочки сидят возле Анны Ивановны.

Не спускают с нее глаз.

Маруся робко поднимает руку.

– Ну? Говори! – разрешает Анна Ивановна.

Маруся встает. Но машину качает. Девочка чуть не падает.

– Да уж ладно, говори сидя, – разрешает учительница.

– Вы, Анна Ивановна, не думайте, – говорит Маруся робко, – мы чему-то научились.

– Например? – спрашивает Анна Ивановна.

– Например, не ссорились. Потом не боялись, не плакали, особенно пока не стемнело.

– Так! – говорит Анна Ивановна. – А потом?

– А потом... Потом все старались этого... как его... не падать духом... И дружно вели себя...

– Она меня от волка спасала! – сообщает Вера.

– От какого волка? – удивляется Анна Ивановна.

– От собаки, которая нас нашла. Но только мы ведь не знали тогда, что это собака. Думали – волк. Я упала. Кричу. А Маруся прямо на волка. Ругает его.

– Вот это уже меня утешает немного, – говорит Анна Ивановна.

Девочки сидят в классе.

И вдруг в дверь входит незнакомая учительница.

– Садитесь, девочки, – говорит незнакомая учительница. –

Эти дни заниматься с вами буду я. Анна Ивановна, бродя в лесу по снегу в поисках наших беглянок, простудилась и заболела. У нее ревматизм.

Маруся мрачно опускает голову.

Комната Анны Ивановны. Обычная, простая и уютная.

Анна Ивановна сидит в кресле. Вид у нее совсем домашний.

На плечи накинут теплый вязаный платок. Ноги, закутанные одеялом, покоятся на маленькой скамеечке.

В комнате деловито и старательно хозяйничает девочка лет двенадцати.

Она то осторожно поправит одеяло в ногах у Анны Ивановны, то незаметно натянет на плечи Анны Ивановны платок.

Больную учительницу пришли навестить Маруся и Марусина мама.

Мама сидит напротив Анны Ивановны. Маруся стоит возле мамы.

– Ну, Маруся, – говорит мама, – торопила, торопила меня: «Идем навещать Анну Ивановну. Скорее идем». А пришли... и язык отнялся?

Маруся печально и вместе с тем крайне удивленно во все глаза глядит на непривычный для нее вид учительницы.

На незнакомую девочку.

Анна Ивановна замечает этот взгляд.

Улыбается.

– Удивляешься, Маруся? – спрашивает она.

– Да! – отвечает Маруся.

– А чему?

– Я не знаю... – шепчет девочка.

– Ну, давай разберемся! – предлагает Анна Ивановна. – Ты удивляешься... Учительница – и вдруг заболела. Так?

Маруся кивает головой.

– Ты до сих пор думала, что учительницы никогда не устают, никогда не страдают, не огорчаются, никогда им не бывает грустно?

– Анна Ивановна! – бросается к ней Маруся. – Я больше не буду! Анна Ивановна! Выздоровливайте, пожалуйста!

– Хорошо, постараюсь, – улыбается учительница и гладит девочку по голове.

Девочки сидят за партами.

– Идет! – кричит от дверей Галя и пулей летит на свое место.

– На меня смотрите! – шепчет Маруся.

Анна Ивановна входит в класс.

Девочки встают так легко и бесшумно, что это просто удивительно.

– Здравствуйте, девочки. Садитесь, – говорит Анна Ивановна.

Девочки садятся.

И вдруг все поднимают руки.

– Что такое? Что вы мне хотите сказать? – удивляется Анна Ивановна.

Девочки встают, взглядывают на Марусю.

Она взмахивает руками, и весь класс говорит хором, негромко:

– Мы очень рады, что вы поправились.

– И я очень рада видеть вас, – говорит Анна Ивановна. – Честно скажу, без вас я соскучилась. И еще вам признаюсь вот в чем: мне понравилось, как вы меня дружно встретили – все как один. Так мы и будем работать все время: дружно. И вот, наконец, когда придет настоящая весна, когда расцветут цветы и листья распусятя на деревьях...

И мы видим скверик во дворе Марусино дома.

Листья на деревьях распустились. Цветы цветут на клумбах. Маруся, бабушка и мама в кухне занимаются хозяйством.

– Ой, бабушка! Ой, мама! Сегодня последний день! Сегодня скажут, во втором я классе или нет. С ума сойти! – волнуется Маруся.

Звонок.

Входит знакомый нам по началу картины почтальон.

Держит в руках телеграмму.

– Здесь проживает Маруся Орлова? – спрашивает он строго.

– Вот я! – отвечает девочка.

– Вам телеграмма, – говорит почтальон. – Распшистите.

– Пожалуйста, – отвечает Маруся небрежно.

– Карандашик возьмите, – предлагает почтальон.

– Что вы! Что вы! – ужасается Маруся. – Я не маленькая! Я давно уже чернилами пишу!

Она убегает в комнату и возвращается с чернильницей.

Почтальон протягивает ей квитанцию

– Без линеек! – пугается Маруся. – И места очень мало...

– А вы сколько поместится, столько и напишите, – разрешает почтальон.

Бабушка, мама, почтальон наклоняются над Марусей.

Она пишет старательно:

«М. Орло...»

– Ничего, достаточно! – говорит почтальон.

Он подает Марусе телеграмму:

– Читайте!

– Пожалуйста, – отвечает Маруся. Читает: – «Поздравляю дочку переходом второй класс...» – И вдруг Маруся останавливается. Краснеет. – Одно слово не могу прочесть! – сознается она упавшим голосом.

– Какое?

– «Тчк», – пробует произнести Маруся.

– А... Это значит – точка. Это сокращение такое, – объясняет почтальон.

– Неправильное сокращение! – говорит Маруся твердо.

– А вы не обращайтесь внимания. Читайте, – предлагает почтальон.

Маруся читает:

– «...Завтра днем прилечу. Целую. Папа».

Маруся оглядывает всех и бросается обнимать и целовать бабушку, почтальона, маму.

Маруся получила свой табель.

На этот раз у нее в табеле одни пятерки.

И внизу стоит определение педагогического совета: *перевести во второй класс.*

– Маруся, – удивляется Анна Ивановна, – неужели ты не рада?

– Я не рада? – удивляется Маруся в свою очередь. – Что вы! Ой, не рада!.. Я только думала... что табель на этот раз будет не такой, как всегда.

– А какой же?

– Я не знаю... Я думала – с золотыми полями. С цветочками... Ведь второй класс! Это с ума сойти можно!

Маруся, мама и папа идут на вечер в школу. Когда они проходят мимо репродуктора, музыка обрывается.

Торжественный голос произносит:

– Поздравляем школьников и школьниц, перешедших сегодня во второй класс!

– Нас поздравляют! – говорит, гордо улыбаясь, Маруся.
...Зал школы. Праздничный, нарядный.

Выстроились рядами все первые классы – виновники сегодняшнего торжества.

Учительницы, как командиры, стоят возле своих учениц.

Во главе с Анной Ивановной в первом ряду – первый класс «А».

– Поздравляю вас! – говорит директор школы. – От всей души поздравляю вас, девочки. Закончился ваш первый учебный год. Потрудились вы честно, во всю свою силу, – и вот у вас праздник сегодня. Вы поднялись на целую ступеньку выше. Теперь все вы – ученицы второго класса сто пятьдесят шестой советской школы. Набирайте побольше сил за лето и поскорее возвращайтесь в школу. До нового учебного года. До первого сентября!

Все громко хлопают в ладоши.

В зале много гостей.

Вот мальчики из соседней школы со своей учительницей, приглашенные специально по такому торжественному поводу. Среди них Сережа.

В зале – родители, шефы с завода, знакомый нам бородастый ученый ботаник.

Открывается занавес. На сцену выходит Маруся.

Она объявляет:

– Сейчас мы, ученицы первого класса...

За кулисами шум.

Девочки высовываются из-за кулис, подсказывают Марусе, перебивая друг друга:

– Второго! Второго!

Маруся смущается, но сразу соображает, в чем дело. Поправляется:

– Я нечаянно ошиблась. Сейчас мы, ученицы второго класса, будем выступать.

В полном составе выходит на сцену второй класс «А».

Девочки поют:

Первый класс!
В первый раз
Год назад ты принял нас.
Перешли мы во второй
И прощаемся с тобой.
Мел, доска, картины, карты
Вместе с нами перейдут.
Чуть повыше станут парты,
Вместе с нами подрастут.

Полюбили мы друг друга,
За подруг стоим горой,
И со мной моя подруга
Переходит во второй.

А учительница что же?
Бросит разве нас с тобой?
Нет, учительница тоже
Переходит во второй.

Так, дорогою веселой,
Мы шагаем, вставши в строй,
Вместе с классом, и со школой,
И со всей родной страной.

Первый класс!
В первый раз
Год назад ты принял нас.
Перешли мы во второй
И прощаемся с тобой.

КОНЕЦ.

**ПОВЕСТЬ
О МОЛОДЫХ
СУПРУГАХ**

Весеннее утро. По мостовой возле самой панели двигается тележка, на которую оглядываются все прохожие.

И даже самые озабоченные улыбаются, самые торопливые – замедляют шаги.

Первый в этом году урожай сирени, белой и лиловой, свежей, только-только срезанной, везут в стеклянных банках, эмалированных кувшинах и алюминиевых бидонах в цветочный магазин.

Тележка рессорная. Сирень мягко покачивается на ходу. Толкает тележку задумчивый бородатый человек в белом фартуке.

Лужица возле панели.

Бородатый человек поскользнулся.

Сделал резкое движение.

Колесо тележки въехало на панель.

Тележка накренилась.

Звякнули алюминиевые бидоны, стеклянные банки, эмалированный высокий кувшин упал на бок, опрокинул соседей.

Вот-вот рухнет на мостовую весь пышный цветочный ворох.

Но тут прохожие ринулись на помощь.

Первый – молодой человек в сером пиджаке. Он прыгнул на мостовую, подхватил падающую влажную массу сирени, принял ее в свои объятия. Пожилой господин, зажав портфель между коленями, схватил обод колеса, скатил его с панели, выровнял тележку. Майор авиации поставил на место упавший эмалированный кувшин, собрал рассыпавшиеся гроздья.

Опасность миновала.

Прохожие отряхиваются – их забрызгало водой. Улыбаются.

Пожилой гражданин вытирает руки платком. Ворчит:

– Что же это, батенька! Такой груз едва не загубил... Первая сирень! Каждый год как увижу – удивляюсь и радуюсь, будто ее только что изобрели.

– Еще минута, и был бы весь твой букет под машиной, папаша! – смеется майор авиации. – Как раз пятитонке под колеса хотел его отгрузить.

Молодой человек ничего не говорит. Только улыбается.

– Одурманило меня, граждане дорогие, – признается человек в белом фартуке. – Ветер прямо на меня дует. Шагаю и дышу, шагаю и дышу. Сирень, сирень... Молодость, что ли, вспомнил, извините. Замечтался о своем.

– Осторожнее, батенька, надо, осторожнее! – ворчит пожилой гражданин. – В сирени часто счастье попадается.

Молодой человек срывает звездочку сирени с пятью лепестками. Показывает, улыбаясь, пожилому гражданину.

– Оно самое! – кивает тот. – Счастье, радость, они этого... ухода требуют и того самого... осторожности.

Лицо пожилого гражданина принимает рассеянное и озабоченное выражение. Платок – в карман, портфель – подмышку, и нет его. Исчез и майор авиации.

– Спасибо за помощь! – благодарит молодого человека возчик.

Молодой человек загляделся на цветы. Вздрагивает, как бы просыпаясь.

– Как вы говорите? – спрашивает он ласково.

– Говорю – спасибо за помощь. Не откажите...

Он протягивает молодому человеку ветку сирени.

– Премию вам.

– Нет, зачем же, – отказывается молодой человек.

– На счастье, – говорит возчик. – Берите. У меня рука легкая. Барышне вашей подарите. Пожалуйста!

Молодой человек, улыбаясь, берет ветку сирени.

Большой письменный стол.

На столе стакан, забрызганный акварельными красками.

В стакане – ветка сирени. У чертежной доски знакомый нам молодой человек, только он уже не в сером пиджаке, а в синей прозодежде.

На круглых стенных часах половина шестого.

Молодой человек чертит сосредоточенно.

У окна бритый длиннолицый человек с густыми, вьющимися, седыми как снег волосами и с очень простым, очень наивным, даже как бы удивленным лицом. Он смотрит на молодого человека с таким же пристальным вниманием, как тот на чертеж.

Молодой человек работает и от времени до времени улыбается так же широко, как на улице, во время утреннего происшествия с цветами.

И каждый раз лицо наблюдающего за ним человека делается еще более удивленным.

– Сережа, а Сережа! – не выдерживает он наконец.

– Да, Степан Николаевич?

– Что вы улыбаетесь своему чертежу, как хорошенькой девушке!

– Разве? – удивляется Сережа. – Неужели я улыбаюсь!

Улыбаясь, разглядывает он чертеж.

И вдруг говорит, не оборачиваясь:

– Я женился, Степан Николаевич.

– Ну да?!

– Честное слово, не шучу!

– Давно?

– В субботу, Степан Николаевич. Сегодня четвертый день, как женат.

– Поздравляю.

– Спасибо, Степан Николаевич.

Степан Николаевич смотрит в окно. Видит улицу, освещенную солнцем. Люди, толпящиеся у трамвайных и троллейбусных остановок, маленькие, как муравьи. И то чуть насмешливое удивление, с которым смотрел он на Сережу, меняется. Теперь Степан Николаевич глядит вниз с удивлением задумчивым, слегка грустным. Но вот он трясет головой, сердито отгоняет, как муху, какую-то неприятную мысль. Подходит не спеша к Сереже.

– Ну, докладывайте: на ком женились?

Сережа смеется.

– Да ведь я вам только что все подробно рассказал.

– Не слышал! – отвечает Степан Николаевич. – Думал о своем. Ну? Чему вы радуетесь? Вы знаете, в каком вы положении? А? Женился. Это все равно что взялись бы вы корабль вести вокруг света, понятия не имея о том, как это делается. Жить вместе – это целая наука. Впрочем, ну вас к черту.

Сережа смеется.

– Вы счастливы, что ли?

– Честное слово, очень! – отвечает Сережа. – Я сам удивляюсь, как будто другой человек стал. Ну, счастлив, Степан Николаевич, и все тут. И не то что стесняюсь, а хочется всем рассказывать. Что такое, а? Хожу – улыбаюсь... Ну что скажешь, а?

Степан Николаевич вдруг тоже широко улыбается.

– Да уж тут, пожалуй, ничего не скажешь. Только берегите его!

– Кого?

– Счастье.

– Что-то я об этом уже второй раз слышу сегодня, – удивляется Сережа.

– Мало. Сто раз надо вам повторить.

– Везли, понимаете ли, по улице цветы...

– Ладно! Потом о цветах. Рассказывайте сначала о жене. Какая она?

Обеденный стол.

Посреди стола – знакомая нам ветка сирени в высоком бокале.

За столом молодая женщина – лет двадцати двух. В лице ее больше всего поражает выражение детской доверчивости. И ростом она мала, и свои маленькие руки сложила она перед собою на столе, как маленькая девочка. И смотрит она не мигая, с пристальным, глубоким, детским интересом на своего мужа. На Сережу.

– Какая она? – рассказывает Сережа. – Я, конечно, тут немного растерялся. Вижу тебя перед глазами как живую. А что ему объяснить? Смотрю на него и смеюсь. И он смотрит и смеется. Где познакомились? На фронте. Давно? В сорок третьем году. Ну, это, говорит, хорошо. Давно. Успели, значит, хорошо друг друга узнать. Я молчу... Как зовут? Маруся. Имя хорошее. Где работает? Учится, химик. Курс? Третий. Ну, говорит...

Сережа внезапно замолкает.

Маруся ждет терпеливо, спокойно, доверчиво глядит прямо в глаза мужу.

Пауза.

– Смотри-ка! – говорит Сережа удивленно. – Подумай-ка! Сколько времени гляжу тебе прямо в глаза – и не стесняюсь. Всегда как-то неловко долго смотреть в глаза. Ну... девушкам. А тебе смотрю в глаза и не стесняюсь. Маруся! Ты плачешь, что ли! Да? Почему?

– Люблю тебя очень, – отвечает Маруся.

Начало белых ночей. Около десяти часов вечера, но в комнате так светло, что лампочка не включена. Сережа работает у чертежной доски.

Вдруг он поднимает голову и прислушивается. Маруся поет за стеной. Поет, как часто поют люди, задумавшись – неведомо что, неведомо как, каждый на свой лад.

Сережа подкрадывается к двери, заглядывает в соседнюю комнату. Маруся сидит на подоконнике. Окно открыто. Маруся смотрит задумчиво на улицу.

Напротив, на глухой стене дома, огромный освещенный солнцем плакат с кипарисами, белой террасой, необыкновенно синим морем. Надпись на плакате призывает откладывать в сберкассе деньги на летний отпуск. Под глухой стеной недавно разбитый сквер с молодыми деревьями, газоном, клумбами в красных тюльпанах. В сквере кричат дети. Настойчиво гудит у ворот машина, просит, чтобы ее пустили домой.

Звонит трамвай.

И над всем этим гулом, ничего не слыша, задумавшись о своем, Маруся поет, едва слышно, на свой любимый лад:

– Будем учиться! Будем учиться! Будем стараться! Будем стараться!

Раскрытая книга, по всем признакам учебник, лежит у нее на коленях. Ветер шевелит листами книги.

Сережа смеется.

Маруся поворачивается к нему спокойно. Она нисколько не удивлена появлением мужа. Кивает ему ласково. Хлопает ладонью по подоконнику – зовет присесть рядом.

– Будем учиться? – спрашивает Сережа.

Маруся кивает головой.

– Будем стараться?

Маруся кивает головой.

– А в учебник и не глядим?

Маруся улыбается.

– Все помалкиваем? – спрашивает Сережа, усевшись на подоконник.

Маруся кивает головой.

– Ну, расскажи быстренько – о чем помалкиваешь?

Маруся кивает головой, послушно.

– Сейчас!

Она собирается с мыслями, смотрит на Сережу со свойственным ей выражением детской доверчивости и начинает:

– Значит, так. Просмотрела я одно место в органике. После завтра идти на практику, надо все вспомнить. Верно? Потом стала я смотреть на улицу. Так? Потом увидела этот плакат. Захотелось мне путешествовать. Посмотрела на эту девушку...

– Что ты смеешься? – спрашивает Сережа.

– Потом скажу! – отвечает Маруся. – Посмотрела я на эту девушку на плакате и удивилась: что она могла найти вон в том, с усами, который нарисован с ней рядом? И стала думать о том, как люди встречаются, как выбирают друг друга, как ссорятся, как расходятся. Вспомнила, что сказал тебе

Степан Николаевич: жить вместе – целая наука. И стала петь песенку: будем учиться, будем стараться...

Маруся хохочет неудержимо, закрыв лицо руками.

– Ну что? – спрашивает Сережа. – Ну чего ты? Скажешь?

Маруся кивает головой.

– Ну?..

– Ты, – объясняет Маруся, – ты меня передразниваешь. Честное слово. Нечаянно. Что у меня на лице, то и у тебя. Я открою глаза, и ты тоже. Я говорю, а ты губами шевелишь. Обидно!

– Что обидно? – удивляется Сережа.

– Что я засмеялась. Мне это так нравилось!

Сережа улыбается.

– Со мной это всегда, когда я внимательно слушаю.

– Ты знаешь, что это значит? Это значит, что ты очень впечатлительный. Ну, а теперь иди.

– Иду! – отвечает Сережа, не двигаясь с места.

– Сережа!

– Иду!

– Не порти завтрашний вечер. Завтра месяц! Пойми! Целый месяц, как мы вместе. И не было еще у нас ни одного свободного вечера. По городу погуляем! Иди, кончай чертеж.

– Иду! – отвечает Сережа, не двигаясь с места.

И вот завтрашний день наступил.

Сережа бежит вверх по лестнице, прыгает через три ступеньки.

Открывает своим ключом дверь.

– Маруся! – кричит он во весь голос. – Я пришел! Вечер наш!

Тишина поражает его.

Он пробегает бегом по квартире.

Вот комната, где стоят книжные полки, чертежная доска у окна. Обеденный стол, письменный стол, с Марусиными учебниками. Вот спальня. Вот кухня, такая чистая, что Сережа называет ее лабораторией.

Хозяин все больше и больше хмурится – пусто дома. Нет хозяйки.

И вдруг он замечает на своей чертежной доске записку: «Сережа, я была на заводе. К сожалению, практика моя начинается сегодня со второй смены. Ухожу туда. Вернусь к часу ночи. Маруся».

Сережа хмуро глядит в окно, постукивая каблуком.

И вдруг лицо его искажается.

Он комкает записку, швыряет ее на пол. Топчет ее ногами.

– Ко всем чертям! – вопит он яростно. – Дура! К дьяволу. Будь я трижды проклят!

Скрипнула дверь шкафа в спальне.

Маруся тихо выходит оттуда, сгорбившись, опустив голову. Глядит, как девочка, которую вдруг ни за что ни про что ударили.

Сережа оглядывается. Маруся стоит на пороге. Смотрит на мужа так, будто увидела его первый раз в жизни.

Сережа бормочет растерянно:

– Нет, это безобразие... Я, понимаешь, прибегаю... Чертеж очень хороший оказался. Вечер свободный. Маруся! Да Маруся же! Что ты так на меня смотришь?

И Маруся бросается к мужу.

Обнимает его. Прячет голову у него на груди. Жалуетса ему на него же.

– Ты кричишь? – жалуетса она. – Ты ругаешься! Сережа, ты кричишь!

Он молчит.

Гладит ее по голове.

– Я хотела, чтобы ты обрадовался... Меня тоже отпустили до понедельника. Я в шкафу спряталась. Дура! Ты крикнул: дура! Я нарочно написала записку, чтобы ты обрадовался, когда я вдруг выйду.

– Вот, действительно, – бормочет Сережа.

– Я испугалась!

– Я тоже испугался! – бормочет Сережа. – Пусто показалось дома без тебя. Ну, ну, ну, Маруся, ну, не надо. Ну, я дурак, ну, прости.

Маруся взглядывает на мужа.

– Я испугалась, я испугалась, что я тебя не знаю. Что...

Она садится у окна и разглядывает Сережу, разглядывает пристально, как будто видит его первый раз в жизни. Сережа стоит, опустив голову.

– Нет, ты, конечно, будешь на меня кричать! – говорит Маруся убежденно. – Будешь... Подожди, не говори. Сядь. Будешь. Я знаю. Вот слушай, что я думаю. Или нет, сначала ты будешь есть.

– Я не хочу.

– Нет, хочешь, честное слово, хочешь, потому что я тоже голодная.

Она берет мужа за руку.

Ведет к столу.

Внезапно он обнимает ее изо всех сил и целует, целует много раз голову, лоб, губы, руки. Просит прощения, молча.

Маруся и Сережа идут по городу. Сразу чувствуется, что они помирились, что сейчас они еще дружнее, чем были, что на душе у них спокойно и мирно.

Темно. На небе ни облачка.

Солнце все не хочет заходить.

Это субботний вечер, самое начало праздника. Еще все впереди. И похоже, что все встречные тоже гуляют, радуются хорошему дню.

Сережа и Маруся идут по Марсову полю, по той аллее, что тянется вдоль Михайловского сада.

На скамеечке сидит молодая женщина. Лицо ее расплылось в улыбке. На коленях у нее прыгает девочка месяцев десяти. Женщина осторожно поддерживает дочку и поет ей прямо в лицо, необыкновенно нежно:

Москва моя,
Страна моя –
Ты самая любимая!

Маруся замирает на месте:

– Сережа, Сережа, слушай!

А мать поет еще нежнее:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед...

Дважды ритмично целует дочку в музыкальной паузе.

Чтобы с боем взять Приморье,
Белой армии оплот.

Дважды целует дочку.

Маруся и Сережа смотрят, смотрят на молодую мать.

И та замечает, что ею любят.

Бормочет, целуя девочку:

– Смотрят на нашу дочку – отнять хотят нашу дочку. А мы дочку не отдадим, не отдадим, не отдадим! Ишь, какие хитры! Свою дочку купите, купите, купите!

Маруся и Сережа проходят, улыбаясь.

Они останавливаются у чугунной решетки Михайловского замка. Глядят на курсантов, которые в майках и сапогах играют во дворе в волейбол.

И Маруся предлагает вдруг:

– Давай гадать!

– Как гадать?

– Если выиграют правые, то все у нас будет просто замечательно. Чего ты смеешься? Я тоже не верю, но все-таки приятно будет, если правые выиграют.

– Мяч направо! – кричит судья. – Счет: девять–восемь.

– Ага! – радуется Маруся.

Игроки, несмотря на свои тяжелые сапоги, бегают легко, взлетают на воздух, валятся самоотверженно на землю, играют первоклассно. Мяч подолгу не касается площадки.

– Сережа! А ты детей любишь? – спрашивает Маруся.

– Да! – отвечает он. – То есть, как тебе сказать... Грудных – боюсь. Вот этот черненький подает хорошо.

– Отлично подает. А почему ты грудных боишься? Они беспомощные какие-то... святые... Держи! Упустил... Как их можно бояться?

– Ох, я в прошлом году натерпелся страху, – отвечает Сережа, – на вокзале одна гражданка дала мне подержать своего младенца.

– Сколько месяцев ему было?

– А кто его разберет? Может, три, а может быть, десять. Ох! Мяч на аут шел, а он принял. Чудак, мягко выражаясь. Ну вот, дала она мне своего младенца, а сама ушла билет компостировать. Мальчишка сначала ничего. Лежит, дышит. А потом я кашлянул, и что с ним сделалось! Вздрогнул он и давай реветь...

– Бедненький! – смеется Маруся.

– До сих пор вспомнить жутко, – продолжает Сережа. – Мать у кассы задерживается. Я ему: тише, тише, а он глянет на меня, зажмурится и еще пуще завизжит.

– Бедненький, – повторяет Маруся – и вдруг добавляет, серьезно:

– Трудно.

– Что трудно?

– Все. Потом скажу.

– Скажи сейчас.

– Нет, потом. Сетбол! Решающая! – и, закрыв глаза, Маруся решает скороговоркой: – Хочу, чтобы правые выиграли! Хочу, чтобы правые выиграли! Хочу, чтобы правые выиграли!

Команды занимают места, но тут из-за угла Михайловского замка выбегает дежурный. Отдает какое-то приказание. Игроки поспешно одеваются, одергивают гимнастерки, поправляют фуражки, бегут. Площадка опустела.

– Вот видишь? Не получилось гадание. Все выходит по моему! – говорит Маруся задумчиво. – Все нам придется своими руками делать. Судьба не поможет, но подскажет.

Маруся и Сережа входят в Летний сад.

Играет духовой оркестр.

Здесь гуляющие текут уже сплошной рекой.

– А все-таки давай еще погадаем! – просит Маруся. – Послушаем, что встречные говорят. Это будут вещие слова.

И они ловят обрывки разговоров.

Идут мальчишки с учебниками. Видимо, десятиклассники. Один из них негодует:

– Сегодня он археолог, завтра – геолог, послезавтра – физиолог. Пора, брат, определить, кем будешь.

Идут девушки, лица праздничные, платья праздничные. Одна рассказывает весело:

– А я ему: мы сюда из Тюмени ехали квалификацию повышать, а не замуж выходить.

Шагают, привычно держа строй, курсанты училища имени Фрунзе. Спорят:

– Не в теореме дело, а в том, что действовать надо математически.

Увидели лейтенанта. Отчетливо, разом, как по команде, повернув головы, отдают ему честь.

Девочка лет пяти с глубоким интересом вслушивается в разговор родителей. Отец говорит сурово:

– Лечить ребенка – врача зовут, а воспитывать – всякий берется.

– Вот они – вещие слова! – шепчет Маруся. – Погоди, не мешай, потом объясню, давай дальше слушать.

Старик в очках с металлической оправой поучает молодого своего спутника:

– Найди каждому место по душе – и вся бригада у тебя заиграет.

Мальчик с очень толстой книжкой в руке рассказывает другому:

– Я уже года два назад бросил курить. В летчики собираюсь, здоровье берегу.

Седой человек с молодым лицом показывает:

– Вот за тем деревом моя зенитка стояла. А по аллеям – только ветер гулял. А теперь...

И музыка заглушает разговоры встречающих.

Маруся и Сережа подходят к круглой большой беседке возле главной аллеи парка. В беседке играет оркестр военных моряков. Вокруг – толпа, застывшие в блаженном созерцании дети. Старик – очевидно, бывший музыкант. Он то утвердительно кивает головой в такт старинному вальсу, то вдруг трясет головой отрицательно и строго взглядывает на провинившегося оркестранта. Военные позади беседки уговаривают девушек потанцевать.

Сереза взглядывает на кларнетиста – и рот открывает от удивления.

Кларнетист изо всех сил старается обратить на себя Серезино внимание. Мигает ему. Шепчет что-то беззвучно и выразительно. Делает жест, как будто толкает кого-то большим пальцем в бок. И вдруг, деликатно сложив губы, принимается дуть в свой кларнет, когда приходит время играть. Но и тут он смотрит не в ноты, а на Серезу. Нетерпеливо, даже сердито.

Сереза подталкивает задумавшуюся Марусю. Указывает ей на странного музыканта. К его величайшему удивлению, Маруся радостно вскрикивает. У кларнетиста как раз большая пауза, и, как глухонемые, и он, и Маруся обмениваются знаками, выражающими искреннюю радость по поводу неожиданной встречи.

Музыкант так широко улыбается, что едва успевает со- брать губы, когда ему надо вступать.

Вальс окончен.

Музыканты меняют поты.

Кларнетист, воспользовавшись свободной минутой, раздражается целой речью на языке глухонемых.

– Не уходи! Поговорим! – уговаривает кларнетист.

Маруся выражает полное согласие.

Но то, что он пробует передать дальше, совершенно загадочно. Он закрывает глаза, тычет пальцем через плечо и делает вид, что пишет.

Маруся разводит руками и пожимает плечами: не понимаю, мол.

Кларнетист манит ее пальцем.

Маруся подходит к перилам беседки. Кларнетист свистящим шепотом объясняет загадку:

– Заочно кончаю вуз...

Но тут усатый капельмейстер замечает непорядок. Смотрит на кларнетиста беспощадным взглядом. Стучит палочкой по пюпитру.

Музыкант немедленно делает строго деловое лицо. Превеличенно внимательно, как близорукий, изучает ноты.

– Это кто? – спрашивает Сережа.

– Ой! Это мой друг, – отвечает Маруся. – Я в санбате его узнала. Он был...

Но тут дирижер взмахивает палочкой, гремит марш, заглушая все разговоры, и мы пока так и не узнаем, кем был кларнетист, Марусин друг.

Музыканты выстроены в ряды. Капельмейстер уводит их из Летнего сада.

Кларнетист печально сообщает Марусе знаками:

– Ничего не поделаешь! Служба!

Маруся машет ему рукой.

Маруся и Сережа у автобусной остановки на Марсовом поле. В Лебяжьей канавке купаются мальчики, кричат восторженно:

– Вот холодно! Ой, мама, пропаду!

– Ребята, смотрите! Плыву креном!

– Кто в мою сандалию кирпич положил!

– Ой, хорошо! Ой, симпатично! Ой, толково!

– Вон, автобус идет! – говорит Сережа.

– Какой номер?

– Неважно. Поедем. Куда привезет – туда привезет.

Маруся и Сережа сидят в ресторане на балконе, над водой. Цветы на столе отставлены в сторону, чтобы собеседники могли видеть друг друга. Столик в стороне. Ресторанный шум сюда едва доносится. Приглушенно звучит и оркестр, играющий на нижней террасе.

– Ну, а теперь перейдем к делу, – просит Сережа. – Я жду объяснений. Довольно помалкивать. Признавайся! Почему я на тебя всегда буду кричать? С чего ты это взяла?

Маруся кивает головой:

– Сейчас.

Она собирается с мыслями. Пристально глядя на Сережу.

– Значит, так, – начинает она. – Я девочкой верила, что все у меня будет не так, как у других людей. Все беды меня обойдут. Когда шла я с окопных работ и сказали мне, что фугаска попала в наш квартал, – я верила, верила, что не в наш дом. Как увидела, что в наш, – верила, все верила, что мама и папа живы. А когда все узнала, что... тут и кончилось мое детство. И добилась я, что жить мне, как всем людям. Довольно подарков ждаты, да и стыдно. И наше счастье, Сережа, само нам в руки не упадет.

Знакомый нам кларнетист появляется между столиками. Замечает Марусю, крадется к ней, улыбаясь.

– Я не боюсь, – продолжает Маруся. – Чему нас жизнь научила? Тому, что все в наших руках. Но... я услышала сегодня вешие слова: «Заболел ребенок – доктора зовут, а воспитывать всякий берется». Понимаешь? Разве просто воспитывать, когда любишь? А нам придется воспитывать друг друга. И все самим, самим, тут учебников нет... Понимаешь?

Сережа хочет ответить, но кларнетист вдруг вырастает за спинкой Марусиною стула. Закрывает Марусе глаза руками. Подмигивает Сереже, как старому другу: молчи, мол, не выдавай...

– Васька! – вскрикивает Маруся.

– Узнала! – ликует Вася.

Они целуются.

– Как ты нас нашел?

– Старый разведчик не найдет? – спрашивает Вася. – Смешно. Я через решетку разглядел, что села ты в автобус. Куда? На острова. Ну, я, как отпустили – следом. Уже поужинали? Ну, я тоже восемь бутербродов съел, у лотошницы брал, пока искал тебя. Рассказывай, главное – не путаясь в мелочах. Учишься?

– Учусь.

– Молодец. Я тоже. Еще что?

– Замуж вышла.

– Вышла? Ты? Ну, я рад. Если бы ты не замужем была – это для меня был бы такой удар... смертельный?!

– Почему? – хохочет Маруся.

– Зачем ты спрашиваешь? – говорит вдруг кларнетист сурово. – Ты же знаешь, что я в тебя был влюблен, можно сказать.

– Никогда этого не было, – говорит Маруся Сереже.

– Было, – настаивает кларнетист. – Понимаешь теперь, как тяжело мне пришлось бы, если б ты не замужем была.

– Почему? – удивляется Маруся.

– Потому что я сам женился, между прочим...

Маруся хохочет.

– Ей все смешно! – доверчиво жалуется кларнетист Сереже. – А я на самом деле переживал. Намекну ей, бывало, а она посмеивается. Это вы ее муж?

– Я, – улыбается Сережа.

– Эх, познакомимся. Как зовут? Сережа? А я – Вася. Был разведчиком, а теперь музыкант. Вольнонаемный. Нога худо слушается.

– Коленный сустав! – качает головой Маруся.

– Отстань с медицинскими словами! – кричит Вася. – Ну, поздравляю!

Жмет руку Марусе и Сереже.

– И вам ее не жалко? – спрашивает он вдруг Сережу с глубокой серьезностью. – Такая она нежная, такая маленькая, и вы вдруг ей муж... Эх! Грубый мы народ! Ты не обижай ее, Сергей! Не обижай, прошу тебя. Не обижай! Эх, Маруся.

По конвейерной роте медленно ползут резиновые подобия бот, превращаясь постепенно в настоящие боты. Маруся проходит позади работниц с записной книжкой и секундомером в руках.

Пожилая работница окликает ее:

– Практикантка, а практикантка!

– Я тут, Ольга Васильевна.

– Подойди, дочка, когда кончишь задание.

Маруся останавливается за спиной Ольги Васильевны.

– Я уже кончила. Только проверяла.

– Нас?

– Нет, клей. Он лабораторию беспокоит. Застывает медленно.

– Ну, если клей, это другое дело. А то я уже хотела с тобой сцепиться, поругать тебя.

– За что?

– А ни за что. Перед гудком я только и делаю, что ищу, к чему бы привязаться. Ты на дочку мою похожа. Вот я и подумала: ох, всыплю ей сейчас...

Соседка Ольги Васильевны, молодая кокетливая работница, хохочет, не разжимая губ. Так смеются люди, желающие скрыть недочет передних зубов.

– Ох, Ольга Васильевна, комик вы, и в глаза, и за глаза скажу.

Ольга Васильевна и не взглядывает на нее:

– Ты, практикантка, замужем?

– Да, Ольга Васильевна.

– Давно?

– Скоро два месяца.

– Так. Смотришь в конвейер, а думаешь о муже?

Молодая работница хохочет, не разжимая губ.

– Ну, чего молчишь?

– Сейчас. Сейчас...

Маруся с обычной своей серьезностью обдумывает вопрос.

И отвечает:

– Значит, так... Я не то что о нем думаю, а все время о нем вспоминаю. Например, поспорила я сегодня с мастером. Думаю, надо это будет Сереже рассказывать. И все время так...

Ольга Васильевна оглядывается на Марусю.

Задумчиво кивает головой.

Молодая работница перестает хохотать.

– Сережей зовут... – говорит она ласково и задумчиво.

Дом, покрытый лесами. Сережа и Степан Николаевич спускаются по лесам вниз. Сережа весел. Степан Николаевич внимательно и удивленно поглядывает на него.

– Ну, что же, – говорит Степан Николаевич, – придется мне вас хвалить. Ладно, ладно! Не за то, за что вы думаете.

Он взглядывает на часы:

– До совещания у нас есть еще полчаса. Посидим в саду. А то я и лета не вижу. Такая профессия окаянная.

Они входят не спеша в сквер возле Академии художеств. У обелиска посреди сквера играют дети. Маленький мальчик подбегает к Степану Николаевичу:

– Дядя, скажите, пожалуйста, сколько времени?

– Ровно час, – отвечает Степан Николаевич.

Идет, улыбаясь.

– Какой умный мальчик! – восхищается он.

– Почему? – спрашивает Сережа.

– Потому что сказал «дядя», а не «дедушка». Глупые мальчики из-за моих седых волос иногда называют меня дедушкой. Портят мне настроение. Вычеркивают из жизни. Я дядя, дядя. Запомните это!

Сережа смеется.

Они садятся на скамейке в углу, в глубине сквера.

– Так вот, в качестве дяди, – продолжает Степан Николаевич, – я глаз не спускаю с некоторых моих «племянников». Сейчас я вас буду хвалить. Когда я женился, то остался на второй год на четвертом курсе. А вы вдруг стали еще лучше работать. Почему?

Сережа смеется.

– Чудеса! – продолжает Степан Николаевич. – Умиляюсь... Впрочем...

Мимо галопом проносятся двое ребят.

– Сдавайся, а то зарежу! – кричит один из них.

– Впрочем, представьте себе, – продолжает Степан Николаевич, – что мимо нас промчались бы не мальчики, а бородастые пожилые люди с этим же самым воплем: сдавайся, а то зарежу! Мы бы с вами не улыбались снисходительно. Это я к чему говорю. К тому, что любовь тоже имеет свои возрасты. У вас дома сейчас, так сказать, царствует любовь-ребенок. Что бы она ни делала, как бы ни шалила – зрители умиляются. Но она, увы, не остается неизменной. Не успеешь оглянуться, и вот уже в доме любовь-подросток, со всеми

неприятными свойствами переходного возраста. Ну и так далее, и так далее... И, кроме того, любовь – болеет. Уверяю вас. Особенно в нежном возрасте. И не всегда, ох, не всегда доживает до прекрасных зрелых лет.

За столом в заводской столовой – Маруся, Ольга Васильевна и Шуручка, та самая работница, что смеется, не разжимая губ.

– Нет, я рада, что уже в возрасте, – говорит Ольга Васильевна решительно. – Кончились все глупости, неудовольствия. Довольно я с ума сходила. Однажды чуть не разошлась с ним.

– Изменил? – с жадным любопытством спрашивает Шуручка.

– Молчал все время, – объясняет Ольга Васильевна. – Ей-богу. Теперь-то я понимаю, что он уж такой на свет уродился. А тогда я, дура, так понимала: если муж молчит, значит, это он жене в обиду.

– Плохо жили? – спрашивает Шуручка отрывисто, с той же жадностью.

– Не плохо, а глупо, – отвечает Ольга Васильевна. – Сколько сил убито, сколько времени потеряно. Ни одному врагу злейшему такого не наговорю, бывало, сколько ему, бедняге.

Шуручка хохочет, не разжимая губ.

– А теперь вот... – продолжает Ольга Васильевна, – сын в Москве, дочка с мужем на Камчатке. А он за мной ходит. Я в кухне вожусь – он возле сидит, курит. Я шить сяду поближе к свету – он возле газету читает. Ну, что тебе? – строго спрашивает она у молодого парня, который подошел к столу и скромно ждет, пока Ольга Васильевна замолчит. – Видишь, обедаю!

– Пока Люба компот принесет, мы все вопросы решим! – улыбается парень.

– Ничего, ничего! – сердится Ольга Васильевна. – Порядок есть порядок.

– Два слова! По важному вопросу.

– Мы тоже по важному вопросу говорим! – сердится Ольга Васильевна.

– Полминуты!

– Вот упрямый! – улыбается Ольга Васильевна. – Что значит мальчик... Ну, ладно.

Она встает и отходит с парнем в сторону, причем их едва не обливает супом подавальщица, которая мчится по проходу с подносом, до того тесно уставленным тарелками, что кажется просто сверхъестественным, как не развалится эта пирамида.

Подавальщицу преследуют вопли:

– Любочка, мой талон захвати!

– А где гуляш, гражданочка?

– Тот стол позже пришел, а ты его обслужила!

Шурочка наклоняется поближе к Марусе, шепчет:

– Ох, Ольга Васильевна – это особенная баба. И муж у нее не простой человек. Был когда-то рабочий, как мы с тобой, а теперь смотрите-ка – директор номерного завода. Могла бы, кажется, дома сидеть, отдыхать, – нет, не соглашается. И на конвейере она, и в завкоме, и парткоме, и в райсовете. Такая умная женщина, до всего доходит, а в семейной жизни ничего не понимает. Ты меня послушай!

Но тут Ольга Васильевна возвращается на место.

Остро взглядывает на Шурочку.

– Чего?

– Я ничего, – отвечает та, посмеиваясь.

– Что ей нашептывала, а?

Шурочка кивает головой решительно: сейчас, мол, скажу, но тут подавальщица ставит на стол поднос, на котором в два этажа друг на друге стоят стаканы с компотом.

– Берите сами, граждане! – просит она. – Сверху берите. Осторожно берите. Вот спасибо. Значит, с вашим столом я в расчете.

Она убегает к соседнему столу, а Ольга Васильевна вздыхает:

– Ну, вот и обед к концу пришел, а поговорить и не поговорили. А я так считаю. Семья – дело первой важности.

Что тыл во время войны, так и семья в наши дни. Беда только, что мы говорим о ней на ходу, между делом. Ну, словом, — закругляюсь: люби мужа, и все будет ладно.

Шурочка взмахивает отчаянно головой и как в воду бросается.

— Не слушай ты ее, а слушай меня, — говорит она страстно. — Нет никакой любви на свете, будь прокляты они, эти мужики! Как родила я дочку, да отдала ей свою красоту, да потеряла после родов зубы — все кончилось. Слова от него человеческого не слышу, от подлеца, от мужа. Еще, спасибо, не бросил — дочку, что ли, жалеет? Нет любви на свете, так и помни, а то пропадешь.

— Видали? — сердится Ольга Васильевна. — А ты что в прошлую субботу мне доказывала? А? Хвастала, что нет на свете человека лучше, чем твой Николай. И тихий, и заботливый, и непьющий, и работающий, билеты в театр тебе достал, и сам вымыл окна, и девочку выкупал, чтобы тебе дать отдых. Было это?

— Мало ли что! Ох...

— Хороший он парень! — перебивает ее Ольга Васильевна.

— Со стороны — конечно, а вы на него дома поглядите.

— И дома хороший. Избаловал тебя. Сама ты не знаешь, за что человека мучаешь.

Шурочка хочет ответить, но мощный рев гудка потрясает стены столовой, заглушает ее слова.

Обеденный перерыв окончен.

Маруся и Ольга Васильевна идут по длинному коридору, мимо досок с объявлениями за проволочной сеткой, мимо пожарных кранов, мимо железных дверей, запертых железными болтами.

И вдруг Ольга Васильевна останавливается возле широкого решетчатого окна.

Улыбается неожиданной для нее застенчивой улыбкой.

— Хочешь, покажу его? Мужа? Гляди.

И, порывшись в сумочке, достает маленькую фотографию.

Маруся видит пожилого человека с упрямым ртом.

Седые волосы коротко острижены, стоят ежиком. Глаза глядят сурово и строго.

Ольга Васильевна смотрит на портрет через Марусино плечо.

И говорит вдруг ему, портрету:

– Ну, чего, чего смотришь так свирепо?! Сниматься пришел! К фотографу... хоть тут улыбнись. Идол!

Маруся смеется. Ольга Васильевна прячет портрет в сумку.

– Да, – вздыхает она, – есть о чем поговорить. Только времени нет. Да и не умеем еще.

Вася ходит мимо завода, от угла до угла, но при этом всем своим видом показывает, что он никого не ждет, не гуляет, а спешит куда-то по важному делу.

Гудит гудок.

Из проходной конторы валом валит народ. Дважды пересекает эту толпу Вася, озабоченно, ни на кого не глядя.

Вдруг радостный голос окликает его:

– Вася!

Он оглядывается.

Маруся подбегает к нему.

– Смотри-ка! – удивляется Вася. – Ты что тут делаешь?

– Работаю, – сообщает Маруся. – Я же тебе рассказывала, что я на этом заводе на практике.

– Ага, припоминаю! – говорит Вася, глядя на Марусю так пристально, с таким жадным вниманием, что она даже спрашивает испуганно:

– Что? Лицо у меня запачкано? А, Вася?

– Нет, почему. Лицо все то же, знакомое, – отвечает Вася. – Тебе в какую сторону? Я тут ездил за нотами, да не застал, понимаешь, этого человека. Так ругался, понимаешь! Назначает время, а сам уходит. Гражданские привычки... К трамваю идешь?

– Нет, мне хотелось пешком.

– Да? Ну, я тебя провожу. У меня время есть.

Они идут не спеша по ленинградским улицам.

– А муж? – спрашивает Вася.

– Что муж?

– Не обидится, что ты домой не спешишь?

– Ой, он сегодня поздно вернется. Сегодня судьба его решается. Я так волнуюсь! Сегодня их проект рассматривать будет комиссия. Там, понимаешь, целый заводской комбинат они спроектировали. Два цеха и дома для рабочих – Серезины.

И метод он предложил постройки свой, скоростной. Ох, страшно. Здесь будут рассматривать. Потом в Москве. Метод новый. В области его сейчас пробуют. В одном совхозе. Ох, страшно. Верно?

– Дружно живете? – спрашивает Вася.

– Ага.

– Не ссоритесь?

– Почти что.

– Не обижает?

– Он-то не обижает. Только я, бывает, обижаюсь. Вот скажи ты мне, Вася, по-дружески. Ты меня хорошо знаешь. Я обидчивая?

– Была нормально, как все.

– А стала ненормально. Над одним его словом могу целый вечер думать. Да что ты, над словом... Не тем тоном скажет что-нибудь... Давай мороженого поедим.

– Это можно! – соглашается Вася.

– Чур, я плачу!

– Это нельзя!

Вася врзается в толпу, окружившую продавщицу сливочных брикетов, и Маруся слышит веселый его голос.

– Одну минуточку, граждане! – кричит он весело, – пожалуйста нахалу вне очереди. Ну, что делать, гражданочка, когда мне сладкого хочется. Я понимаю, что всем хочется, только мне еще больше. Ну, можно ли сердиться возле такого веселого продукта, как мороженое. Не пшено ведь. Ну, вот и все.

Вася, слегка прихрамывая, выбегает из толпы с двумя брикетами в руках.

Подмигивает Марусе:

– Техника!

– Погоди, не ешь! – просит Маруся. – Зайдем в скверик... Там я тебе что-то интересное покажу.

Они заходят в скверик, усаживаются на скамеечке.

– Ну, теперь можно. Садись и ешь! Вот на тот дом смотри. Маруся указывает на четырехэтажный дом против сквера.

– Хорош?

– Ничего себе...

– Наша работа! По Серезиному проекту его восстанавливали, когда мы еще и знакомы не были, и вот что оцени: скоростным методом восстанавливали, а в доме не сыро. Жильцы удивляются! Ох, на платье капнула!

Вася бережно обтирает носовым платком Марусино платье.

– Я, как домой иду, всегда сверну посмотреть. Понимаешь, как это приятно. Верно? Вася, ты обиделся?

– Кто, я?

– Обиделся, обиделся, что я все о себе говорю. Теперь ты говори. Почему жену к нам до сих пор не привел? Где пропадаешь? Раз только забежал – и нет его... Я тебя вспоминала.

– Разве?

– Сколько раз. И Серезе ты понравился. Ну, говори, какая у тебя жена?

– Ой, хорошая.

– Любишь ее?

– Ого!

– Ну, молодец. А не врешь? Как-то ты странно говоришь о ней.

– Стесняюсь...

Маруся смеется.

– Не верит! – удивляется Вася. – Ну, слушай тогда. Знаешь, как я ее люблю? Всегда ее лицо передо мной. Вот именно. И когда я вижу ее, то удивляюсь, что она не такая, а еще лучше. И все я боюсь, как бы ее кто не обидел. Кажется мне, дураку, что очень она, ну, как бы тебе это выразить... Не такая, как все... Что ее ушибить легко. Когда долго ее не вижу, все мне кажется – не заболела ли... Понимаешь, бывает, что я ее долго не вижу, она в командировках часто... Ну, словом, коротко говоря, вот тебе и все.

Говорит он это очень серьезно, даже мрачно, глядя прямо перед собой. Маруся не сводит с него глаз. Некоторое время оба молчат.

– Вот ты какой, оказывается, – говорит Маруся.

– Вот именно! – отвечает Вася.

– И не ссоритесь вы?

– Зачем? – отвечает Вася. – Я как на войне решил – буду жить по-человечески, так и живу.

Он внимательно взглядывает на Марусю.

Улыбается мягко и признается:

– Ссоримся, конечно.

Маруся смеется.

– Вот странно! – говорит она. – Ни одной подруге я ничего не рассказываю... а тебе могу. Почему-то я тебе очень доверяю.

– И правильно делаешь! – говорит Вася твердо.

Маруся и Вася стоят на трамвайной остановке.

– Будешь к нам приходить почаще? – спрашивает Маруся.

– Стесняюсь я! – отвечает Вася.

– Кого?

– Да у вас народ, верно, в гостях бывает.

– Кто? Степан Николаевич заходит. Это главный инженер, начальник проектного бюро. Очень хороший человек. И еще Леня Лагунов, Сережин друг. Ну, этот...

– Не нравится тебе?

– Да не знаю. Его Сережа очень любит. Но он... Не знаю. В общем, приходи. Увидишь.

– Надо будет прийти, – отвечает Вася.

– С женой.

– Непременно.

Маруся задумывается о чем-то глубоко. Вася смотрит, смотрит на нее. Даже голову склонил набок. Улыбается грустно.

– Вася, – спрашивает Маруся. – Ты в высшей математике разбираешься?

– Плаваю... А что?

– Да ничего, ничего. Так... Я тоже плаваю. Ну, вот и мой.

Маруся взбирается на площадку трамвая. Вася подсаживает ее осторожно, заслоняет от толчков, широко расставив локти.

– До свидания!

– Будь здорова, Маруся!

Звонки. Вагон трогается. Вася долго стоит на остановке, смотрит вслед трамваю, пока тот не исчезает за углом.

На воротах Летнего сада плакат: закрыт на осеннюю уборку.

Рабочие разносят по аллеям высокие деревянные будки, в которых спрячутся статуи от зимних холодов.

Темнеет.

Сереза стоит у окна. Угрюмо глядит на свое лицо, тускло отражающееся в оконных стеклах. Знакомый плакат на противоположной стене с девушкой, кипарисами и синим морем – весь в сырых пятнах и подтеках.

Маруся сидит, согнувшись над книгами.

– Да пойми же ты, наконец! – начинает Сереза сквозь зубы. – Что интеграл...

– Не надо! – отвечает Маруся упрямо.

– Что не надо?

– Не надо объяснять.

– Почему?

– Потому что ничего хорошего из этого не выйдет. Разве первый раз ты мне объясняешь? Нет, Сереза, не в первый. Я завтра перед лекцией у подруг спрошу. Они объяснят.

– Значит, по-твоему, эти идиотки знают математику лучше меня?

– Во-первых, они не идиотки, – отвечает Маруся подчеркнуто спокойно, – Саша Волобуева – сталинский стипендиат, например. А во-вторых, они не будут говорить со мной раздраженным тоном...

– Я спокойно говорю.

– Нет, Сереза, ты говоришь с ненавистью.

– Здравствуйте, с ненавистью... Если хочешь – с ужасом, да.

– Все равно...

– Ты меня просто ужасаешь. Как можно до такой степени не разбираться в элементарнейших вещах! Ты меня нарочно дразнишь.

Маруся еще ниже склоняется над книжкой.

– Дай карандаш. Начнем сначала.

Маруся трясет головой отрицательно.

– Не упрямясь! Смотри сюда.

Маруся не поднимает головы.

– Маруся!

Маруся молчит.

Сережа всхлипывает.

– Дикое упрямство! Тут ангел – и тот, к черту, голову потеряет! Слушай меня! Немедленно!

И Сережа иступленно, что есть мочи, вопит длинную математическую формулу.

Звонок прерывает его.

– Кого тут еще черт принес... – бормочет Сережа яростно. Свирипо шагает в переднюю. Маруся слышит щелканье замка и Сережин голос.

– Леня, да какой же ты мокрый!

– Сразу успокоился! – бормочет Маруся.

Она уходит и закрывает за собой дверь.

Появляется Леня Лагунов, Сережин товарищ, инженер, его ровесник, молодой человек лет двадцати девяти. Он ладно скроен, красив, хорошо одет, держится уверенно. Лицо живое. Нервен. Это последнее свойство сказывается в его привычке вертеть в руках что придется: карандаш, спички, стакан. За неимением лучшего – отрывает от газеты длинную полосу бумаги, сворачивает в трубочку и вертит, вертит в своих длинных пальцах.

Войдя в столовую, он снимает очки, отчего уверенное выражение его немедленно исчезает. Беспомощно щурится он, протирая стекла углом белоснежного платка, вглядывается в Сережино лицо.

– Я, понимаешь, пришел, – начинает он, – явился, понимаешь, к вам... Притащился, так сказать...

Он надевает очки и продолжает уже уверенно и спокойно.

– Пришел к вам не позвонив, потому что не знал, куда иду. Ничего?

– Садись.

Леня садится за стол, берет газету, аккуратно и старательно отрывает полоску бумаги.

– Сегодняшняя! – предупреждает Сережа.

– Поля отрываю, не беспокойся. Не могу дома сидеть! Все боюсь, что позвонят насчет проекта, а звонят девушки, а я по доброте характера им отвечаю. Сегодня обещал Ане пойти с ней в кино, Вере – в театр, а Маргарита Львовне – в гости к ее дяде – юрисконсульту.

– Ну и что теперь будешь делать?

– Что, что... Скрываться буду. Маруся дома?

– Дома.

– Ой, – пугается Леня. – А я ору во весь голос.

– Она не спит.

– Понимаю. Но все-таки мужские разговоры не к чему ей слушать.

Мы видим, как Маруся отрывается от книжки и сурово показывает язык закрытой двери.

– Она не слушает, – говорит Сережа.

Леня усмехается.

– Итак... – спрашивает Леня. – Москва молчит?

– Как видишь...

– Что-то мне на этот раз даже мое любимое лекарство не помогает...

– Какое?

– Новый проект. Уж я и так пытался увлечься сегодня, и этак. Нет! Все беспокоюсь о предыдущем. Нездоровое чувство.

– Ничего.

– Ты что сегодня так односложен? Я помешал? Могу и уйти...

– Не говори глупостей, – отвечает Сережа, глядя в окно.

– Ты с женой поссорился, что ли?

Сережа не отвечает.

Леня подходит к нему.

В квартирах напротив уже зажгли свет. Тени мелькают на занавесках. Вот чья-то голова вытянулась во все окно и исчезла. Гигантская рука пошевелила пальцами.

– Что случилось? – спрашивает Леня. – Признавайся, чего там.

– Гляди, – отвечает Сережа, указывая на освещенные окна.

– Что?

– Почти все окна занавешены. Люди не хотят, чтобы к ним заглядывали в дом. Здоровое желание? А? Как ты полагаешь?

– Бери свои слова обратно! – отвечает Леня быстро. – Я сегодня, понимаешь, растерянный какой-то, что ли... Впрочем, – добавляет он после паузы, снимая очки, – впрочем, я думал, что окна занавешивают от чужих. Ладно. Не отвечай. Что ты ни ответишь, все равно будет неприятно. Уж такой сегодня вечер. Сядем, покурим.

Оба садятся на диван. Сережа приносит пепельницу. Улыбается.

– Вот я тебя сейчас разоблачу, – говорит он. – Я понял, почему ты снимаешь очки, когда начинается неприятный разговор.

– Ну?

– Боишься, что драка будет. Это у тебя еще школьная привычка. Верно?

– Похоже! – соглашается Леня.

– Очень похоже! – добавляет он подумав и хохочет.

– Ну, а теперь рассказывай что-нибудь постороннее. Только потише. Не мешай Марусе заниматься!

Маруся забралась в кресло с ногами. Локти на столе. Ладонями зажимает она уши. Раскрытый учебник лежит перед ней. Со стороны можно подумать, что она занимается, с головой ушла в работу. На самом же деле – она мечтает.

И мы видим ее мечты.

Маруся стоит на кафедре.

Огромный зал, очень смутный, очень неясный, как бы исчезающий в некоем тумане, – аплодирует ей.

– Я решила настоящую научную проблему, – мечтает Маруся. – Нашла синтетический белок, понял, понял, что я не дура!

И лицо Сережи резко выступает в смутно видимой толпе. Он глядит на Марусю с уважением и раскаянием.

А она уже мчится по шоссе в открытом автомобиле. Теперь Маруся видит все вокруг гораздо отчетливее, чем там, в аплодирующем зале. И шоссе, и море, и кипарисы совсем такие, как на плакате, который мокнет сейчас в осенней тьме за окном.

– Еду на завод синтетического белка, – мечтает Маруся. – Там не ладится что-то. Ждут меня. Нет, нет, я не боюсь. Я приеду и не буду спешить, как тогда на фронте, когда разбирали один раз жалобы раненых. Ни слова не скажу, пока все не станет ясно. Люблю, когда вдруг почувствуешь, что все понятно и никому тебя не переубедить... Но... Что такое?... Что мешает мне радоваться?.. Ах, да... где Сережа? Пусть будет так: он в отпуску и тоже едет со мной на завод.

И тотчас же, как по волшебству, Сережа возникает в машине рядом с Марусей.

– Или вот что... – мечтает Маруся. – В мае не пустили меня на его стройку, потому что она засекречена. Пусть и мой завод тоже засекречен. Нельзя туда посторонним.

Сережа исчезает послушно.

– Но он ведь не увидит тогда, как я там распоряжаюсь, как меня там уважают. Пусть едет со мной.

Сережа появляется.

– Или нет!

Сережа исчезает.

– Пусть будет так: он работает у себя на строительстве. А я у себя. И у него все идет отлично, и у меня замечательно, только от него так давно нет писем, что я уже начинаю беспокоиться. И вдруг...

Встречная машина летит по шоссе. Сережа сидит за рулем. Узнает Марусю. Тормозит резко. Прыгает на дорогу.

Маруся шагает ему навстречу. Он обнимает ее, целует.

И Маруся, сидящая над учебником, медленно закрывает глаза.

Встряхивается, как бы проснувшись.

Встает.

Идет к комоду. Открывает верхний ящик, ищет там что-то, напевая задумчиво, на свой любимый лад.

– Ну и Маруся! Что за Маруся. Как поглупела, обезумела.

Видит себя в зеркале.

Нежно улыбается.

Поет едва слышно, почти шепча:

– Ну и Маруся, что за Маруся. Вот так Маруся. Ай да Маруся.

И вдруг слышит взрыв смеха. Знакомые голоса.

Она выглядывает в дверь и видит: пока она сидела и мечтала – собрались гости. Степан Николаевич объясняет что-то Васе, рисует на листе бумаги какой-то чертеж.

Ольга Васильевна смеется над тем, что рассказывает ей Ленья.

– Гостей сколько! – радуется Маруся.

Все оборачиваются к ней. Ласково улыбаясь, идет к ней Вася навстречу. Степан Николаевич кивает ей. Ольга Васильевна целует ее и говорит сурово:

– А ты радуйся, что гостей много! Хорошая семья – как магнит. Попробуйте только у меня худо жить! Убью! Вы всем нужны!

Дверь закрылась за последним гостем.

Маруся поправляет волосы у зеркала в передней.

Сереза направляется к двери в столовую и вдруг останавливается нерешительно.

Маруся видит это в зеркале.

Улыбается.

Сереза оборачивается.

Смеется.

Делает шаг к Марусе. Протягивает к ней руки.

Но она говорит умоляюще:

– Подожди! Пожалуйста, подожди, Сереза!..

– Ты все сердишься?

– Нет, только подожди. Если ты обнимешь меня, все мои мысли перемешаются, и я буду опять думать, что все хорошо. Я посуду помою и что-то тебе скажу.

Сережа сидит на табуретке у кухонного стола. Глядит на Марусю, которая вытирает озабоченно суконной тряпкой чайник, и без того сияющий. Говорит добродушно:

– Да ладно уж, довольно наводить порядок в твоей лаборатории. Ругай меня поскорей.

Маруся ставит чайник. Садится напротив мужа. Глядит ему в глаза.

– Никого я не буду ругать, – начинает она тихо. – Сережа, Сережа! – продолжает она с отчаянием. – Что со мной делается? И спросить некого, посоветоваться не с кем. Спросила бы маму, а где она? Поговорила бы с Ольгой Васильевной – стыдно. Только с тобой и можно разговаривать, а ты, бедный, тоже ничего не понимаешь.

– Маруся!

– Да вовсе не плачу я. Ты слушай. Нет, не трогай меня, милый, маленький мой. Ты послушай. Что со мной делается? Отчего стала я обидчива? Почему не могу тебе ни одного слова простить? Ближе тебя нет мне человека, а как раз на тебя могу я так рассердиться, что голову теряю. Что за сила такая дикая вертит нами, как ей захочется? Разве я так жила? Я за каждое слово свое отвечала и за каждый поступок. Что же это выходит? Неужто любовь людей не только сближает, а еще одуряет и портит или это только мы с тобой не умеем с ней обращаться? Ну, помоги ты мне! Помоги!

– Да будет тебе! – говорит Сережа растерянно. – Что случилось? Ничего не случилось.

– Сережа, дорогой, миленький, давай толково говорить. Давай, как будто это такое же дело, как твой проект. Давай... Ведь это мы не объясняемся, что за глупости. Это мы думаем. Понимаешь? Задачу решаем, как жить будем. Понимаешь?

Сережа кивает головой...

– Ты послушай. Мне видней, где опасно. Ты не обижайся, а только ты не думаешь о доме, как я. Не так болеешь за него

душой. Не так пугаешься. А я и на войне истосковалась по счастью и дому. Да и женщина больше все-таки понимает, что это не пустяк. Дом – это не стены, не квартира, а мы с тобой. Само собой ничего не делается. Тут надо подумать. И уважать друг друга. Главное – уважать, уважать друг друга.

Сереза улыбается.

– Не смейся, – просит Маруся.

– Я не смеюсь, что ты! – отвечает он. – Я просто вдруг понял, что ты у меня умница.

Маруся вспыхивает от удовольствия.

– Ничего подобного! Правду говоришь? А почему?

– Я ждал, что ты начнешь, как все это делают, выяснять, кто виноват, кто первый повысил голос, кто первый заговорил раздраженным тоном... А ты, оказывается, обдумываешь все.

– Да, – отвечает Маруся.

– И не только меня и себя винишь... Вот какая ты, оказывается, какие задачи берешься решать. И хоть правда живем мы с тобой не хуже других, но, пожалуй, ты права. В самом деле – в семейной жизни мелочи, может быть, и не мелочи. Дело в количестве... словом – слушай.

Сереза встает. Садится. Опять встает.

– Никогда в жизни не умел говорить о себе. Придется поучиться. Ты знаешь, что я из военной семьи. Отец был командиром полка. Мать – военврач. Это ты знаешь. А что мы постепенно переезжали из города в город – этого ты не знаешь. Менялись школы, весь уклон жизни. Перемены эти баловали. Чуть задержимся где подольше – я скучал. Нетерпелив стал, капризен. Страшно сказать, как груб я бывал с матерью. Както в начале войны вспомнил я о стариках, когда дежурил ночью в штабе. Сердце замерло от ужаса. И от жалости. Думаю: увижу своих – все прямо скажу, попрошу прощения, первый раз в жизни. Ну – и не увидел. И прощенья просить не у кого. Я, подумай только, в школе не был на лучшем счету, а дома – свинья чистая. Война многое перевернула. Многому научила. И сейчас я, пожалуй, не тот человек. Но вот тебе вдруг начинаю обижать... Запомни, Маруся. Да. Сейчас

скажу. Вот. Я, с тобой встретившись, стал сильнее. Этому ты, этому счастью причиной. Ну и все. И это в наших силах сделать так, чтобы любовь нас не одуряла, не портила, а... ну, словом, ты сама понимаешь, Маруся, ты спишь, что ли?

– Нет, я плачу, – отвечает Маруся.

Окошечко кассы в Филармонии. Над окошечком плакат: «Все билеты проданы». Нырнув в это окошечко по самые плечи, Вася убеждает кого-то невидимого, очевидно, кассиршу:

– Войдите в наше положение! Посочувствуйте учащейся молодежи... Студенты-химики, молодец к молодцу, а билетов не имеют...

Студенты-химики, друзья и подруги Маруси, облепили Васю сплошной толпой, жадно прислушиваются к переговорам.

– Чайковский ведь! Ромео и Джульетта все-таки! Кому и слушать, как не нам. Да у меня лично взят билет заранее. О друзьях хлопочу! У них внезапно семинар отменили. Шестнадцать входных на хоры, и все будут счастливы... Да где же мы поймаем администратора! Он опытный... Умеет прятаться!

Галопом влетает девушка с тяжелым портфелем. Ее меховая шапочка, мокрая от дождя, почти свалилась с головы, держится каким-то чудом на выбившейся косе. Это и есть – та самая Саша Волобуева, сталинский стипендиат, о которой говорила Маруся.

– Поймали! – сообщает она, задыхаясь.

В толпе движение.

Возгласы:

– Саша! Волобуева! Поймали, говорит! Ура!

Вася высвобождается из окошечка:

– Администратора поймали?

– Да! – сияя, рассказывает Саша. – Ой! Где моя шапочка? Вот она. Он даже засмеялся от ужаса. – Я вас, говорит, студентов, даже во сне вижу.

– Дал записку?

– Пишет! Маруся уговорила!

Вбегает Маруся, такая же сияющая и озабоченная, как Саша. Она размахивает в воздухе запиской. Нырнет в окошечко кассы.

– Вот! Шестнадцать входных! – просит она, задыхаясь. И тотчас же, вынырнув из окошечка, оглядывает своих с победоносной улыбкой.

Студенты бегут наперегонки по лестнице на хоры.

– Тише! – шипит на них юноша, сидящий прямо на полу, у двери, с партитурой в руках.

– Опоздали! – ахает Маруся.

– Тише, – повторяет юноша, прильнув ухом к двери. Перелистывает страницу партитуры.

Вася подкрадывается к двери. Осторожно-осторожно, чтобы петли не заскрипели, чуть-чуть приоткрывает он ее, и смягченные звуки знаменитой увертюры заполняют коридор.

Опоздавшие бесшумно рассаживаются на ступеньках.

Сияющие люстры. Белые колонны зала. Высокий, длиннолицый дирижер с плавными и вместе с тем повелительными движениями рук. Лица слушателей в зале. Лица опоздавших, устроившихся на ступеньках.

Вася смотрит на Марусю, смотрит, смотрит. А Саша Волобуева наблюдает за ним, улыбаясь задумчиво.

Вася оборачивается.

Встречается глазами с Сашей.

– Что? – спрашивает он чуть слышно.

– Так, ничего.

– Хорошая музыка?

– Очень хорошая. Вася, это правда?

– Что именно?

– То, что он говорит. Что музыка говорит...

– Чистая правда! Так вот оно и есть. Полюбил человека, и конечно. Не нужны ему другие. Хороша музыка. Все из жизни взято!

Саша кивает головой.

Некоторое время они слушают молча. Юноша с партитурой дирижирует, переворачивая страницы.

– Вася! – спрашивает вдруг Саша негромко. – Скажите честно – вы женаты?

– Под музыку спросила – соврать невозможно, – отвечает Вася. – Если догадалась – молчи.

– Никому никогда не скажу, – отвечает Саша скороговоркой.

– Но ничего печального в этом нет, – продолжает Вася. – Я человек веселый. Крепкий. Честное слово, правда. Живу как бы под музыку и не жалуясь. Все великолепно!

Гремят заключительные аккорды увертюры. Распахиваются двери. Опоздавшие бегом бегут на хоры.

Маруся и Саша протискались к барьеру. Смотрят вниз на музыкантов, меняющих ноты. Звуки настраиваемых инструментов. Негромкий гул толпы.

Маруся взглядывает на Сашу внимательно. Поправляет ей упавшую на лоб прядь волос.

– Какая ты у меня славненькая сегодня! – говорит она ласково. – Недаром Вася смотрел на тебя во все свои глазки.

– На меня?

– А то на кого же?

– Эх, Маруся! Да он, кроме тебя, никого и не видит.

Маруся хохочет искренно:

– Ну, Саша! Вот так Саша. Вот тебе и умница, отличница. Вася мне друг. Даже подруга!

– Вот потому-то ты и не видишь ничего, что смотришь на него как на подругу. В этих делах все мы эгоисты. Собой заяты. Тише! Довольно тебе смеяться! Дирижер идет.

Концерт окончен.

Студенты идут к вешалкам.

Маруся оглядывается и вдруг замирает от удивления.

По главной лестнице, сосредоточенный, ни на кого не глядя, спускается Сережа. Маруся делает шаг к нему – и Сережа, увидев жену, разительно меняется. Он вспыхивает от радости, как мальчик. Протягивает Марусе обе руки. И она бросается к мужу.

– Обрадовался! – говорит она удивленно и растроганно.

– Очень обрадовался! – признается Сергей.

И вот они стоят и смотрят друг на друга, улыбаясь, никого не замечая вокруг.

– Я не знала, что ты здесь!

– И я не знал.

– У нас отменился семинар.

– А я шел мимо – и предложили лишний билет... Давай отойдем в сторону, куда нам торопиться, если дома ни меня, ни тебя...

Маруся смеется. Они поднимаются наверх, садятся на бархатную скамейку в фойе.

– Ты шел с таким лицом, какое у тебя бывает, когда ты работаешь, – говорит Маруся.

– А какое у меня тогда лицо?

– Решительное... Будто в атаку идешь.

Сережа улыбается. Он польщен.

– Вот как! А когда ты это разглядела?

– За последние две недели. Когда Москва приказала расширить проект и вы сидели над ним ночами. Тогда даже Ленья хорошо работал.

– Он вообще хорошо работает.

– Ну, не знаю. Нет новостей из министерства?

Сережа темнеет чуть-чуть.

– Нет. Это естественно. Проект нешуточный, но... Не умею ждать. Хожу, злюсь... Небось заметила?

Маруся кивает головой.

– Придираюсь к Лене. Ворчу на Степана Николаевича. С кондукторшей сегодня поссорился в трамвае, глупость такая... Ты уж потерпи, если что... слышишь, Маруся? Потерпи, я сам не рад... Я кровь, понимаешь, кровь свою вложил в эту работу. И теперь боюсь: а что, если я размахнулся не по силам?

– Нет!

– Нет, говоришь? Да я и сам надеюсь, что нет. Сегодня слушал музыку и все проверил, даже перерассчитал кое-что заново. Живем, Маруся, живем! Делаем свое дело не хуже других. Подумал и о тебе под музыку и обрадовался, что ты со мной!

– Правда?

– Дай лапу! Вот так... Подумал: вот был бы ужас, если бы мы не встретились с тобой на фронте. Но мы с тобой встретились, и вот шагаем рядом, и самое главное у нас еще впереди.

Я бываю нетерпелив, несправедлив – забудь. Все будет прекрасно. Правда?

Маруся кивает головой.

– Очень жалко, – говорит она после паузы.

– Что?

– Что мы все понимаем, когда слушаем музыку или когда говорим по душам... Зачем не каждый день! Зачем не каждую минуту.

Сережа гладит ее по голове ласково.

– Ничего, ничего... Это есть в нас всегда, а ясно видим мы друг друга иногда. Мы люди требовательные, нам всего мало, уж в такое время живем. Но ведь и сейчас мы с тобой счастливы, Маруся. Верно?

– Очень! – отвечает Маруся убежденно. – Очень!

Поздний вечер. Дождь со снегом так и бьет по лицу. Подняв воротник, глубоко засунув руки в карманы пальто, быстро шагает по набережной Невы Сережа.

Леня торопливо выбегает из Мошкова переулка, почти наталкивается на Сережу, извиняется растерянно и вдруг узнает его:

– Сережа!

– Как видишь.

– А почему ты не у Степана Николаевича? Почему не дождался меня?.. Почему ты...

Он наклоняется к самому лицу Сережи, и тот отстраняется нетерпеливо. Почти кричит:

– Ну, что? Что смотришь? Терпеть этого не могу! Да, да, да! Ему уже звонили из Москвы. Ты опоздал!

– И что сказали?

– Ничего хорошего не сказали.

Сережа пускается в путь. Леня спешит за ним. Старается не отстать.

– Да погоди ты, я не могу так быстро, очки залепило снегом.

Сережа слегка замедляет шаг.

– Неужели наш проект не утвержден?

– До этого еще не дошло! – отвечает Сережа. – Но совещание в главке не состоялось сегодня.

– Почему?

– Академик Литвак заболел. И просил без него не обсуждать наш проект. У него есть ряд важных соображений. Пожалуйста, не приставай с утешениями и предположениями. Все ясно. Значит, я просмотрел что-то.

– Почему именно ты?

– Потому что соображения эти касаются моего метода. А я не из тех, которые ищут, на кого свалить вину. Понял?

Леня не отвечает.

Некоторое время они идут молча.

– Знаешь что, Сережа! – говорит Леня просительно. – Пойдем посидим.

– Куда?

– В ресторан. Там светло. Играет музыка. Пойдем.

Сережа не отвечает.

– Я знаю твою привычку прятаться от людей, когда у тебя беда. Но... зачем прятаться от товарищей по несчастью? Ведь мне все это так же неприятно, как тебе. Давай посидим, поговорим... О другом будем говорить. Пойдем!

– Ступай один!

– Один я не умею ходить по ресторанам. Пойдем! Ужасно не хочется домой, пусто там у меня... счастливцев ты. У тебя есть с кем отвести душу.

– До свидания! – отвечает Сережа угрюмо.

Маруся, забравшись с ногами в кресло, заткнув уши ладонями, сидит, низко склонившись над учебниками.

Она не слышит, как хлопает входная дверь.

Она не видит, как входит Сережа, останавливается перед ней, угрюмый, чернее тучи.

– Маруся! – окликает он.

Она вздрагивает и, узнав мужа, улыбается радостно:

– Сережа! А я и не слышала, как ты вошел! Здравствуй!

– Маруся! – отвечает Сережа. – Я тебя тысячу, миллион раз просил не сидеть с ногами в кресле.

Маруся медленно выпрямляется. Не сводя глаз с Сережи, послушно опускает ноги на пол.

– Нет, в самом деле, – продолжает он обиженно. – Это странно даже. Говоришь, говоришь, говоришь. Добьешься ты в конце концов искривления позвоночника. И уши затыкаешь. Это тоже вредно. Ты смеешься надо мной просто!

– Я ведь объясняла тебе, – говорит Маруся примирительно, – что это я в общезитии привыкла так сидеть. Там с пола с сильно дуло и шумели. Вот я ноги, бывало, подберу, уши заткну и учусь. Понимаешь?

– Нет! Раз я прощу, пожалуйста, считайся с этим... О тебе же забочусь.

– Не надо, Сережа.

– Что не надо?

– Заботиться обо мне так свирепо.

– Здравствуйте! Я слова не могу сказать у себя дома. Повторяю: о тебе же забочусь.

– Спасибо. Но... знаешь, как один муж вот так же заботился о жене? В городе была эпидемия брюшного тифа, а жена выпила сырой воды. Так муж ее за это застрелил. И оправдался потом: это я для ее же здоровья! Она не слушалась...

– Не похоже!

– А по-моему, очень похоже. Садись, успокойся, я тебе сейчас дам чаю.

Маруся возится в кухне.

И мы слышим ее мысли:

– Нет, это мы еще не поссорились. Я поспорила с ним – и только. Я не могла больше молчать. Это уже рабство. Я устала. У меня послезавтра зачет. Голова даже кружится, так я устала... Это уже рабство – успокаивать его, успокаивать все время, целую вечность. Он не говорит, а рычит и ворчит. Это оскорбительно. Это рабство. Так хорошо поговорили в Филармонии, и на другой же день все испортилось, идет все хуже и хуже.

Наверно, неприятные новости из Москвы. А я чем виновата? Как это я придумала вдруг о брюшном тифе? Очень похоже. Вася очень смеялся бы. Он любит, когда я придумываю смешное. И ужасно удивляется. Куда он пропал? Месяц его, наверное, не видно. А если бы я не встретила Сережу, а Вася в самом деле любил бы меня? Нет. Как страшно! Даже мурашки по спине забегали. Ни за кого бы я не могла выйти замуж. Только за Сережу. Ну, хорошо. Надо идти. Заговорю с ним, как ни в чем не бывало. Он мучается... Он сам не рад...

Сережа шагает из угла в угол.

И мы слышим его мысли:

– Когда у меня беда, одно желание: спрятаться. Не могу видеть, как она глядит на меня. Не спрашивает, а все равно что спрашивает. Говорит мягко, убедительно, а сама только и думает: что у тебя случилось? Что у тебя случилось? И, главное, я тогда расхвастался в Филармонии: «Я молодец, я не хуже других». Дурак, а не молодец! Никаких оправданий. Я виноват. Размахнулся не по силам.

Маруся входит в комнату. Взглядывает на Сережу внимательно и ласково.

И он кричит вдруг отчаянно:

– Что, что, что тебе надо?

– Опомнись! Ты! – отвечает Маруся твердо.

– Шагу не могу ступить, когда домой прихожу. Смотрят все! Смотрят, видите ли, нарочно выводят из себя, а потом смотрят!

– Кто?

– Ты!

– А почему ты обо мне говоришь во множественном числе? Слушай, Сережа, давай...

– Надоели мне эти добродетельные разговоры: давай, давай... Что, я не вижу? Злишься на меня, а говоришь мягонько, сладенько: «давай... давай»... Довольно!

– Бей лучше посуду, а не это.

– Что это?

– Нашу жизнь. Смотри, Сережа...

– Нашу жизнь! Как будто это самое главное – наша жизнь.
Дом! Домишко! Домишечко!

– Может быть, и не самое главное, но все-таки важное. Ты прочти...

– Замолчи. Не могу слышать, когда ты со своими куриными мозгами начинаешь рассуждать...

Маруся молча выходит.

Сережа шагает из угла в угол.

И мы слышим его мысли:

– Пусть! Ладно! Пусть все летит! Сдерживаться, удерживаться, не хочу! Притворство! Ломанье! Ложь! Так лучше!

И вдруг внезапно, как это часто бывает, какой-то голос, его же, Сережин, но такой далекий от бешеных его получувств, полумыслей, что кажется посторонним, голос рассудка, говорит отчетливо и холодно:

– А ведь ты негодяй!

– К дьяволу! Я прав! Что, я связан по рукам и по ногам, что ли? Подумаешь... Преступление... Меня довели до этого!

– Ты негодяй! Ты ударил женщину!

– Ударил! Ударил? Я не ударил ее!

– Хуже, чем ударил. Быстро перебрал, перебрал оружие и выбрал самое острое. Отравленное. Сказал, что у нее куриные мозги. И она сжалась вся.

Сережа останавливается, морщится и с силой проводит ладонью по лицу, как будто паутину со щек снимает. И снова начинает шагать по комнате.

– Неужели это верно? Да. Это верно. Я негодяй. Сколько раз осуждал тех, кого обидят на работе, а они срывают обиду на своих, на тех, кто послабее. Леня сказал: «Счастливцев, у тебя есть с кем отвести душу». Я негодяй. Маруся, Маруся! Она сжалась вся, как будто я ее ударил. Ведь сам думал с удивлением, с уважением, что она иной раз бывает умней меня. И выбрал слово «куриные мозги». Пойти и попросить прощения? В жизни не делал этого. Надо идти. Надо. Пойду. Прощения просить не могу. Просто заговорю с ней как ни в чем не бывало.

Маруся сидит за учебником в любимой своей позе, с ногами в кресле, зажав ладонями уши.

Она слышит, что входит Сережа, опускает было ноги на пол, но тотчас же упрямо садится, как сидела.

Не глядя на Марусю, Сережа подходит к столу, будто ища что-то среди книг.

Спрашивает, не оборачиваясь:

– Чай-то мы будем пить?

Маруся не отвечает.

– Я сегодня пообедать не успел. Есть хочется.

Маруся делает движенье, чтобы встать, но снова усаживается в кресле.

– Ужин на плите, – отвечает она тихо и жалобно.

Сережа круто поворачивается. Делает шаг к Марусе, но она еще ниже наклоняется над учебником, не поднимая глаз.

– Идем вместе ужинать! – просит Сережа.

И тут Маруся выпрямляется:

– Ты очень плохой человек, – говорит она тихо, – очень плохой.

Сережа улыбается:

– Ну вот и ладно! Выругала меня, и квиты. Один-один. Идем ужинать.

– Никуда я с тобой не пойду, – говорит Маруся дрожащим голосом. – У меня куриные мозги? Может быть! А ты лучше? Разругали твой проект в Москве? Правильно сделали!

Сережа темнеет:

– Не говори о том, чего не понимаешь.

– Я-то, может быть, не понимаю, а в министерстве понимают. Размахнулся не по силам. Кровь вложил в работу. Вот оно и видно.

– Замолчи!

– Кричи, кричи – мне все равно! Все кончено! Понимаешь? Все у нас кончено с тобой.

– Ну и очень рад. Давно пора! – кричит Сережа яростно.

Маруся наклоняется было над учебником, но тотчас же встает и уходит прочь.

Сережа бледный стоит посреди комнаты. Вдруг он слышит, как щелкает замок выходной двери.

Сережа бежит в переднюю.

Марусино пальто на вешалке нет.

Сережа выбегает на площадку. Слышит знакомый стук каблучков далеко внизу. Со скрипом, со звоном пружины открывается тяжелая дверь во двор, хлопается на всю лестничную клетку, и вот не слышно больше каблучков.

Сережа возвращается домой.

Подходит к вешалке. Снимает пальто. И сейчас же, сделав непреклонное лицо, вешает его обратно.

В кухне стучит крышка чайника. Шипит пар. Сережа бредет туда. Выключает чайник и видит: на столе стоит пирог. На нем надпись из миндаля:

«Сереже к полугодию нашей свадьбы».

Сережа подходит к окну.

Стоит выпрямившись, как часовой на часах.

А Маруся шагает, шагает через дождь, через снег, спешит, будто не знает, куда идет. Вот она переходит через Дворцовый мост. Минует главное здание Университета. Бежит по опустевшим линиям Васильевского острова и у запертых дверей химического факультета вдруг останавливается и оглядывается, как бы проснувшись. Темные окна. Никого вокруг. Дождь и мокрый снег бьют Марусю по лицу.

Сережа сидит. Курит. Смотрит на пустой стол пристально, будто книжку читает.

Звонок.

Он вскакивает, просяив, и тут же делает каменное лицо.

Выходит в переднюю не спеша. Распахивает дверь. Отступает удивленный.

На площадке – высокий длинноусый человек в широком резиновом плаще поверх осеннего пальто, в сапогах, в кожаной шапке-ушанке.

– Не спите, Сергей Николаевич? Вот удача! – радуется он. – Простите, что так поздно.

– Войдите! – отвечает Сергей и впускает неожиданного гостя в прихожую.

– Раздевайтесь, товарищ Ширяев.

– Не знаю, раздеваться ли? Ехать нам, Сергей Николаевич, надо. Если сразу выйдем, – успеем к поезду.

Сережа идет из комнаты. Приезжий, вытерев тщательно ноги о коврик, – за ним.

– Понимаете ли, какое дело! – начинает он громко и, спохватившись, шепчет:

– Ой, что же это я кричу. Супругу вашу разбудим.

– Ее нет. Она... Она у подруги занимается. Зачеты у нее. Что случилось?

– Да! Все работает... А случилось, Сергей Николаевич, вот что. Стена поползла.

– Как так поползла.

– Поползла. Оседает. Трещина такая, что страх. Как дожди начались, так и пошло.

Лицо у Сережи делается каменным.

– А там у нас племенной скот, – продолжает приезжий. – Конечно, все забегали. Старики кричат: вот он, ваш скоростной метод! Позвонили в райком. Там велели до вас добиться...

– Стойте! Где поползла стена?

– Пока только в седьмом корпусе. Но, конечно, опасаемся за остальные.

– Так. В седьмом. Который к выгону? Который ставили уже после моего отъезда?

– Именно. Но опасаемся...

– Идем. Сейчас я позвоню Степану Николаевичу...

На площадку лестницы из Серезиной квартиры выходит Ширяев. Следом за ним Сереза, с чемоданчиком в руках. Сереза еще раз проверяет – не забыл ли чего, хлопает по карманам, оглядывается. И наконец захлопывает дверь. И восклицает тотчас же:

– Ах, черт! Так и знал, что забыл что-то!

– А что именно?

– Записку жене забыл оставить.

Ширяев взглядывает на часы и крутит головой.

– Ну, ладно, я сейчас, – говорит Сережа.

Достает из бокового кармана блокнот, вечное перо, пишет торопливо:

– Маруся, дорогая. Срочно выехал по делу. Когда вернусь – не знаю. Прости меня. Сережа.

Он вкладывает записку за гранитоловую обивку двери.

Бежит вниз по лестнице, Ширяев за ним.

Со скрипом, со звоном пружины открывается тяжелая дверь во двор, хлопает на всю лестничную клетку. Сережина записка, дрогнув, выскальзывает из-под гранитоловой обивки. Падает на площадку.

Маруся уходит от знакомых университетских дверей.

Идет, идет... Переживает грузовой трамвай.

Веселые грузчицы, сидящие на мешках, покрытых брезентом, кричат Марусе:

– Эй, подружка!

– Кого потеряла?

– Садись, подвезем!

Маруся сворачивает в какой-то незнакомый переулок.

Переходит через какой-то канал, по узенькому пешеходному мостику.

Идет, идет...

И вдруг женский голос окликает ее испуганно:

– Практикантка! Маруся!

Маруся вздрагивает и останавливается. Перед ней Шурочка, та самая работница, что так страстно проклинала на фабрике мужчин, семейную жизнь, любовь!

В расстегнутой шубе, в шали, накинутой на голову, стоит она перед Марусей, жадно взглядывается ей в самое лицо.

На руках у Шурочки тяжело висит сонная трехлетняя девочка. Она глядит на Марусю полузакрыв глаза, сурово и недоверчиво.

– Ты чего? – спрашивает Шурочка с жадным интересом. – Случилось что? Заболел кто? Умер? Плачешь? Или дождем забрызгало? А ну, станем под воротами!

Она тянет Марусю за руку, в нишу ворот. Маруся идет за ней послушно. И вот они стоят над серыми сводами, а лампочка, ввинченная над доской с фамилиями жильцов, тускло освещает всех троих.

– С мужем поругались? Изменил? Оскорбил? Бросил?

– Нет, нет, почему! – отвечает Маруся и сама не узнает своего голоса, такой он стал слабый, дрожащий. Она откашливается и добавляет тверже:

– Нет! Усталая просто. Занимаюсь много...

– Правду говоришь? Нет? Ты не гордись. Рассказывай. Бабы, мы и есть бабы. Кому еще пожалуешься? Другие учить начнут, а я с тобой поплачу. Говори! Гордишься?

– Нет. Не умею. Нечего говорить...

– Ох, есть! Ох, вижу. Ох, проклятый народ мужья, от них все беды. Чтоб они пропали все, окайнные!

– Не говори так.

– Жалеешь его? Маруся... Эх, бедная. Молчишь?! А я тебе сейчас прямо все расскажу. Я занавески сегодня новые купила, повесила, все начистила, все убрала, думаю, нет, а все же мы славно, ладно живем, как люди. А он приходит, все нехорошо ему. Зачем Нинка во сне раскрылась, зачем дышит она не так. Ладно, я стерпела. Он сел за стол и смотрит на меня как на жабу. У него там проценты на заводе не выходят – я виновата. Да?

– Мама, – стонет девочка и берет мать за подбородок, пробует повернуть лицо ее к себе.

– Я не работаю? У меня своих забот нет? Я не человек? Я ему это объясняю, а он давай кричать, как дикий зверь.

– Мама, пойдем к папе!

– Тихо, тихо, Ниночка! Ладно, говорю я ему. Не годимся мы тебе? Голос возвышаешь на нас? На меня мастер Фейгинов, уж такой крикун, что и в многотиражке его пропечатали, и тот голос поднять не решается, уважает, а ты кричишь?

– К папе... к папе... к папе... – стонет Нина.

– Схватила я Нинку, – продолжает Шуручка, не слушая, – живи один, когда так! Одеда девочку, побежали к моей маме. А она в Колпино уехала, к братишке моему. И дверь на замке. Ну что ты сделаешь, а?

– К папе... к папе... к папе... – плачет Нина.

– Замолчи, убью! – вскрикивает мать и тотчас же крепко прижимает девочку к груди, целует руку ее, с которой свалилась варежка, болтающаяся на тесемочке. Надевает дочке варежку.

– Ну, а что ты расскажешь, Маруся. Молчишь? Сережей твоего звали? Так?

Маруся кивает головой.

– Не знаю, как ты к своему Сереже, я к своему Николаю, – умру не вернусь... Всю ночь буду ходить по улице, а не вернусь. На заводе меня уважают, а дома? Почему же я дома не человек! За что? Вон она – любовь-то куда заводит. Ну ее, черт с ней. Еще и песни про нее поют. Тут волком выть надо, а не песни петь.

И вдруг девочка выпрямляется, выгибается с плачем на руках у матери с такой силой, что та едва не роняет ее. Протягивает обе руки Марусе. Умоляет ее страстно, отчаянно:

– Тетя, проводите нас к папе! Тетя! К папе! Тетя! К папе...

Маруся берет девочку на руки, целует ее и вдруг отстраняется и внимательно вглядывается ей в лицо, касается ее лба полукрытыми губами.

– Шуручка! У нее жар! – говорит Маруся встревоженно.

– Где там жар? У нее ручки холодные.

– Ручки холодные, а лоб какой? А глаза? Больные совсем...

– Нина! Нина! – восклицает Шуручка. – Что у тебя болит?

– Болит! – отвечает девочка.

– А что, что болит?

Девочка молча опускает голову на Марусино плечо. Шуручка испуганно смотрит на Марусю. Касается щекой лба дочки.

– Горит вся... – упавшим голосом подтверждает она. – И как же я не заметила, когда одевала ее! И как же я забыла,

что она с вечера была невеселая! Все он, все он, проклятый, с ним все забудешь, чтоб ты пропал! Дай мне ее.

– Ничего, ничего, я понесу, я провожу тебя. Домой вам далеко идти?

– Где там далеко... Все вокруг него бродим, как привязанные. Видно далеко не убежать нам. Ну, что ж, идем.

И они выходят из-под ворот.

Девочка тяжело висит на руках у Маруси.

Под большим плакатом с морем и кипарисами, едва видимым в темноте, появляется Вася.

Взглядывает на окна четвертого этажа.

Они освещены.

Вася качает головой укоризненно. Смотрит на часы.

Половина второго.

Вася вздыхает.

Поднимает воротник. Идет не спеша по мокрым дорожкам скверика и вдруг становится смирно, вытянув руки по швам.

Глядит испуганно.

Маруся появляется под фонарем. Бредет к дому, опустив голову, как наказанная. Скрывается в воротах.

Вася бежит за ней.

Маруся звонит, прислонившись головой к гранитовой обивке двери, звонит безостановочно в пустую свою квартиру.

Вася галопом взлетает по лестнице.

Маруся утомленно, без признака удивления взглядывает на Васю.

– Не открывает... – жалобно говорит она.

– Маруся, Маруся! Ведь у тебя ключ есть!

– Я сумочку дома забыла.

– А почему же ты без бот вышла в такую погоду? Где ты была? Что случилось?

– Ничего не случилось... Видишь – не открывает...

– Да, может, его дома нет?

– Дома он. Свет горит.

– Забыл выключить. Вызвали куда-нибудь, срочно. Постой!
Вася достает из кармана связку ключей.

Пробует отпереть дверь, и напрасно.

– Постой! Все равно мы не сдадимся. Мы этого дела так не оставим, погоди, я сейчас.

Он с грохотом мчится вниз по лестнице. Маруся садится на ступеньку. Сидит, опершись локтями в колени, закрыв лицо руками. Она, очевидно, задремала, потому что вздрагивает, услышав стук входной двери. Поднимает голову.

Вася сияющий взлетает по лестнице.

– Ну, вот и все! Все понятно. Дворник мне все объяснил.

– Что он мог тебе объяснить? – спрашивает Маруся испуганно. – Откуда он-то знает?

– Дворники? Они, Маруся, знают все на свете, и что есть, и чего нет. Сидел он у ворот, и спросил его гражданин в плаще, где квартира восемнадцать. И Сережа с этим гражданином ушел...

Маруся встает.

– Из Москвы, что ли, кто-нибудь приехал?

– Ты посиди! – предлагает Вася. – А я сбегаю к Степану Николаевичу. Принесу ключ. Наверное, Сережа там.

– Я с тобой пойду! – говорит Маруся.

– Да ты гляди, как устала!

– Я с тобой пойду. Здесь грустно очень.

Кабинет Степана Николаевича. В глубоком кресле утонула Маруся.

Степан Николаевич – в другом кресле напротив.

– Так и сидите! – распоряжается Вася. – А я слесаря подниму, Петьку. Он мне отказать не посмеет. Ждите! Сидите! Степан Николаевич, я дорогу знаю, не провожайте!

И Вася уносится прочь.

Степан Николаевич долго глядит на Марусю, со свойственным ему несколько наивным удивлением. И вдруг говорит решительно:

– Вот что... Вы мне близкие люди, не могу я молчать. Маруся! Я ведь отлично понимаю, что случилось. Ушел отсюда Сережа черный, как грозовая туча. Ну и гроза эта разразилась, как подобает, дома? Так?

Маруся кивает головой.

Степан Николаевич улыбается добродушно:

– Ну и что? Ну и стоило из-за этого убежать из дому. Без бот, без ключа? Вон – даже осунулась вся. Напрасно. Сережа – человек талантливый, а талант – увы! Имеет свои шипы. У Сережи были сегодня причины горевать. Не из-за пустяков, не из-за личных интересов, не из самолюбия – вся душа у него сегодня разболелась. Дело, дело он любит. Боится, что делу повредил, и совершенно понапрасну, кстати сказать. Вот видите, как. Так что, если он разбушевался – давайте простим его, он больше не будет, а, Маруся?

Маруся смотрит на Степана Николаевича во все глаза, жадно прислушивается к каждому его слову. И возражает ему тотчас же:

– Да разве только его я виню? Разве из-за него только убежала я сегодня без оглядки? Я, Степан Николаевич, сама ему такого наговорила, что до сих пор стыдно. Он меня обидел, но и я тоже выбрала самое обидное для него. Ударила его по больному месту, на которое он сам же мне указал как-то. Что такое? Почему это? Что нас доводит до такого безумия? Зачем своих бьем мы, как злейших врагов? Степан Николаевич?

– Не знаю! – отвечает Степан Николаевич. – Есть такие вопросы, ответа на которые не подберешь. Привыкните и примиритесь.

– Ни за что, Степан Николаевич! – возражает Маруся страстно. – Не примирюсь. Сколько пережито! Мы смерти в глаза смотрели! К победе пришли! Дикую природу на колени ставим, перекаранваем, как нам нужно, а с собой не справимся? Нет! Не те времена! Не примирюсь!

Степан Николаевич улыбается ласково:

– Ну и молодец. Правильно. Не сдавайтесь – и все будет по-вашему. А пока – я укрою вас пледом – вот так. Закройте глаза.

Так. И попробуйте уснуть, пока Вася не вернется. А я вас убаюкаю – расскажу о себе. Вы не знали моей жены. Сережа знал. Мы дружно жили с женой. На редкость дружно, но и то все-таки сейчас мне кажется, что виноват я был перед ней. То вспомню, как в театр обещал ее сводить на гастроли МХАТа, забегался и не достал билета. То конфет ее любимых не привез из Москвы. А теперь где Аня? Без меня ее и хоронили. Так-то вот. На Урале я был в командировке. Цените, берегите каждую минуту, пока вы живы, здоровы, пока вы вместе. Вот, как сейчас помню – спите, Маруся, закройте глаза... Очень живо помню, я как познакомился с женой. Было это на студенческой вечеринке, на вечеринке Вологодского землячества... И вот...

Вася бежит по темной улице, веселый, торжествующий, с ключом в руке. Лихо взбегает по лестнице. Звонит к Степану Николаевичу, указывает на спящую Марусю.

– Добыл ключ. Подобрали! – шепчет Вася. – Чудо! Сейчас поведу ее домой.

– Жалко будить! – говорит Степан Николаевич.

– Жалко! – соглашается Вася.

– Пойдем, посидим в сторонке, – предлагает Степан Николаевич.

Идут на цыпочках.

Садятся на диван в дальнем углу кабинета. Отсюда видна только светловолосая Марусина голова, мирно склонившаяся на мягкую ручку кресла.

– А я завидую ей! – говорит вдруг Степан Николаевич задумчиво. – Завидую. Никогда уж мне не ждать знакомых шагов за дверью. Не ссориться. Не мириться. Не знает, бедняжка, какая она счастливица.

Вася крутит головой:

– А я, Степан Николаевич, боюсь... Убить ее можно.

– Полно, что вы говорите! – почти вскрикивает Степан Николаевич.

– Может быть, я непонятно говорю, но жалко, жалко мне женщин, вот таких, как она, нежных, – настаивает Вася. – Иных женщин, конечно, мужчины переделывают, узнать нельзя. Но такие вот удивляются, пугаются, места себе не находят, пропадают. Ох, грубый мы народ – мужчины!

Степан Николаевич взглядывает на него внимательно.

– Вот боюсь, и все тут! – повторяет Вася. – Ночи не сплю. Но это, конечно, между нами.

Раннее утро. Только что рассвело.

Сереза радостный, озабоченный, в мятом пальто, забрызганный осенней грязью, с чемоданом в руке избегает, прыгая через три ступеньки, по знакомой нам лестнице. Вот он останавливается, запыхавшись, около своей двери, и радостное выражение вдруг исчезает с его лица. Его поражает вид почтового ящика. Он переполнен. Газеты торчат пачкой из щели. Конверт белеет среди газет. Сереза берет его и убеждается с удивлением, с горечью, что это его собственное письмо, отправленное Марусе из совхоза. Долго смотрит он на адрес: Ленинград, улица Горького, 1, кв. 18, Марии Орловой. От Сергея Орлова, Совхоз имени 25 октября.

Сереза достает ключ, открывает дверь, входит.

– Маруся! – зовет он во весь голос. – Я приехал! Проснись!

Тишина поражает его.

Он пробегает бегом по квартире.

Вот комната, где стоят книжные полки. Вот спальня. Постели убраны. Марусино платье висит на спинке кровати. Вот кухня. Чайник почему-то стоит на полу. На плите немытая посуда.

Хозяин темнеет все больше и больше – пусто дома. Нет хозяйки. И не только это пугает Серезу. Тот дух порядка, ухоженного жилья, который царил в доме при Марусе, – исчез. Мертво в доме, как в брошенном улье. Сереза задумывается. Тяжело ходит взад и вперед по комнате. Звонок. Сереза бросается к двери, открывает – на пороге Ольга Васильевна.

Она бледна и очень сердита. Молча кивает Сереже. Проходит к вешалке, раздевается. Идет из комнаты и сразу принимается за уборку.

– Приехал наконец?

– Да, – отвечает Сережа.

– Третье утро тебя ловлю. Ну? По лицу видно, что ты уже все знаешь. Пусти. Дай пол вытереть. И так тоскливо без хозяйки, а тут еще этот мусор. Я слово ей дала – сразу прибраться, как в квартиру попаду. Так-то вот, брат. У одних все легко проходит, а у других – вон как.

Сережа бледнеет.

– Это несправедливо, Ольга Васильевна! – говорит он твердо.

Она выпрямляется, стоит с тряпкой в руках, глядит на Сережу строго:

– Не понимаю.

– Нельзя, нельзя же так! – умоляет Сережа растерянно. – Скажите ей! Пусть она выслушает меня. Я теперь не тот человек, я все ей написал в письме, а она его даже и из ящика не вынула. Ушла. Я понимаю, что был неправ, обижал ее. Но ведь это с каждым может случиться... Я не тот. Поверьте мне. Я все обдумал, пережил. Я спешил к ней. А она вот ушла. Помогите нам! Верните ее.

Ольга Васильевна слушает его сначала с недоумением, потом сурово, потом лицо ее смягчается. Она опускает голову.

– Ох, ох, ох, – вздыхает Ольга Васильевна. – Вот ты что подумал. Повздорили перед отъездом, помириться не успели. Так?

Сережа молча кивает головой.

– И ты подумал, что, обидевшись, ушла она от тебя?

– Подумал, – отвечает Сережа.

– Значит, не получил ты нашей телеграммы?

– Ничего не получил. Там такая распутица, что почта не ходит. Что случилось? Она не ушла от меня? А где же она?

– В больнице.

– В больнице? Ольга Васильевна, почему?

– Ах, друг ты мой. Вот она, жизнь. – Не сказка она и не повесть, где одно из другого вытекает. Любит она ударить, когда

не ждешь. Слушай, что случилось у нас. Шла Маруся по Васильевскому, как раз в ту ночь, как ты уехал. Встретила нашу работницу. Девочку помогла ей донести. А у девочки-то скарлатина была! Девочка-то поправляется, а у Маруси токсическая форма. Третьего дня свалилась она, Маруся. Плохо! Очень плохо! Не подают надежды. Сейчас моя машина сюда придет, поедem ловить доктора, после обхода. Нет надежды...

И, всхлипнув, Ольга Васильевна принимается вытирать пыль. Сережа стоит с каменным лицом, стоит неподвижно, как часовой, глаз не сводит с Ольги Васильевны.

Вестибюль больницы.

Лестница. Правее лестницы гардероб. Цепкий старик в халате стоит за перилами гардероба, разговаривает с Ленией и Сашей Волобуевой. Утешает их:

— Пока человек дышит, мы, друзья, за него боремся. Но все-таки жалко ее. Ох, жалко. Санитарки, уж на что народ каменный, — и то плачут, на нее глядя. Состояние тяжелое.

Открывается входная дверь.

Входит торопливо Ольга Васильевна. Сережа идет следом. Ления и Саша отходят почтительно.

— Без перемен, мамаша, — сообщает гардеробщик. — Это муж приехал? Здравствуйте, гражданин! Без перемен пока.

— Доктор не выходил?

— Сейчас должен выйти. Уже за ним пришла машина. Медицинститутская. Да вот он спускается.

Молодой человек Сережиных лет в сером халате торопливо бежит по лестнице. Увидев Сережу и Ольгу Васильевну — хмурится.

Молча кивает им головой. Снимает халат, сдает гардеробщику. Надевает пальто.

— Вот муж приехал! — сообщает Ольга Васильевна.

Доктор кивает головой молча.

— Вы... — говорит он Сереже, задержавшись у двери. — Вы вот что... Сейчас я вас не пушу к ней все-таки. А ночью...

Там видно будет. Я приеду к ней часов в двенадцать. Взглянуть. И вы к этому времени зайдите.

– Все так же? – спрашивает Ольга Васильевна.

– Без перемен! – отвечает доктор и, еще более нахмурившись, выходит.

Ольга Васильевна и Сережа идут следом.

– Вот, друзья! – с тяжелый вздохом жалуется гардеробщик Васе и Саше. – Хуже нет в нашем деле, когда все применишь, а положение как было тяжелым, так и осталось. Я человек старый, и то этого не люблю, но на лице не показываю. А доктор – он молодой. Он почернел весь, как родных ее увидел.

Вечер.

Сережа бродит по пустой квартире из комнаты в комнату. Долго глядит на Марусины книжки, на Марусино платье, которое висит на спинке ее кровати.

Раздается звонок.

Сережа делает шаг к дверям и останавливается.

Садится за чертежный стол. Сидит упрямо, не двигаясь с места. Звонок звонит все настойчивее и настойчивее. Сергей не двигается. Но вот звонок обрывается.

Сережа встает, подходит к окну и видит: по двору шагают Степан Николаевич и Леня. Сережа хорошо знает их, ему одного взгляда довольно, чтобы понять, как смущены они и подавлены его молчанием. Он торопливо открывает форточку, хочет позвать, вернуть друзей – и не может. Они исчезают под воротами, а он с каменным лицом отворачивается от окна. Снова садится к своей чертежной доске. Глядит, глядит, глядит. То Марусино строгое лицо, укоряющее, проносится перед ним, то видит он Ольгу Васильевну, которая сердито говорит ему: «Плохо, очень плохо». Видит он, как скорбившись шагают к воротам Леня и Степан Николаевич.

Сережа встает, подходит к полке с книгами, глядит на книжные корешки. И отчетливо видит больничную лестницу. Доктор торопливо сбегает вниз. Говорит Сереже:

– Плохо, очень плохо. Идите к ней.

Сереза морщится. С силой проводит рукой по лицу, будто паутину снимает. Взглядывает на часы, берет книжку. Садится в кресло, но снова перед ним появляются лестница, и угрюмый доктор сообщает:

– Опоздали! Раньше надо было прийти...

Сереза вскакивает так, что кресло падает на пол. Трет яростно лицо обеими руками, бросается к телефону и опускает трубку на рычаг, не вызывая номера. Смотрит на часы. Половина десятого. Сереза торопливо одевается. Выбегает из дому.

Больница. Гардеробщик читает газету. Поднимает голову на шум открываемой двери. Кивает понимающе головой, увидев Серезу.

– Не дождался до двенадцати? Понятно. Присаживайтесь. Сереза садится на скамью возле гардеробщика.

– Понятно, что не дождался. – И доктор не дождался, – продолжает гардеробщик. – Уже с полчаса, как приехал. И прямо к ней. К больной Орловой. К вашей. Молодой доктор. Упрямый. Не дождался. Приеду, говорит, к двенадцати, а сам в десять заявился. Да ты слушай, что я тебе говорю. Я для твоей пользы.

– Я слушаю, – отвечает Сереза.

– Доктор у нас упрямый. Он все сделает, а своего добьется. Сейчас я доложу, что вы тут. Он приказал позвонить...

Старик снимает трубку внутреннего телефона.

– Двадцать семь! Лев Андреевич? Это я говорю. Муж больной Орловой прибыл. Слушаю.

Старик вешает трубку.

– Говорит, чтобы вы подождали. Вот и хорошо. Раз не пускает он тебя – значит, все идет еще пока ничего себе. Без перемен...

Старик удаляется в глубь раздевалки, где на электрической плитке стоит у него чайник. Достает из шкафчика белую фаянсовую кружку, наливает чай, подает Серезе, усаживается и не спеша, с удовольствием, как и подобает много думающему

здоровому старику, принимается поучать своего гостя. При чем, если он взглядывает на каменное Сережино лицо, то говорит ему «вы». А увлекаясь – переходит на «ты». Сережа берет кружку, пьет чай, вряд ли соображая, что делает, просто подчиняясь ходу событий, которые так вдруг ворвались в его жизнь, и слушает.

– Я тебя не научу дурному, а научу вот чему, – говорит старик. – Ты не отчаивайся. Не надо. Вот посмотри на меня – живу? Так? А мне еще семи дней не было, как бросили меня в речку. А кто? Как вы думаете? Родная моя мать. Такое было село большое торговое и называлось Мурино. И родился там я, как говорили тогда – незаконный... Так... Мать моя, было ей, бедной, семнадцать лет, взяла меня на руки и пошла. Мужчиной поруганная, родными проклятая, соседями осмеянная. Отлично. Идет она. Плачет. И дошла до речки. И бросила меня, такого-то, в омут! А одеяльце-то раскрылось и несет меня по воде, как плотик. А я и не плачу. Плыву. Головку только набок повернул... Отлично... А мама как увидела это, закричала от жалости. – Заметьте, это в ней душа очнулась, – закричала и бросилась за мной в воду. И не с тем, чтобы со мною погибнуть, а с тем, чтобы своего маленького спасти. А плавать-то как она плавала? По-лягушачьи да по-собачьи. Спорта тогда не было. Схватила она меня, бьется в омуте, а сил-то и нету. Красиво? Бывает хуже? Не думаю! Мать и сынишка по глупости людской, по тогдашней темноте в омуте крутятся. Конец мне? Да? Нет, ты слушай. Вы слушаете меня, товарищ Орлов?

– Да, – отвечает Сережа.

– Ехал на дрожках из города Назар Ильич Писаренко, царствие ему небесное, золото, а не человек. Что такое? Птица в омуте бьется? Нет, не птица, боже мой, господи! Бросился он в воду, мать за косы, меня за пятку вытащил, нас да к себе в избу, на огороды. И году не прошло, женился он на моей матери, и хоть свои дети у них пошли, а я был всегда на первом месте – вот как он меня пожалел. Любовь в омут меня бросила и из омута спасла. И жизнь я прожил, и потрудился. И сыновья, и дочери, и внуков довольно. И все, друг, меня

жить к себе зовут, но я без работы скучаю. Взял себе нетрудное место, служу и в курсе всех дел. И все тут со мною считаются. А началось как? Понял, к чему я это говорю? Вы слушаете меня, товарищ Орлов?

– Да! – отвечает Сережа.

– Главное, не отчаиваться, отчаиваться не смей. Доктор бродит возле нее, как возле родной сестры, друзья стоят наготове, дай знак – и помощь окажут. Ты слушай меня. Вы поверьте мне, товарищ Орлов. Инфекционное отделение. Иначе – нельзя, пускают в самом крайнем случае... И вот – нет приказа вас пускать. Не звонит Лев Андреевич. Значит, надеяться можно. Вот.

Звонок телефона.

Взглянув на Сережу исподлобья, старик протягивает руку и отдергивает, будто телефонная трубка раскалена. И тут же хватается за сердито.

– Слушаю вас. Да, Нина Марковна! Был пакет! Я Гале передал. Так точно. Есть.

Старик кладет трубку.

Вздыхает, покачивая головой. Собирается с мыслями.

Но едва он хочет заговорить, телефон звонит снова.

– Слушаю вас, – говорит старик весело и тотчас же темнеет, опускает голову. – Так... так... так... Понимаю, Лев Андреевич.

Кладет трубку, говорит Сереже печально:

– Снимайте ваше пальто!

Сережа вскакивает. Хочет спросить что-то и не спрашивает. Раздевается торопливо. Старик достает из белого шкафа халат. Помогает Сереже надеть его.

– Второй этаж, направо, палата восемь.

Сережа бежит по лестнице. На площадке второго этажа его ждет доктор.

Кивает ему молча.

И вот оба они с необыкновенно спокойными лицами шагают по коридору.

Маруся лежит в так называемом боксе, в маленькой комнатке для тяжелых больных. Узенькая койка у стены. Шкафчик у изголовья. Белая фаянсовая кружка с каким-то питьем,

точно такая же, как та, из которой пил Сережа внизу чай. У той стены, что против кровати, – ванна с медными кранами, маленькая, рассчитанная на детей лет десяти–двенадцати.

Маруся оживленная, с необыкновенно блестящими глазами глядит, не отрываясь, на дверь. И когда Сережа входит и останавливается у порога, она смеется тихонько, манит его, хлопает ладонью по стулу, зовет к себе. Он садится, не сводя глаз с нее. Маруся протягивает ему обе руки. Сережа берет и вдруг склоняется низко, прячет лицо в ее ладони. Маруся смеется тихонько.

– Ну что, что! – говорит она ласково и снисходительно, как маленькому. – Что? Ты испугался? Да, Сережа? Жили, жили, вдруг больница. Да? Носилки, халаты, ванночка стоит... Вон чего у нас с тобой делается теперь. Да, Сережа?

Сережа не отвечает.

Маруся освобождает тихонько правую руку, гладит нежно его по голове.

– Ты обедал? А кто тебя кормил? Сам? А посуду? Мыл? Да? Ну умница. Ты утром приехал? Я сразу почувствовала. Что ты говоришь?

– Прости! – говорит Сережа едва слышно.

– За что? Я сердилась только, что ты записки не оставил, когда уехал. Оставил? А я не нашла. Ласковую? Жалко, я раньше не знала... Что? Почему ты говоришь так тихо? Ну, как хочешь. Сейчас... Я отдохну и еще тебе что-то скажу.

Глаза у Маруси меркнут. Она дышит часто. Голова откидывается назад. Сережа глядит на жену с ужасом. Она замечает это. Мигает ему успокоительно. Кивает головой, шепчет:

– Не бойся. Это так полагается. Такая болезнь.

И она гладит его по руке тихонько.

– Я... Я вдруг scarлатиной заболела, – шепчет Маруся. – Но это ничего... Я терплю... Только когда дышать не могу, тогда уже задыхаюсь... Сейчас...

– Ты не разговаривай...

– Сейчас! – отвечает Маруся едва слышно и закрывает глаза.

Сережа осторожно поправляет одеяло, подушку, и Марусю, приоткрыв глаза, улыбается. Шевелит губами.

Сережа наклоняется к ней.

– Мне очень хорошо, – шепчет она. – Сядь.

Сережа повинуется.

– Очень славно, особенно когда ничего не душит, – продолжает Маруся, и снова глаза ее загораются необыкновенным блеском. – Очень хорошо. И все что-то со мной возятся, беспокоятся. С тех пор как мама умерла, я все сама, сама, а тут вдруг все со мной, со мной...

Маруся смеется тихонько. Шепчет, косясь на дверь:

– Они думают, что я тяжело больна. Оставь, оставь, думают. Я в госпитале работала, понимаю. Все кругом шныряют, шуршат, шебаршат, как мышки. Правда, правда, шепчутся чего-то. А я понимаю, как надо болеть. Не обижаюсь. Понимаю. Не обижаюсь.

И вдруг, всхлипывая, она спрашивает:

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем мы начинаем все понимать, когда война, или тяжёлая болезнь, или несчастье? Зачем не каждый день?

– Маруся, Маруся...

– Зачем? Нет, нет, ничего. Через меня как будто идут волны, то ледяная, то теплая. Сейчас опять теплая. Очень теплая. Дай водички. Ой нет, не надо. Я забыла. Я глотать не могу. Но это ничего. Что я говорила? Ах да, записку... Ты оставил, а я не нашла. И стало мне тогда неуютно, пусто... Или я заболела тогда уже, но только ничему не радовалась. Ладно, думаю, приедешь. Помиримся. А потом опять все сначала? Проект ваш утвердили – я радуюсь и не совсем. Зачеты сдала все. А отдыхать не могу. Что-то очень важное мы погубили – так я думала. Я прежде так жила, что все пятерки, пятерки, а тут за свою собственную семейную жизнь и тройки не натянешь. Как людям в глаза смотреть? Брысь, брысь! Ага, убежала. Кошка тут ходит на одной лапке. Это у меня такое лицо? Сережа, да?

– Какое?

– Как у тебя. Ты всегда на своем лице – мое изображаешь. Ну вот я улыбаюсь. И ты улыбнись. Зачем губки распустил,

дурачок. Не маленький. Ну вот, опять пошли шептаться по всем углам. Не обращай внимания. Не боимся! То ли мы видели! Да, Сережа? Тише. Главное, пусть видят, что мы не сдаемся. Сереженька, миленький мой, сыночек мой. Не оставляй меня. Унеси меня потихонечку, Сереженька, ласковый мой! Не оставляй меня. Все-таки страшно. Все-таки я больна. Не затуманивайся, не кружись!.. Держи меня за руки. Крепко. Не отпускай...

И она закрывает глаза, голова ее тонет в подушках, и Сережа держит ее послушно за руки.

Доктор ходит взад и вперед по коридору, заглядывает через стеклянную дверь в одну из палат. Там четыре кровати. Стриженный под машинку круглоголовый мальчуган лет четырех стоит, держась руками за ночной столик, пристально глядит на дверь.

Доктор входит в палату.

– Ты что? – спрашивает он мальчика. – Чего не спишь? Чего испугался?

Мальчик молча протягивает ему обе руки.

– На руки? – спрашивает доктор. – Ну нет, брат, это не полагается. Подушку я тебе, так и быть, переверну. На этой стороне будешь видеть отличные сны. Вот так, а на ручки ни к чему, будь мужчиной. Спи.

Мальчик укладывается послушно. Но едва доктор выходит из палаты, он вскакивает как пружинка. Стоит, держась за спинку кровати. Глядит на дверь, за стеклами которой через равные промежутки мелькает шагающий взад и вперед доктор в белом халате.

В конце коридора, над стеклянными дверьми, ведущими в соседнее отделение, – часы. Стрелки показывают одиннадцать.

Вася и Саша бродят вокруг больницы, заглядывают в окна.

Маруся лежит, закрыв глаза, Сережа глядит на нее, глядит, крепко держит за руки.

Доктор ходит взад и вперед по коридору.

Взглядывает на часы.

Двенадцать.

Он входит в бокс.

Сережа встает.

Доктор занимает его место. Считает пульс больной. Пробует лоб. Уводит Сережу в коридор.

– Вам придется уйти, – говорит он твердо. – Сейчас мы ей будем делать впрыскивание. И вообще... Вообще это затянется. Героически борется. Идите домой. Я позвоню утром. Примите ванну, костюм прогладьте утюгом, иначе нельзя идти на работу.

– Доктор – ей лучше?

– Нет.

Несколько секунд смотрят они друг на друга. Сестра входит в бокс. И Сережа, кивнув головой, уходит.

Сережа снова дома.

Он в пижаме.

Гладит костюм. Движения его размеренны, работает он отчетливо. Брызгает водой на полотенце и гладит, с силой налегая на ручку. Пробует пальцем утюг – остыл. Включает вилку в штепсель. И ждет терпеливо. Один раз только проводит ладонями по лицу, будто паутину снимает, и вновь застывает в своем нарочитом спокойствии. Будто урок выполняет. Но вдруг... что это? Он швыряет полотенце на пол. Прислушивается.

Щелкает замок. Кто-то открывает входную дверь.

Сережа вспыхивает от радости, протягивает руки, бросается вперед, опрокидывая стул – и на пороге появляется Вася.

Он глядит на Сережу.

И спрашивает вдруг испуганно и сочувственно:

– Тебе почудилось, что Маруся пришла?

– Да, – отвечает Сережа.

– У меня, понимаешь, ключ, – объясняет Вася. – Ты уехал. А Маруся без ключа осталась. Я слесарю заказывал. Я думал, ты спишь.

– Я не сплю... Сядь.

Вася послушно садится.

– Работаю, – говорит Сережа.

– Работаешь?

– Вот ванну принял, костюм глажу. Доктор велел. Дальше еще что-нибудь придумаю. И все мне кажется, что это сон. Проснусь – и будет по-прежнему.

– Понимаю.

– Поэтому мне и почудилось, что Маруся пришла.

– Понимаю.

– Я был в больнице. Меня пустили к ней.

– Пустили?

– А я ей ничего не сказал. Сидел, как дурак, как дерево, как замороженный.

– Она и так все поняла.

– Ты думаешь?

– Конечно.

Сережа выключает утюг.

– Хорошо, что ты зашел, очень хорошо, что ты зашел. Я всегда не любил, когда придешь, а ее дома нет, очень пусто. А теперь уже не пусто, а мертво, – вот, понимаешь, как. Я звонил Степану Николаевичу, Лене, – везде молчат, не отвечают. Я их обидел, понимаешь, они заходили, а я не пустил.

– Они тут.

– Где?

– Ждут на площадке. Тревожить не хотели. Послали меня на разведку.

Сережа выбегает на площадку и видит: на ступеньках сидят Ленья и Степан Николаевич.

Старший из друзей прислонился спиной к стене, откинул голову, закрыл глаза, и тут впервые замечает Сережа, как он утомлен, стар, сед. Ленья протирает очки. Посвистывает. И он похудел за эти дни. Он необыкновенно серьезен. И Сережа вдруг остро чувствует, что это его близкие, что его горе принимают они как свое. Он вскрикивает:

– Ребята! Степан Николаевич, Ленья. Что вы тут сиротами такими... Идемте к нам. Скорее!

Он вводит их в дом. Помогает Степану Николаевичу раздеться. Усаживает его в кресло, поближе к радиатору.

Вася выбегает из кухни.

– Я же чайник включил! – сообщает он. – Ну вот. Так все-таки лучше. Все вместе.

Сережа оглядывает друзей.

– Замучился я, ребята! – говорит он просто.

Леня вздрагивает, снимает очки, делает предостерегающий жест, будто хочет остановить Сережу, но тот продолжает, не замечая:

– Прямо беда! Что же это такое? Я ведь кругом виноват. Хорошо, ну не заболела бы она, так мелкие домашние беды, мелочи проклятые все равно убили бы ту Марусю, которую мы все любили. Зачем? Она спросила меня: зачем мы все понимаем, когда приходит беда. Зачем не каждый день? Что я ей мог ответить? Вот стою, думаю, думаю... Пушкину кто-то сказал: несчастье – хорошая школа. А он ответил: а счастье – еще лучший университет. Что же – мы до университета не доросли еще? Неправда! Сколько раз я был счастлив и умнел, умнел от этого. Успех в работе ого как поднимает. И вот далось мне в руки счастье, которому только теперь я понимаю цену. Где оно? А я давай его валять в пыли, ногами пинать, превращать праздник в такие будни беспросветные, что вспомнить страшно.

– Нет, Сережа! – говорит Степа Николаевич мягко.

– Ну как же нет. Если еще и не совсем так было – к этому шло. К этому... Почему? Еще немного, и стали бы мы теми супругами, над которыми только святые не смеются. Я старше, я за это отвечаю! Шутка ли сказать – семью свою если бы разбил, а то отсидел, что ли, или заспал, или запустил, бурьяном заглушил... Ведь вы не знаете, я...

– Не надо, Сережа, – вскрикивает Леня. – Не надо, пожалуйста.

– Почему? – спрашивает Вася строго.

– Не знаю. Не могу я слушать.

– Ох, как мы, интеллигенты, психологии боимся! – сердится Вася. – Говорит человек по душам. Ведь это прекрасно! А вы мешаете.

Пауза.

Сережа ложится на диван.

– Да я, собственно, уже и сказал все, – говорит он тихо.

– Не сердись! – просит Ляня. – Я сам проповедовал, что нам надо быть более, ну, что ли, открытыми. А оказывается, не могу я слушать...

– Почему? – спрашивает Вася строго.

– Ну, что ты пристал – почему, почему... Без слов надо угадывать, что близкий человек чувствует.

– Вокруг да около ходить, только близкий человек чувствует.

– Возможно.

– Бойтесь вы сильных чувств. Вот. Прямо тебе говорю. Знаю. Сам такой был. Все с усмешкой, да с подмигиванием. А любовь, или смерть, или смертный бой не встретишь так, чтобы вокруг да около с улыбочкой.

– Тише! – говорит Степан Николаевич.

– А что такое?

– По-моему он уснул. Сережа! Спит...

– А может, ему нехорошо? – пугается Вася.

– Нет, – отвечает Ляня. – Спит. С ним бывает. Еще студентом – работает, работает, бывало, а дойдет до предела, и валится разом. Пойдем в кухню. Сейчас чайник закипит.

Все усаживаются где придется.

– Да, – говорит Степан Николаевич, – жить вместе – целая наука.

– Не наука, а искусство! – поправляет Ляня. – И ничему тут не научишься, и не стоит об этом больше говорить...

– Это почему? – удивляется Вася.

– Могу объяснить! Потому что поневоле начнем говорить истины, которые каждому ребенку известны. Будь внимателен, деликатен, терпелив, человечен – и все будет хорошо у тебя в семье ныне, и присно, и во веки веков.

– Ну и правильно.

– Боюсь, Васенька, что не так уж и правильно.

– Почему?

– Потому что правила это простые, а мы с тобой люди сложные. А когда любим – делаемся еще сложнее.

– Глупости ты говоришь! – отвечает Вася твердо. – Конечно, это не так просто – жить по-человечески. Зверя в человеке уничтожить. Однако занимаемся мы этим. Тридцать лет. И получается.

– Это другое.

– А я тебе говорю – то самое. В пять минут тебе это докажу.

Проходит больше часа.

Та же кухня – вся в табачном дыму. Окурки всюду – в чайных блюдцах, в тарелках, просто на плите. Окурок вертит в своих длинных пальцах Ленья, за неимением подходящего обрывка бумаги. Спор разгорелся, все говорят разом.

– Это уже не доказательство, а черт знает что, – кричит Степан Николаевич.

– Тише! – останавливает его Вася.

– Значит, вы, Ленья, считаете, что счастливый брак невозможен? – заканчивает Степан Николаевич шепотом.

– Не знаю! – отвечает Ленья. – Может быть, и невозможен у таких людей, как мы.

– Почему?

– Потому что лучшее, что есть в нас, мы отдаем работе, стране, государству.

– Полная ерунда! – вскрикивает Степан Николаевич и, спохватившись, продолжает полусшепотом. – Надоевшая пошлость. По-вашему, выходит, что дармоеды, блатмейстеры, симулянты и лицемеры счастливей в семейной жизни, чем настоящие люди? Простите, не наблюдал. Живут как свиньи, калечат женщин. Уродуют детей.

– Правильно! – поддерживает Вася.

– Ну, не знаю! – отвечает Ленья. – Я хочу сказать, что мы, в сущности, солдаты.

– То есть?

– Мы вечно в бою, и нам не до семьи.

– Сказал! – хохочет Вася. – Солдату не до семьи? А ты забыл, на фронте как о семье говорили? Как писем ждали? Как читали? Да я сам семейным завидовал.

– Не о том речь.

– А я тебе говорю – о том. Если ты настоящий человек – все у тебя должно быть в полном порядке. Капитан наш – понял, о ком я говорю, – указывает нам курс. А мы с тобой отвечаем за выполнение приказа. И я так считаю, что приказ не выполнен, если нет во всех звеньях у тебя порядка. Семья – шутка сказать. Верно! Пусть мы солдаты – значит, мы как никто должны понимать, что это такое. Это Тарас Бульба приходил домой горшки бить да горилку пить. А мы уж не те. Слышал об этом?

– Ты меня не агитируй. Я сам грамотный,

– Знакомый ответ. Попросту говоря, ты сдался.

– погоди, сейчас соберусь с мыслями и в две минуты тебя разобью.

Проходит больше часа. Уже небо за окнами не черное, а сероватое. В кухне открыта форточка, но табачный дым не рассеивается, окурков еще прибавилось. Чайник кипит вовсю, но никто этого не замечает. А Вася стоит посреди кухни и полусшепотом, но вдохновенно размахивая руками, говорит:

– Любовь! Да как вы о ней странно говорите, товарищи? То со страхом, то свысока. Конечно, тут рассудка немного. Конечно, вот Маруся три раза только и встретилась с Сережей на фронте, ну поговорили, полчаса, час, а полюбила она его, а не... не того... не того, кого знала лучше. Ну и что? Зато как полюбила? Любоваться надо! Да я вам о себе скажу, когда полюбил я, то вырос до натуральной человеческой величины. Стихия! Удивили... Да как же можно этого бояться! Мир перестраиваем. Океаны покорили! А эту силу, радость человеческую обойдем? Откинем? А вот нет! Все пойдем! Пойдем так тонко и точно, что всем бедам придет конец и...

Резкий звонок.

– Телефон? – испуганно спрашивает Леня.

– Нет, в квартиру звонят! – отвечает Вася.

Он отпирает дверь.

На пороге Ольга Васильевна.

– Чего красный такой? – сердито спрашивает она. – Выпил, что ли? Где Сережа?

– Он спит. А мы в кухне сидим. Я не выпил, что вы!

Ольга Васильевна остро оглядывает его и проходит в столовую. Видит Сережу спящим на диване.

– Умники! – ворчит она. – А укрыть его догадочки не хватило. И подушка под головой диванная. Бревна вы, а не товарищи.

Она наклоняется над спящим. Зовет мягко:

– Сережа? Вставай! Пойдем в больницу, голубчик.

Сережа вскакивает:

– Вы узнали что-нибудь?

– В том-то и дело, что нет. Не могу дозвониться. Едем! У меня машина внизу. Одевайся.

Ольга Васильевна входит в кухню и ахает:

– Знакомая картина! Мужчины разговорились... Поглядела бы Маруся, во что превратили кухню, идола.

И она ловко и быстро принимается за уборку.

– Пепельниц в доме полнехонько, – ворчит она, – а им это ни к чему. Ты! Копыто подними. Окурочок присох! О чем спорили?

– О семейной жизни, Ольга Васильевна, – докладывает Леня.

– Так. И к чему пришли?

– Трудное дело.

– Да? – яростно спрашивает Ольга Васильевна. – А ты хотел, чтобы вынь да положь, чтобы семья сама собой делалась?

– Вот и я ему то же объясняю! – вмешивается Вася.

– Ты мне лучше совок дай. Я работаю, а они любят.

И, выбросив сор в плиту, Ольга Васильевна выпрямляется.

– Ну, значит, решили вопрос? Одни? Без баб? А я вам вот что скажу: как вы ни решайте, главная трудность – на нас. И дом веди, и детей рожай, и люби еще вас, окаянных. Одно только и есть на свете трудней этого: остаться без дома, без детей, без мужа.

Сережа появляется в дверях.

– Готов? Едем.

Сумрачное зимнее утро.

В вестибюле больницы горят еще электрические лампочки. Знакомый старик гардеробщик сменился – молодая девушка дежурит на его месте.

– Мамаша, мамаша! – говорит она женщине, стоящей у перил раздевалки. – Все будет в свое время. Сейчас идет обход по палатам, а потом список снесут вниз. И все будет там сказано – у кого какая температура и кто в каком состоянии.

Открывается входная дверь. Женщина, стоящая у перил, оглядывается. Это Шурочка. Она охает, увидев Ольгу Васильевну, и бросается к ней:

– Ну как, Ольга Васильевна? Приехал муж? Да какой же он бледный, да какой убитый!

– Тише ты! – останавливает ее Ольга Васильевна. – Услышит.

– Да вы сядьте! – уговаривает Шурочка. – Вот сюда. Сейчас обход, профессор приехал, все равно ничего не добьетесь. Сядьте.

Они садятся на скамье возле гардероба. Сережа остается у лестницы. Стоит неподвижно, как часовой. Глядит на ступеньки.

– Переживает он? – спрашивает Шурочка жадно. – А не плакал? Нет? Держит себя в рамке, значит, я так считаю, Ольга Васильевна, что мужчины – куда лучше баб.

– Теперь ты так думаешь?

– А когда же иначе думала, что вы, Ольга Васильевна! – удивляется Шурочка. – Бывает, и поворчишь, иначе нельзя, я женщина горячая. Но только если мужчина ласковый, терпеливый, самостоятельный, вот как мой Николай, то кто с ним из нас сравнится. Он тебя и поймет, и приласкает, и утешит, и разъяснит все, как даже вы не сможете. Он...

– Ольга Васильевна! – вскрикивает вдруг Сережа.

– Что такое? – пугается она.

Сережа молча указывает ей на лестницу.

Доктор бежит вниз по ступенькам, совсем так, как представлял это себе Сережа прошлой ночью.

Сережа делает шаг вперед, и доктор замечает его.

Подбегает к нему, стараясь сохранить спокойствие, что плохо ему удастся.

— Отлично, — говорит им доктор, сияя. — Просто удивительно! Еще год назад такой случай считался безнадежным. А теперь мы ее вытащили! Спасена! И профессор говорит — спасена! Понимаете вы это — спасена! Конечно, болезнь такая, что могут быть осложнения, но мы справимся. Спасена! Мы применили вот что...

Он внимательно вглядывается в неподвижное и бледное лицо Сережи. И говорит тихо:

— Ладно. Идите домой. Отдыхайте. Все будет хорошо.

Убегает наверх.

Ольга Васильевна накидывается на Сережу.

— Ты что же это? — говорит она тяжело дыша и чуть не плача. — Что? Советский человек, а радоваться не умеешь? Что стоишь как пень! Почему доктору спасибо не сказал? Идем! Шурка, отойди, это тебе не цирк, чего пялишь глаза на человека. Идем, идем, сынок.

И она уводит Сережу за руку, как маленького.

Проходит месяц. У одного из окон инфекционного отделения больницы — обычная картина. Собрались родители, чтобы хоть через двойные рамы увидеть своих выздоравливающих детей.

И среди стриженных, похудевших, бледных, веселых мальчиков и девочек в голубых халатиках стоит на коленях на подоконнике Маруся. На плечо ее опирается девочка лет десяти, в рукав вцепился пятилетний мальчик, а самый маленький и слабый устроился у нее на руках. Дремлет.

Беседа между родителями и детьми — дело не простое. Если родители могут кричать вовсю и голос их иногда доносится до ребят, то эти последние лишены такой возможности. Им не дай бог кричать. Если их поймают у окна, то разгонят по палатам...

— Соня! Варенье съела? — кричит одна из матерей под окном.

— Съела! — отвечает вполголоса Соня раздельно, старательно жестикулируя, как при разговоре с глухонемым.

— А мандарины?

Соня вместо ответа поглаживает живот.

Мать кивает головой удовлетворенно.

Старушка под окном достала из авоськи куклу и заставляет ее кланяться, шевелить руками, перебирать ногами.

– Люся! Это новая кукла? – спрашивают девочки.

– Нет. Это Маргарита, – отвечает Люся. И вдруг губы у нее начинают дрожать, слезы выступают на глазах.

– Ты что, Люся? – обняв ее, спрашивает Маруся.

– Домой хочется...

А бабушка за окном к общему восторгу заставляет плясать куклу, да так ловко, что даже тоскующая Люся улыбается сквозь слезы.

– А чего Сережа-то сегодня запаздывает? – удивляется Таня, та девочка, что опирается на Марусино плечо.

– У доктора он, – вздыхает Маруся. – У Льва Андреевича.

– Зачем?

– Хлопочет, чтобы меня завтрапустили. Доктор хочет еще на день задержать, а завтра тридцать первое декабря. Очень хочется, Танечка, как хочется встретить Новый год дома...

И вдруг все разговоры на окне замолкают. Легкий шепот:

– Маруся! Бежит! Бежит! Через двор бежит! Сережа бежит!

И в самом деле. Обегая снежные сугробы, спешит по дорожке к окну Сережа.

И, взглянув на его лицо, Маруся шепчет:

– Не отпустил.

– Отпустил! – кричит под окном Сережа. – Маруся! Ну что ты плачешь! Не надо! Ну, Маруся!

Маруся улыбается, но слезы так и катятся по ее щекам.

А Сережа кричит, надывается, утешает.

– Чего плачешь! Глупенькая! – кричит он. – Мы так там стараемся для тебя! Вася и Саша в ботаническом саду таких цветов достали, просто красота! Все прибрали! Степан Николаевич пол натирал! Леня окна вымыл! Не плачь! Не надо! Дома все так и сверкает.

Вдруг окно пустеет мгновенно.

Старшая сестра появляется за стеклами, качает укоризненно головой, глядя на родителей. И исчезает.

Сережа бежит наверх по столь знакомой ему теперь лестнице, а Маруся спускается вниз, навстречу ему. Он берет ее за руку, ведет осторожно к дверям.

– С наступающим Новым годом, – ласково и многозначительно говорит супругам старик гардеробщик. – С наступающим новым счастьем!

Весеннее утро. Все окна в квартире Орловых открыты. Сережа на полу укладывает чемодан и от времени до времени улыбается неудержимо, как год назад, когда принес в проектное бюро ветку сирени.

Степан Николаевич глядит в окно, постукивает каблуком нетерпеливо.

– Нет, я этого Леню высек бы с удовольствием! – жалуется он. – Всего два часа до поезда, а он не появляется.

– Явится! – отвечает Сережа весело.

– Ведь у него наши билеты!

– Ничего!

– Опоздаем на строительство, там нас поблагодарят.

– Не опоздаем.

– А такси заказали?

– Вася и Саша заедут за нами.

– Нашли кому поручать! Эти сиамские близнецы все спорят, все философствуют. Заговорятся и забудут!

– Не тужите, Степан Николаевич! Все у нас будет просто замечательно.

Степан Николаевич поворачивается к Сереже:

– Да ну вас. У вас отвратительная американская привычка бежать, задыхаясь, за поездом и прыгать на ходу. Нет, я люблю по-русски, основательно. Приехать минут за сорок, погулять по перрону... выпить пива.

Он вдруг обрывает свою речь. Вглядывается внимательно в Сережино лицо.

И спрашивает удивленно:

– Сережа, а Сережа!

– Да, Степан Николаевич.

– Что вы улыбаетесь своему чемодану, как хорошенькой барышне?

– Разве? – удивляется Сережа. – Неужели я улыбаюсь?

Улыбаясь, закрывает чемодан, затягивает ремнями и подходит к Степану Николаевичу.

– Вы улыбались так, когда сообщали о своей женитьбе. А теперь что случилось? Ну? Признавайтесь.

– Я бы вам признался, да не велено. Сами угадайте.

Степан Николаевич вглядывается в сияющее Сережино лицо и вдруг вскрикивает:

– Неужели! Неужели Маруся... Неужели вы... ждете ребенка?

– Она говорит – ждем! – признается Сережа. – Честное слово, Степан Николаевич, я очень этому радуюсь. Прямо не подозревал, что это меня так поразит. Только об этом и думаю. И беспокоюсь. Не знаю, как дождусь, пока сдаст она экзамены и приедет к нам на строительство. А она спокойна. Вот человек? А, Степан Николаевич?

Степан Николаевич кивает головой, соглашается.

– Поздравляю! – говорит он после паузы. – Но вы в самом деле понимаете, какая на вас пала ответственность? Детей воспитывать – это целая наука!

– Тише! – шепчет Сережа. – Слушайте!

И они слышат:

Маруся поет за стеной.

Сережа подкрадывается к двери, заглядывает в соседнюю комнату. Маруся сидит на подоконнике, смотрит задумчиво на улицу. В сквере кричат дети, настойчиво гудит у ворот машина, просится домой, звонят трамваи. И над всем этим гулом, задумавшись о своем, Маруся поет негромко на свой любимый лад:

– Будем учиться, будем учиться, будем стараться, будем стараться!

ДОН КИХОТ

Село в Ламанче. Летняя ночь приближается к рассвету, белые стены и черепичные крыши селения едва выступают из мрака. Два огонька медленно движутся вдоль заборов, поднимаются вверх по крутой улице. Это спешат с фонарями в руках два почтенных человека: священник, лицензиат Педро Перес, и цирюльник, мастер Николас. Оба путника устали в одну точку, всматриваются во что-то там наверху, в самом конце крутой улицы.

Ц и р ю л ь н и к. Все читает и читает бедный наш идальго Алонзо Кехано.

На пригорке, замыкая улицу, возвышается небогатая усадьба с гербом над воротами, а под самой ее крышей в предрассветном мраке ярко светится четырехугольник окна.

С в я щ е н н и к. Жжет свечи без счета, словно богатый человек. Экономка хотела было позвать к нему доктора, да не удалось ей наскрести дома и десяти реалов.

Ц и р ю л ь н и к. Как! Ведь недавно наш идальго продал лучший свой участок. Тот, что у речки!

С в я щ е н н и к. Все деньги поглотила его несчастная страсть: он купил два с половиной воза рыцарских романов и погрузился в них до самых пяток. Неужели и в самом деле книги могут свести человека с ума?

Ц и р ю л ь н и к. Все зависит от состава крови. Одни, читая, предаются размышлениям. Это люди с густой кровью. Другие плачут – те, у кого кровь водянистая. А у нашего идальго кровь пламенная. Он верит любому вздорному вымыслу сочинителя, словно священному писанию. И чудится ему, будто все наши беды оттого, что перевелись в Испании странствующие рыцари.

С в я щ е н н и к. Это в наше-то время! Когда не только что они, а правнуки их давно перевелись на свете. Ведь у нас

тысяча шестьсот пятый год на дворе. Шутка сказать! Тысяча шестьсот пятый!

Так, беседуя, входят друзья в распахнутые настежь ворота усадьбы, и женщина лет сорока, экономка Дон Кихота, бросается навстречу пришедшим.

Э к о н о м к а. Слава тебе господи! Пожалуйте, пожалуйста, сеньор священник и сеньор цирюльник. Мы плачем тут в кухне.

Просторная кухня, она же столовая. Широкий очаг с вертелом. Полки с медной посудой. Под ними на стене висят связки лука и чеснока.

За широким темным столом плачет, уронив голову на руки, молоденькая племянница Дон Кихота.

С в я щ е н н и к. Не будем плакать, дитя мое! Бог не оставит сироту.

Ц и р ю л ь н и к. Слезы – драгоценный сок человеческого тела, который полезнее удерживать, нежели источать.

Э к о н о м к а. Ах, сеньоры, как же ей не плакать, бедной, когда ее родной дядя и единственный покровитель повредился в уме. Потому и подняла я вас на рассвете, простите меня, неучтивую.

П л е м я н н и ц а. Он читает с утра до вечера рыцарские романы. К этому мы привыкли. Он отказался от родового своего имени Алонзо Кехано и назвал себя Дон Кихот Ламанчский. Мы, послушные женщины, не перечили ему и в этом.

Э к о н о м к а. Но сегодня началось нечто непонятное и страшное.

С в я щ е н н и к. Что же именно, сеньора экономка?

И, словно в ответ, страшный грохот потрясает всю усадьбу.

Э к о н о м к а. Вот что! Вот почему послала я за вами. Пойдем поглядим, что творит мой бедный господин в своей библиотеке. Мы одни не смеем!

Наверх, во второй этаж, в сущности на чердак, ведет из кухни широкая деревянная лестница. Экономка со свечой в длинном медном подсвечнике поднимается впереди. Остальные следом на цыпочках.

Дверь библиотеки выходит в темный коридор. Щели светятся в темноте.

Экономка гасит свечу, и друзья Дон Кихота, разобрав щели по росту, принимаются подглядывать усердно.

Взорам их открывается комната с высоким покатым потолком. И вся она переполнена книгами.

Одни – высятся на столах. Другие – на стульях с высокими спинками. Иные, заботливо уложенные друг на друга, прямоугольными башнями вздымаются от пола до потолка. На резном деревянном поместительном попитре укреплены две свечи – по обе стороны огромного фолианта, открытого на последних страницах.

Книгу дочитывает – и по дальнорзости, и из почтения к читаемому – стоя владелец всех этих книжных богатств, бедный идалго Алонзо Кехано, он же славный рыцарь Дон Кихот Ламанчский. Это человек лет пятидесяти, несмотря на крайнюю худобу – крепкого сложения, без признаков старости в повадках и выражении.

Он одет в рыцарские доспехи. Только голова обнажена. Около него на столике лежит забрало. В правой руке – меч.

Ц и р ю л ь н и к. Пресвятая Богородица, помилуй нас...

С в я щ е н н и к. Откуда добыл наш бедняк рыцарские доспехи?

Э к о н о м к а. Разыскал на чердаке.

П л е м я н н и ц а. Латы у него дедушкины, шлем – прадедушкин. Дядя показывал мне все эти древности, когда была я еще маленькой.

Худое и строгое лицо рыцаря пылает. Бородка с сильной проседью дрожит. И он не только читает, он еще и действует по страницам рыцарского романа, как музыкант играет по нотам.

И по действиям рыцаря подглядывающие легко угадывают, о чем он читает. Вот пришпорит рыцарь невидимого коня.

Вот взмахнет мечом и ударяет по полу с такой силой, что взлетают щепки и грохот разносится по всему дому...

– «Одним ударом двух великанов рассек пополам рыцарь Пламенного Меча, смеясь над кознями злого волшебника Фрестона! – бормочет Дон Кихот. – И снова вскочил на коня, но вдруг увидел девушку неземной красоты. Ее волосы подобны были расплавленному золоту, а ротик ее... – Дон Кихот переворачивает страницу, – изрыгал непристойные ругательства».

Дон Кихот замирает, ошеломленный.

– Какие ругательства? Почему? Это козни Фрестона, что ли? (*Вглядывается.*) О я глупец! Я перевернул лишнюю страницу! (*Перелистывает страницу обратно.*) «...А ротик ее подобен был лепестку розы. И красавица плакала горько, словно дитя, потерявшее родителей».

Рыцарь всхлипывает, вытирает слезы и снова погружается в чтение всем существом. Губы его шевелятся беззвучно. Глаза горят. Вот он взмахивает мечом и рассекает пополам книжную башню, что вздымалась над самой его головой. Книжная лавина обрушивается прямо на рыцаря. Пюпитр опрокинут, свечи погасли. Прямоугольник большого окна явственно выступает во мраке комнаты.

Рассветает.

Дон Кихот стоит несколько мгновений неподвижно, почесывая ушибленную голову. Но вот он восклицает:

– Нет, проклятый Фрестон! Не остановят меня гнусные твои проделки, злейший из волшебников. Ты обрушился на книги. Простак! Подвиги самоотверженных рыцарей давно перешли из книг в мое сердце. Вперед, вперед, ни шагу назад!

Рыцарь снимает латы, накидывает на плечи плащ, надевает широкополую шляпу, хватает со стола шлем и забрало и шагает через подоконник. Останавливается на карнизе, озирается из-под руки.

Ц и р ю л ь н и к. А почему избрал он столь опасный путь?

П л е м я н н и ц а. По доброте душевной, чтобы не разбудить нас, бедных...

Двор усадьбы Дон Кихота.

Рыцарь стоит на карнизе, оглядывает далекие окрестности, степь за поселком, еще пустынную большую дорогу, исчезающую в далеком лесу.

И прыгает во двор, легко, как мальчик.

Он шагает, задумавшись глубоко, ничего не видя, и налетает грудью на туго натянутую веревку с развешанным бельем. Толчок заставляет его отшатнуться. Он хватается за меч.

В рассветных сумерках перед ним белеет нечто высокое, колеблющееся, легкое, похожее на привидение. Сходство усиливается тем, что глядят на рыцаря два разноцветных глаза. Рот ухмыляется нагло.

Д о н К и х о т. Это снова ты, Фрестон?

Рыцарь взмахивает мечом, но в последнее мгновение задерживает удар.

Собственное белье рыцаря развешано на веревке. Сеньора экономка наложила заплаты на самые разные части его исподнего. Не привидение, а ночная рубаша Дон Кихота глядит на него своими заплатами.

Д о н К и х о т. Грубая проделка, Фрестон. Но даже хитростью не заставишь ты меня преклониться перед тобой.

Дон Кихот поворачивает меч плашмя, прижимает веревку и, сделав неслыханно широкий шаг, перебирается через нее.

Рыцарь шагает по улицам селения.

Перед бедным крестьянским домиком с покосившимся забором он вдруг останавливается и снимает почтительно свою широкополюю шляпу.

Свинопас гонит по улице стадо свиней, дудит в свой рожок.

Д о н К и х о т. Я слышу, слышу звуки труб! Сейчас опустят подъемный мост. И Дульсинея Тобосская выйдет на балкон.

Рыцарь бросается вперед, спотыкается о рослую и тощую свинью. Падает в самую середину стада. Свиньи с визгом и хрюканьем в страхе несутся вперед, топча рыцаря копытцами.

Рыцарь поднимается в облаке пыли. Отряхивается, расправляет плащ. И принимает свойственный ему строгий, даже меланхолический вид.

Из коровника крестьянского двора раздается сердитый окрик
– Куда ты провалилась, проклятая девка!

Дон Кихот вздрагивает.

Крик:

– Альдонса!

Дон Кихот подходит к самому забору.

Через двор к коровнику пробегает молоденькая сонная
миловидная девушка.

Рыцарь, увидев Альдонсу, вспыхивает, как мальчик. При-
жимает руки к сердцу и роняет их, словно обессилев.

– О, дама моего сердца! – шепчет он едва слышно вслед Аль-
донсе. – Рыцарская любовь сжигает в своем огне чувства измен-
ные и свинские и направляет силы к подвигам. О, Дульсинея!

Дульсинея Тобосская, она же Альдонса Лоренса, выбегает
из коровника и замечает рыцаря. Приседает почтительно.

А л ь д о н с а. Сеньор Кехано! Как рано вы поднялись,
словно простой мужик. Ох, что я говорю, простите мою дер-
зость. Я хотела сказать – как птичка божья!

В о п л ь. Альдонса, проклятая девка, где же соль? Скорее!

А л ь д о н с а. У нас такая радость, сеньор, корова принес-
ла двух телят разом! И оба такие здоровенькие, только ху-
денькие, как ваша милость. Ох, простите меня, необразован-
ную. Я плету от радости сама не знаю что.

В о п л ь. Альдонса!

А л ь д о н с а. И отец с ума сходит от радости – слышите, как
ревет?

В о п л ь. Альдонса! Убью тебя, окаянную девушку!

А л ь д о н с а. Бегу, бегу! До свидания, сеньор!

Исчезает.

Д о н К и х о т. До свидания, о Дульсинея Тобосская, бла-
городнейшая из благородных. Ты сама не знаешь, как ты
прекрасна и как несчастна. С утра до ночи надрываешься ты –
так сделал Фрестон, и никто не благодарит тебя за труд. Нет.
Только бранят да учат... О, проклятый волшебник! Клянусь –
не вложу я меча в ножны, пока не сниму чары с тебя, о любовь
моя единственная, дама моего сердца, Дульсинея Тобосская!

Санчо Панса – здоровенный, веселый, краснолицый крестьянин лет сорока – работает, стучит молотком, прилепывает старательно забрало к рыцарскому шлему. Дон Кихот восседает возле на скамейке, вынесенной для него из дома Санчо. У ног рыцаря развалился кудлатый шенок и жмурится от наслаждения – рыцарь почесывает ему бок кончиком своего меча.

Д о н К и х о т. Более упрямого человека, чем ты, не найти в целой Ламанче. Я приказываю тебе – отвечай!

С а н ч о. Очень хочется, сеньор, ответить «да». Так хочется, что просто еле удерживаюсь. Скажите мне несколько слов на рыцарском языке – и я соглашусь, пожалуй.

Д о н К и х о т. Слушай же, что напишут о нас с тобой, если завтра на рассвете выберемся мы из села на поиски подвигов и приключений (*торжественно*): «Едва светлокудрый Феб уронил на лицо посветлевшей земли золотую паутину своих великолепных волос, едва птички согласно запели в лесах, приветствуя румяную богиню Аврору...»

С а н ч о. О, чтоб я окошел, до чего красиво!

Д о н К и х о т. «Едва, повторяю, совершилось все это в небесах и лесах, как знаменитый рыцарь Дон Кихот Ламанчский вскочил на славного своего коня, по имени Росинант, и, сопровождаемый верным и доблестным оруженосцем, по имени Санчо Панса...»

С а н ч о (*сквозь слезы*). Как похоже, как верно...

Д о н К и х о т. «...помчался по просторам Ламанчи злодеям на устрашение, страждущим на утешение».

С а н ч о (*всхлипывая*). Придется, как видно, ехать, А вот и шлем готов, сеньор. Примеряйте!

Дон Кихот внимательно разглядывает шлем с приделанным к нему забралом. Возвращает его Санчо.

Д о н К и х о т. Надень!

С а н ч о (*надев шлем и опустив забрало*). Очень славно! Я словно птичка в клетке, только зернышек не хватает.

Д о н К и х о т. Сядь на пенек.

С а н ч о. Сел.

Рыцарь заносит меч над головой оруженосца, но тот легко, словно мячик, отлетает в сторону. Снимает шлем торопливо.

С а н ч о. Э, нет, сеньор! Я не раз ходил с вами на охоту, знаю, какая у вас тяжелая рука.

Д о н К и х о т. Надень шлем.

С а н ч о. Хорошо, сеньор. Я надену. Только потом. Для начала испробуем шлем без моей головы. Побереглась корова — и век жила здорова.

Д о н К и х о т. Чудак! В книге о подвигах рыцаря Амадиса Галльского нашел я состав волшебного зелья, делающего доспехи непробиваемыми. И сварил его. И втер в шлем целую бутылку. Ты что ж, не веришь рыцарским романам?

С а н ч о. Как можно не верить, а только для начала положим шлем сюда, на дубовую скамейку. А теперь, сеньор, с богом!

Дон Кихот примеривается и наносит по шлему сокрушительный удар.

Санчо охает, схватившись за голову.

Меч рыцаря раскалывает шлем, словно орех, и надвое разбивает толстую дубовую скамейку.

С а н ч о. Сеньор! Вы не обижайтесь, а только я не поеду. Подумать надо, не обижайтесь, сеньор. Баба к тому же не отпускает, баба и море переспорит, от бабы и святой не откроется, бабы сам папа боится, от бабы и солнце садится.

Д о н К и х о т. Санчо!

С а н ч о. К тому же неизвестно, какое вы мне положите жалованье.

Д о н К и х о т. Есть о чем говорить! Я назначу тебя губернатором первого же острова, который завоюю. И месяца не пройдет, как будешь ты на своем острове управлять и издавать законы...

С а н ч о. Вот этого мне давно хочется.

Д о н К и х о т. И ездить в карете, и есть и пить на золоте.

С а н ч о. Есть и пить мне тоже хочется. Эх! Была не была! Когда ехать, сеньор?

Д о н К и х о т. Завтра на рассвете!

С а н ч о. Будь по-вашему, едем!

Рассветает.

Дон Кихот, в полном рыцарском вооружении, но с обнаженной головой, верхом на очень тощем и высоком коне, выезжает с проселочной дороги на большую – широкую-широкую, прорезанную глубокими колеями.

Санчо на маленьком сером ослике следует за ним. Выехав на большую дорогу, Дон Кихот внимательно, строго, поохотничьи оглядывается из-под руки. Ищет подвигов.

И, ничего не обнаружив, прищпоривает Росинанта.

Д о н К и х о т. Скорее, скорее! Промедление наше наносит ущерб всему человеческому роду.

И с этими словами вылетает он из седла через голову Росинанта, ибо тот попадает передними ногами в глубокую рытвину.

Прежде чем Санчо успевает прийти на помощь своему повелителю, тот – уже в седле и несется вперед по дороге как ни в чем не бывало.

С а н ч о. Проклятая рытвина!

Д о н К и х о т. Нет, Санчо, виновата здесь не рытвина.

С а н ч о. Что вы, сударь, уж мне ли не знать! Сколько колес в ночную пору переломала она мне, злодейка. Не я один – все наше село проклиняет эту окаянную колдобину. Сосед говорит мне: «Санчо, закопал бы ты ее, проклятушую». А я ему: «С какой стати я – сам зарой». А он мне: «А я с какой стати?» А тут я ему: «А с какой стати я?» А он мне: «А я с какой стати?!» А я ему: «А с какой стати я?» А он мне: «А я с какой стати!»

Д о н К и х о т. Довольно, оруженосец!

С а н ч о. Ваша милость, да я и сотой доли еще не рассказал. Я соседу разумно, справедливо отвечаю: «С какой же стати я!» А он мне глупо, дерзко: «А я с какой стати!»

Д о н К и х о т. Пойми ты, что рытвина эта вырыта когтями волшебника, по имени Фрестон. Мы с ним встретимся еще много раз, но никогда не отступлю я и не дрогну. Вперед, вперед, ни шагу назад!

И всадники скрываются в клубах пыли.

Высокий и густой лес стал по обочинам дороги.

Дон Кихот придерживает коня.

– Слышишь?

Санчо. А как же! Листья шелестят. Радуетя лес хорошей погоде. О господи!

Из лесу доносится жалобный вопль:

– Ой, хозяин, простите! Ой, хозяин, отпустите! Клянусь страстями Господними, я больше не буду!

Дон Кихот. Слышишь, Санчо!

Санчо. Слышу, сеньор! Прибавим ходу, а то еще в свидетели попадем!

Дон Кихот. За мной, нечестивец! Там плачут!

И рыцарь поворачивает Росинанта прямо через кусты в лесную чащу.

На поляне в лесу к дереву привязана кобыла. Она спокойно и бесстрастно щиплет траву. А возле к дубку прикручен веревками мальчик лет тринадцати. Дюжий крестьянин нещадно хлещет его ремненным поясом. И приговаривает:

– Зверь! Разбойник! Убийца! Отныне имя тебе не Андрес, а бешеный волк. Где моя овца? Кто мне заплатит за нее, людоед! Отвечай, изувер!

И вдруг – словно гром ударил с ясного неба. Свист, топот, крик, грохот. И пастушок, и хозяин замирают в ужасе.

Росинант влетает на поляну.

Копье повисает над самой головой дюжего крестьянина.

Дон Кихот. Недостойный рыцарь! Садитесь на своего коня и защищайтесь!

И тотчас же из кустов высовывается голова Санчо Пансы. Шапка его разбойничьи надвинута на самые брови. Он свистит, и топает, и гикает, и вопит:

– Педро, заходи справа! Антонио, лупи сзади! Ножи – вон! Топоры – тоже вон! Всё – вон!

– Ваша милость! – кричит испуганный крестьянин. – Я ничего худого не делаю! Я тут хозяйством занимаюсь – учу своего работника!

Дон Кихот. Освободите ребенка!

Крестьянин. Где ребенок? Что вы, ваша милость! Это вовсе не ребенок, а пастух!

Дон Кихот взмахивает копьём.

Крестьянин. Понимаю, ваша милость. Освобождаю, ваша милость. Иди, Андрес, иди. *(Распутывает узлы.)* Ступай, голубчик. Ты свободен, сеньор Андрес.

Санчо *(грозно)*. А жалованье?!

Крестьянин. Какое жалованье, ваша милость?

Санчо. Знаю я вашего брата. Пастушок, за сколько месяцев тебе не плачено?

Андрес. За девять, сударь. По семь реалов за каждый. Многие говорят, что это будет целых шестьдесят три реала!

Крестьянин. Врут.

Дон Кихот *(замахивается)*. Я проткну тебя копьём. Плати немедленно!

Крестьянин. Они дома, сеньор рыцарь! Денежки-то. Разве можно в наше время выходить из дому с деньгами? Как раз ограбят. А дома я сразу расплачусь с моим дорогим Андресом. Идем, мой ангелочек.

Дон Кихот. Клянись, что расплатишься ты с ним!

Крестьянин. Клянусь!

Дон Кихот. Покрепче!

Крестьянин. Клянусь всеми святыми, что я рассчитаюсь с моим дорогим Андресом. Пусть я провалюсь в самый ад, если он хоть слово скажет после этого против меня. Клянусь раем Господним – останется он доволен.

Дон Кихот. Хорошо. Иди, мальчик. Он заплатит тебе.

Андрес. Ваша честь, я не знаю, кто вы такой. Может быть, святой, хотя святые, кажется, не ездят верхом. Но раз уж вы заступились за меня, то не оставляйте. А то хозяин съедет с меня кожу, как с великомученика. Я боюсь остаться тут. А бежать с вами – шестьдесят три реала пропадут. Такие деньги! Не уезжайте!

Дон Кихот. Встань, сынок! Твой хозяин поклялся всеми святыми, что не обидит тебя. Не станет же он губить бесмертную свою душу из-за гроша!

С а н ч о. Ну, это как сказать.

А н д р е с. Не уезжайте!

Д о н К и х о т. Беда в том, друг Андрес, что не единственный ты горемыка на земле. Меня ждут тысячи несчастных.

А н д р е с. Ну и на том спасибо вам, сеньор. Сколько живу на свете, еще никто за меня не заступался.

Он целует сапог рыцаря.

Дон Кихот вспыхивает, гладит Андреса по голове и прищипривает коня.

Снова рыцарь и оруженосец едут по большой дороге.

С а н ч о. Конечно, жалко пастушонка. Однако это подвиг не на мой вкус. Чужое хозяйство святее монастыря. А мы в него со своим уставом. Когда буду я губернатором...

Д о н К и х о т. Замолчи, простофиля. Мальчик поблагодарил меня. Значит, не успел отуманить Фрестон детские души ядом неблагодарности. Благодарность мальчика будет утешать меня в самые черные дни наших скитаний! Довольно болтать, прибавь шагу! Наше промедление наносит ущерб всему человеческому роду.

Ущелье среди высоких скал, крутых, как башни. Черные зубчатые тени их перерезают дорогу. Дон Кихот и Санчо Панса едут между скалами.

Дон Кихот останавливает коня.

С а н ч о. Что вы увидели, сеньор?

Д о н К и х о т. Приготовься, Санчо. Мы заехали в местность, где уж непременно должны водиться драконы. Почувствуй рыцаря, хоть один да выползет. И я прикончу его.

Санчо останавливает ослика, озирается в страхе.

С а н ч о. Драконы, гадость какая. Я ужей и то не терплю, а тут – здравствуйте! – вон какой гад. Может, не встретим?

Д о н К и х о т. Есть такие нечестивцы, что утверждают, будто бедствуют люди по собственному неразумию и злобе, а никаких злых волшебников и драконов и нет на свете.

С а н ч о. А, вруны какие!

Д о н К и х о т. А я верю, что виноваты в наших горестях и бедах драконы, злые волшебники, неслыханные злодеи и беззаконники, которых сразу можно обнаружить и наказать. Слышишь?

Слышится жалобный, длительный скрип, и вой, и визг.

Санчо глядит в ужасе на Дон Кихота, а тот на Санчо. И вдруг испуганное, побледневшее лицо оруженосца начинает краснеть, принимает обычный багрово-красный цвет и расплывается в улыбке.

Д о н К и х о т. Чего смеешься? Это дракон, это он!

С а н ч о. Ваша честь, да это колеса скрипят!

Дон Кихот бросает на своего оруженосца уничтожающий взгляд. Заставляет коня подняться на некрутой холмик у подножия скалистой гряды.

Санчо следует за ним.

И рыцарь видит, что и в самом деле карета показалась вдали. Колеса пронзительно визжат на повороте. Пять всадников окружают ее. Перед каретою едут на высоких мулах два бенедиктинских монаха, в дорожных очках, под зонтиками. Два погонщика шагают возле упряжных коней пешком.

В окне кареты женщина, красота которой заметна даже издали.

Д о н К и х о т. Видишь огромных черных волшебников впереди?

С а н ч о. Сеньор, сеньор, святая наша мать инквизиция строго взыскивает за новые ругательства! Бенедиктинских монахов дразнят пьяницами, к этому уже притерпелись, а волшебниками – никогда! Не выдумывайте, ваша милость, нельзя. Это – монахи!

Д о н К и х о т. Откуда тут взяться монахам?

С а н ч о. Примазались к чужой карете. С охраной-то в дороге уютней.

Дон Кихот прищипривает Росинанта и мчитя навстречу путникам. Санчо следит за дальнейшими событиями, оставаясь на холме. Рыцарь осаживает коня у самого окошечка, из которого глядит на него с небрежной улыбкой красавица.

Д о н К и х о т. О прекрасная дама! Признайтесь Дон Кихоту Ламанчскому, не боясь своей стражи: вы пленница?

Д а м а. Увы, да, храбрый рыцарь.

Опустив копьё, налетает Дон Кихот на бенедиктинцев. Один из них валится с мула на каменистую дорогу. Другой поворачивает и скачет туда, откуда приехал. Слуги знатной дамы бросаются было на рыцаря, но он в отчаянном боевом пылу разгоняет врагов, прежде чем они успевают опомниться.

Дама улыбается, устроившись поудобнее, как в театральной ложе.

Один из слуг оказывается упрямее остальных. Он вытаскивает из противоположного окна кареты подушку и мчится прямо на рыцаря, защищаясь подушкой, как щитом.

Сшибка.

Дон Кихот могучим ударом распарывает сафьяновую наволочку.

Перья облаком взлетают в воздух, а упрямый слуга прекрасной путешественницы валится с седла.

Дон Кихот соскакивает на дорогу. Приставляет меч к горлу поверженного врага.

Д о н К и х о т. Сдавайся!

Рыцарь поднимает меч, чтобы поразить своего упрямого противника насмерть, но мягкий негромкий женский голос останавливает его:

– Рыцарь, пощадите беднягу.

Рыцарь оглядывается. Дама, улыбаясь, глядит на него из окна кареты.

Д о н К и х о т. Ваше желание для меня закон, о прекрасная дама! Встань!

Слуга поднимается угрюмо, отряхивается от перьев, которые покрыли его с ног до головы.

Д о н К и х о т. Дарю тебе жизнь, злодей, но при одном условии: ты отправишься к несравненной и прекраснейшей Дульсинее Тобосской и, преклонив колени, доложишь ей, даме моего сердца, о подвиге, который я совершил в ее честь.

Д а м а. А это далеко?

Д о н К и х о т. Мой оруженосец укажет ему дорогу, прекраснейшая дама.

Д а м а. Великодушно ли, рыцарь, отнимать у меня самого надежного из моих слуг?

Д о н К и х о т. Сударыня! Это ваш слуга? Но вы сказали мне, что вы пленница!

Д а м а. Да, я была в плену у дорожной скуки, но вы освободили меня. Я придумала, как нам поступить. Дамой вашего сердца буду я. Тогда слугу никуда не придется посылать, ибо подвиг был совершен на моих глазах. Ну? Соглашайтесь же! Неужели я недостойна любви! Посмотрите на меня внимательно! Ну же!

Д о н К и х о т. Сеньора, я смотрю.

Д а м а. И я не нравлюсь вам?

Д о н К и х о т. Не искушайте бедного рыцаря. Пожалуйста. Нельзя мне. Я верен. Таков закон. Дама моего сердца – Дульсинея Тобосская.

Д а м а. Мы ей не скажем.

Д о н К и х о т. Нельзя. Клянусь – нельзя.

Д а м а. Мы тихонько.

Д о н К и х о т. Нельзя.

Д а м а. Никто не узнает!

Д о н К и х о т. Нельзя. Правда. Ваши глаза проникают мне в самую душу! Отвернитесь, сударыня, не мучайте человека.

Д а м а. Сойдите с коня и садитесь ко мне в карету, и там мы все обсудим. Я только что проводила мужа в Мексику, мне так хочется поговорить с кем-нибудь о любви. Ну? Ну же... Я жду!

Д о н К и х о т. Хорошо. Сейчас. Нет. Ни за что.

Д а м а. Альтисидора – красивое имя?

Д о н К и х о т. Да, сударыня.

Д а м а. Так зовут меня. Отныне дама вашего сердца – Альтисидора.

Д о н К и х о т. Нельзя! Нет! Ни за что! Прощайте!

Рыцарь салютует даме копьём, поворачивает Росинанта и останавливается пораженный.

Дама раздражается хохотом. И не она одна – хохочут все ее слуги.

Дон Кихот пришпоривает Росинанта и мчится прочь во весь опор, опустив голову. Ветер сдувает с него перья. Громкий хохот преследует его.

Д а м а (*слуге*). Разузнайте у его оруженосца, где он живет. За такого великолепного шута герцог будет благодарен мне всю жизнь.

Вечереет.

Кончилась скалистая гряда вокруг дороги. Теперь рыцарь и его оруженосец двигаются среди возделанных полей. За оливковыми деревьями белеют невдалеке дома большого селения. За селением – высокий лес. Санчо снова едет возле своего повелителя. Поглядывает на него озабоченно.

Д о н К и х о т (*печально и задумчиво*). Думаю, думаю и никак не могу понять, что смешного нашла она в моих словах.

С а н ч о. И я не понимаю, ваша милость. Я сам, ваша милость, верный и ничего в этом не вижу смешного. Жена приучила. Каждый раз подымала такой крик, будто я всех этих смазливых девчонок не целовал, а убивал. А теперь вижу – ее правда. Все девчонки на один лад. Вино – вот оно действительно бывает разное. И каждое утешает по-своему. И не отнимает силы, а укрепляет человека. Баранина тоже. Тушеная. С перцем. А любовь?.. Ну ее, чего там! Я так полагаю, что нет ее на белом свете. Одни выдумки.

Рыцарь и оруженосец в глубокой задумчивости следуют дальше, пока не исчезают в вечерних сумерках.

В просторной кухне усадьбы Дон Кихота за большим столом собрались его друзья и близкие.

Поздний вечер.

Дождь стучит в окна. Ветер воев в трубе. Экономка перебирает фасоль в небольшой глиняной чашке. Племянница

вышивает у свечки. Священник и цирюльник пристроились поближе к очагу.

П л е м я н н и ц а. Бедный дядя! Как давно-давно уехал он из дома. Что-то он делает в такую страшную непогоду?

Э к о н о м к а. Безумствует – что же еще! У всех хозяева как хозяева, а мой прославился на всю Испанию. Что ни день – то новые вести о нем!

Стук в дверь.

Э к о н о м к а. Ну вот опять! Войдите!

Вбегает Альдонса.

Э к о н о м к а. Слава богу, это всего только Альдонса. Что тебе, девушка? Ты принесла нам цыплят?

А л ь д о н с а. Нет, ваша милость, принесла удивительные новости о нашем сеньоре!

Э к о н о м к а. Что я говорила! Какие? Он ранен? Болен? Умирает?

А л ь д о н с а. Что вы, сеньора! Новости гораздо более удивительные. Он влюбился!

П л е м я н н и ц а. Пресвятая Богородица!

А л ь д о н с а. Вот и я так сказала, когда услышала. Слово в слово. Влюбился наш сеньор в знатную даму по имени Дульсинея Тобосская. Отец мой родом из Тобосо и говорит, что в детстве видел такую.

Э к о н о м к а. Значит, она старуха!

А л ь д о н с а. А мы так порешили, что это ее дочь или даже внучка, потому что уж больно сильно влюбился наш сеньор. Колотит людей в ее честь, не разбирая ни титула, ни звания. И вздыхает целыми ночами. И слагает ей песни. И говорит о ней ласково, как о ребенке или птичке. Я даже позавидовала.

Э к о н о м к а. Чему?

А л ь д о н с а. Меня никто небось так не полюбит.

П л е м я н н и ц а. А Педро?

А л ь д о н с а. Он только тискает да щиплется. Счастливая Дульсинея Тобосская!

Стук в дверь.

Э к о н о м к а. Ну вот опять! Войдите!

Дверь распахивается, и в комнату входит человек в промокшем насквозь плаще. Глаза и нос красны, не то от непогоды, не то от природы. Длинные усы свисают уныло. Впрочем, едва войдя в комнату, он подкручивает их воинственно.

Неизвестный. Здесь ли проживает идалго Алонзо Кехано, именующий себя Дон Кихот Ламанчский?

Экономка. Здесь, ваша милость.

Неизвестный. Он дома?

Экономка. Нет.

Неизвестный. Жаль, ах как жаль. Жаль от всего сердца. Будь он дома – я бы его арестовал.

Племянница вскрикивает. Альдонса забивается в угол.

Цирюльник и священник встают.

Неизвестный. Обидно. Ну да ничего не поделаешь, другим разиком. Не найдется ли у вас стакана вина?

Экономка. Как не найдись! Снимите плащ, сеньор. Садитесь, пожалуйста! Вот сюда, к огню.

Священник. Вы из братства Санта-Эрмандад?

Неизвестный. Да, я стрелок славного старого Толедского братства Санта-Эрмандад. Вот уже много лет боремся мы с преступлениями, а они, как нарочно, благодарю вас, все растут в числе. Прекрасное вино.

Экономка. Что же натворил наш идалго?

Стрелок. Сразу не перечислишь. Напал, например, на цирюльника.

Цирюльник. Какой ужас!

Стрелок. И отобрал у него медный бритвенный тазик ценой в семь реалов.

Священник. Зачем?

Стрелок. Заявил, что это золотой волшебный шлем, да и носит его на голове.

Цирюльник. Какой ужас!

Стрелок. Ну ограничься он этим – ладно. Так нет. По случаю засухи крестьяне одной деревни – люди разумные, почтенные – решили собраться на предмет самобичевания. Благодарю вас. Прекрасное вино. О чем я? Ах, да. Подняли

они, стало быть, статую Мадонны. Бичуют себя по-честному, не жалея плеток, вопят о грехах своих. Все чинно, разумно. Вдруг – раз. Ого-го-го! Топ-топ, скачет верхом наш сеньор-безумец. О-о-о! У-уй-уй! И разогнал бичующихся. Принял, нечестивец, Мадонну за некую пленную или, там, похищенную.

С в я щ е н н и к. Какой ужас!

С т р е л о к. Ужас, такой ужас, что, если бы не ваше вино, у меня, человека привычного, и то встали бы волосы дыбом. Напал на стадо баранов, крича, что это войско каких-то злых волшебников, и пастухи избили вашего сеньора чуть не до полусмерти. Да не плачьте, барышня! Ваш папаша – такой здоровяк, что встал после этого да и пошел.

П л е м я н н и ц а. Он не отец мой, а дядя.

С т р е л о к. Тем более не стоит плакать. Конечно, мы понимаем, что он не в себе. Однако есть сумасшедшие в свою пользу, а ваш сеньор безумствует себе во вред. А может, достаточно? Впрочем, наливайте. Чего вы кладете мне в сумочку? Пирог да кошелек? А зачем? Ну, впрочем, воля ваша. С дамами не спорю, ха-ха-ха! Беда в том, что он сумасшествует как-то... как-то этак... Жалуются многие! У меня к вам такой совет. Заманите вы его домой, как птичку в клетку. Похитрей. Тут, мол, угнетенные завелись. Цып-цып, на помощь. А как он войдет, раз – и на замок.

С в я щ е н н и к. Вы правы, добрый человек. Так мы и сделаем.

С т р е л о к. Да, я прав. Простой стрелок – а всегда прав. Благодарю вас. Сеньора племянница и вы, сеньора, глядите веселее. Я ваш слуга. В среду на будущей неделе будут одну еретичку душить железным ошейником. Милости просим. Только скажите: Алонзо – и вам местечко на балконе над самой виселицей. Пожалуйста! А в субботу жечь будем ведьму. Милости просим, пожалуйста, в самый первый ряд, сразу за стражей. А сеньора Дон Кихота цып-цып-цып – и в клеточку. И все будет славненько, и все будут довольны.

Уходит.

Священник в волнении вскакивает с места:

– Нельзя терять ни минуты времени. Добрый человек дал прекрасный совет.

Ц и р ю л ь н и к. Научно говоря, следует начать с уничтожения книг.

Дверь в библиотеку Дон Кихота снята с петель. Священник и цирюльник в фартуках работают прилежно, закладывают ход в библиотеку кирпичами, замазывают известью.

Экономка пристроилась возле. Шьет.

Племянница сидит на скамеечке, держит в руках маленькую книжечку в кожаном переплете. Глядя в нее, спрашивает, как учительница ученика, то священника, то цирюльника.

П л е м я н н и ц а. Проверим теперь с самого начала. Вот встречаете вы дядю на дороге. И тогда...

С в я щ е н н и к. Тогда я надеваю маску, а мастер Николас – бороду. Он становится на колени, а я стою возле и низко кланяюсь.

П л е м я н н и ц а. Так. И вы говорите...

Ц и р ю л ь н и к (*торжественно*). О Дон Кихот Ламанчский! Помогите самой безутешной и обездоленной принцессе на свете. (*Естественным голосом.*) Ну вот, слава богу, последние кирпичи положены – и замурована окаянная библиотека!

С в я щ е н н и к. Когда известь высохнет, никто не найдет, где тут была дверь! Теперь только бы нам разыскать поскорее сеньора и вернуть его домой. А уж из дома мы его не выпустим.

Э к о н о м к а. Да он и сам не уйдет, раз эти ядовитые книги запрятаны словно в склепе. Теперь я вижу, сеньор священник и сеньор цирюльник, что вы настоящие друзья. Если вам удастся заманить бедного идальго в клетку, то я буду считать вас просто святыми людьми!

Раннее утро.

Дон Кихот и Санчо Панса едут по большой дороге.

Рыцарь оглядывается, привстав на стременах.

Ищет подвигов.

А Санчо занят совсем другим делом. Он считает что-то про себя на пальцах, шевели губами, наморщив лоб, подымая глаза к небу. На повороте дороги оглядывается Дон Кихот на своего спутника и замечает его старания:

– Что ты там бормочешь?

– Я считаю, сколько мы с вами в пути, сеньор.

– Ну и сколько выходит?

– Если по колотушкам считать, да по синякам, да по ушибам, да по всяким злоключениям, то двадцать лет, никак не менее.

– Рыцари не считают ран!

– А если считать по-христиански, от воскресенья до воскресенья, то все равно получится достаточно долго. Где же, сеньор, простите меня, дерзкого, тот остров, где я стану губернатором? Все деремся мы да сражаемся, а награды и не видать.

– Чем я виноват, что искалечил Фрестон души человеческие и омрачил их разум куда страшнее, чем полагал я, сидя дома...

Рыцарь вздрагивает и обрывает свою речь.

Берет копые наперевес.

Поправляет бритвенный тазик на своих седых волосах.

Звон цепей раздается впереди на дороге. Из-за холма выходят люди числом около дюжины, нанизанные, словно четки, на длинную железную цепь. Конвойные сопровождают скованных – двое верховых с мушкетами и двое пеших со шпагами и пиками.

Дон Кихот ставит коня поперек дороги, загораживая путь всему шествию.

Д о н К и х о т. Кто эти несчастные?

К о н в о й н ы й. Это каторжники, принадлежащие его величеству королю. Ведем мы их на галеры.

Д о н К и х о т. За что?

К о н в о й н ы е. Расспросите их сами, пока мы напоим коней. Для этих господчиков главное удовольствие – распространяться о своих мерзостях.

Конвойные направляют коней к каменной колоде, вделанной в землю невдалеке от обочины дороги.

Каторжники весело рассматривают Дон Кихота. Посмеиваются. Он подъезжает к первому из них.

Д о н К и х о т. За какие грехи попали вы в такую беду, бедняга?

1-й к а т о р ж н и к (*громко и торжественно*). Меня погубила любовь (*тихо*) к корзине с бельем. (*Громко.*) Я прижал ее, мою любимую, к сердцу. (*Тихо.*) А хозяйка корзины подняла вой. (*Громко.*) И злодеи разлучили нас.

Д о н К и х о т. Проклятие! А вас что привело на галеры? Неужели тоже любовь?

2-й к а т о р ж н и к. Нет. Всего только нежность!

Д о н К и х о т. Нежность?

2-й к а т о р ж н и к. Да. Я неженка. Я не мог вынести пытки и сказал вместо «нет» – «да». И это коротенькое словечко принесло мне шесть лет каторги.

Д о н К и х о т. А вы за что взяты, сеньор?!

3-й к а т о р ж н и к. За то, что у меня в кошельке не нашлось десяти золотых дукатов. Найдись они вовремя – я оживил бы мозги адвоката и смягчил бы сердце судьи.

4-й к а т о р ж н и к. И на этом остановимся, сеньор. Вы повеселились, мы повеселились – и хватит.

Д о н К и х о т. Сеньоры конвойные! Я расспросил этих людей. Им не следует идти на галеры. Если бы у этих бедных были сильные покровители, судьи отпустили бы любого из них на свободу.

Каторжники шумят одобрительно.

– Правильно, как в Писании! Все понимает – уж не из каторжников ли он? Не найдется ли у вашей милости покровителя для нас?

Д о н К и х о т. Найдется!

Каторжники замолкают.

Д о н К и х о т. Я странствующий рыцарь. Я дал обет, что буду защищать обездоленных и угнетенных. Сеньоры конвойные! Я приказываю вам: отпустите несчастных!

К о н в о й н ы й. Поправьте-ка тазик на своей голове, пока она цела, да ступайте ко всем чертям.

Дон Кихот. Сеньор, вы скотина!

И с этими словами Дон Кихот бросается на конвойного. Стремительность нападения приводит к тому, что враг валится на землю и остается лежать ошеломленный.

Поднимается облако пыли, скрывающее дальнейшие события. Слышен только рев каторжников, звон цепей. То здесь, то там в облаке появится на мгновение высокая фигура Дон Кихота, размахивающего мечом, и исчезнет.

Выстрел.

С дороги в поле из пыльного облака вылетают конвойные. Мчатся без оглядки с поля боя.

Каторжники появляются у каменной колоды, разбивают свои цепи булыжниками, подобранными на земле. Распалась цепь, связывавшая их.

Каторжники ликуют, вопят, рычаг, как дикие звери, прыгают, звеня цепями.

И тут к ним вдруг во весь опор подлетает Дон Кихот.

Каторжники и не глядят на него. Обнимаются и тут же награждают друг друга тумаками. Они опьянели от неожиданности пришедшей к ним свободы.

Дон Кихот. Друзья мои, погодите, послушайте меня.

1-й каторжник. Выкладывай.

Дон Кихот. Друзья мои, отправляйтесь немедленно туда, куда я вам укажу.

Каторжники успокаиваются сразу.

4-й каторжник. Там спрячут нас?

Дон Кихот. Нет! Я посылаю вас к даме моего сердца. Вы расскажете ей о подвиге, который я совершил в ее честь.

Каторжники раздражаются хохотом.

3-й каторжник. Не дразни, укусим!

Дон Кихот. Друзья мои, я дал вам свободу, неужели вы так неблагодарны, что откажете мне!

4-й каторжник. Сеньор, вы знаете, что такое братство Санта-Эрмандад? Они схватят нас!

Дон Кихот. Благодарность сильнее страха.

6-й каторжник. Благодарность, благодарность! Освободи ты одного меня – я бы поблагодарил. А ты – всех разом!

7-й к а т о р ж н и к. Устраиваешь побег, а правил не знаешь.

8-й к а т о р ж н и к. Уже небось во всех церквах бьют в набат...

9-й к а т о р ж н и к. Что у тебя под бритвенным тазиком? Голова или тыква?

Д о н К и х о т. Я заставлю вас быть благодарными!

4-й к а т о р ж н и к. Сеньор, полегче! Мы – народ битый!

Д о н К и х о т. Я для вашей пользы...

10-й к а т о р ж н и к (*великан звероподобного вида*). Бей его, он сыщик!

Швыряет в Дон Кихота камнем, сбивает с него тазик.

С а н ч о. Опомнись! Какой же он сыщик – он освободил вас!

10-й к а т о р ж н и к. Так когда это было? С тех пор продался. Бей его!

Камни летят в Дон Кихота градом.

Темнеет.

По дороге двигается шажком Росинант. Дон Кихот с перевязанной головой старается усидеть, держится прямо на своем высоком седле.

Санчо плетется следом.

Далеко-далеко впереди, за деревьями, показываются стены и крыши.

С а н ч о. Сеньор! Скоро доплетемся мы с вами до постоянного двора. Об одном прошу я вашу милость – не признавайтесь ни хозяину, ни постояльцам, что мы пострадали от побоев. Почему? А потому что люди, как увидят побитого, норовят подбавить еще. Был бы калека, а обидчики найдутся. Кто убог, того и валят с ног. Кто слаб и болен, тем и заяц недоволен. Вы поняли меня, сеньор?

Д о н К и х о т. Я слышу тебя словно бы издали, так у меня звенит в ушах.

Санчо взглядывает на хозяина и вдруг вскрикивает во весь голос.

Д о н К и х о т. Что с тобой?

С а н ч о. Взглянул я на вас, какой вы бледный да жалостливый, и пришла мне мысль в голову. И я даже закричал от удивления и печали. Мне в голову пришла мысль совсем рыцарская, ваша милость. Вот где чудо. Ах ты... Ох ты... Подумайте! Ах-ах-ах! Мысль!

Д о н К и х о т. Говори какая!

С а н ч о. А такая, что следует вам к вашему славному имени Дон Кихот Ламанчский прибавить прозвище: Рыцарь Печального Образа.

И Дон Кихот отвечает запинаясь, очень тихо:

– Хорошо, братец... Да будет так. Рыцари былых времен... носили прозвища. Кто звался Рыцарем Пламенного Меча. А кто – Рыцарем Дев. Был Рыцарь Смерти. А я буду Рыцарем Печального Образа. Мне чудится, что мудрец, который напишет когда-нибудь историю моих подвигов, вложил эту мысль... в твою голову, потому что... моя... очень уж шумит. Вот и замок.

С а н ч о. Что вы, сеньор! Это постоянный двор.

Д о н К и х о т. А я ручаюсь тебе, что это заколдованный замок.

С а н ч о. Пусть мой Серенький пропадет навеки, если это не постоянный двор!

Д о н К и х о т. Замок!

С а н ч о. Двор!

Д о н К и х о т. Замок!

С а н ч о. Сеньор! Нас поколотили сегодня мастера своего дела, вот и чудится вам невесть что!

Шум, обрывки веселой музыки, песен, стук копыт по настилу конюшни.

У ворот постоянного двора две девицы весьма легкомысленного вида вглядываются пристально в приближающихся путников.

1-я д е в и ц а. Если и эти гости не захотят иметь с нами дела – мы пропали.

2-я девица. Неужели дойдем мы до такого срама, что, как старухи, будем расплачиваться за ужин и ночлег собственными денежками?

Дон Кихот, стараясь держаться прямо на своем высоком седле, приближается к воротам постоялого двора.

Санчо следует за рыцарем.

Дон Кихот (*салютуя мечом*). Благородный владелец замка выслал навстречу нам знатных девиц. О сеньориты! Если когда-нибудь понадобится рыцарь для защиты вашей невинности, прикажите – и я умру, охраняя вашу честь.

Девицы переглядываются и бросаются бежать, фыркая от сдерживаемого смеха.

Громче обрывки музыки, топот копыт по настилу конюшни. Крытая галерея на тонких столбах идет вдоль всего второго этажа. Под галереей, как под навесом, кипит жизнь. Четверо игроков дуются в карты. Зрители молча глядят, столпившись вокруг.

1-й игрок. Клянусь честью, если ты и эту карту побьешь, то я тебя зарежу.

2-й игрок. Ладно, эту не побью, раз уж ты не умеешь играть по-благородному.

Зубодер со щипцами в руках кричит, уговаривая пациента, который сидит на скамье с видом гордым и надменным, крепко сжав губы.

Зубодер. Я дергал зубы и турецкому султану, и китайскому богдыхану, и старшему писцу нашего губернатора. И все благодарили. Богдыхан даже просил еще вырвать парочку, до того ему понравилось мое мастерство. Откройте рот, сударь!

Пациент (*сквозь слезы*). Если мужчина сказал нет, значит, нет!

Жена пациента. Если бы ты один страдал от зубной боли, я бы могла терпеть. Но ты весь дом замучил. Открой рот, тебе говорят!

П а ц и е н т. Если мужчина сказал нет, значит, нет!

Мариторнес, здоровенная служанка, сильная, как мужчина, стирает белье, а подруга нашептывает ей на ухо что-то, видно, очень интересное, потому что Мариторнес слушает с увлечением, сияя.

Вот ее багровое мокрое лицо показывается из пара.

М а р и т о р н е с. А он?

Служанка продолжает шептать.

М а р и т о р н е с. А ты?

Служанка продолжает шептать.

М а р и т о р н е с. А он?

Служанка продолжает шептать.

М а р и т о р н е с. Ну и напрасно. Я еще ни разу в жизни не нарушила слова. Если я говорю мужчине, что приду, значит, приду, хотя бы весь свет обрушился на мою голову. Да и то сказать – чем еще утешаться нам на земле, пока мы не пошадим в рай.

Две девицы с хохотом влетают во двор.

Пищат наперебой:

– Скорее, скорее! Приехал до того потешный безумец, что можно умереть со смеху!

К а р т о ч н ы й и г р о к. Не мешай людям работать.

1-я д е в и ц а. Не все же работать, надо и повеселиться.

2-я д е в и ц а. Таких сумасшедших и при дворе не найти!

Он назвал нас невинными и знатными девицами.

Взрыв хохота.

Дон Кихот, пошатываясь, входит во двор.

На него глазают с жадностью, давясь от смеха, подталкивая друг друга. Зрители заполнили галерею, висят на перилах.

Д о н К и х о т. Привет вам, друзья мои! Нет ли в замке несчастных, угнетенных, несправедливо осужденных или невольников? Прикажите – и я восстановлю справедливость.

Заглушенное хихиканье.

Рослый человек средних лет восклицает:

– Ну, это уж слишком!

Заглушенное хихиканье. Возгласы: «Тише, не мешайте».

Толстяк хозяин с ключами у пояса выбегает из недр своего заведения.

Д о н К и х о т. Судьба привела меня в ваш замок. Я Дон Кихот Ламанчский, Рыцарь Печального Образа.

Подавленный хохот. Шепот: «Тише, дураки! Спугнете. Испортите всю потеху».

Х о з я и н. Все это славно, господин рыцарь, а только одно худо. Все комнаты у меня заняты, и могу я предложить вам ложе только на чердаке.

М а р и т о р н е с (*вытирая руки*). Идемте, сударь, я провожу вас. Чего смеетесь? Не видите, что ли, человек болен, еле на ногах стоит?

Чердак, который по всем признакам долго служил для склада соломы. В правом углу – кровать, сооруженная из попона и седел. В левом – четыре худо обтесанные доски, положенные на скамейки разной вышины.

На досках – тюфяк, тощий, как циновка. Ключья войлока торчат из дыр. Редкие и грубые простыни.

Дон Кихота уложили на ложе слева, Мариторнес облепляет пластырями его синяки и ссадины.

М а р и т о р н е с. Кто же это так избил беднягу?

С а н ч о. Никто, дочка. Господин мой просто слетел со скалы, и все тут. Его не побьешь! Нет! Он каждому даст сдачи!

Во дворе под навесами идет совещание.

Р о с л ы й ч е л о в е к. Нет, меня полагается слушать! Я судья! Я такое придумал, что от дурачка живого места не останется, со всей его справедливостью.

Перешептываются.

Ч е л о в е к, п о х о ж и й н а с о в у. Нет, давайте по-моему! Я человек деловой и до того истосковался дома, считая да подсчитывая, что в дороге нет большего потешника, чем я! К черту добродетельного рыцаря. По-моему..

Перешептываются.

1-я д е в и ц а. Нет, мы сделаем так. Проклятая Мариторнес влюбляется в самых славных парней, и при этом совершенно бесплатно!

2-я д е в и ц а. Давно пора проучить ее. Ее теперешний возлюбленный – погонщик мулов. Ночует тоже на чердаке. И мы...
Перешептываются, хохочут.

А Мариторнес на чердаке окончила перевязывать Дон Кихота.

Рыцарь задремал.

С а н ч о (*шепотом*). Оставьте и мне немножечко этих пластырей, сеньора.

М а р и т о р н е с (*шепотом*). И вы тоже слетели со скалы?

С а н ч о (*шепотом*). Нет! Но меня всего перетряхнуло, когда увидел я, как падает мой господин.

М а р и т о р н е с (*шепотом*). Это бывает! Я часто вижу во сне, что падаю с башни, и потом весь день хожу разбитая.

Грохот.

Санчо и Мариторнес оглядываются в ужасе.

Погонщик мулов – парень разбойничьего вида, косая сажень в плечах – стоит на пороге. Снова грохот. Оказывается, это погонщик в гневе ударяет ногой об пол.

П о г о н щ и к. Ты с ним шепчешься?

М а р и т о р н е с (*улыбаясь*). Ах, дурачок! Ревнует! До чего же я это люблю – просто удивительно! Это уже значит не баловство, а настоящая любовь, благослови ее Господь!

Грохот.

М а р и т о р н е с. Иди вниз! Я сейчас прибегу к тебе. Мы говорим шепотом, чтобы не разбудить больного сеньора. Ступай, ступай, а то и я стукну, только не ногой, а кулаком, и не об пол – кое-кого по затылку. Иди!

Погонщик мулов удаляется угрюмо.

М а р и т о р н е с (*шепотом, интимно*). Он знает, что я люблю мужчину свалю ударом кулака. Конечно, приятно, когда ревнуют, но распускать вашего брата тоже не полагается.

С а н ч о. Это уж конечно. Уж на что я добродетелен, но и то шепот ваш очаровал меня, словно весенний ветерок.

Мариторнес показывает ему кулак.

С а н ч о (*разводя руками*). Что верно, то верно!

Стемнело.

Дон Кихот спит.

Санчо храпит на циновке у его ног.

Вдруг входят четверо игроков в карты. Путь им освещают хихикающие девицы со свечами в руках. Четыре игрока берут шаткое ложе Дон Кихота. Переносят спящего рыцаря в правый угол. А ложе, устроенное на седлах и пополах, переволакивают влево.

Внизу, во дворе, горят фонарики, повешенные на сводах галереи. Кто ужинает и пьет вино, кто болтает со служанками. Посреди двора деловой человек, похожий на сову, пляшет фанданго, лихо управляясь с кастаньетами. Его партнерша — одна из девиц. Картежники играют на тамбурине. Деловой человек, несмотря на тяжелую свою фигуру, пляшет с настоящим мастерством, со страстью. Вдруг он подпрыгивает и останавливается.

Оркестр обрывает музыку.

Д е л о в о й ч е л о в е к. Красотка спешит к милому.

По лестнице пробегает навверх Мариторнес, закрывши голову платком.

1-я д е в и ц а. Играйте, играйте! А то она заподозрит недоброе.

Фанданго продолжается.

Д е л о в о й ч е л о в е к. Голубь поспешил к голубке. Сеньор судья, задержите его хоть на минутку. Дайте разгореться рыцарю!

С у дья (*погонщику*). Подожди, друг! Правда, что купил ты мула с таким норовом, что никто не хочет нанимать его?

П о г о н щ и к. Чистая правда, ваша милость. Он до того довел меня, что и мой нрав стал просто дьявольским.

С у д ь я. Присядь на минутку. Обсудим, как помочь твоему горю.

Фанданго, как и подобает этому танцу, все убыстряется.

Мариторнес входит на чердак. Направляется в правый угол, туда, где спит теперь Дон Кихот. Она нащупывает во тьме руку спящего.

М а р и т о р н е с. Так ты здесь уже, бедняжка? Опередил меня, дурачок? А я думала, что ты все работаешь, наказываешь своих мулов за непослушание. Что с тобой? Почему ты обнимаешь меня так остороженько?

Д о н К и х о т. Графиня! Я столь разбит и изломан, что боль мешает мне полностью ощутить радость от вашей высокой милости.

М а р и т о р н е с. Что с тобой? Почему ты так вежлив? Это ты?

Д о н К и х о т. Вежливость моя вызвана верностью. Я люблю другую. И когда боль перестает отрезвлять меня – рыцарская верность разрешает мне только это отеческое объятие.

М а р и т о р н е с. Так вот это кто? Как я попала к вам? Неужели я сегодня заработалась до того, что не могу отличить правую руку от левой? Простите, сеньор, я ошиблась койкой!

Д о н К и х о т. Не уходите! Сеньора! После побоев так радостно прикосновение вашей руки. Так сладостно. Верность вынуждает меня быть простаком. И все-таки подождите. После злобы и неблагодарности – ласка и милость. Не уходите. Молю. Я все время один, против всех. Не уходите!

М а р и т о р н е с. Я не ухожу.

Вопль:

– Потаскуха!

Страшный удар обрушивается на голову Дон Кихота.

Он вскакивает с воплем:

– Вперед, за Дульсинею Тобосскую!

Топот и хохот за дверьми.

Санчо просыпается и вскакивает с воплем:

– Пожар! Горим!

Чердак наполняется восторженными зрителями с фонариками в руках.

Хохот и гогот.

Полуодетый Дон Кихот сражается с погонщиком. В руках у рыцаря меч, а у погонщика – бич. Дон Кихот после любовного свидания исцелен от всех своих ран и недугов. Ни один удар бича не задел его. Он увертывается, и прыгает, и нападает.

Но вот ошеломленная Мариторнес приходит в себя.

Она вырывает у погонщика бич, толкает рослого малого так, что он падает. Наступает на зрителей с фонариками:

– Не трогайте сеньора! Уходите!

С у д ь я. Как ты смеешь, дерзкая!

Д е л о в о й ч е л о в е к. Орет как благородная.

Мариторнес наступает на хохочущих зрителей, и они, нисколько не теряя веселого настроения, протискиваются на лестницу.

Хохот и суета за дверью.

Д о н К и х о т. Санчо! Видишь ты теперь, что такое благородная кровь? Дочь графа, владельца замка, сражалась за меня, как рыцарь!

С а н ч о. Ваша милость, это не дочь хозяина, а его служанка!

Д о н К и х о т. И тебя!

С а н ч о. Пресвятая Дева! Что «и меня»?

Д о н К и х о т. Заколдовал проклятый Фрестон. Очнись! Мы в заколдованном замке. Слышишь шорох, шепот, дьявольское хихиканье за дверью? Берегись, Фрестон! Вперед, вперед, ни шагу назад!

Рыцарь со шпагой в руках выбегает из двери и тотчас же валится со всех ступеней крутой лестницы. Веревка была натянута в самых дверях.

Фонарики прыгают в руках хохочущих.

Д о н К и х о т (лежа на полу). Не верю! Сеньоры, я не верю злему волшебнику! Я вижу, вижу – вы отличные люди.

Он поднимается и идет.

Д о н К и х о т. Я вижу, вижу – вы отличные, благородные люди, и я горячо...

Хитро укрепленный кувшин с ледяной водой опрокидывается, задетый рыцарем, и обливает его с головы до ног.

Дон Кихот (*упавшим голосом*). Я горячо люблю вас. Это самый трудный рыцарский подвиг – увидеть человеческие лица под масками, что напялил на вас Фрестон, но я увижу, увижу! Я поднимусь выше...

Люк открывается под ногами рыцаря, и он проваливается в подвал.

Наверху полное ликование, доходящее до безумия. Отец семейства прыгает, как мальчик, судья визжит от хохота, как женщина. Девушки обнимают, обессилев от смеха, того, кто падется под руку.

А Дон Кихот стоит в подвале внизу с обнаженным мечом в руках.

Оглядывается.

И видит мехи с вином, висящие на стенах.

При неровном свете, падающем через открытый в потолке люк, они кажутся похожими на дурацкие толстогубые смеющиеся головы великанов.

Дон Кихот. Ах, вот вы где, проклятые! Довольно смеяться над подвигами. Думаете, мне легко повторять истины, знакомые каждому школьнику, да еще и драться за них? А иначе ничего не добьешься. Поняли? Нет? Вы всё смеетесь? Умрите же!

И Дон Кихот бросается в бой.

Вино потоком льется из разрубленных мехов.

Дон Кихот стоит по колено в вине, пошатываясь.

Дон Кихот. Помогите мне, Санчо. Я победил, но мне нехорошо. Санчо, Санчо, где ты?

А Санчо среди двора взлетает чуть не до самого неба. Развеселившиеся гости подбрасывают его на одеяле.

Санчо. Ваша честь! Погибаю! Укачивают! Помогите! Спасите!

Большая дорога.

Дон Кихот, с пластырями на еще более исхудавшем лице, и Санчо, бледный и мрачный, едут рядышком.

Д о н К и х о т. Теперь ты понимаешь, Санчо, что этот замок, или постоялый двор, действительно очарован. И это единственное наше утешение. Над нами потешались так жестоко выходцы с того света.

С а н ч о. И хотел бы я порадовать вашу милость, да не могу. Подбрасывали меня на одеяле самые обыкновенные люди.

Д о н К и х о т. Не клеветчи!

С а н ч о. Клеветать я терпеть не могу, но и сваливать на призраков то, что натворили люди, не согласен. Люди, люди безобразничали, люди с самыми обыкновенными именами. Одного звали Педро Мартинес, другого – Теперно Эрнандес, а самого хозяина зовут Хуан Паломеке Левша. А волшебник Фрестон на этом постоялом дворе и не ночевал. Дайте мне только стать губернатором, я сюда еще вернусь.

Д о н К и х о т. Молчи!

С а н ч о. Молчу.

Едут молча.

И вдруг лицо рыцаря оживает. Глаза рыцаря приобретают прежний вдохновенный блеск.

Два существа, словно сошедшие со страниц рыцарского романа, выбегают из кустов на середину дороги. Лицо одного скрыто густой черной бородой, падающей до колен. Лицо второго скрыто маской. Санчо плюет и крестится:

– Этого только не хватало. Сорвались с крючка и прямо на сковородку.

Ч е л о в е к в м а с к е (*шепотом*). Вам начинать, сеньор цирюльник.

Цирюльник, касаясь подвязанной бородой дорожной пыли, падает на колени, низко кланяясь Дон Кихоту. Священник в маске, сняв шляпу, замирает в почтительной позе.

Ц и р ю л ь н и к. О доблестный рыцарь Дон Кихот Ламанчский! Помогите самой безутешной и обездоленной принцессе на свете.

С а н ч о. Господи! Принцесса с бородой!

С в я щ е н н и к. Принцессы здесь нет, о славный оруженосец не менее славного героя! Перед вами ее смиренные посланцы.

Д о н К и х о т. Встаньте. Мне больно, когда передо мной стоят на коленях.

Ц и р ю л ь н и к (*поднимаясь*). О рыцарь! Если доблесть вашей могущественной длани соответствует величию вашей славы, то помогите обездоленной принцессе Микомиконе...

С в я щ е н н и к (*украдкой заглядывает в книжку*). Которая просит из далекой Эфиопии помочь в ее горестях.

Д о н К и х о т. Я сделаю все, что в человеческих силах.

С в я щ е н н и к. Следуйте за нами, о славный рыцарь!

Посреди поляны стоит воз, запряженный волами, на котором укреплена высокая клетка. Не птичья и не для животных, а высокая – в ней человек может встать во весь рост. Волы стоят, сонно опустив головы, жуют жвачку.

Посланники Микомиконы сворачивают с дороги на поляну.

За ними – Дон Кихот. Встревоженный Санчо ведет следом под уздцы Росипанта и Серого.

Подойдя к клетке, священник распахивает дверцы.

С в я щ е н н и к. О храбрый рыцарь! Принцесса Микомикона зачарована великаном, по имени Пандафиландо Свирепоглазый. Храбрец, вошедший в клетку, возьмет чары на себя и освободит принцессу.

Ц и р ю л ь н и к. О рыцарь! Спаси несчастную, войди в клетку.

С а н ч о. А надолго?

Д о н К и х о т. Санчо, не мешай!

С а н ч о. Ваша милость, ведь это клетка! Принцесса принцессой, но лезть в клетку – дело нешуточное! Признавайтесь, на сколько времени туда лезть! Отвечайте, эфиопы!

С в я щ е н н и к. Храбрец, вошедший в клетку, должен лежать в ней спокойно и ехать покорно в места, предугазанные судьбой. Только тогда несчастная освободится от лап чудовища.

С а н ч о. А ну-ка, покажите нам бумаги!

Ц и р ю л ь н и к. Какие такие бумаги?

С а н ч о. Что вы в самом деле эфиопы, присланы принцес-
сой и...

Дон Кихот приходит в ярость и замахивается на Санчо
копьем, словно перед рыцарем не верный его оруженосец,
а злейший враг.

Д о н К и х о т. Негодяй! Девушка умоляет о помощи, а ты
требуешь бумаги, словно королевский чиновник.

И рыцарь бросается в клетку одним прыжком.

С в я щ е н н и к. Слава тебе, храбрый рыцарь!

С а н ч о. Слава, слава! Чего сами не полезли в клетку!
Свиньи вы! Чужими руками жар загребать!

Ц и р ю л ь н и к. Вперед, вперед!

Телега со скрипом движется в путь.

Первые осенние листья, кружась, падают на дорогу.

С а н ч о. Хоть бы соломки догадались подстелить! Ваша
милость, а ваша милость, вам небось жестко в клетке-то?

Д о н К и х о т. Отстань, дурак, я зачарован!

Телега медленно ползет по дороге.

Вечер.

Горит костер.

Волы пасутся на лугу.

Дон Кихот ест похлебку из миски, которую держит возле
самой клетки Санчо Панса. Рыцарь степенно работает лож-
кой, просовывая ее между прутьями своей тюрьмы.

С а н ч о. Ваша милость! Как слышал я с детства, зачаро-
ванные и не пьют, и не едят! О, боюсь, что не зачарованы вы,
а обведены вокруг пальца какими-то людьми, которым не
нравятся наши подвиги.

Д о н К и х о т *(спокойно и уверенно, продолжая есть)*. Нет,
Санчо. Я зачарован. Я это знаю потому, что совесть моя спо-
койна, не грызет меня за то, что сижу я да посиживаю в клет-
ке, когда стольким несчастным нужна моя помощь. Много-
много лет этого со мной не бывало. Я зачарован и поэтому
и ем с охотой, и сплю спокойно, как ребенок.

Дон Кихот спит в клетке безмятежно, как ребенок.
Воз не спеша двигается по дороге.
Прохладное осеннее утро.
Священник и цирюльник шагают впереди.
Санчо ведет вслед за клеткой Росинанта и Серого.
С а н ч о. Клянусь честью, или я тоже зачарован, или приближаемся мы к нашему родному селению.

Ворота знакомой усадьбы.
Послы принцессы входят во двор.
Воз въезжает следом за ними.
Санчо робко останавливается в воротах.
Распахивается дверь.
Экономка и племянница выбегают, плача и смеясь, из дома.
Дон Кихот вскакивает. Становится во весь рост в своей клетке. Бледнеет. Оглядывается в страхе, ничего не понимая, словно зверь в ловушке.

Д о н К и х о т. Принцесса...

Э к о н о м к а. Ах, ваша милость, ваша милость, никаких принцесс тут нет. Наше дело маленькое, стариковское. Пожалуйста домой, пожалуйста в постельку! Спаленка ваша протоплена, белье постелено чистое!

П л е м я н н и ц а. Дядя, дядя, что вы глядите так, будто попали в плен? Это я, я – ваша родная племянница! Вы все жалуете чужих – пожалейте и меня, бедную сироту.

Э к о н о м к а. Пожалуйте, пожалуйста сюда, мастер Николас, сеньор лицензиат, помогите!

Священник, уже без маски и без маскарадного плаща, и цирюльник, без бороды, открывают дверцы клетки, ведут рыцаря в дом под руки.

Когда они скрываются, Санчо шумно вздыхает.

Расседлывает Росинанта. Снимает с него узду. Ударяет слегка. И Росинант не спеша, степенно направляется в конюшню.

Снова вздыхает Санчо.

Садится верхом на Серого.

— Говорил я, надо спросить у них бумаги!

Уезжает восвояси.

А Дон Кихот стоит посреди кухни, где весело пылает очаг, и близкие окружают его.

Э к о н о м к а. Сеньор, сеньор! Посмотрите, на что вы стали похожи! Злоключения согнули вашу спину, а вы еще мечтаете выпрямить все на свете. Отдохните, сеньор! Мы вас вылечим! Мы никуда вас больше не отпустим.

П л е м я н н и ц а. Дядя, скажите хоть одно словечко! Ведь у меня, бедной, никого больше нет на свете!

Д о н К и х о т. Здравствуй, дитя мое. Я еще поговорю, поговорю с тобой! Я только зайду в свою библиотеку, почитаю, соберусь с мыслями.

Дон Кихот поднимается по лестнице.

Все идут следом за ним.

И рыцарь останавливается пораженный.

Дверь в библиотеку исчезла.

Стена, сплошная стена, без малейшего признака некогда бывшего входа, преграждает путь рыцарю.

Он шарит по ней руками, словно слепой.

Поворачивается к друзьям.

Д о н К и х о т. Это Фрестон?

Э к о н о м к а. Он, ваша честь, кому же еще, он, безобразник. Прилетел, нашумел, надымил и унес всю вашу любимую комнату. И все книжки.

Д о н К и х о т. Все...

Пошатнувшись, опускается он на пол.

Священник и цирюльник едва успевают подхватить его на руки.

Спальня Дон Кихота.

Зимний день. Снег и дождь за окнами. Рыцарь лежит в постели похудевший и побледневший, в ночном колпаке. Против него в кресле молодой, курносый и большеротый человек с живыми глазами.

Он пристально, по-докторски смотрит на Дон Кихота.

– Вы узнаете меня?

Д о н К и х о т. Как не узнать! Вы – Самсон Карраско, сын Бартоломео Карраско из нашего селения. Вы студент. Учиться в Саламанке.

К а р р а с к о. Заодно поздравьте себя самого, сеньор! Если бы не я, вы хворали бы и по сей день. Я в бытность мою студентом интересовался всеми науками на свете. И приехал нашпигованный последними медицинскими открытиями, словно бараний окорок чесноком.

Д о н К и х о т. И вы занялись моим лечением?

К а р р а с к о. По просьбе вашей племянницы, сеньор Кехано. Подумать только – эти неучи пускали вам кровь по нечетным числам, тогда как современная наука установила с точностью, что следует это делать только по четным! И вот вы здоровы, густота крови исчезла, а следовательно, и понятия здравы. Вы, конечно, никуда теперь не уедете из дому.

Д о н К и х о т. Уеду, едва окрепну.

К а р р а с к о. Сеньор!

Д о н К и х о т. Промедление нанесет ущерб всему человеческому роду.

К а р р а с к о. Сеньор, послушайте человека, имеющего ученую степень! Времена странствующего рыцарства исчезли, прошли, умерли, выдохлись! Пришло новое время, сеньор! Новое! Тысяча шестьсот пятый год! Шутка сказать!

Д о н К и х о т. И в этом году, как и в прошлом, и в позапрошлом, как сто лет назад, несчастные зовут на помощь, а счастливы зажимают уши. И только мы, странствующие рыцари...

К а р р а с к о. А сколько вас?

Д о н К и х о т. Не мое дело считать! Мое дело – сражаться!

К а р р а с к о. Не выпущу я вас, сеньор! Да, да! Не выпущу! Последние достижения науки требуют, чтобы с безумцами обращались сурово. Я запру ворота. Я буду сторожить вас, как цепной пес. Я спасу доброго сеньора Кехано от безумца Дон Кихота.

Весенний вечер.

Под окнами спальни рыцаря распустилось старое миндальное дерево. Цветущие ветки заглядывают в самое окно его.

Дон Кихот беседует с Санчо, спрятавшимся на дереве. Из цветов миндаля выглядывает красное широкое лицо оруженосца.

Д о н К и х о т. Санчо, не могу я больше ждать! Мне грозит безумие, если мы не отправимся в путь!

С а н ч о. Понимаю вас, сеньор! Уж на что я – грубая душа, толстое брюхо, а тоже, как пришла весна, не сидится мне дома. Каждый день одно и то же, одно и то же, одно и то же – бьет по морде нуждишка-нужда, и все по одному месту! В дороге попадало нам, случалось, – так ведь все по-разному!

Д о н К и х о т. Не знаю, колдовство ли это или совесть, но каждую ночь зовут меня несчастные на помощь.

С а н ч о. Трудно им, стало быть, приходится!

Д о н К и х о т. Завтра на рассвете будто нечаянно проезжай мимо ворот.

С а н ч о. Слушаю, сеньор!

Исчезает в цветах миндаля.

Глубокая ночь.

Полная луна стоит в небе.

Тени цветущих миндальных ветвей бегают по полу и по стенам, словно какие-то живые существа проникли к рыцарю в спальню.

Рыцарь не спит. Глаза его блестят. Он прислушивается. Вдруг в шуме ветра, в шелесте ветвей раздается явственный вздох.

Рыцарь приподнимается на локте.

– Кто это?

– Бедный старик, которого выгнали из дому за долги. Я сплю сегодня в собачьей конуре! Я маленький, ссохся от старости, как ребенок. И некому вступиться за меня.

Стон.

Дон Кихот. Кто это плачет?

– Рыцарь, рыцарь! Мой жених поехал покупать обручальные кольца, а старый сводник ломает замок в моей комнате. Меня продадут, рыцарь, рыцарь!

Дон Кихот садится на постели.

Детские голоса:

– Рыцарь, рыцарь, нас продали людоеду! Мы такие худые, что он не ест нас, а заставляет работать. Мы и ткем на него, и прядем на него. А плата одна: «Ладно уж, сегодня не съем, живите до завтра». Рыцарь, спаси!

Дон Кихот вскакивает.

Звон цепей.

Глухие, низкие голоса:

– У нас нет слов. Мы невинно заключенные. Напоминаем тебе, свободному, – мы в оковах!

Звон цепей.

– Слышишь? Ты свободен, мы в оковах!

Звон цепей.

– Ты свободен, мы в оковах!

Дон Кихот роется под тюфяком.

Достает связку ключей.

Открывает сундук в углу.

Там блестят его рыцарские доспехи.

Рассветает.

Дон Кихот в полном рыцарском вооружении стоит у окна.

Медный бритвенный тазик сияет на его седых волосах.

Издали-издали раздается ржание коня.

Дон Кихот (*негромко*). Иду, Росинант!

Он шагает через подоконник.

Повисает на руках, прыгает в сад.

Бежит большими, но беззвучными шагами в конюшню.

Появляется с оседланным Росинантом.

Ведет коня к воротам. И вдруг раздается вопль:

– Тревога! Тревога!

Со скамейки у забора вскакивает Самсон Карраско. Он спал там, завернувшись в плащ.

К а р р а с к о (весело). Сеньор, сеньор! Вы упрямы, но и я тоже. Тревога, тревога!

Д о н К и х о т (замахивается копьем). Пусти!

К а р р а с к о. Сеньор! Можно ли убивать знакомых? Вы знали меня с детства! Тревога, тревога!

Крики:

– Дядя, дядя, сеньор, сеньор!

Экономка и племянница выбегают из дома. Обнимают колени рыцаря.

– Не губите меня, дядя. Не губите себя, сеньор!

Рыцарь опускает голову.

Санчо забрался на спину Серого, наблюдает за происходящими событиями через высокий забор усадьбы.

С а н ч о. Все. Никуда нам не уехать. С великаном – это пожалуйста, это мы справимся. А поди-ко со своими!

Э к о н о м к а. Сеньор, сеньор! Идите домой! Утро холодное! Куда там ехать в наши годы! Идемте, я напою вас парным молоком, и все кончится хорошо.

К а р р а с к о. И в самом деле, сеньор, идемте.

Дон Кихот стоит неподвижно.

К а р р а с к о. Чего вы ждете? Чуда? Не бывает чудес в тысяча шестьсот пятом году, сеньор. Господи, что это?

Гремит труба.

Хриплый голос кричит за воротами:

– Где тут живет этот... как его... знаменитый рыцарь – Дон Кихот Ламанчский!

Санчо соскакивает с седла:

– Сюда, ребята! Вот где он живет. Вовремя вы пожаловали.

Со скрипом открываются ворота усадьбы. За воротами – Санчо.

Конные солдаты, хмурые и утомленные, во главе с седым угрюмым офицером въезжают во двор усадьбы Дон Кихота.

С а н ч о. Вот-вот, сюда! Заступиться за кого-нибудь требуется? Схлестнуться с волшебниками, там, или великанами?

Сделайте милость! Мы застоялись, так и понесемся на врагов рода человеческого.

О ф и ц е р. Постой ты. Сбегай лучше за ведром да напои моего коня. Вы, сеньор, Дон Кихот Ламанчский?

Д о н К и х о т. Да, это я, сеньор.

О ф и ц е р. Этого... как его... Тьфу ты пропасть, не привык я к подобным поручениям. Прекрасная сеньора, влюбленная в вас, просит о чести быть допущенной в ваш замок. Тпру ты, проклятая! Стой смирно, мне и без тебя тошно. Что прикажете ответить ей?

Д о н К и х о т. Просите!

О ф и ц е р (*трубачу*). Труби, дурак!

Трубач трубит. И тотчас же во двор въезжает неторопливо всадница на белоснежном, но забрызганном грязью коне. Оседлан конь серебряным седлом. Сбруя зеленая. Даму сопровождает богатая свита.

Дама открывает вуаль – и мы видим прекрасную Альтисидору.

Д о н К и х о т. Вы приехали посмеяться надо мною?

А л ь т и с и д о р а. Пока что мне не до смеха. Дорога в ваше селение отвратительна. Впрочем, забудем это. Любовь толкает женщину и на худшие дорожки.

Звуки трубы подняли все селение.

Двор полон. И священник с цирюльником прибежали, задыхаясь.

А л ь д о н с а (*спутнику своему, здоровенному парню*). Это и есть Дульсинея Тобосская?

Парень вместо ответа щиплет Альдонсу, сохраняя неподвижное выражение лица.

А л ь т и с и д о р а. Сеньор! Я рассказала нашему герцогу о храбрости вашей и верности. Желая своими глазами полюбоваться на знаменитого рыцаря, он прислал меня за вами. Вас ждут в загородном замке герцога.

К а р р а с к о. Сеньора!

С в я щ е н н и к. Сударыня, во имя неба!

Ц и р ю л ь н и к. Мы только третьего дня делали ему кровопускание.

А л ь т и с и д о р а. Желание герцога – закон. И почетный караул, если воле нашего повелителя будут противиться, станет грозным. Сеньор Дон Кихот, мы ждем вашего ответа.

Д о н К и х о т. Вперед!

Блистательная Альтисидора со свитой, Дон Кихот и Санчо Панса исчезли.

Угрюмый Карраско смотрит им вслед, сжав кулаки.

К а р р а с к о. Куда бы его ни увезли – я верну его домой! Мы в Саламанке и не такие шутки проделывали! Не плачьте, сеньора!

Дон Кихот Ламанчский и прекрасная Альтисидора скачут рядом, окруженные великолепной свитой.

Санчо отстал от сверкающей и сияющей кавалькады, трясется рысцей в облаке пыли, работает каблуками и локтями, торопя Серого.

И вдруг кони солдат, скачущих впереди, останавливаются, пятаются, насторожив уши, не слушаются повода. Забеспокоился и заплясал конь прекрасной Альтисидоры.

По дороге навстречу движется повозка, украшенная флажками.

На повозке – огромный ящик, закрытый плетеными циновками.

Тяжел этот ящик – шесть пар мулов, запряженных цугом, с трудом волокут воз по дороге.

Из недр таинственного ящика раздается вдруг мощное рывканье.

Кони встают на дыбы – все, кроме Росинанта, соблюдающего горделивое спокойствие.

А л ь т и с и д о р а. Эй, погонщик! Чья это повозка и что ты в ней везешь?

П о г о н щ и к. Повозка моя собственная, сеньора, а везу я клетку со львом, которого губернатор Оранский посылает его величеству королю.

А л ь т и с и д о р а. Сними циновку.

П о г о н щ и к. Слушаю, сеньора,

Он выполняет приказание.

За толстыми прутьями клетки лежит, презрительно щурясь, огромный зверь. Кони пятятся – все, кроме Росинанта.

Санчо догоняет наконец своего хозяина.

С а н ч о. Смотрите-ка! Еще одного дурачка заманили в клетку! Какую принцессу едешь выручать, простак?

Лев рывкает в ответ лениво.

А л ь т и с и д о р а. Великолепный зверь. А ну-ка, сеньор! Покажите нам свою храбрость – сразитесь со львом.

С а н ч о. Что вы делаете, женщина! Не подзадоривать надо рыцарей, а успокаивать!

А л ь т и с и д о р а. Не бойся, деревенщина. Я лучше знаю господ мужчин. Они безудержны и храбры с дамами... Но львиные когти их отрезвляют... Ой, Пресвятая Богородица!

Взвизгнув, прищипривает Альтисидора коня и вихрем уносится прочь. Вся блистательная свита рассыпается в разные стороны горохом.

Исчезает погонщик.

Санчо уползает в канаву.

Дон Кихот одним движением копы откинул тяжелую щечколку, закрывавшую дверцу клетки.

Она распахнулась.

И огромный зверь встал на пороге.

Смотрит пристально на Дон Кихота.

Санчо выглядывает из канавы, с ужасом следит за всем происходящим.

Д о н К и х о т. Что, мой благородный друг? Одинок тебе в Испании?

Лев рывкает.

Д о н К и х о т. Мне тоже. Мы понимаем друг друга, а злая судьба заставляет нас драться насмерть.

Лев рывкает.

Д о н К и х о т. Спасибо, спасибо, теперь я совсем поправился. Но я много раздумывал, пока хворал. Школьник, решая задачу, делает множество ошибок. Напишет, сотрет, опять напишет,

пока не получит правильный ответ наконец. Так и я совершал подвиги. Главное – не отказываться, не нарушать рыцарских законов, не забиваться в угол трусливо. Подвиг за подвигом – вот и не узнать мир. Выходи! Сразимся! Пусть эта сумасбродная и избалованная женщина увидит, что есть на земле доблесть и благородство. И станет мудрее. Ну! Ну же! Выходи!

Лев рывкает и не спеша отходит от дверцы. Затем поворачивается к Дон Кихоту задом и укладывается, скрестив лапы, величественно.

И тотчас же Санчо прыгает из канавы лягушкой, бросается к дверцам клетки. Захлопывает их и запирает на шеколду.

С а н ч о. Не спорьте, сеньор! Лев дело понимает! Такую Альтисидору и конец света не вразумит. Что ей наши подвиги? *(Кричит.)* Эй, эй! Храбрецы! Опасность миновала! И отныне Рыцарь Печального Образа получает еще одно имя: Рыцарь Львов.

Снова мчится пышная кавалькада по дороге.

За столом, покрытым темной бархатной скатертью, – герцогская чета.

И герцог, и герцогиня молоды. Может быть, немножко слишком бледны. Красивы и необыкновенно степенны и сдержанны. Никогда не смеются, только улыбаются: большей частью – милостиво, иногда – насмешливо, реже – весело. Говорят негромко – знают, что каждое их слово будет услышано.

На столе перед герцогской четой бумаги.

Мажордом в почтительной позе выслушивает приказания своего повелителя.

Г е р ц о г. Праздник должен быть пышным и веселым. Приготовьте гроб, свечи, траурные драпировки.

М а ж о р д о м. Слушаю, ваша светлость.

Г е р ц о г и н я. Герцог, вы позабыли погребальный хор.

Г е р ц о г. Да, да, погребальный хор, благодарю вас, герцогиня. Веселиться так веселиться. *(Перебирает бумаги.)* Печальные новости утомили. Град выбил посевы ячменя.

Многопушечный наш корабль с грузом рабов и душистого перца захвачен пиратами. Олени в нашем лесу начисто истреблены браконьерами. А нет лучшего утешения в беде, чем хороший дурак.

Герцогиня. Да, да! Непритворный, искренний дурачок радует, как ребенок. Только над ребенком не подшутить – мешает жалость.

Герцог. А дурака послал нам в утешение, словно игрушку, сам Господь. И, забавляясь, выполняем мы волю провидения.

Мажордом. Спасибо, ваша светлость, за то, что вы поделились со мной столь милостиво мудрыми мыслями о дурачках.

Герцог. Известите придворных и пригласите гостей.

Позади герцогской четы появляется придворный духовник – человек могучего сложения, но с испитым лицом. Грубая челюсть. Высокий лоб. Он то закрывает свои огромные глаза, словно невмочь ему глядеть на грешников, то, шевеля губами, устремляет взгляд в пространство – не то молится, не то проклиняет.

Появляются, кланяясь, придворные.

Тишина.

Все стоят неподвижно и степенно, как в церкви.

Не спеша появляется карлик, одетый в атлас и бархат, в коротком плаще, при шпаге. Как и герцогская чета, как и все придворные, держится он скучающе и сдержанно.

Карлик (*негромко, первому придворному*). Дай золотой, а то осрамлю.

1-й придворный (*краем губ*). Спешешь нажиться, пока новый шут не сбросил тебя?

Карлик. Не боюсь я нового шута, ибо новых шуток нет на свете. Есть шутки о желудке, есть намеки на пороки. Есть дерзости насчет женской мерзости. И все.

Негромкий перезвон колоколов.

Мажордом (*провозглашает*). Славный рыцарь Дон Кихот Ламанчский и его оруженосец Санчо Панса.

Альтисидора вводит Дон Кихота. Приседает. И отходит в сторону, смешивается с толпой придворных. Оттуда жадно

вглядывается она в лица герцога и герцогини. Да и не она одна. Все напряженно глядят на герцогскую чету, стараются угадать, как приняты гости.

И только карлик, выгасив лорнет, внимательно, с интересом мастера, разглядывает Дон Кихота.

Герцог. Прелестен. Смешное в нем никак не подчеркнуто.

Герцогиня. А взгляд, взгляд невинный, как у девочки!

Входит Санчо, встревоженно оглядываясь.

Герцог (*любуюсь им*). Очень естественный!

Герцогиня. Как живой.

Герцог. Горжусь честью, которую вы оказали мне, славный рыцарь. Мы в загородном замке. Этикет здесь отменен. Господа придворные, занимайте гостей.

1-я дама (*Санчо*). Вы чем-то встревожены, сеньор оруженосец?

Санчо. Встревожен, сударыня.

1-я дама. Не могу ли я помочь вам?

Санчо. Конечно, сударыня. Отведите в конюшню моего осла.

Легкое движение. Подобие, тень заглушенного смеха.

Дон Кихот (*грозно*). Санчо!

Санчо. Сеньор! Я оставил своего Серого посреди двора. Кругом так и шныряют придворные. А у меня уже крали его однажды...

Герцогиня. Не беспокойтесь, добрый Санчо. Я позабочусь о вашем ослике.

Санчо. Спасибо, ваша светлость. Только вы сразу берите его за узду. Не подходите со стороны хвоста. Он лягается!

Еще более заметное подобие смеха.

Дон Кихот (*поднимается*). Я заколю тебя!

Герцог. О нет, нет, не лишайте нас такого простодушного гостя. Мы не избалованы этим. Сядьте, рыцарь. Вы совершили столько славных дел, что можно и отдохнуть.

Дон Кихот. Увы, ваша светлость, нельзя. Я старался, не жалея сил, но дороги Испании по-прежнему полны нищими и бродягами, а селения пустынные.

Легкое движение, придворные внимательно взглядывают на герцога, но он по-прежнему милостиво улыбается.

Герцогиня. Дорогой рыцарь, забудьте о дорогах и селениях – вы приехали в замок и окружены друзьями. Поведайте нам лучше: почему вы отказали прекрасной Альтисидоре во взаимности?

Дон Кихот. Мое сердце навеки отдано Дульсинее Тобосской.

Герцогиня. Мы посылали в Тобосо, а Дульсинеи там не нашли. Существует ли она?

Дон Кихот. Одному Богу известно, существует ли моя Дульсинея. В таких вещах не следует доискиваться дна. Я вижу ее такой, как положено быть женщине. И верно слушаю ей.

Герцог. Она женщина знатная?

Дон Кихот. Дульсинея – дочь своих дел.

Герцог. Благодарю вас! Вы доставили нам настоящее наслаждение. Мы верили каждому вашему слову, что редко случается с людьми нашего звания.

Духовник герцога, вдруг словно очнувшись, спустившись с неба, ужаснувшись греховности происходящего на земле, бросается вперед, становится перед самым столом, покрытым темной скатертью.

Духовник. Ваша светлость, мой сеньор! Этот Дон Кихот совсем не такой полоумный, каким представляется. Вы поощряете дерзкого в его греховном пустозвонстве.

Герцог выслушивает духовника со своей обычной милостивой улыбкой. Только придворные поднимаются и стоят чинно, словно в церкви, украдкой обмениваясь взглядами.

Духовник поворачивается к Дон Кихоту.

Духовник. Кто вам вбил в башку, что вы странствующий рыцарь? Как отыскиали вы великанов в жалкой вашей Ламанче, где и карлика-то не прокормить? Кто позволил вам шляться по свету, смущая бреднями простаков и смеша рассудительных? Возвращайся сейчас же домой, своди приходы с расходами и не суйся в дела, которых не понимаешь!

Д о н К и х о т. Уважение к герцогской чете не позволяет мне ответить так, как вы заслуживаете. Одни люди идут по дороге выгоды и расчета. Порицал ты их? Другие – по путям рабского ласкательства. Изгонял ты их? Третьи – лицемерят и притворяются. Обличал ты их? И вот встретил меня, тут-то тебя и прорвало? Вот где ты порицаешь, изгоняешь, обличаешь. Я мстил за обиженных, дрался за справедливость, карал дерзость, а ты гонишь меня домой подсчитывать доходы, которых я не имею. Будь осторожен, монах! Я презрел блага мирские, но не честь!

Д у х о в н и к. О, нераскаянная душа!

Удаляется большими шагами.

Придворные переглядываются, едва заметно улыбаясь, осторожно подмигивая друг другу, сохраняя, впрочем, благочестивое и скромное выражение лиц.

Г е р ц о г. Не обижайтесь, рыцарь, мы с вами всею душой. Я сам провожу вас в покои, отведенные вам.

Дон Кихот кланяется с достоинством, благодаря за честь, и Санчо повторяет, поглядывая на своего рыцаря, его степенный поклон.

Г е р ц о г. Санчо! Говорят, что вы хотите стать губернатором?

С а н ч о. Ваша светлость, кто вам рассказал? Впрочем, был бы герцог, а рассказчики найдутся! Ваша светлость, вы попали в самую серединку! Как в воду смотрели. Очень мне желательно получить губернаторское местечко!

Г е р ц о г. Подберите сеньору Санчо Пансе остров, да поживее.

М а ж о р д о м. Будет исполнено, ваша светлость.

Г е р ц о г. Пожалуйте за мной, сеньор рыцарь и сеньор губернатор.

Герцог идет с Дон Кихотом, герцогиня рядом с Санчо.

Придворные парами следом.

1-й п р и д в о р н ы й (*карлику*). Новый дурачок шутит поновому, и куда крепче тебя! Плохи твои дела!

К а р л и к. Брешешь! Приезжий не дурачок, он не шутит и недолго уживется тут, среди нас, дурачков.

Яркий солнечный свет, веселый стук молотков. Узкая улочка. Прямо на улицу выходит мастерская, она же и лавка, в которой мастера и продают разнообразнейшие металлические изделия.

На шестах висят готовые медные тазы, металлические зеркала, блюда, кувшины.

Работает хозяин, человек тощенький, почти лишенный зубов, но необыкновенно веселый. Рядом грохочут молотками его подручные.

Сытый конь привязан возле к столбу, косится тревожно на грохочущих молотками людей.

Владелец коня сидит в плетеном кресле, ждет, пока выполнят его заказ.

Это Самсон Карраско, в высоких сапогах со шпорами, с хлыстиком в руке.

И подручные, и хозяин заняты одним делом – пригонкой рыцарских доспехов.

Х о з я и н. Хотите, я удивлю вас, сеньор заказчик?

К а р р а с к о. Прошу вас, сеньор хозяин.

Х о з я и н. Я знаю, где вы добыли эти латы. Один ваш товарищ, саламанкский студент, выиграл их в кости у священника, собирающего старинные вещи. *(Хохочет.)* Угадал?

К а р р а с к о. Это нетрудно. Мой товарищ здешний, он и направил меня к вам. А вот вы попробуйте угадать, где добыл я щит.

Х о з я и н. Вам подарил его знакомый актер. *(Хохочет.)* Одного никак не могу разведать – зачем вам, бакалавру, рыцарские доспехи? До карнавала-то далеко!

К а р р а с к о. Для веселого человека каждый день карнавал, хозяин.

Х о з я и н. Позвольте примерить. *(Надевает на Карраско латы.)* Так. Тут под мышками немножко тянет. Придется перековать. *(Снимает латы и хохочет.)*

К а р р а с к о. Почему вы смеетесь?

Х о з я и н. Стараюсь угадать, что за проделку вы затеяли. Я на подобных делишках зубы съел. Правда. Мне вышиб их начисто мой лучший друг, которого окатил я водой, когда целовался он со своей девушкой. *(Хохочет.)* Весело, люблю.

К а р р а с к о. Куда это народ все спешит и бежит мимо вашей лавочки?

Х о з я и н. На площадь. Сегодня приезжает наш губернатор.

К а р р а с к о. Губернатор? В ваш городишко?

Х о з я и н. Баратория не городишко.

К а р р а с к о. А что же в таком случае?

Х о з я и н. Остров. Да, да! Вы прибыли сюда сухим путем. Ничего не значит! Вы не знаете нашего герцога. Он приказал, чтобы наш городишко считался островом, значит, так тому и быть.

К а р р а с к о. Вот теперь я знаю вашего герцога.

Хозяин раздражается хохотом вместе с подмастерьем. Вдруг визг, свист и шум нарушают общее веселье. Хозяин вскакивает.

Х о з я и н. Мальчишки бегут. Разглядели что-то веселенькое своими рысьими глазами.

Веселая толпа уличных мальчишек несется мимо с криками: «Ну и губернатор!», «Возьмем его в свою шайку!», «С таким не соскучишься!»

Х о з я и н. Стойте, ребята. Что случилось?

С т а р ш и й и з р е б я т. Если скажем, то за деньги.

Х о з я и н. Я и сам знаю. Платить вам еще! Губернатор едет? Подумаешь, новость!

С т а р ш и й и з р е б я т. А на чем?

Х о з я и н. В карете? На коне? В носилках?

Р е б я т а. Не отвечай! Хочет выведать все бесплатно. Идем!

Со свистом и шумом скрываются.

К а р р а с к о. Как зовут губернатора?

Х о з я и н. Сеньор Санчо Панса!

К а р р а с к о. Бежим на площадь! Нашел половинку, найду и целое.

На площади возвышается дворец – не слишком большой, но и не слишком маленький. Флаги развеваются на его башнях. Слуги ждут на высоком и широком крыльце дворца. Толпа собралась на площади, оставив широкий проезд для губернатора.

Герцогский мажордом стоит на крыльце. Он взмахивает платком. Гремят трубы. Звонят колокола. Толпа, к которой присоединился и владелец мастерской вместе с Самсоном Карраско.

Крики: «Да здравствует губернатор!»

Но вот он сам выезжает из-за угла верхом на Сером. И толпа умолкает от удивления. На несколько секунд.

И раздражается хохотом.

К этому времени Санчо уже добрался до середины площади. Добродушно поглядывает он на хохочущих. Поднимает руку.

Толпа умолкает.

С а н ч о. Спасибо, братцы! Худо, когда губернатора встречают слезами. А вы смеетесь – значит, рады мне.

Одобрительный гул.

С а н ч о. Когда губернатор сидит на осле – это весело. Вот когда осла сажают в губернаторы, то уже не повеселишься.

Смех. Веселый гул.

С а н ч о. Я объясню вам, почему я на осле. Потому, что он невысок! На коне я еще, чего доброго, не услышал бы ваших жалоб. А ехать на осле – все равно что идти пешком. Вот я, вот земля, а вот вы, дорогие мои подданные.

Крики: «Да здравствует губернатор!»

С а н ч о. Спасибо, братцы. Ну и на сегодня достаточно. Я хоть и губернатор, а спать хочу, как простой. Завтра увидимся. Идите по хозяйству. До свидания!

Восторженный рев. Крики: «Да здравствует губернатор!» – усиливаются до того, что дворцовая челядь перестает смеяться, переглядывается в страхе.

Санчо слезает с осла, передает его мажордому и, раскланиваясь, с достоинством, поднимается по ступенькам крыльца.

Губернаторская опочивальня.

Широкие окна ее глядят на просторную каменную галерею, идущую вокруг всего дворца.

Посреди опочивальни непомерно высокое и пышное ложе под балдахином.

Мажордом вводит губернатора.

М а ж о р д о м. Нет ли приказов, сеньор губернатор?

С а н ч о. Есть. Оставьте меня одного, мне спать хочется.

Мажордом удаляется с поклоном.

Санчо потягивается сладко, предвкушая отдых. Вскарabalкался на свое пышное ложе. Укладывается.

Но едва успевает он закрыть глаза, как оглушительный взрыв звуков пугает его так, что он валится с постели на каменный пол опочивальни.

Гремит оркестр, в котором преобладают турецкий барабан и кларнеты.

Санчо распахивает дверь.

Музыканты играют усердно. Музыка заглушает протестующие вопли Санчо.

Наконец он хватается дирижера за руки, и оркестр умолкает.

С а н ч о. Что это значит?

Д и р и ж е р. По этикету музыка должна играть у дверей губернаторской спальни, пока он не заснет.

С а н ч о. Пока он не умрет, хочешь ты сказать! Под такую колыбельную и пьяный не задремлет. Эй, стража!

Входит офицер с четырьмя солдатами.

С а н ч о. А ну, заточите его в подземелье. Месяца через два-три на досуге я займусь его делом.

Д и р и ж е р. Сеньор губернатор, пощадите, мы люди подневольные! Нам приказал играть сеньор мажордом.

С а н ч о. Ах вот чьи шуточки! Известно вам, где его спальня?

Д и р и ж е р. Так точно, известно.

С а н ч о. Хочешь избежать подземелья – веди туда своих голодраных шакалов, и войте, дудите, гремите в барабан у мажордома под ухом. У самой его кровати. Пока он, проклятый, не уснет или не околеет. Поняли? Сеньор командир, отправьте с ним солдат! Пусть последят, чтобы приказ был выполнен в точности.

О ф и ц е р. С величайшей охотой, сеньор губернатор. (*Солдатам.*) Слышали приказ? Марш!

Оркестр удаляется, сопровождаемый солдатами.

Санчо вздыхая, садится на кровати.

Задумывается.

С а н ч о. Эх, сеньор, сеньор! За последние годы я так привык делиться с вами тяготами да заботами! Где вы, сеньор, сеньор мой Дон Кихот Ламанчский!

Исчезает губернаторская опочивальня.

Дон Кихот ползает со свечой по полу своей спальни.

Д о н К и х о т. Ах, Санчо, Санчо, мне без тебя трудно! Вот уронил я иголку и не могу найти ее, проклятую. А ведь в нее вдет последний обрывок шелковой нитки, что имеется в нашем бедном дорожном запасе. У меня чулок пополз, Санчо. Сеньора Альтисидора настоятельно потребовала, чтобы пришел я на рассвете к павильону в парке побеседовать в последний раз о ее страстной любви ко мне... Я хотел, придя, еще раз провозгласить: «До самой смерти буду я верен Дульсинее Тобосской!» Но не могу же я говорить столь прекрасные слова с дыркой на чулке. О бедность, бедность! Почему ты вечно преследуешь людей благородных, а подлых щадишь. Вечно бедные идальго подмазывают краской башмаки. И вечно у них в животе пусто, а на сердце грустно. Нашел!

С торжеством поднимает рыцарь с пола иголку с ниткой.

Д о н К и х о т. Да, да. Нашел! Санчо, слышишь? Спасен от позора!

Поставив ногу на стул, штопает Дон Кихот старательно свой чулок.

Легкий стук в дверь.

Д о н К и х о т. Иду!

Оторвав нитку и завязав на заштопанном месте узелок, втыкает Дон Кихот бережно иголку с остатками шелковинки в лоскуток сукна и прячет в шкатулку.

Оправляется перед зеркалом.

Выходит.

Маленький паж в черном плаще ждет за дверью.

Безмолвно паж отправляется в путь по длинному дворцовому коридору.

Дон Кихот – следом.

Они идут по темной аллее парка. Едва-едва посветлело небо над верхушками деревьев.

И вдруг ночную тишину нарушает глубокий, полновзвучный удар колокола.

Дон Кихот останавливается. Останавливается и мальчик. Еще и еще бьет колокол. И издали доносится печальное пение хора.

Д о н К и х о т. Кто скончался во дворце?

Паж не отвечает.

Он снова пускается в путь. Дон Кихот, встревоженный и печальный, – следом.

Все громче погребальное пение хора.

Гремит орган.

Дон Кихот подходит к высокому павильону. Все окна его освещены. Звонит погребальный колокол.

Д о н К и х о т. Где же твоя госпожа?

П а ж. В гробу!

Д о н К и х о т. Отчего она умерла?

П а ж. От любви к вам, рыцарь.

Двери павильона распахиваются. Пылают сотни погребальных свечей. В черном гробу на возвышении, задрапированном черными тканями, покоится Альтисидора.

Придворные толпятся у гроба. Их траурные наряды изящны. Они степенны, как всегда. Стоят сложив руки, как на молитве. Склонили печально головы.

Герцог и герцогиня впереди.

Едва Дон Кихот подходит к возвышению, на котором установлен гроб, как обрывается пение хора. Умолкает орган.

В мертвой тишине устремляются все взоры на Дон Кихота.

Д о н К и х о т. Простите меня, о прекрасная Альтисидора. Я не знал, что вы почтили меня любовью такой великой силы.

Рыцарь преклоняет колени и выпрямляется.

И тотчас же едва слышный шелест, словно тень смеха, проносится над толпою придворных. Они указывают друг другу глазами на длинные ноги рыцаря. Увы! После его коленопреклонения петли снова разошлись, дыра зияет на чулке.

Д о н К и х о т. Мне жалко, что смерть не ответит, если я вызову ее на поединок. Я сразился бы с нею и заставил исправить жестокою несправедливостью. Принудил бы взять мою жизнь вместо вашей молодой. Народ наш увидит, что здесь, на верхушке человеческой пирамиды, не только высокие звания, но и высочайшие чувства. О вашей любви сложат песни, в поучение и утешение несчастным влюбленным. Сердце мое разрывается, словно хороню я ребенка. Видит бог – не мог я поступить иначе. У меня одна дама сердца. Одну я люблю. Таков рыцарский закон.

Он снова преклоняет колени, и, когда встает, смех делается настолько заметным, что рыцарь оглядывается в ужасе. К прежней дыре на обоих чулках прибавились три новые, чего рыцарь не замечает.

Д о н К и х о т (*приворотным дамам*). Сударыни, сударыни, так молоды – и так жестоки. Как можете смеяться вы над странствующим рыцарем, когда подруга ваша умерла от любви к нему?

– Вы ошибаетесь, дон Вяленая Треска!

Рыцарь оглядывается в ужасе.

Альтисидора воскресла. Она лежит в гробу непринужденно и спокойно – на боку, облокотившись на подушку. Насмешливо, холодно улыбаясь, глядит она на Дон Кихота. Он отступает в ужасе к самой стене павильона, и тотчас же на окне за его спиной вырастает карлик в черном атласном плаще. Он держит что-то в руках.

А л ь т и с и д о р а. Вы, значит, и в самом деле поверили, что я умерла из-за вас, чугунная душа, финиковая косточка, в пух и прах разбитый и поколоченный дон! Как осмелились вы вообразить, что женщина, подобная мне, может полюбить вас, дон Верблюды? Вы, дон Старый Пень, вы не задели моего сердца и на черный кончик ногтя!

Смех, чуть более громкий, чем до сих пор.

Г е р ц о г. Не сердитесь, сеньор: это шутка, комедия, как и все на этом свете! Ведь и вы – настоящий мастер этого дела. Вы необыкновенно убедительно доказали нам, что добродетельные поступки – смешны, верность – забавна, а любовь – выдумка разгоряченного воображения.

Герцог и ня. Примите и мою благодарность, рыцарь, — было так хорошо!

По ее знаку маленький паж подносит Дон Кихоту мешок с золотом.

Дон Кихот. Что это?

Герцог. Берите, рыцарь. Вы честно заработали свою награду. Но это не значит, что мы отпускаем вас!

Дон Кихот (*пажу*). Мальчик, возьми эти деньги себе! (*Герцогу*.) Разрешите мне оставить замок, ваша светлость.

Откланявшись, направляется он к выходу, и вдруг придворные раздражаются впервые за все время громовым, открытым хохотом.

Карлик прицепил Дон Кихоту на спину черную доску, на которой написано белыми буквами: «Дон Сумасшедший».

Дон Кихот. Эй, Фрестон! Довольно хихикать за спиной! Я сегодня же найду тебя, и мы сразимся насмерть! Санчо, Санчо, где ты?

И он выбегает из павильона.

Карлик соскальзывает с подоконника.

Идет томно, не спеша через толпу придворных.

Говорит первому придворному едва слышно, краем губ:

— Дай золотой, а то осрамлю!

1-й придворный. Сделайте милость, сеньор шут. Берите два!

Он сует деньги шуту в ладонь.

Крыльцо губернаторского дома.

Санчо восседает в кресле. Позади его свита. Зрители расположились полукругом впереди.

Санчо. Кто хочет правосудия, выходи!

Шум толпы прорезает, покрывает отчаянный женский визг.

— Правосудия! Правосудия! — вопит женский голос.

И, расталкивая толпу, к губернаторскому креслу бросается женщина. За руку волочит она молодого парня, по одежде — пастуха.

Ж е н щ и н а. Правосудия! Правосудия! Если вы не поможете мне, я доберусь до герцога, до короля, а они откажут – заберусь на самое небо.

С а н ч о. Тише, женщина! Говори прямо, в чем дело!

Ж е н щ и н а. Нельзя прямо, сеньор! Не позволяет женская скромность.

С а н ч о. Тогда подойди и Расскажи мне шепотом на ухо.

Ж е н щ и н а. Весьма охотно, сеньор губернатор.

Она рассказывает. А Санчо слушает, и лицо его меняется по мере того, как женщина шепчет. Вот он захохотал. Но тотчас же лицо его приняло выражение ужаса и возмущения.

С а н ч о. Силком?

Женщина продолжает шептать.

С а н ч о. Безобразник. Эй ты, пастух. Ты обидел эту женщину? Признавайся!

П а с т у х. Нет, ваша милость. Все было с ее стороны, а с моей – одна только вежливость. Шел я по дороге да и свернул в поле, потому что сеньора меня окликнула. Ну и тут, конечно, вмешался в дело сатана. Но все шло тихо у нас, мирно, пока не дернул меня черт похвастать, что продал я нынче четырех свиней. И потребовала сеньора, чтобы я отдал ей кошелек со всеми своими денежками. А я говорю: «Это еще что за новый налог?» А сеньора мне: «Болван, отдай, а то я тебя опозорю». А я говорю...

С а н ч о. Все понятно. Тише, дайте подумать.

Санчо думает. Народ хранит молчание.

С а н ч о. Пастух, отдай этой женщине кошелек.

Народ безмолвствует.

Пастух со слезами выполняет приказание.

Поклонившись губернатору, женщина уходит, скрывается в толпе.

С а н ч о. А ну, пастух, догони ее и отними свои денежки.

Пастух, не заставляя себя просить, бросается вдогонку.

Раздается отчаянный визг. Толпа волнуется. Людей кто-то вертит, толкает, расшвыривает. И вот появляется снова женщина. Она тащит за шиворот пастуха.

– Ваша милость! – вопит она. – Этот душегуб вздумал отнять у меня кошелек, который вы присудили!

С а н ч о. Удалось ему это?

Ж е н щ и н а. Да никогда! Скорей жизнь отнимет он у меня, чем кошелек. Ни клещами, ни молотками, ни львиными когтями – ничем на свете из меня не вытянешь кошелька. Скорей душу из меня вытряхнет, чем кошелек!

С а н ч о. Покажи-ка мне кошелек, почтенная дама.

Ж е н щ и н а. Вот он, сеньор губернатор!

Санчо берет кошелек и передает пастуху. Женщина делает было движение вперед, но губернатор восклицает:

– Ни с места! Вы попались, голубушка! Если бы защищали вы свою честь хоть в половину той силы, что обнаружили, спасая кошелек, с вами и великан не справился бы. Ступайте с богом или, вернее, ко всем чертям, не останавливаясь. Прочь с моего острова, а то я прикажу вам всыпать двести плетей. Живо беги, бесстыжая пройдоха!

Женщина исчезает. Народ вопит:

– Да здравствует губернатор!

С а н ч о. Приветствуете меня! Значит, понимаете, что судил я справедливо?

Т о л п а. Понимаем!

С а н ч о. Значит, различаете, где правда, а где неправда?

Т о л п а. Различаем!

С а н ч о. А если понимаете и различаете – почему сами не живете по правде и справедливости? Нужно каждого носом ткнуть, чтобы отличал, где грязно, а где чисто? Обошел я городишко! В тюрьме богатые арестанты живут, будто в хорошем трактире, а бедные – как в аду. На бойне мясники обвешивают. На рынке половина весов неправильна. В вино подмешивают воду. Предупреждаю, за этот последний грех буду наказывать особенно строго. Ох, трудно, трудно будет привести вас в человеческий вид. Главная беда: прикажи я вас всех перепороть – сразу помощники найдутся, а прикажи я приласкать вас да одобрить – глядишь, и некому.

Т о л п а. Да здравствует губернатор!

Сопровождаемый восторженной толпой, скрывается Санчо во дворце. И едва успевает он скрыться во внутренних покоях, как раздается отчаянный топот копыт и на площадь влетает герцогский гонец.

Соскочив со взмыленного коня, передает он мажордому запечатанный пакет.

Прочтя послание герцога, мажордом ухмыляется.

Народ с площади разошелся, и офицер, поддерживавший порядок, собирает свой караул, ведет во дворец.

М а ж о р д о м. Сеньор офицер, возвращайтесь в герцогский замок.

О ф и ц е р. Но губернатор...

М а ж о р д о м. Нет более губернатора. (*Протягивает герцогское письмо офицеру.*) Дон Кихот покинул замок вопреки просьбам герцога, и нам приказано весело закончить шутку с островом Баратория.

Санчо дремлет в кресле.

Грохот, вой, колокольный звон, свистки, гудки.

Санчо вскакивает.

Вся челядь губернаторского дворца ворвалась в опочивальню. Лакеи, пажи, повара размахивают шпагами и вопят: «К оружию, к оружию!»

Мажордом подкатывает к ногам Санчо два огромных щита.

М а ж о р д о м. Полчища врагов обрушились на остров. Вооружайтесь и командуйте, сеньор!

С а н ч о. Приказываю немедленно послать за господином моим Дон Кихотом! Он покончит с врагами одним махом! А где мои солдаты?

М а ж о р д о м. В бою!

С а н ч о. Вооружайте меня.

На каменной галерее, окружающей дворец, стоит сам губернатор. Два щита, огромных, прикрученных друг к другу веревками, – один на спине, другой на груди – превратили губернатора как бы в черепаху. Он и шага не может сделать

в дурацком своем вооружении. Не может оглянуться. А дворцовая челядь свистит, воеет, визжит за его спиной.

М а ж о р д о м. Вперед, сеньор! Ведите нас в бой!

С а н ч о. Не могу! Щиты не дают!

М а ж о р д о м. А вы прыгайте, прыгайте!

Санчо прыгает послушно. Бьют колокола. Свистят свистки. Орут люди.

Санчо валится на пол галереи, а дворцовая челядь пляшет на щитах, покрывающих его тело, и кувыркается, и прыгает через них.

М а ж о р д о м. Достаточно. Поднимите его!

Лакеи поднимают Санчо, освобождают от щитов.

С а н ч о. Ладно. Понял. Больше я не губернатор. Ухожу. Простому мужику всегда найдется дело. А куда денешься ты, мажордом, когда тебя выбросят со службы? Что ты умеешь, дармоед, лизоблюд? Назад!

Санчо взмахивает кулаком – и дворцовая челядь, которая было бросилась на него, отступает в страхе.

И вот он на своем Сером выезжает из города.

С а н ч о. Вперед, вперед, Серый, бедный мой друг и помощник в трудах и невзгодах! Воистину счастливы были мои часы, дни и годы, когда все мои мысли были заняты заботой о том, как бы починить твою упряжь да напоить твою утробу. Зачем научил меня бедный мой сеньор заботиться о людях? Вечно кончается это тем, что счастливые намнут тебе бока, а несчастные так и останутся при своих несчастьях.

Дон Кихот галопом вылетает в открытую холмистую долину, на которой расположен городок Баратория.

И в тот же миг Санчо выбирается на дорогу. Издали замечает он длинную фигуру своего рыцаря. Вопит во всю глотку:

– Сеньор! Отец родной! Сынок мой единственный! Я вот! Я нашелся. Я губернаторство проклятое бросил! Сеньор!

Д о н К и х о т. Санчо!

Друзья мчатся навстречу друг другу, спешиваются, обнимаются.

Росинант кладет голову на шею своего вечного спутника Серого в знак радости и признания.

Д о н К и х о т. Довольно, довольно, Санчо! Не плакать надо, а радоваться! Вырвались мы с тобой на свободу. Свобода, свобода – вот величайший дар, посланный нам небом! Ради свободы можно и должно рискнуть самой жизнью, а рабство и плен – худшее из несчастий. На коней, Санчо, на коней! Фрестон бродит возле. Сразим его – и освободим весь мир. Вперед, вперед, ни шагу назад!

Дон Кихот скачет вперед. Санчо торопится следом, а с пригорка следит за друзьями Самсон Карраско в полном вооружении. Он далеко опередил рыцаря и оруженосца и теперь ждет их у дороги.

Но вдруг Дон Кихот натягивает поводья, останавливается в клубах пыли.

На холме завидел рыцарь ветряную мельницу, размахивающую крыльями:

– Ах, вот ты где!

С а н ч о. Кто, ваша милость?

Д о н К и х о т. Фрестон стоит на холме и машет ручищами. О, счастье! Он принимает вызов!

С а н ч о. Ваша милость, это мельница!

Д о н К и х о т. Стой на месте и не вмешивайся, коли не можешь отличить волшебника от мельницы. О, счастье! Сейчас виновник всех горестей человеческих рухнет, а братья наши выйдут на свободу. Вперед!

И Дон Кихот, разогнав отдохнувшего Росинанта, галопом взлетает на холм.

Санчо вскрикивает отчаянно.

Рыцарь шибается с ветряной мельницей.

И крыло подхватывает его. И поднимает, и вертит, вертит мерно, степенно, словно не замечая тяжести рыцаря.

Но Дон Кихот не теряет мужества. Его седые всклокоченные волосы развеваются по ветру. Глаза широко открыты,

словно безумие и в самом деле овладело рыцарем. Голос его гремит, как труба:

– А я говорю тебе, что верую в людей! Не обманут меня маски, что напялил ты на их добрые лица! И я верую, верую в рыцарское благородство! А тебе, злодею, не поверю, сколько бы ты ни вертел меня – я вижу, вижу! Победит любовь, верность, милосердие... Ага, заскрипел! Ты скрипишь от злости, а я смеюсь над тобой! Да здравствуют люди! Да погибнут злобствующие волшебники!

И с этими словами срывается рыцарь с крыла, падает в траву с грохотом доспехов.

И тотчас же встает, пошатываясь.

Карраско, скакавший к мельнице, придерживает коня.

Санчо, словно не веря глазам, ощупывает ноги и руки рыцаря.

С а н ч о. Сеньор, вы живы? Прямо говорите, не бойтесь огорчить меня! Вот чудеса-то! Верно говорят: храбрый что пьяный, его и гром не берет, не утонет утка – ее вертел ждет. Сеньор! Ну теперь видите, что это ветряная мельница?

Д о н К и х о т. Это мельница. А я сражался с Фрестоном. И он жив пока.

С трудом, с помощью Санчо, взбирается рыцарь на коня, спускается с холма на дорогу.

С а н ч о. Учили петуха молиться, а он все кукарекает. Научили медведя плясать, а упрямца не обтесать. Все-то вы ищите волшебников да рыцарей, а попадаются нам неучи да бесстыдники. Нет волшебников, сеньор, и, кроме нас с вами, во всей Испании не разыскать и завалыщенького странствующего рыцаря. Пресвятая Дева! А это кто же такой?

На дороге ждет наших путников рыцарь с опущенным забралом.

Он, как и Дон Кихот, вооружен с головы до ног.

На щите – изображение сияющей луны.

Завидев наших всадников, рыцарь провозглашает:

– О славный рыцарь Дон Кихот Ламанчский! Я жду тебя, чтобы с оружием в руках установить, чья дама сердца прекраснее. А ну, свернем на поляну!

С а н ч о. Сударь, сударь! Нельзя драться больным! Мы только что схлестнулись с мельницей. Мы еще нетвердо сидим в седле.

Д о н К и х о т. Замолчи! Для рыцаря лучшее лекарство – поединок. Ваше имя?

Р ы ц а р ь. Рыцарь Белой Луны!

С а н ч о. Из турок, что ли?

Д о н К и х о т. Замолчи, неуч! У тех на гербе не луна, а полумесяц. Выбирайте место, рыцарь, и начнем!

Рыцарь сворачивает на просторную поляну.

Разъезжаются.

И разом устремляются навстречу друг другу.

Росинант и трети поляны не прошел, когда сытый и статный конь Рыцаря Белой Луны, набрав полную скорость, налетел на него с разбегу всею грудью.

Отчаянный крик Санчо.

Росинант падает.

Дон Кихот вылетает из седла.

Санчо бросается к своему хозяину, но Рыцарь Белой Луны уже стоит над поверженным противником, приставив меч к его горлу.

Р ы ц а р ь Б е л о й Л у н ы. Сдавайся, рыцарь!

И Дон Кихот отвечает ему слабым и глухим голосом:

– Дульсинея Тобосская – самая прекрасная женщина в мире, я – самый несчастный рыцарь на свете. Но я не отрекись от истины, хоть и нет у меня сил ее защищать. Вонзай свой меч, рыцарь!

Р ы ц а р ь Б е л о й Л у н ы. Пусть цветет во всей славе красота Дульсинеи Тобосской! Единственное, чего я требую, – это чтобы великий Дон Кихот удалился в свое селение на срок, который я укажу. Я победил, и по закону рыцарства вы не можете отказать мне в послушании.

Д о н К и х о т. Повинуюсь.

Рыцарь Белой Луны вкладывает свой меч в ножны. Санчо помогает подняться Дон Кихоту, Росинант встал на ноги сам. Он пощипывает траву с обычным достоинством своим, забыв о недавнем поражении.

Победитель снимает шлем, и Санчо вскрикивает:

– Сеньор бакалавр!

И тот отвечает, смеясь во весь свой большой рот:

– Бакалавр Самсон Карраско к вашим услугам. Я победил вас по всем правилам. Домой, сеньор, домой! Скорее домой!

Седой, печальный, ссутулившийся, словно на несколько лет постаревший, Дон Кихот шагает по дороге, ведет под уздцы Росинанта.

Рядом Карраско. И он спешился. И он ведет своего коня.

Санчо, нахохлившись, едет шагком за своим повелителем.

Небо серое, накрапывает дождь.

Дон Кихот расстался со своими рыцарскими доспехами. Они навьючены на спину Росинанта.

К а р р а с к о. Сеньор! Будьте благоразумны. Кому нужны странствующие рыцари в наше время? Что они могут сделать? Давайте, сеньор, жить разумно, как все.

Некоторое время путники шагают молча.

Дождь все усиливается.

К а р р а с к о. Не грустите, сеньор! От этого, как установила наука, кровь приливает к становой жиле и вызывает мокроты! Что вас заботит?

Звон цепей.

К а р р а с к о. Надо жить, сеньор, как учат нас философы: ничему не удивляться. Достоинно пожилого человека во всех случаях жизни сохранять философское спокойствие.

Каторжники, словно четки, нанизанные на бесконечно длинную цепь, двигаются по дороге навстречу путникам. Их не менее ста. Они так устали, что безразличны ко всему. Они и не глядят на Дон Кихота, а он не сводит с них глаз.

К а р р а с к о. Если ты выработаешь в себе философское спокойствие, то обретешь подлинную свободу.

Дело уже идет к вечеру.

К а р р а с к о. Сеньор, вы все грустите. Жизнь сама по себе – счастье! Живите для себя, сеньор!

Высокий дуб, простирающий ветви свои над дорогой.

На каждой ветви дерева – повешенный.

Д о н К и х о т. Бакалавр! Ваше благоразумие – убийственной моего безумия.

Вечер.

На поляне при дороге горит, полыхает костер.

Дон Кихот сидит на пеньке. Санчо и Карраско возятся у котелка, из которого валит пар.

С а н ч о. Пожалуйте кушать, сеньор!

И вдруг из тьмы выбегает, оглядываясь, словно ожидая, что вот-вот его ударят, мальчик лет тринадцати.

М а л ь ч и к. Покормите бедного подпaska! Такой вкусный запах идет от вашего котелка, что я за пятьсот шагов почувал. Ах!

Бросается к Дон Кихоту, обнимает его ноги.

Д о н К и х о т (*радостно*). Андрес!

А н д р е с. Да, это я, сеньор!

Д о н К и х о т. Гляди, Карраско! Нет, не напрасно я странствовал и сражался. Я освободил мальчика от побоев, и он не забыл этого, хотя и прошло столько времени с тех пор. Ты хочешь попросить меня о чем-нибудь, Андрес?

А н д р е с. Да, сеньор!

Д о н К и х о т. Говори, не бойся! О чем? Слушай, Карраско.

А н д р е с. Господин странствующий рыцарь! Не заступайтесь, не заступайтесь за меня никогда больше, хотя бы раздирали меня на части. Оставьте меня с моей бедой, потому что худшей беды, чем ваша помощь, мне не дожидаться, да покарает бог вашу милость и всех рыцарей на свете. Вы раздражили хозяина да и уехали себе. Стыдно, ваша честь! Ведь после этого хозяин меня так избил, что я с тех пор только и вижу во сне, как меня наказывают.

Д о н К и х о т. Прости меня, сынок. Я хотел тебе добра, да не сумел тебе помочь. Дайте мальчику похлебки!

Дон Кихот встает и удаляется в темноту.

Зима.

Ночь.

Тяжелобольной Дон Кихот лежит на постели в своей спальне. За окном — дождь со снегом.

Вокруг больного собрались все его друзья и близкие.

Тут и племянница, и экономка, и священник, и цирюльник. Бакалавр Самсон Карраско держит руку на пульсе больного.

Д о н К и х о т. Ну вот и все, сеньоры. Вспоминайте меня на свой лад, как просит ваша душа. Пусть останусь я в памяти вашей не Дон Кихотом Ламанчским. Бог с ним. Вспоминайте бедного идалго Алонзо Кехано, прозванного за свои поступки — Добрым. А теперь оставьте меня. Дайте мне уснуть.

Все вопросительно взглядывают на Самсона Карраско.

К а р р а с к о. Пульс не внушает опасений. Он поправится, поправится! Не для того я заставил сеньора Кехано вернуться домой, чтобы он умер, а для того, чтобы жил, как все.

Д о н К и х о т. Вот этого-то я и не умею.

К а р р а с к о. Сон принесет ему пользу. Идемте, идемте!

Комната пустеет.

Вдруг снежная буря прекращается.

Окно распахивается настежь.

Снега как не было. Цветущее миндальное дерево заглядывает в комнату.

Полная луна стоит в небе.

Тени от ветвей дерева бегают по полу и по стене, словно живые существа забралась в спальню больного. Раздается шорох, шепот.

И негромкий голос произносит явственно:

— Сеньор, сеньор! Не оставляйте меня!

Дон Кихот садится на постели:

— Кто меня зовет?

— Это я, Дульсинья Тобосская!

Рыцарь вскакивает, прижимает руки к сердцу и роняет, словно обессилев.

Перед ним в богатейшем бархатном и парчовом наряде, сияя серебром и золотом, сверкая драгоценными камнями, стоит Альдонса.

Дон Кихот. Спасибо вам, сеньора, за то, что приснились мне перед моей кончиной.

Альдонса. Я запрещаю вам умирать, сеньор. Слышите? Повинуйтесь даме своего сердца!

Дон Кихот. Но я...

Альдонса. Вы устали? Да? А как же я?

И по мере того как она говорит дальнейшие слова, меркнет сверкание драгоценных камней, исчезают парча и бархат. Альдонса стоит теперь перед рыцарем в своем крестьянском платье.

Альдонса. А как же я? Нельзя, сеньор, не умирайте. Простите, что я так говорю, простите меня, необразованную, но только не умирайте. Пожалуйста. Уж я-то сочувствую, я-то понимаю, как вы устали, как болят ваши натруженные руки, как ломит спину. Я сама работаю с утра до ночи, понимаю, что такое встать с постели, когда набегаешься до упаду. А ведь приходится! Не умирайте, дорогой мой, голубчик мой! Мы работаем, надрываемся из последних сил с детства до старости. Нужда не велит присесть, не дает вздохнуть – и вам нельзя. Не бросайте меня. Не умирайте, не надо, нельзя!

Дульсинея исчезает, и тотчас же в цветущих ветвях миндального дерева показывается красное лицо Санчо Пансы.

Санчо. Ах, не умирайте, ваша милость, мой сеньор! А послушайтесь моего совета и живите себе! Умереть – это величайшее безумие, которое может позволить себе человек. Разве вас убил кто? Одна тоска. А она баба. Дайте ей, серой, по шее, и пойдем бродить по свету, по лесам и лугам! Пусть кукушка тоскует, а нам некогда. Вперед, сеньор, вперед! Ни шагу, сеньор, назад!

Дон Кихот оказывается вдруг в рыцарских доспехах. Он шагает через подоконник, и вот рыцарь и оруженосец мчатся по дороге под луной.

Широкое лицо Санчо сияет от счастья. Он просит:

– Сеньор, сеньор, скажите мне хоть словечко на рыцарском языке – и счастливее меня не разыщется человека на всей земле.

Д о н К и х о т. Сражаясь неустанно, доживем, доживем мы с тобою, Санчо, до золотого века. Обман, коварство и лукавство не посмеют примешиваться к правде и откровенности. Мир, дружба и согласие воцарятся на всем свете. Вперед, вперед, ни шагу назад!

Все быстрее и быстрее скачут под луной славный рыцарь Дон Кихот Ламанчский и верный оруженосец его Санчо Панса.

МАРЬЯ-ИСКУСНИЦА

Крошечное озеро правильной прямоугольной формы. Берега его заросли травой и цветами. Вода неподвижна, как зеркало. Но вот она вдруг приходит в движение, как бы закипает. Раздается негромкая музыка, в которой явственно слышится плеск воды, жужжание комаров. Из воды, как бы поднятое невидимой силой, вырастает, держась навтыжку, некое водяное существо. Оно ростом с человека, похоже на лягушку, одето в роскошные зеленые одежды. Существо это, коснувшись поверхности воды, прыгает на землю легко, как лягушка. Затем оно низко кланяется нам, подходит к озеру, берет его двумя руками за угол и легко поднимает его.

Теперь озеро стоит перед нами стоя, занимая почти весь экран, как огромное зеркало. Вода его прозрачна. Мы видим спины рыб, спокойно плавающих в глубине его, видим водяных жуков, бороздящих гладкую его поверхность. Водяное существо говорит негромко и таинственно:

– Марья-искусница.

И тотчас же надпись «МАРЬЯ – ИСКУСНИЦА» наплывает со дна озера и замирает на его поверхности.

– Сказка, – говорит водяное существо еще тише и таинственнее.

И многозначительно подмигивает нам. Вслед за этим водяное существо замирает неподвижно, как неживое, а на гладкой поверхности озера проплывают остальные, полагающиеся в начале картины надписи. Едва они успевают исчезнуть, как водяное существо кидает озеро на место.

– Кого, кого, кого мы увидим, кого, кого, кого мы услышим? – спрашивает водяное существо. И берет неведомо откуда, с воздуха, целую кипу пергаментных свитков.

Разворачивает свиток, и мы видим портрет Водяного.

– Первый скороход, главный прыгун, доверенный посыльный по имени Ква-ква-квак!

И, самодовольно улыбаясь, водяное существо показывает нам свой собственный портрет.

– Марья-искусница!

Печально и безучастно смотрит на нас Марья-искусница.

– Сын ее – Ваня!

– Аленушка!

И, наконец, разворачивает Квак свой последний свиток. Пожилой, но бравый солдат сурово и зорко глядит с портрета. Едва Квак успевает раскрыть рот, чтобы сообщить нам, кто изображен на портрете, как Солдат, оглушительно откашлявшись, оживает. Квак бросает свиток, как бы обжегшись. Исчезает. Но оживший портрет прочно стоит, не сворачиваясь в трубку.

– Всем, кто меня видит, всем, кто меня слышит, – здравия желаю! – говорит оживший портрет.

Солдат запеваёт песню, поправляет ранец за плечами и пускается в путь по дорожке.

Я солдат
Отставной,
Я бы рад
Идти домой,
Да солдатское
Упорство
Шутки шутит
Надо мной.
Я шагаю,
Раз и два!
Распеваю,
Раз и два!
Я завижу
Людоеда –
Нападаю,
Раз и два!

Воля-волюшка
Моя –
Нападаю
Без ружья,
Без штыка
Одолеваю –
Вот в чем
Волюшка моя.
Я солдат
Отставной,
Я бы рад
Идти домой,
Но иду,
Иду, иду,
А туда
Не попаду!

И дорожка ведет его через поляны, покрытые цветами, мимо тихих озер, по некрутым холмам, через неглубокие овраги. Солдат оглядывается, радуется родным местам. Вдруг он слышит писк – громкий, жалобный, молящий о помощи. Прислушивается. Останавливается. Бежит на зов. И видит: белка мечется у дупла. Летняя рыжеватая ее шубка взъерошилась, дыбом встала шерсть от ужаса и ярости. Трехэтажный змей желтобрюх стоит на хвосте, глядит немигающими глазами на белку. Медленно поворачивается его плоская башка к Солдату.

– Эй, ты! Разбойник! – окликает его Солдат сурово. – Ты что это задумал?

Змей шипит и свистит, зловеще, оглушительно, так, что листья дрожат на деревьях. Бросается на Солдата. Тот отклоняется чуть-чуть. Хватает змея за хвост. Встряхивает с силой. Кружит. Бьет его о траву, о ветки. Свист, грохот, качаются деревья, летят листья на землю. Несколько мгновений ничего не разглядеть за этим зеленым листопадом. Но вот затихает вихрь. Лежит змей на траве, завязанный в тройной узел, как морской канат. Бьется на месте, а распутаться не может.

– Вот тебе, змей желтобрюх, наука! – говорит ему Солдат наставительно. – Не ползай по чужим лесам. Лежи тут, чтобы другим неповадно было.

– Отпусти, – шипит змей. – Не с-с-сам пришел.

– А кто же тебя послал? – спрашивает Солдат.

– Раз-з-звяжи, с-с-с-скажу, – шипит змей.

Солдат не отвечает, белка прыгает ему на плечо. Шипит что-то в самое ухо, и мы слышим вместе с ним:

– Спасибо тебе, Солдат, за моих бельчат. Сейчас я тебе орехов полный ранец насыплю.

– Не надо, хозяйка! – отвечает ей Солдат весело. – Я провиантом обеспечен. А скажи ты мне лучше – откуда этот змей взялся? Что-то раньше я в наших лесах таких чудищ не видывал.

И мы слышим, как пищит белка Солдату в самое ухо.

– В семистах прыжках да в семистах шажках стоит черный лес, молчит, не дышит, не качается. Хозяйничает в этом лесу зверь не зверь, змей не змей, а невидимое чудовище. Из этого леса идут сюда все напасти.

– Заглянем туда! – говорит Солдат.

– Не ходи! Не ходи! – умоляет белка. – Живым не выберешься!

– Да ладно уж! – смеется Солдат. – Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Не могу я по легкой дорожке да на печку.

Снова запекает Солдат свою песню... Шагает по дорожке. И вдруг он слышит: трещат кусты, шуршит трава. Останавливается Солдат. Два медвежонка выбегают из чащи. Бросаются к Солдату. Лижут руки. И вдруг разом, как по команде, валятся ему в ноги.

– Встаньте, ребята! – приказывает им Солдат.

Медвежата вскакивают.

– Беда, что ли, какая приключилась? Ну, ведите, посмотрим, – говорит Солдат.

Медвежата бросаются в лес.

Солдат спешит за ними и видит: стоит медведь, покряхтывает. Задняя лапа его схвачена капканом. Солдат опускается на одно колено. Он разглядывает капкан и видит: это огромная

щучья пасть. Хитро запрятана она в траве. Тугие пружины ловко прилажены к чудовищным челюстям. Покачав головой задумчиво, поворачивает Солдат костяные винты. Щелкают, открываются щучьи челюсти. Медведь с ревом подпрыгивает, встает на задние лапы. Отдает Солдату честь.

– Здорово, Миша! – говорит Солдат.

– Здравия желаем! – отвечает зверь тихо.

– Да ты никак устав знаешь? – удивляется Солдат.

– Так точно! – отвечает медведь. – Разве ты забыл меня, друг дорогой?

Он вдруг поднимает сук, лежащий на земле, и отчетливо и ловко показывает Солдату ружейные приемы. И на плечо берет, и на караул, и к ноге, и идет в штyki. Солдат хохочет.

– Да неужто это Мишутка-медвежонок, которого я в лесу подобрал, за полком водил, поил и службе учил, а потом на волю отпустил?

– Так точно! – отвечает медведь. – Теперь я своим хозяйством живу с семейством. Сейчас мы тебя отблагодарим, самым лучшим медом угостим. Эй, сынишки, просите гостя дорогого!

Медвежата становятся на дыбы, кивают Солдату головенками приветливо.

– Спасибо, Миша, но только меду мне не надо, – отвечает Солдат. – А скажи ты мне лучше – кто поставил этот капкан невиданный?

– Идем, покажу, откуда они, разбойники, к нам заползают, – говорит медведь.

И они отправляются в путь. Вот дорожка раздваивается. Один путь ведет прямо, тем же веселым, приветливым лесом, через поляны, заросшие цветами, мимо тихих лесных озер, по некрутым холмам, через неглубокие овраги. Другой ныряет прямо в чащу – черную, зловещую, неживую. Она словно невидимой стеной отделена, как отрезана от соседнего леса. Рядом, в двух шагах, шуршат на деревьях листья, весело свистят птицы, а тут деревья замерли неподвижно в тумане. Травой зарос путь в чащу, никто не осмеливается ходить туда, в этот зловещий полумрак.

– Стоял лес как лес, а теперь я и то его стороной обхожу. Захватило его чудище невидимое. Из этого леса и идут на нас все напасти, – отвечает медведь негромко, вглядываясь в чащу, насторожив уши, встревоженно.

Медвежата робко жмутся к ногам Солдата. Он усмехается. Ласково треплет медвежат за уши.

– Ну, прощайте, друзья! – говорит он решительно. – Придется в лес этот свернуть.

– Друг, друг, опомнись! – пугается медведь. – Усмири ты сердце беспокойное, солдатское. Идешь ты домой, идешь – все не дойдешь. Не пора ли отдохнуть?

– Нет! – отвечает Солдат твердо. – На печку? Нет! Прощай!

– Молодец, бесстрашен ты! – рывкает медведь восторженно и отходит в сторону.

Подает знак медвежатам. Те становятся с отцом в ряд. Отдают Солдату честь. Солдат, весело улыбаясь, отвечает. Скрывается в лесу.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Солдат шагает по лесу. Тихо-тихо в сумеречной чаще. Ветка не качается, лист не шелохнется. Никого вокруг. Только туман клубами бесшумно вьется меж деревьями. Солдат замирает на месте. У ног его глубокий овраг. Дно и склоны оврага густо заросли папоротником высоким, в рост человека. Вниз ныряет дорожка. В самую гущу папоротниковых зарослей.

– Седьмой день, – говорит Солдат, – седьмой день в этом лесу иду, а он все молчит, все молчит. Было тихо, а стало еще тише. Как перед грозой. Чует мое сердце – будет бой. Не тут ли, в овраге, и невидимое чудище? Эй, Солдат, марш вперед!

И он устремляется вперед, вниз по тропинке. Стеной окружает его папоротник. Все быстрее шагает Солдат, все решительнее, все суровее глядят его глаза. Папоротник вдруг расступается. Солдат невольно делает шаг назад. На сырой поляне в болотной траве спит маленький мальчик в беленькой рубашке. Огромные лягушки сидят вокруг, глядят на

Солдата, не двигаются, не мигают. На траве возле спящего – самодельный лук и колчан со стрелами.

– Вот так чудище, скажи пожалуйста! – говорит Солдат, улыбаясь. – Кто ты такой, богатырь неведомый? А вы, лягушки, чего ждете, зачем его сторожите?

Громко квакают лягушки в ответ Солдату. Мальчик вскакивает разом. Хватает лук. Прицеливается в Солдата. Солдат улыбается весело. Стоит, не двигается. И мальчик медленно опускает свое самодельное оружие.

– Здорово! – говорит Солдат ласково. – Не бойся меня.

– Здравствуй, дядя Солдат! – отвечает мальчик спокойно. – Я тебя не испугался. Я на такое дело пошел, что бояться ничего не приходится. Ну, лягушки, в путь!

Лягушки послушно скачут по дорожке. Мальчик идет за ними.

– Экий самостоятельный! – бормочет Солдат. И, поглядев вслед мальчику, пускается вдогонку. Так и шагают они молча. Лягушки впереди, Солдат позади, а мальчик в белой рубашечке посередине.

– Куда ты спешишь? – спрашивает Солдат наконец.

– Матушку ищу, дядя Солдат.

– Кого, говоришь?

– Мою мать родную.

– Где же твоя матушка?

– А ее Водяной украл. Бородой опутал, клещами ущемил да и уволок с ведрами в реку, в свой терем подводный. Она ткать да вышивать мастерица.

Солдат глядит задумчиво на мальчика. А тот шагает, спешит, не оборачивается.

– А отец твой где?

– Его метель занесла, загубила, когда я еще маленький был. Я один у матери защитник.

И снова шагают они молча. Лягушки впереди. Солдат позади, а мальчик посередине.

– А где же тот терем подводный? – спрашивает Солдат наконец.

– А тут, недалеко.

– Кто сказал?

– Лягушки. Проводить обещали и недорого взяли.

– Что дал?

– Сто мух да сто сорок комаров.

– Переплатил... – качает головой Солдат.

Лягушки поднимают отчаянное кваканье.

– В таком деле скупиться не приходится, – возражает мальчик.

Лягушки замолкают разом, и опять шагают мальчик и Солдат по узенькой дорожке в зловещей лесной тишине.

– Как тебя зовут, сирота? – спрашивает Солдат наконец.

– Иванушка, – отвечает мальчик.

– Я с тобой пойду, Иванушка, – говорит Солдат решительно. – Вместе выручим из неволи твою матушку.

– Спасибо, но только я сам! – отвечает мальчик.

– Отчего так?

– Я не маленький, – отвечает Иванушка сурово.

– И я не мал, – говорит Солдат, – однако и в бою, и в работе сам друзьям помогаю и от помощи не бегу. Поверь Солдату – я дурному не научу.

Иванушка останавливается. Думает несколько мгновений, опустив голову. Затем поворачивается к Солдату. Улыбается. Протягивает руку.

– Ну, спасибо, дядя Солдат! – говорит Иванушка. – Оно и правда – с товарищем куда веселее. Лягушки – не подружки, они только квакают.

Теперь Солдат и мальчик идут рядом. Дорожка вывела путников на широкую поляну. Столетние сосны стоят вокруг угрюмо, неподвижно, как часовые. Ветка не шелохнется, шишка не качнется.

– Мы маму найдем? – спрашивает мальчик.

– Надо найти, – отвечает Солдат решительно.

– А мы ее спасем?

– Надо спасти, – отвечает Солдат.

И вдруг те сосны, что растут справа, оживают. Ветки их сгибаются, качаются, как будто невидимый кто-то прыгает

с дерева на дерево. И слышится голос хриплый, негромкий, но очень внятный:

– Никого вам не найти, никого вам не спасти, да и самим не уйти.

Лягушки разом прыгают в траву и исчезают. Иванушка хватается за лук.

– Это кто же там по соснам прыгает? – кричит Солдат.

Но деревья снова замерли неподвижно. Никто не отвечает Солдату.

– Испугался. Молчит... – говорит Солдат громко.

И сразу оживают сосны слева от поляны. И невидимый голос хрипит негромко:

– Мне пугаться некого – я тут самый главный.

– А если главный, то чего прячешься? – спрашивает Солдат насмешливо.

Но сосны снова затихли. Нету Солдату ответа. Он смеется:

– Опять испугался?

И тотчас же трава на поляне склоняется под невидимой тяжестью. Ложится то справа, то слева, то вблизи Солдата, то вдали от него. И голос, то приближаясь, то удаляясь, вопит:

– Я никого не боюсь. Я отчаянный. Твое счастье, что я нынче веселый. А то давно бы тебе конец пришел.

– Я понял. Ты леший! – спокойно говорит Солдат.

– Сказал тоже. Я куда страшней, – обижается невидимое существо.

– Ну, назовись тогда!

– Вот еще! Солдату называться! Сейчас я пастуха кликну. С ним и разговаривай. Он тебе ровня, – отвечает невидимый собеседник. И зовет негромко:

– Эй, пастух, гони сюда стадо.

– Тихо зовешь, – говорит Солдат.

– Ничего, услышит, – отвечает голос. – Скорей ты, демон! Мне не терпится! Хочется посмотреть, как людишки удивятся. Поглядите, гости дорогие, незваные.

И действительно, есть на что поглядеть. Мальчик невольно делает шаг назад. Солдат кладет ему руку на плечо.

– Не бойся, Иванушка, – говорит он ласково.

– Да уж тут бояться не приходится, – отвечает мальчик, глядя во все глаза на стадо, которое медленно плывет по воздуху между деревьями.

– Ну и стадо!

Караси, огромные, как коровы, разевают рты, машут лениво широкими хвостами. Ерш, как пес, мечется между карасями, кусает за хвост отстающих, гонит к стаду отплывающих в сторону. И вот что удивительно – ерш этот, не в пример прочим ершам, лает! Правда, негромко, но все-таки лает, как настоящий пес. Вслед за стадом верхом на щуке выплывает пастух. Борода у него зеленая, сапоги из рыбьей кожи с узорами, вместо шапки – раковина, вместо кнута – удочка, и на поясе ведро.

– Здорово, пастух! – говорит Солдат спокойно.

Пастух останавливает щуку. Смотрит на Солдата своими рыбьими белыми глазами без ресниц. Не то он не слышал, не то он не понял, не то сердится, не то задумался. Разве такого поймешь?

– Здорово, пастух! – говорит Солдат громко.

Пастух молчит.

– Эй, пастух, ты воды в рот набрал, что ли? – спрашивает Солдат.

– Конечно, набрал, – отвечает пастух тенорком.

– Зачем? – удивляется Солдат.

– А нам без этого скучно, – объясняет пастух.

Сказавши это, пастух снимает с пояса ведро и подносит к губам, видимо, опять собираясь набрать воды в рот.

– Стой! – приказывает Солдат. – Я с тобой поговорить хочу.

– Эх, принесла вас нелегкая, – сердится пастух. – Тут захнешь с вами... Ступайте вы от меня подальше. А не то я на вас ерша натравлю.

– Попробуй натрави, – улыбается Солдат.

– Эй, Барбос! – зовет пастух.

Ерш, виляя хвостом, подплывает к пастуху, ласкается.

– Кусай их! – орет пастух. – Рви их, рыбаков-разбойников!

Глухо, но свирепо лая, бросается ерш на Солдата. Трава на поляне так и вьется кругом. Очевидно, таинственное невидимое существо пляшет на траве, заранее уверенное, что худо придется Солдату. Но Солдат хватает свирепую рыбу за хвост и швыряет ее прямо в небо. Ерш взвизгивает по-собачьи и летит, летит под самые облака.

– Ах, батюшки! – визжит пастух. – Выше облака забросил! Да ты силен.

– Как видишь! – смеется Солдат.

– С тобой, значит, потише надо разговаривать?

– Как знаешь, – отвечает Солдат.

Ерш винтом падает с неба. Только у самой земли удается развернуться. С визгом удирает в кусты. Пастух снимает свою шапку, низко кланяется Солдату.

– Здравствуйте, страннички-прохожие! – говорит он до крайности ласково. – Простите, если что не так сказал.

– Ничего, – отвечает Солдат.

– Позвольте мне, страннички-прохожие, воды в рот набрать да и в сторону, – просит пастух.

– Нет, брат, постой. Отвечай отчетливо: куда это мы забрели? – приказывает Солдат.

– А забрели вы, рыбки мои золотые, прямо в самое подводное царство к Водяному-владыке.

– Чего ты прохожих морочишь! Стыдно! Ведь это лес!

– Был когда-то лес, да наш Водяной его у лешего в камушки выиграл. Ну, мы, конечно, всех птиц, зверей распугали, на деревья страху нагнали – вон стоят, дыхнуть боятся, – и пользуемся леском. Карасей пасем, прохожих губим, ха-ха... лягушек растим. Сырость разводим.

– Так, понятно, – говорит Солдат задумчиво. – А кто же с нами тут невидимкою разговаривал? Кто это там невидимкою скачет с ветки на ветку?

– А скачет с ветки на ветку наш поилец-кормилец могучий Водяной-батюшка, – отвечает пастух, сняв шапку.

Мальчик и Солдат переглядываются, а невидимый Водяной раздражается хриплым смехом. Он так пляшет на соснах, что шишки градом летят на траву.

– Позвольте мне, страннички сердитые, набрать воды в рот, и в сторону, – умоляет пастух, низко кланяясь.

Солдат машет рукой.

– Назад, Машка! – кричит пастух и, поддев удочкой передового карася, заворачивает его в лес. – Куда ты, Васька! А ну, Барбос, дерни его за хвост. Назад!

И, набрав воды в рот, пастух вслед за стадом уплывает в лесную чащу. Лай ерша Барбоса замирает вдалеке.

– Ну что? – ликует невидимый Водяной. – Понял, на кого налетел?

– Так точно, Водохлеб! – отвечает Солдат лихо.

Пауза.

Очевидно, Водяной растерялся от солдатской дерзости.

– Водяной, а не Водохлеб! – ревет он наконец.

– Это нам неизвестно, – возражает Солдат спокойно.

– Сказал же тебе пастух!

– Сказать все можно.

– Ты меня не дразни! – вопит Водяной. – Все равно не покажусь.

– А это воля ваша, Водовоз, – отвечает Солдат.

– Ну, Солдат, раздражил ты меня, – хрипит Водяной свирепо. – Теперь пеняй на себя. Вот он я! Гляди!

И в воздухе над поляной появляется полупрозрачное облако. Оно переливается всеми цветами радуги. Но вот зеленый цвет начинает побеждать. Облако зеленеет и зеленеет, сгущается и сгущается. Из зеленой мглы выступает косматая башка с круглыми свирепыми глазами. И вот перед Ваней и Солдатом вырастает великан – Водяной. Огромная спутанная зеленая его борода свисает до земли. Ее густые пряди шевелятся, колеблемые течением. Солдат не спеша подходит к великану. Разглядывает его спокойно. Так глядеть не полагается. Покупатель оглядывает так лошадь на ярмарке. Солдат проходит между ножищами Водяного невозмутимо, будто в ворота прошел. Потом он долго глядит из-под руки прямо ему в лицо. И, будто поняв, с кем имеет дело, говорит Солдат вежливо:

– Здравия желаем, Степа Растреп!

– Я не Степа Растрепя, а подводный владыка, грозный Водяной. Страшен я? – вопит великан.

Солдат вместо ответа повторяет свой осмотр. Обходит чудовище со всех сторон, оглядывает, даже пробует ногтем, прочны ли голенища его сапог. Водяной вертит головой. Таращит глазищи на дерзкого гостя. Кричит обиженно:

– Отвечай же! Страшен я?

Солдат подмигивает.

– Ты, я вижу, смел, – хрипит Водяной.

– Я, как говорится, Адам, привычный к бедам, – отвечает Солдат весело.

– За это тебе будет награда, – обещает Водяной.

– Чем пожалуешь?

– Убью, да не сразу.

– И на том спасибо.

– Раз ты такой отчаянный – давай силой меряться, – предлагает Водяной после некоторого раздумья.

– Это можно. Только дай ты мне слово, что, если я тебя осилю, будешь ты меня во всем слушаться, – отвечает Солдат.

– Ха-ха-ха! Даю слово! – кричит Водяной.

– Ну, тогда начинай!

– Сейчас я тебя, не трогая руками, буду на землю валить. Упадешь – я победил. Устоишь – ты победил. Идет?

Он подходит к мальчику.

– Сейчас, Ваня, – говорит Солдат, – стану я, как стоял часовым, – в дождь, в бурю, в снег, в град, под огнем, под пулями. Надо так думать, что устою.

– А мне какой будет приказ? – спрашивает мальчик.

– Ждать! – отвечает Солдат.

– Трудно это! Я лучше возле тебя буду. Устанешь – обопрешься.

– Не спорь! – говорит Солдат строго. – В бою слово старшего – закон. Поди, встань вон там, за соснами. Надо будет – кликну.

Иванушка уходит, вздыхая. Солдат становится смирно.

– Готов? – спрашивает Водяной.

– Так точно! – отвечает Солдат.

Водяной зовет негромко:

– Стань передо мной, как лист перед травой, первый мой скороход, главный прыгун, доверенный посыльный Ква-ква-квак!

И тотчас же Квак в своей обтянутой зеленой одежде вырастает как из-под земли. Кланяется Водяному почтительно.

– Видал, Солдат? – спрашивает Водяной. – У меня, брат, все на мой лад – не по-вашему. Эй, Квак!

– Ква, ква, к вашим услугам, – отвечает Квак.

– Воды! – кричит Водяной.

– Сколько прикажете?

– Три ручья!

– Слушаюсь.

Квак три раза кувыркается, трижды подпрыгивает, квакает во все горло – из травы фонтаном поднимаются три ручья. Разливаются озером у ног Водяного.

– А ну, подымись! – приказывает Водяной.

Озеро закипает, бурлит, подымается волною в человеческий рост.

Водяной бормочет негромко:

– Повали его, вода, закружи его, вода, погуби его, вода, задуши его, вода!

Волны устремляются на Солдата. Разбиваются в мелкие брызги, отступают, бьют вновь, все упрямее и ожесточеннее. Иванушка выбегает из-за сосен, где приказано ему было стоять, но вода сбивает его с ног. Он поднимается, кричит Водяному:

– Все равно маму найду!

Но Водяной не слышит. Он через брызги и пену вглядывается и видит: стоит Солдат, не падает.

– Стоишь? – ревет Водяной.

– Так точно! – отвечает Солдат спокойно.

– Худо тебе?

– Бывало и хуже.

Водяной подымает лапы к небу. Приказывает грозно:

– Стань, вода, седой, встань, вода, стеной, закружись столбами, разразись громами.

Налетает вихрь. Черные тучи спускаются все ниже и ниже. Гремит гром. Сверкает молния. Смерчи ходят столбами. Солдат исчезает во мраке. Иванушка отчаянно борется с бурей, перебегает от ствола к стволу, пробирается поближе к Водяному, который, светясь зеленым светом, явственно виден в тумане. Тщательно целится мальчик. Стреляет в Водяного из лука. Тот ловит стрелу на лету. Разглядывает недоумевающе. И раздражается хохотом.

– Ха-ха-ха! – ликует Водяной. – Солдат в щепочки разлетелся. Спасибо, молодцы! Все по местам! Отдыхайте!

Тучи рассеиваются, смерчи рассыпаются водяной пылью, исчезает озеро у ног Водяного. Иванушка вскрикивает радостно. Пляшет, прыгает. Солдат стоит навывтяжку. Он весел, спокоен. Мундир, амуниция в полном порядке, хоть сейчас на смотр.

– Стоишь? – ужасается Водяной.

– Так точно! – отвечает Солдат. – Рано Вавилу запрятали в могилу.

– Да еще и сухой никак?

– Так точно. Мы в огне не горим, в воде не тонем.

– Ты колдун, что ли?

– Нет, Водяной, я русский солдат. Ну, что скажешь? Кто кого осилил?

Водяной чешет затылок. Думает.

– Нет! – кричит он после некоторого раздумья. – Бороться так бороться. Я тебя не повалил. Верно. А ты меня повалил разве? То-то, брат. Повали меня, тогда твоя взяла.

И он выпрямляется во весь свой великолепный рост. Ухмыляется самодовольно.

– Ладно! – отвечает Солдат спокойно. – Это можно...

Водяной хохочет.

– Где стоять будешь? – спрашивает Солдат.

– Где и стою, – отвечает Водяной. – На камешке.

Он стоит на большом плоском камне. Посмеивается. А Солдат, быстро и ловко орудуя лопатой, роет под камнем яму. Достает из сумки мешок с порохом. Закладывает под камень. Тянет фитиль.

– Ха-ха-ха! – заливается Водяной. – Он меня, Водяного, поджечь хочет! Ах ты, карась...

Оглушительный взрыв. Водяной подпрыгивает и валится, оглушенный, на землю. Квак мечется вокруг, квакает растерянно. Вот Водяной становится на четвереньки. На колени. Подымается во весь свой огромный рост. Простирает негодующие руки. Глаза загораются зеленым пламенем. Мановением руки подзывает Квака:

– Что делать?

– Квак, квак, квак прикажете.

– Дурак!

– Квак, квак, квак прикажете.

В о д я н о й. Ну, что ж это, Солдат! Как ты меня растревожил! Со мной так еще не бывало. Хочу человека загубить, а он не дается. Да ты взгляни, чудачок! Ведь я страшен! Дрогни хоть капельку, а я тебя и прикончу. Сделай такую милость – перепугайся! А? Ласково тебя прошу, рыбка моя дорогая, золотая. Доставь мне удовольствие, задрожь!

С о л д а т. Не могу.

В о д я н о й. Почему?

С о л д а т. Не приучен.

В о д я н о й. Безобразник ты, братец!

С о л д а т. Ну и Водяной! Как говорится, собаке не верит, все сам. Ты мне зубы не заговаривай! Боролись мы с тобой? Боролись. Осилил я тебя? Осилил.

В о д я н о й. Пожалуйста, не напоминай.

С о л д а т. Должен ты меня слушаться? Должен. Ну и слушайся.

В о д я н о й. Сейчас, погоди. Дай успокоиться, утешиться. Эй, Квак.

К в а к. Ква, ква, к вашим услугам.

В о д я н о й. Боишься ты меня?

К в а к. Ох, боюсь.

В о д я н о й. И здорово боишься?

К в а к. Квак, квак полагается.

В о д я н о й. У!

Квак подпрыгивает.

В о д я н о й. Э!

Квак подпрыгивает и переворачивается.

В о д я н о й. Ну что? Где у тебя душа?

К в а к. В пятках, владыка подводный. Оттого я и прыгаю, квак, квак мячик.

В о д я н о й. Дрожи передо мной!

Квак дрожит.

В о д я н о й. Отчетливей!

Квак дрожит крупной дрожью.

В о д я н о й. Молодец. Из простых лягушек выслужился, а как разумен. Любишь меня?

К в а к. Квак, квак, квак родную маму.

В о д я н о й. Ну вот мне и полегло. Нет, все-таки я грозен. Ужасен я! Ну, Солдат, говори, чего тебе надо.

С о л д а т. Ваня! Иди сюда, Иванушка.

В о д я н о й. Зачем это? Отойди, мальчишка! Подтяни брюки. Одерни рубашку. Волосы поправь. Держись ровненько! Не мигай!

С о л д а т. Да брось ты к нему цепляться. Он мальчик хороший.

В о д я н о й. Всех их топить надо! Ну, говори, чего тебе?

Мальчик храбро подходит к Водяному. Водяной отворачивается с отвращением. Квак в точности повторяет все движения своего повелителя.

И в а н у ш к а. Ты мою маму украл!

В о д я н о й. Кого-кого?

И в а н у ш к а. Мою маму, Марью-искусницу.

В о д я н о й. А вот и не украл!

И в а н у ш к а. Не обманывай, не обманывай! Ласточки видели!

В о д я н о й. Это им привиделось! Они взад-вперед шныряют, ничего толком не разглядывают!

И в а н у ш к а. Ивы тоже сказывали.

В о д я н о й. Это им приснилось. Они вечно над водой дремлют.

С о л д а т. Довольно, Водяной, сироту обижать! Гляди! (Достает из ранца мешок пороха.) Опять тебя свалю, если слова своего не сдержишь. Подавай сюда Марью-искусницу!

В о д я н о й. Говорят вам – нет у меня такой.

С о л д а т. Веди нас в твою подводную избу.

В о д я н о й. У меня не изба, а дворец!

С о л д а т. Это нам все равно. Идем в твой дворец. И собери всех своих слуг и служанок. И мы сами поглядим, не найдется ли среди них та, которую мы ищем. Ну! Решай! А то рассержусь!

В о д я н о й. Ладно, карасики мои серебряные, быть по-вашему. Покажу я вам всех своих слуг и служанок. Узнаете Марью-искусницу – она ваша. А не найдете – заточу я вас в подводную темницу, такую глубокую, что камень туда полгода летит. Согласны?

С о л д а т. Ладно, там видно будет. Идем!

Водяной делает знак Кваку. Низко поклонившись, Квак ложится у самых его ног, лицом к противоположному краю поляны. Он принимается дуть, дуть, дуть. И вот трава и цветы начинают тускнеть, тускнеть, расплываться. Вместо цветущей поляны – темное озеро, неподвижное, как зеркало, появляется у ног Водяного и его гостей. Квак громко квакает. Рябь проходит по воде, и вдруг она начинает светиться изнутри. Водяной становится величественным. Он делает широкий жест, предлагая гостям подойти к воде. Вода делается прозрачной. Широкая лестница из красных кораллов ведет вниз, в глубину открывшегося озера. Коралловые деревья стоят вдоль лестницы по ступеням.

– Ну, государи мои, гости мои драгоценные, – провозглашает Водяной торжественно. – Лесок, где мы подружились-познакомились, – это полчуда. А настоящие чудеса впереди. Видите лестницу?

– Видим, – отвечает Солдат.

– Коралловая! Из южных морей. У брата семиюродного выменял. Тысячу пудов осетровой икры за нее дал. Пожалуйте за мной, коли не боитесь по коралловой лестнице в самое подводное царство, в самую середину.

Водяной не спеша входит в озеро. Квак поддерживает его под локоть. Солдат улыбается:

– Как говорится: в боярский двор ворота широки, а со двора узки. Однако – храброму мужу и море – за лужу. Идем, Ваня.

Под водой светло, как на земле. На каждой площадке лестницы на хвостах большие светящиеся рыбы. Каждая из них светится на свой лад. У одной вспыхивают и гаснут глаза, как маяки. У другой на голове на длинном стебельке фонарики, похожие на грушу. Третья вся до хвоста сияет синим пламенем. У четвертой светятся плавники. И все они вспыхивают особенно ярко и низко-низко склоняются перед Водяным, когда он проходит мимо. Вот и подводное царство.

– Не двигайте ножками, не утруждайте себя, гости мои любезные, – хрипит Водяной. – Течение подводное – послушное, само отнесет вас куда следует.

И в самом деле, едва он успевает сойти со ступенек, как невидимая сила мягко подхватывает его и несет вперед над дорогой, вымощенной серебряной рыбой чешуей. Квак старательно поддерживает его под локоть. Ваня и Солдат несутся следом. Дорога ведет через коралловый лес. Красные, розовые, белые кораллы разрослись, переплелись. Они блестят и сияют над коралловой чашей. Строем, как часовые, ходят светящиеся рыбы. А из-под ветвей, из глубины коралловых зарослей, из зеленой мглы глядят на чужеземцев морские чудовища. Коралловый лес позади. Теперь дорога идет среди водорослей. Водоросли эти всех цветов – синие, желтые, красные, зеленые. Крошечные рыбки, разноцветные, легкие и веселые, как птицы, шныряют между подводными зарослями.

– А скажи, дядя Солдат, – спрашивает Иванушка, – ждет меня мама? Думает ли, что я так близко?

– Возможно, что и ждет. Материнское сердце – вещун, – отвечает ему Солдат.

Маленькая шторка.

Полутемная подводная пещера. Свет падает из маленького окна под потолком. Марья-искусница сидит, склонившись над пальцами, работает усердно. На пальцах – в узоре из листьев

вытканное разноцветными шелками лицо Иванушки. Все оживает его лицо под искусными пальцами рукодельницы, все оживает, так и кажется, что он заговорит сейчас.

— Что молчишь, сынок? — спрашивает Марья-искусница. — Где ты? Уж не близко ли? Тревога с утра меня томит. Все чудится, что бродишь ты за стенами, зовешь мать, ищешь, и я не слышу. Ты здесь?

Или кажется это в мерцающем неверном свете, или в самом деле шевельнулись губы мальчика. Послышалось это матери, или в самом деле шепнул Иванушка:

— Я здесь.

— Иванушка! — воскликнула мать. — Неужто ты сам пробрался в эти края, холодные да сырые. Не дождался меня, сам за мной пришел?

— Да! — шепчет Иванушка.

Продолжая работать, не сводя глаз с Иванушки, заводит Марья-искусница песню:

Иванушка,
Сыночек мой,
Сторожат
Твою матушку.
Я раз ушла,
Я другой ушла,
И на семь замков
Меня заперли.
Но нет, не смирилась
Душа моя,
Людская душа,
Упрямая.
Мы пробьемся
В наш дом родной,
Иванушка,
Сыночек мой!

ШТОРКА.

Водяной, Квак, Солдат, Иванушка летят по подводному царству. И вот вдали вырастает дворец Водяного. Он полупрозрачен. Он весь круглый, волнообразный. И кровля его поднялась волной – ровной, тяжелой, какие вздымаются во время мертвой зыби. И стены его выгнуты, как будто они сейчас двинутся вперед, и башни его похожи на смерчи, замершие на месте. Когда течение подносит наших друзей ближе, они видят, что не из стекла и не изо льда построен дворец. Он из воды. Но вода эта едва колеблется. И от этого дворец, такой тяжелый издали, вблизи кажется зыбким. По его стенам, как по большому мыльному пузырю, широкие радужные полосы медленно и непрерывно ползут сверху вниз. Квак, обгоняя своих спутников, прыжками подлетает к воротам. Он хватается огромную трубу и громко трубит. И тотчас же весь дворец загорается синим цветом. Перед воротами вырастают огромные раки. Стоя навытяжку, они щелкают клешнями, приветствуя Водяного. В щелканье этом есть некоторая музыкальность. Некоторое подобие марша. Закончив марш, который Водяной выслушал, держа лапы по швам, раки замирают неподвижно.

В о д я н о й. Ну, Солдат, хороша стража?

С о л д а т. Хороша, да в бою попятится.

В о д я н о й. А я их к врагам спиной ставлю. Они думают, что бегут, а сами наступают. Ун Йавыркто аторов!

С о л д а т. На каком языке говоришь, Водяной?

В о д я н о й. На рачьем. Слова у них те же, только их надо говорить, как рак ползет – задом наперед. По-вашему – раки, по-ихнему – икар. По-вашему – открывай ворота, по-ихнему – йавыркто аторов. Понял?

С о л д а т. Ляноп.

В о д я н о й. Ун, икар!

Раки расходятся, тянут за собой зыбкие створки ворот. Ворота открываются с шумом, похожим на шум прибоя. Раздается музыка, в которой явственно слышится шипение змей, жужжание комаров, плеск воды, кваканье лягушат. Водяной со своими спутниками входит в длинный-длинный сводчатый

коридор. Зеленоватые стены его чуть светятся. Тут нет углов, нет крутых поворотов – коридор тянется, вьется, как речка, изгибается, извиливается. И не то он ведет путников в глубь дворца, не то кружит их и вертит на месте, словно омут. И множество полупрозрачных, словно стеклянных, а может быть, из особенной волшебной воды дверей, то закрытых, то настезь распахнутых, попадаются путникам. А за дверями все такие же извиляющиеся, неведомо куда ведущие зеленоватые коридоры. Водяной поглядывает искоса на путников своих. И глаза его под нависшими, словно водоросли, бровями – начинают светиться по-кошачьему. Солдат оглядывается.

С о л д а т. Что отстаешь, Ваня? Или устал?

В а н я. Нет, дядя Солдат, не устал. А словно относит в сторону течение.

С о л д а т. Иду к тебе.

Он делает шаг к Ване.

Но Водяной вырастает до самого сводчатого потолка. Он простирает свои огромные ручищи, шевелит пальцами и, словно вихрь, проносится по коридору. Ваню откидывает к стене. Но Солдат идет против вихря, согнувшись, идет прямо к Ване на выручку. Водяной рывкает:

– Туманы!

И тотчас же из всех дверей, из-за всех поворотов влетают, вползают толпой, вваливаются полупрозрачные белые существа, сонные, пошатывающиеся.

В о д я н о й. Разлучить гостей! Пусть поодиночке бродят!

И туманы послушно окружают, обволакивают Ваню и Солдата.

– Дядя Солдат! – кричит Ваня.

И туманы открывают свои огромные рты. И каждый из них повторяет Ваниным голосом:

– Дядя Солдат! Дядя Солдат! Дядя Солдат!

Со всех сторон слышит теперь Солдат зов мальчика.

– Иду! – отвечает Солдат.

И туманы повторяют его голосом множество раз, словно эхо:

– Иду, иду, иду, иду!

И Ваня сбивается с пути, бежит прочь от Солдата.

– Сюда! – зовет Солдат.

– Сюда, сюда, сюда! – повторяют туманы и уводят Ваню в самую глубь коридоров подводного царства.

Потерялся Солдат, исчез Ваня. Туманы рассеиваются. Водяной стоит, посмеиваясь.

В о д я н о й. Вот то-то и есть! С кем связались, мышки сухопутные! Бродите, бродите! В одиночку-то страшнее, авось станете помирнее. Квак! Беги за ними следом. Трави, гони, пугай!

Ваня идет сводчатыми коридорами. Зовет:

– Дядя Солдат!

Тишина. Даже эхо не отвечает мальчику. Он останавливается, задумывается. Выдергивает из своего пояса цветную шелковинку.

– Шелковинки-то цветные, а глаза у Солдата острые. Он приметит, поймет, кто это тут проходил и ему знак оставил.

И он обвязывает шелковинкой камушек, лежащий на песчаном полу коридора. Через несколько шагов повторяет он то же самое. Коридор, которым идет Ваня, кончается тупиком. В тупике три двери. Они полупрозрачны. И на всех трех дверях надписи, выложенные из разноцветных ракушек.

В а н я (*читает*). Дожди обложные.

Он заглядывает в дверь. И видит: низко-низко спустились тучи. И моросит, моросит дождь. Лужи тускло блестят под тучами. Ваня подходит ко второй двери. На ней надпись: **ДОЖДИ ПРОЛИВНЫЕ**. И ничего не разглядеть – сплошные потоки бегут по прозрачным дверям. Он подходит к третьей двери. На ней надпись: **ДОЖДИ ГРИБНЫЕ**. Ваня заглядывает. Весело блестят на солнце косые струи нечастого дождика.

В а н я. Вот куда пойду, все-таки солнышко!

Мальчик открывает дверь и входит в просторную пещеру. В сводах ее широкие окна – в них-то и светит солнце. Под высокими сводами пещеры ходят тучки. Мальчик бежит весело

под дождем. Вдруг шевелится впереди земля, и из-под нее выглядывает красная шапка в белых лоскутах. Ваня останавливается. И перед ним вырастает мухомор с него ростом.

В а н я. Недаром говорится – растет как грибы. Смотри, какой быстрый.

Он поворачивается, чтобы обойти мухомор, но тотчас же перед ним вырастает второй. Он делает шаг назад – и едва не падает. Из-под самых его ног вырастает третий. И четвертый. И пятый. И шестой. И седьмой. Нет мальчику хода. Куда ни ступит – из-под земли поднимается ядовитый красноголовый гриб. Смеющаяся зеленая морда Квака, мелькнув между мухоморами, мгновенно исчезает.

В а н я. Вот беда какая! Эй! Хозяин грибной! Гриб боровик! Никогда я вашего брата не обижал! А когда брал, то корешок в земле оставлял, чтобы вы росли, не переводились. Помогите мальчику! Видите – сколько мухоморов на меня одного! Отравят они меня, бедного!

И тотчас же Ваня, словно чудом каким, поднимается в воздух. Он вглядывается под ноги и видит, что стоит на шляпе великолепного боровика, что пришел ему на выручку, вырос под ним и поднял вверх. И за красными в белых лоскутках шапками мухоморов Ваня видит второй боровик. Он прыгает прямо на него. Но едва он хочет перепрыгнуть на третий, как мухоморы вырастают вдруг чуть не с дерево. Вырастает и боровик. Ваня прыгает. И срывается. Но не успевает упасть на землю. Розовая сыроежка вырастает и подхватывает Ваню на лету. Гул, шум. Дрожит земля. Строем вырастают из-под земли подберезовики. За ними – подосиновики. Не дают пробраться мухоморам к Ване. Он бежит по проходу, что образовался между грибами-защитниками. Добегает до двери. Кричит:

– Спасибо, друзья!

И словно из-под земли отвечают ему негромкие голоса грибов-друзей:

– На здоровье!

Квак грозит боровикам кулаками. Снова бежит Ваня по коридору. Обвязывает цветными шелковинками то раковину, то

камень, то выступ на стене. Мелькает за поворотом Квак. Он указывает на мальчика кому-то невидимому. Раздается негромкий двойной свист. Ваня оглядывается и видит, что за ним вдогонку мчатся две рыбы. Они останавливаются прямо перед Ваней, глядя на него своими круглыми глазами. И, вильнув хвостами, вдруг поворачиваются, уносятся обратно. Ваня идет дальше. Вдруг снова позади раздается двойной негромкий свист. Но теперь к нему прибавился низкий дрожащий тревожный трубный рев. Мальчик оглядывается – и бросается бежать со всех ног. Две рыбки мчатся за ним в погоню и ведут за собой огромную акулу. Вот-вот, сейчас, сейчас нагонят они мальчика. Ваня бросается ничком на песчаный пол коридора. Преследователи с разгона пролетают мимо. А мальчик вскакивает и мчится в обратном направлении. Сворачивает в одну из раскрытых дверей. Попадает в новый коридор, во всем похожий на прежний. Снова раздается за его спиной двойной свист, трубный рев. Акула и ее лоцманы напали на след. А коридор кончается тупиком с одной дверью. И на двери этой – выложенная из разноцветных ракушек надпись всего в одно слово: ЛЬВЫ. Ваня открывает дверь решительно. Захлопывает ее за собой. Он в огромной подводной пещере. Куда ни глянь – скалы высятся на песке. У самой двери стоит, склонившись, большой камень. Склонившись в сторону двери, Ваня бросается на колени. Подрывает песок под камнем. Потом наваливается на него плечом. И камень повинуется. Падает всей своей тяжестью на дверь. И как раз вовремя. Акула уже тут. Ваня видит ее сквозь прозрачные створки. Квак появляется возле акулы. Пробует открыть дверь – но тщетно. А мальчик уже уходит, скрывается за скалами. Квак грозит ему кулаком вслед. Делает знак лоцманам. Уносится по коридору прочь огромными прыжками. Лоцманы и акула послушно летят за ним.

Солдат мерным, ровным, походным своим шагом шагает. Раз-два, раз-два, раз-два, по сводчатому коридору. И вдруг останавливается. Вглядывается. Замечает камушек, обвязанный

цветной шелковинкой. Поднимает. Кивает головой. Шагает, глядя на пол, от шелковинки к шелковинке. Но вот след теряется с того места, где появилась акула. Солдат вглядывается в следы на песке. Бормочет:

– Вот тут он упал.

– А тут назад повернул!

– А тут бегом бежал!

И след приводит его к двери с надписью: ЛЬВЫ. Солдат наваливается на дверь всем плечом. Но и ему не открыть заваленной камнем двери.

– Что делать?

Оглядывается. Видит на песке большую раковину, блестящую, словно отполированную, с розовыми краями. Поднимает ее. Прикладывает ее к уху. И мы слышим вместе с ним то, что слышит любой, приложивший к уху раковину: ровный-ровный непрерывный шорох.

С о л д а т. Раковины, раковины, сестрицы! Я знаю – как бы вас ни разбросала судьба, вы всю свою жизнь между собой перешептываетесь. Вы знаете все, что в подводном дворце творится! Где мальчик Ваня? Ответьте, сестрицы.

Сначала слышит Солдат все тот же непрерывный шорох. Но вот в него вплетаются слова:

– Ты от всего сердца спросил, и мы тебе от всего сердца ответим. Слушай да шагай. Шагай да слушай. Раз-два! Раз-два! Солдат послушно шагает.

Ваня идет по песку между скалами. Вздрагивает от всякого звука. Оглядывается. Никого не видно, ничего не слышно.

В а н я. Где же они, львы-то?

И сдавленный, хриплый голос отвечает ему:

– Мы тут!

Мальчик вздрагивает, оглядывается – никого! Неужели это ему почудилось? Но тот же хриплый, сдавленный голос повторяет.

– Поиграй с нами.

– А где вы?

Молчание.

– Где вы?

Г о л о с. Не знаю, как сказать по-человечески. Поиграй с нами. Вот мяч.

И к ногам мальчика падает сверху туго скрученный, круглый, как мячик, ком морской травы. Ваня поднимает голову. На него со скалы глядят три черные лоснящиеся башки. Одна большая, другая поменьше, а третья – совсем маленькая.

В а н я. А где же львы-то?

И обладатель самой большой головы отвечает:

– Это мы. Я морской лев.

– А я морская львица! – отвечает средняя башка.

– А я морской львенок! – отвечает младший. – Поиграй с нами. Мы людей любим.

Ваня поднимает туго стянутый ком травы, превращенный неведомым каким-то мастером в мяч, швыряет вверх. И тотчас же морской лев отбивает его носом.

– Еще, еще! – просят звери.

Поиграв со львами, Ваня спрашивает:

– А не знаете ли вы, друзья, как найти мне друга Солдата?

– Не умеем сказать по-человечески, – отвечают львы хором.

В а н я. Ну тогда я сам пойду поищу. Прощайте.

Вдруг лев поднимает свое грузное туловище, вглядывается куда-то. То же делает и львица. Львенок стоит ровненько, как овечка. Он тоже что-то увидел.

Л ь в е н о к. Не бойся. Папа тут! Мама тут. При них нечего бояться.

Ваня взглядывает туда же, куда и львы, и невольно делает шаг назад. Между скалами двигается прямо на него огромный осьминог. Все его восемь ног обуты в сафьяновые сапоги. На голове вышитая шапка. Но чудовище не кажется от этого менее страшным.

Л е в. Скажи ему – «смирно»!

– Смирно! – кричит Ваня.

И к величайшему удивлению его, чудовище послушно останавливается.

Львенок. Скажи ему – «служи»!

Ваня. Служи!

И к величайшему удивлению, осьминог садится и поднимает четыре из восьми ног кверху.

Львица. Скажи ему – «на место»!

Ваня. На место!

Осьминог немедленно выполняет приказ и удаляется в ту сторону, откуда пришел.

Ваня. Осьминог-то ученый?

Лев. Ученый.

Ваня. А кто его учил?

Львенок. Наша подруга девочка Аленушка. Она и нас научила по-человечески.

Ваня. Откуда же здесь, в подводном царстве, девочка?

Лев. Не умеем сказать по-человечески.

Львенок. Еще не все слова затвердили. Поиграй с нами.

Ваня. И рад бы, да нельзя. Побегу дядю Солдата искать!

Мальчик бежит между скалами. Издали-издали доносится голос львенка:

– Приходи, поиграй с нами! Мы людей любим!

Вдруг на одной из скал появляется Квак. Он указывает на пробегающего мимо Ваню. И тотчас же раздается двойной свист и дрожащий трубный рев. Акула! Мальчик мечется между скалами, но всюду его находит огромная хищница. И вот оказывается он словно в ловушке. Налево и направо – скалы. Позади – стена. Не уйти Ване. Акула по разбойничьему своему обычаю поворачивается кверху животом, чтобы схватить жертву. И вдруг стена возле Вани приходит в движение. Камни, комья глины валяются на песчаный пол пещеры, и в образовавшийся пролом врывается Солдат с топором в руках. Он заслоняет собой мальчика.

Солдат. А ну давай сюда, кому жизнь не дорога!

Акула круто взмывает к сводам пещеры и исчезает. Квак прыгает со скалы, удирает огромными прыжками.

Солдат. Идем, Ваня. Я знаю теперь, как твою матушку разыскать!

Он уводит Ваню в сводчатый коридор прямо через пролом в стене. Подает ему раковину.

С о л д а т. Спроси, но только от всего сердца — где твоя матушка?

В а н я. Раковинка, раковинка — где моя матушка?

Сначала слышит мальчик то же, что любой приложивший раковину к уху: ровный непрерывный шорох. Но вот в шорох этот влетают слова:

— Ты нас от всего сердца спросил, а мы тебе от всего сердца ответим. Смелей иди, во все стороны гляди. Иди, иди, во все стороны гляди.

Ваня шагает, приложив раковину к уху. Солдат — за ним.

Огромная подводная пещера. Зеленоватые полупрозрачные своды ее поддерживаются множеством витых колонн, похожих на застывшие фонтаны. На возвышении стоит трон. Огромный ковер покрывает всю стену позади него. Водяной забрался с ногами на трон. Задумался. Почесывает затылок. Мигает своими зелеными глазищами, словно старается что-то вспомнить. Вбегает Квак. Валится в ноги Водяному.

В о д я н о й. Говори! Напугал их? Ну? Где Солдат? Где мальчишка?

К в а к. Разыскали друг друга, бегут прямо к Марье-искуснице.

Водяной вскакивает.

В о д я н о й. Бежим наперерез!

Солдат и Ваня спешат изо всех сил. А раковина торопит, торопит:

— Вперед, живей, а теперь правей, а теперь левой, живей, живей, как бы нас не обогнали!

Солдат и Ваня сворачивают в коридор. Он кончается тупиком. В тупике огромная чугунная тяжелая дверь, запертая всяческим замком.

Раковина. Стой, пришли!

Солдат достает из своего дорожного мешка топор. Замахивается обухом, ручища перехватывают его руку. Водяной выступает из мглы.

С о л д а т (*спокойно*). Отойди, Водовоз, ушибу!

В о д я н о й. А зачем ты замок ломаешь? Он, чай, денег стоит!

С о л д а т. За дверью этой Марья-искусница.

В о д я н о й. Не верь сплетням! Эй вы, сестрицы-сплетницы! Прочь из дворца на берег, а то растопчу!

Шорох, шум, звон. Раковина вырывается из Ваниных рук, взвивается к сводчатому потолку, улетает. А за нею – все раковины, разбросанные по песчаному полу коридора.

В о д я н о й. Вот так-то у нас будет потише.

Он достает из складок одежды связку ключей.

В о д я н о й. Никого за этой дверью нет. Гляди!

Он отпирает висячий замок. Дверь распаивается с печальным протяжным звоном. Ваня вбегает в подводную темницу. Пяльцы стоят посреди пещеры, но исчез Ванин портрет. Исчезла и Марья-искусница.

Солдат обходит пещеру. Никого. Пропала узница. Водяной глядит на Солдата во все глаза.

В о д я н о й. Вот задал ты мне задачу. Что мне с тобой делать? Убить разве?

С о л д а т. Только попробуй. Проведают об этом друзья мои, старые солдаты, и такое с тобой сделают, что тебе небо покажется с овчинку. А земля с горошинку.

В о д я н о й. Чего же ты от меня хочешь?

С о л д а т. Забыл?

В о д я н о й. Забыл. Так ты меня озадачил, что у меня ум за разум зашел.

С о л д а т. Должен ты показать нам всех своих слуг и служанок. Узнаем мы Марью-искусницу – наше счастье. Не узнаем – твоя взяла.

В о д я н о й. Ну, делать нечего. Будь по-вашему. Идем!

Водяной входит в свою пещеру с троном, витыми колоннами, огромным ковром позади трона. Солдат и Ваня следом. Водяной усаживается на трон. Квак вырастает перед ним, ждет приказаний.

В о д я н о й. Ну что ж, рыбки мои золотые, гости мои дорогие. Давайте слуг моих смотреть. Авось найдете, что ищите. Квак! Зови моих слуг всех по очереди, по старшинству. Да смотри, никого не пропускай, а то гости обидятся!

Квак исчезает в зеленой полутьме и возвращается, сопровождаемый стариком в зеленых очках. На ногах у него богатые, обшитые жемчугом сапоги, но сшиты они так, что пальцы ног выглядывают наружу.

В о д я н о й. Вот первый мой слуга, главный казначей Алтын Алтынович! Сколько у меня, Водяного, сундуков с золотом?

Казначей считает. Орудая пальцами рук и ног. И сообщает: – Невесть сколько да сверх три штучки.

В о д я н о й. А посуды золотой и серебряной?

К а з н а ч е й. Огромное количество с половиной.

В о д я н о й. Видали? Мудрый старик. Все науки превзошел. Все знает. Эй, старик! Сколько будет семью восемь?

К а з н а ч е й. Много!

В о д я н о й. Правильно! Ну, Солдат – этого слугу ты у меня требуешь?

С о л д а т. Оставь его себе.

В о д я н о й. Ступай, Алтын Алтынович. Нужно будет – позову. Квак! Зови следующих!

Алтын Алтынович исчезает. Появляются существа, у которых вместо пальцев рыболовные крючки, вместо носа гарпуны.

В о д я н о й. А вот мои охотнички! Все доморощенные, из оборвавшихся крючков да потерявшихся гарпунов я их вырастил. Объясните, охотнички мои цепкие, в чем ваша сила.

О х о т н и к и (*негромко, хором*). От нас никакая добыча не уйдет. У нас на каждую увертку особый крючочек найдется. Кто к нам попал – тот пропал.

В о д я н о й. Слышал? Ну, Солдат? Эти ли слуги тебе нужны?

С о л д а т. Оставь их себе, Водяной.

Водяной. Ступайте, охотнички. Нужно будет – позову. Квак, зови следующих!

Перед тронем вырастает большой белый цветок. В пещере становится все светлее и светлее. Музыка, звон колокольчиков, журчание ручья. Цветок раскрывается. То, что казалось его лепестками, – на самом деле крошечные, с мизинец величиной, девочки в белых платьицах. Смеясь, они то склоняются низко и снова превращаются в цветок, то откидываются и оживают. Музыка делается веселей, громче, свет вспыхивает еще ярче. Девочки соскакивают на гладкий, словно стеклянный, пол пещеры, пляшут, высоко взлетая.

Водяной (*умиленно*). Ну, что скажешь? Каковы мои русалки доморощенные? Я их сам своими руками вырастил из бабочек, что летом падают в воду. Играют русалочки, смеются, танцуют, домой не просятся. Им и тут славно. Видишь, непослушный мальчишка, как себя хорошие дети ведут. Играют, да и только. Да ты оглох, что ли? Тебе говорю! Ванька!

Но Ваня вскрикивает вдруг так, что Водяной подпрыгивает на своем троне, а русалочки сбиваются в беспорядочную толпу. В пещере стало светло, ясно виден теперь ковер, висящий позади трона.

Ваня. Глядите, глядите, люди добрые! Это мама ковер соткала! Вон наш домик! Вот наш садик! Люди добрые, помогите! Мама моя тут, возле. Мама, мама, где ты! Отзовись!

– Музыка, играй! – кричит Водяной.

И тотчас же [музыка] начинает играть, звенят колокольчики. Снова заводят русалочки свой веселый танец. Ваня бросается к ним.

Ваня. Русалочки, вы ведь тоже дети – помогите! У меня мама пропала! Я рядом с вами просто великан. Вы маленькие, вы здешние, вы везде проскользнете! Помогите! Разыщите мою маму.

Русалочки удивленно пересмеиваются, не бросают своей веселой пляски.

Ваня. Девочки, да неужели вы не понимаете меня?

И тогда одна из русалочек, покрупнее других, говорит жалобно.

– Не мучай ты нас, мальчик! Мы бы и рады тебя понять-пожалеть, да не можем. Ведь мы не люди, а бабочки, что с нас возьмешь.

– Русалочки – домой! – приказывает Водяной строго.

И тотчас же русалочки покорно бегут к широкому зеленому стеблю, с которого соскочили, и, взявшись за руки, превращаются в цветок. И он исчезает, и замолкает музыка, и в пещере снова воцаряется полумрак.

В о д я н о й. Вот вам и все. Всех вы моих слуг и служанок видели. И довольноно.

С о л д а т. А вот не довольноно. Подавай нам мастерицу, которая тебе соткала этот ковер.

В о д я н о й. Ковер я в прошлом еще году купил на подводной ярмарке в Ледовитом океане.

В а н я. А вот и неправда! В позапрошлом году мама дома была!

С о л д а т. Довольно с нами шутить, Водяной! Ты показал нам слуг своих доморощенных. Показывай пленницу, что на тебя работает, а то худо тебе придется.

В о д я н о й. Ну, делать нечего. Будут вам вечером и пленницы.

С о л д а т. Что так нескоро?

В о д я н о й. Я пленниц возле дворца не держу. Беспokoйно. Они у меня разсланы по дальним болотам, по глубоким трясинам. Пока их во дворец пригонят, вы отдохните, гости дорогие. Эй, Квак, проводи гостей.

Квак ведет гостей коридорами. Охотники с крючковатыми ручищами, раки с огромными клешнями провожают их.

С о л д а т. Это для чего же ты столько стражи пригнал?

К в а к. А квак, квак, квак же иначе! Для почету.

Все шествие останавливается у двери, такой прозрачной, словно ее нет вовсе. Квак отпирает дверь. Вводит гостей в просторную горницу, убранную по-людски. Тут и изразцовая печь с лежанкой, и стол, покрытый вышитой белой скатертью, и скамейки. Только пол песчаный. На столе пироги, горячие блины – пар идет. Кувшины с квасом.

К в а к. Отдыхайте, гости дорогие, блины кушайте, квак-ква пейте.

С о л д а т. Спасибо. Блин – не клин. Брюхо не расколет. Да ты что – никак нас на ключ хочешь запереть?

К в а к. А квак же иначе? Акулы заплывут, они блины любят. Осьминог заползет – он до пирогов охотник. Обидеть могут!

И шелк, шелк, шелк – запирает Квак гостей на семь оборотов и исчезает.

Водяной сидит на кресле. Казначей и охотники почтительно стоят перед ним.

В о д я н о й. Ну, слуги мои верные, сами видите, каких гостей нам течением занесло. Страхом их не возьмешь. Думайте, думайте, как горю помочь! Говори ты, казначей Алтын Алтынович! Ты все науки превзошел!

К а з н а ч е й. По-моему, их надо озолотить.

В о д я н о й. Как так – озолотить?

К а з н а ч е й. А пустить их в нашу сокровищницу. Выберите, мол, что хотите! Они не удержатся. Набьют карманы жемчугами, кораллами – и готовое дело. Разбогатеют – примирятся. Это уж как дважды два – пять!

В о д я н о й. Ишь ты какой! Чай, мне жемчуга жалко!

К а з н а ч е й. И мне жалко! Я до сих пор и грошика из лап не выпустил. Забыл вычитание и деление, а знал только сложение и умножение. Однако делать нечего. Сначала дадим, а потом авось и отнимем.

В о д я н о й. Ладно, попробуем, так уж и быть. Ну а коли это не поможет? А если они разбогатеют и рассвирепеют?

К а з н а ч е й. И это случается.

В о д я н о й. А тогда что делать будем?

К а з н а ч е й. Думать надо.

В о д я н о й. Ну, думайте, думайте, только поживей. Времецко-то бежит! Думайте. Думайте!

К а з н а ч е й. Ладно, давайте. Ну, охотнички, охотнички, давайте думать. Раз-два, дружно! Раз-два, взяли!

Все слуги Водяного под команду Казначейя сгибаются и выпрямляются, словно волокут какую-то невидимую тяжесть. Думают, все думают, надрываются.

К а з н а ч е й. Ну, ну, охотнички, давайте, давайте, давайте! Еще разик! Еще раз. А вот пошла, пошла, пошла – придумали!

Охотники выпрямляются, утирают вспотевшие лбы.

О х о т н и к и (хором). А придумали, Водяной ты наш ба-
тошка, вот что: уж больно ты нам трудную дал задачу. Нам
с нею не справиться.

В о д я н о й. Казню!

О х о т н и к и. Не веди нас казнить, а веди слово молвить.
Нам с этой задачей не справиться. Надобно тебе в подземное
озеро нырнуть. К самому Карпу Зеркальному. Он все сказки
знает, какие есть на земле. Седьмой раз их перечитывает старик.

В о д я н о й. Не люблю я его. Он добрый.

О х о т н и к и. То и хорошо, что добрый, не откажет, посо-
ветует.

В о д я н о й. Ну, быть по-вашему. Нырну. Откройте колодец.

Охотники упираются своими носами-баграми в пол. Под-
нимают большую четырехугольную плиту посреди пещеры.
Оттуда идет пар.

В о д я н о й. Ох, не люблю, признаться, ключевой воды, то
ли дело мутная!

Он ходит вокруг колодца, как купальщик по речному бере-
гу. Ежится, пожимается, похлопывает себя под мышками.
И, наконец, охнув, бросается вниз головой.

В подземном озере у Карпа Зеркального светло, как на
земле. Разве только отливает свет синим, словно прошел че-
рез чистую ключевую воду. Куда ни глянешь – навалены
книги, да какие – с хорошего человека ростом, все в кожаных
переплетах, толстые-претолстые, с бронзовыми застежками.
Кованые сундуки громоздятся у стен. На узорных деревян-
ных подставках друг против друга две книги. Между книга-
ми замер неподвижно огромный старый карп, читает обе
разом, перелистывая страницы плавниками. Левым глазом
читает он веселую книгу. Смеется. А правым – печальную.
Плачет. Водяной опускается плавно сверху, становится пря-
мо против Карпа.

В о д я н о й. Здравствуй, Карп Карпович...

К а р п. Погоди, дай до точки дочитать. (*Читает одним глазом. Всклипывает.*) Ох-ох-ох! До чего же печальная у этой сиротки судьба. Одно только утешение, что сказка эта каждый раз, сколько ее ни перечитываешь, кончается хорошо. (*Читает другим глазом.*) Ха-ха-ха! Ай да Иванушка-дурачок. А эта сказка – каждый раз весела, сколько ни читай. Ну, на сегодня довольно. Здравствуй, Водяной!

Закрывает обе книги движением плавников.

В о д я н о й. Здравствуй, Карп Карпович, добрый мудрец, ученый старик.

К а р п. Не так уж я стар. Всего девятый век доживаю!

В о д я н о й. Все-таки не мальчик уже!

К а р п. Ну, это как сказать!

В о д я н о й. Давно я у тебя не был.

К а р п. Ну, как давно. Всего сто лет и три месяца.

В о д я н о й. Никак у тебя с тех пор книг еще прибавилось.

К а р п. А как же! Какие сказки ни приключаются на свете, сейчас же их в книжку да ко мне.

В о д я н о й. Кто же это для тебя старается?

К а р п. Сказку о рыбаке и рыбке знаешь?

В о д я н о й. Как не знать.

К а р п. Так эта рыбка – мне внучка. Она и старается. Балует деда. Ну, а теперь поговорили, вокруг покружили – правь прямо. Зачем я тебе, злодею, понадобился.

В о д я н о й. Какой же я злодей! Я за последние сто лет до того присмирел, что на мне хоть всю вози.

К а р п. Правда?

В о д я н о й. А как же! Конечно!

К а р п. Ты смотри, не обманывай меня! Я до того добрые вести люблю, что рад любой поверить.

В о д я н о й. Верь смело, Карп Карпович! Радуйся.

К а р п. Вот это сказка! Спасибо, друг, что нырнул ко мне, порадовал старика. Чем же мне за это отплатить?

В о д я н о й. Нет, нет – ничем.

К а р п. А все же?

В о д я н о й. Вот разве что советом.

К а р п. Говори, что у тебя за беда.

В о д я н о й. Приплыл ко мне из южных морей мой братец семиюродный, чудо-юдо морское.

К а р п. Слышал о таком. Злой.

В о д я н о й. Куда уж злей. Проведал он, что я добр стал. Пришел и кричит: «Отдавай сейчас же твою любимую служанку Марью-искусницу, пусть она на меня работает». Что тут делать? Я слезы лью, Марья-искусница – плачет. Одно только я и выторговал: привезу я ему всех своих слуг и служанок. Пусть он среди них Марью-искусницу сам разыщет. Узнает – его счастье. Не узнает – мое. Что делать?

К а р п. Сейчас подумаем, Водяной.

Он взмахивает хвостом, шевелит плавниками, и книги, лежащие в разных углах подводной пещеры, приходят в движение. Покорные своему хозяину, закрываются книги на узорных подставках, застегиваются их бронзовые застёжки, и они уплывают. Новые книги взлетают на их место. Раскрываются. Новые книги все с картинками, и картинки эти живут. Вот мы видим витязя, размахивающего мечом. Змей Горыныч, извергая из ноздрей пламя, носится над ним.

В и т я з ь (с картинки). Здравствуй, Карп Карпович! Гляди, сейчас со змеем-злодеем расправлюсь!

К а р п. И поглядел бы, да некогда. Надо Водяного из беды выручать.

Он шевелит плавниками, и страница переворачивается. На новой картинке летят гуси-лебеди, несут мальчика высоко над озером.

М а л ь ч и к. Здравствуй, Карп Карпович! Погляди, как гуси-лебеди несут меня домой!

К а р п. И поглядел бы, да некогда. Водяной, бедняга, помощи ждет.

Снова перелистываются листы книги. И вот открывается картинка: девочка – веселая, смелая, глядит прямо на Карпа Карповича.

К а р п. Гляди, Водяной, – узнаешь, кто это?

В о д я н о й. Что ты, что ты! Откуда мне ее знать.

К а р п. А в сказке говорится, что ловил отец ее рыбу. А ты сети со всем уловом к себе уволок. Рыбак плачет: «Верни мне сети». А ты: «Верну, коли отдашь мне то, чего дома не знаешь».

Д е в о ч к а н а к а р т и н к е. А дома как раз я родилась, Аленушка. И забрал меня Водяной на дно. И выросла я у Водяного в подводном царстве.

К а р п. Вот видишь! А говоришь – не знаю!

В о д я н о й. Ахти мне – запомнил! Это Аленушка непослушная.

К а р п. Опять не так! Ее зовут Аленушка – золотые руки.

В о д я н о й. Ну, будь по-твоему.

К а р п. Аленушка тебе поможет.

Взмахивает плавниками. Книги закрываются.

К а р п. Замечал, небось, человек отражается в воде, как живой.

В о д я н о й. Тебе видней, Карп Карпович, ты у нас ученый.

К а р п. Отражается, отражается, поверь мне. Аленушку – золотые руки вода любит. Пошли ее с Марьей-искусницей на берег озера. А остальное скажу тебе на ушко. А то злодеи подслушают. *(Шепчет на ухо неслышно.)*

В о д я н о й. Вот это славно! Спасибо, Карп Карпович! Бегу!

Водяной поднимается было вверх, но останавливается на полпути. Снова спускается перед Карпом Карповичем.

К а р п. Что забыл?

В о д я н о й. Уж как мы с тобой побеседовали хорошо – подари мне что-нибудь о нашей встрече на память.

К а р п. Ладно. Люблю дарить, я добрый. Чего же тебе хочется?

В о д я н о й. Что пожелаешь.

К а р п. Открой тот сундук, возле которого стоишь. Бери, что понравится.

Водяной открывает сундук. Достает из него связку ключей. Все они серебряные, а один золотой.

В о д я н о й. Что это за ключи?

К а р п. А Синей Бороды. Его жена на память мне подарила. Бери себе.

Водяной. Спасибо. Они мне ни к чему. (Достает из сумки сапоги.) А что это за сапоги?

Карп. А Кота в сапогах. Ему хозяин новые справил.

Водяной. А что это за прялка?

Карп. А Спящей красавицы. Укололась она об эту прялку да уснула.

Водяной. И что в этой прялке – сила еще осталась?

Карп. Конечно, вещьца подержанная, но все-таки. Усыпить не усыпишь, а ошеломить человека может. Будет человек бродить, словно сонный, ничего не видя, ничего не слыша.

Водяной. Вот это мне и надо. Попробую злодеев я моих усыпить.

Карп. Попробуй. Помни только: Спящая царевна проснулась, когда ее жених поцеловал. Воин проснется, едва услышит боевую трубу. Работника – работа разбудит. А мать – коли ее сын, погибая, на помощь позовет.

Водяной. Вот спасибо, что научил. Подари мне эту прялку.

Карп. Делать нечего – бери!

Квак стоит у колодца, ждет. Водяной с прялкой в руках мячиком вылетает из колодца.

Водяной. Ха-ха-ха! До чего же я дураков люблю – это просто удивительно! Научил, надоумил, растолковал и не взял за это ни копейки!

Квак. Ха-ха-ха!

Водяной. Нечего смеяться без толку, время терять. Беги прялку, беги к Марье-искуснице. Прикажи ей прясть. Да подтолкни под руку, чтобы укололась.

Квак. Бегу!

Водяной. Стой! А по пути пришьешь ко мне Аленушку.

Квак. Она не послушается!

Водяной. А не послушается – я с тебя голову сниму! Беги!

Квак убегает огромными прыжками.

Водяной шагает нетерпеливо среди витых колонн. Квак влетает галопом, кланяется Водяному в ноги.

Водяной. Ну?

Квак. Как сказано, так сделано.

Водяной. А где Аленушка?

Квак. Не идет.

Водяной. Силком тащи!

Квак. А с ней разве справишься?

Водяной. Осьминогу прикажи!

Квак. Прикажешь! Она его приучила.

Водяной. Как приучила?

Веселый голосок. А очень просто!

Водяной вскрикивает и подпрыгивает чуть ли не до потолка.

Водяной. Что это?

Аленушка выходит из-за колонн.

Аленушка. Это я тебя колючкой уколола.

Водяной. Да как же это ты посмела?

Аленушка. Сердита я на тебя!

Водяной. Вот я тебя сейчас запру в чулан!

Аленушка. Только попробуй. *(Зовет.)* Вась, Вась, Вась!

Водяной. Кого зовешь?

Аленушка. Восьминожка моего ручного. Я ему на каждую ножку скроила по сапожку, на головушку – шапочку. Гляди! Вася, сюда бегом!

Появляется осьминог.

Аленушка. Служи!

Осьминог повинуется.

Аленушка. Вася, дай дяде лапку.

Осьминог двигается прямо на Водяного. Водяной прыгает на трон. Подбирает ноги.

Водяной. Убери его! Я этих чудищ привозных не люблю.

Аленушка. То-то! Вася – на место.

Водяной. Где пропадала-то?

Аленушка. Работала! Все озеро прибрала, все ручьи подмела, морским конькам привозным корму засыпала, морским котам молочка налила. Сто золотых рыбок вызолотила, а пятьсот пескарей посеребрила.

Водяной. Хорошо! Хоть ты и норовиста, а работница. Зато и держу тебя.

Аленушка. Держи! Сама живу до поры до времени, потому что выросла тут. Жалею вас, нерях. Вы без меня тиной зарастете. Не трясси бородой!

Водяной. В своем доме я не могу уж и бородой потрясти?

Аленушка. Не можешь! Я знаю: когда ты бородой трясешь, значит, какую-то хитрость замышляешь!

Водяной. Какая там хитрость! Не до того. Беда у нас. Пришел ко мне из южных морей мой братец семиюродный, чудо-юдо морское. И еще сына привел, наследника. И требует в уплату, чтобы я ему Марью-искусницу отдал.

Аленушка. Марью-искусницу? Да никогда! Да ни за что! Матушку мою приемную – и вдруг отдавать? Она меня уму-разуму учит... Без нее я тут вовсе одичаю. Да за ней скоро Иванушка, ее сын, придет.

Водяной. Еще чего?

Аленушка. А я говорю, что придет. И я с нею на землю уйду.

Водяной. Ай-ай-ай, видишь, как получается нескладно. Придется тебе поработать. Тогда авось мы и выручим Марью-искусницу.

Аленушка. Опять бородой трясеешь?

Водяной. Так это я с горя.

Аленушка. А ну покажи мне братца твоего семиюродного и его сына. Иначе не будет тебе помощи от меня.

Водяной. Ладно, покажу. Идем!

Водяной с Аленушкой подходят к покоям гостей. Не доходя до прозрачной двери, Водяной осматривается.

– погоди! – шепчет он. – Я погляжу, чего они там делают.

Водяной подкрадывается на цыпочках к двери. Заглядывает и видит: Солдат гладит Ваню по голове, хлопает по плечу, успокаивает, утешает. Водяной шепчет едва слышно:

– Помоги мне, кривда-матушка! Прямое покриви, а кривое распрями. Водяной тебя просит, друг твой верный.

И тотчас же гладкая прозрачная дверь, подчиняясь неведомой силе, приходит в движение, колеблется, покрывается волнами и вновь застывает неподвижно. Дверь прозрачна по-прежнему, но застывшие волны искажают, словно кривое зеркало, все, что мы видим за нею. Водяной зовет Аленушку.

– Иди, полюбуйся!

Она подбегает к двери. Смотрит. Солдат утешает Ваню, расспрашивает его, наклоняется к нему. Аленушка не слышит ни слова, но видит настоящих страшилищ. И Солдат и Ваня чудовищно изменяются при каждом движении. Солдат гладит Ваню.

– Гляди, гляди, – хихикает Водяной. – Отец сына за волосы дерет.

Аленушка отходит от прозрачной двери.

А л е н у ш к а. Ну и чудища. Ты – хорош, но они еще страшней. Говори, что делать. Как будем Марью-искусницу спасать!

В о д я н о й. Замечала, небось, человек отражается в воде, как живой.

А л е н у ш к а. И не только человек – все отражается.

В о д я н о й. Нам до всего дела нет. Поведи ты Марью-искусницу на берег озера. И там... Остальное на ухо скажу. А то злодеи подслушают.

Водяной шепчет Аленушке на ухо признание свое и при этом разводит руками, вертит глазами и трясет всю бородой.

В о д я н о й. Все поняла?

А л е н у ш к а. Все, как есть.

В о д я н о й. Беги скорей.

Аленушка убегает.

В о д я н о й. Квак, беги за ней следом, гляди, чтобы все было в порядке, а как дело будет сделано, гляди, не пускай Аленушку в мои покои. Пусть приведет она кого надо, и все тут. Ее не пускай, а то голову сниму. Беги!

Квак убегает огромными прыжками. Водяной посмеивается.

– Молода еще ты против меня, – бормочет он. – Ловко обманул девчонку. Лихо очернил гостей. Против кривды никто не устоит. Спасибо тебе, кривда-матушка.

Дверь снова делается плоской и гладкой. С милостивой улыбкой открывает Водяной замок.

В о д я н о й. Здравствуйте, осетры мои благородные! Отдохнули, детки?

С о л д а т. Отдохнули! Сил набрались. Пора бы и за работу. Веди нас к Марье-искуснице.

– Всему свое время, рыбки мои серебряные, – отвечает ласково Водяной. – Потерпите маленечко, и Марья-искусница сама к вам придет. Сердишься, Солдат?

– Сержусь, Водяной!

– Ах ты, мой конь морской, норовистый! – улыбается Водяной. – Ты сердишься, а я добр. Идем в мою сокровищницу.

Водяной, Солдат и Ваня входят в сокровищницу. Казначей низко кланяется. Сундуки с золотом и драгоценными камнями стоят бесконечными рядами, скрываются в зеленой мгле. Золотые и серебряные блюда, кувшины, чаши стоят на полках от потолка до пола.

– Видишь, Солдат, какой я великолепный Водяной! – хрипит он. – Ходи не спеша, выбирай подумавши. Все твое – чего ни пожелаешь.

Солдат не спеша идет по сокровищнице. Возьмет золотое блюдо, постучит – звон пойдет по сокровищнице. И положит на место. Возьмет горсточку драгоценных камней, перебросит с ладони на ладонь – блеск пойдет по сокровищнице. И высыпает Солдат камни обратно в ларец. Казначей удивляется.

Аленушка в темной подводной пещере. Здесь теперь спрятана Марья-искусница. Марья-искусница сидит за прялкой посреди пещеры. Глаза полузакрыты. Она и не глядит на пришедшую.

А л е н у ш к а. Матушка! Что с тобой случилось? Ты больна?

М а р ь я - и с к у с н и ц а. Как будто и не больна.

А л е н у ш к а. А ты меня слышишь?

М а р ь я - и с к у с н и ц а. И слышу, и нет. И что ни час – то темнее.

А л е н у ш к а. Квак, что вы с ней сделали?

К в а к. Это не мы! Это чудо-юдо морское околдовало ее, чтобы она стала послушной.

А л е н у ш к а. Ничего, моя родная, ничего, ничего. Мы тебя разбудим, спасем!

Она берет Марью-искусницу за руку, тащит ее к выходу. Та идет покорно. По коралловой лестнице выходят они на землю. Тропинка вьется между огромными дубами. Аленушка ведет Марью-искусницу по тропинке. Квак прыгает следом. Аленушка и Марья-искусница становятся на самом берегу. Они отражаются в спокойной воде ясно, как в зеркале. Аленушка наклоняется над водой. Она плавно поводит руками. Тихий гул. Глухая негромкая музыка.

– На берегу Марья, – говорит Аленушка, – и в воде Марья.

И она показывает на отражение женщины в воде.

– На берегу Марья живая, а в воде Марья водяная. Вода, вода, отдай, что взяла. Оживи, Марья водяная, выйди на берег! Раз, два! Три! Четыре! Пять! Шесть! Семь! Будет!

И, повинувшись заклинанию, семь раз оживают отражения, семь женщин поднимаются из пруда на берег, одна за другой. Все семеро похожи друг на друга, как семь капель воды. Они становятся возле Марьи-искусницы.

Солдат и Ваня идут по сокровищнице.

– Обижаешь, Солдат! – говорит Водяной вкрадчиво. – Ничего не берешь! Выбирай, приказывай!

Солдат вдруг останавливается. Пристально смотрит в темный угол. Там стоит простой некрашенный деревянный стол. На большом этом столе лежат гусли, полотенце и деревянный гребень. Разглядывает гусли внимательно. Потом тщательно, как хорошая хозяйка на рынке, рассматривает, ощупывает полотенце. На полотенце вышит серебром косой дождик и над ним, шелком, радуга. Проверяет на свет гребень.

– Бери! – говорит он решительно.

Водяной переглядывается с Казначеем.

– Да ты что, батюшка, надсмеаешься! – кричит Казначей. – Эти вещички меньше полушки стоят! Они у меня на левом мизинце значатся, да и то на самом ноготке! Старье! Лежат тут две тысячи лет, неведомо откуда взялись! Выбросил бы, да скупость проклятая не позволяет. Возьми лучше золото!

– Эти вещички мне нужны! – отвечает Солдат. – Ведь это гусли-самогуды. Они кого хочешь развеселят. А гребень да полотенце всегда в дороге пригодятся.

И Солдат вешает гусли на пояс, а гребешок и полотенце укладывает в ранец.

С о л д а т. Идем! Ничего больше не возьму!

В о д я н о й. Экий ты, братец, несговорчивый. Ну, будь по-твоему. Идем.

Водяной торжественно входит в свою пещеру. Усаживается на трон. По знаку его входят охотники. Алтын Алтынович садится на ступеньки трона. Солдат и Ваня становятся рядышком. Раки строем вползают в пещеру. Окружают своего повелителя.

В о д я н о й (*торжественно*). Готовьтесь, готовьтесь, гости дорогие. Эй, Квак!

Квак влетает вприпрыжку.

В о д я н о й. Приблизься!

Квак подбегает вплотную к трону.

В о д я н о й (*тихонько*). Привел?

К в а к. Квак, квак, квак велено, так и сделано.

В о д я н о й. Ну, слушайте, гости дорогие мои! Привел Квак последних моих служанок. Смотреть их смотрите, но только молча. Они голоса человеческого невесть сколько лет не слышали. Могут помереть. Согласны?

С о л д а т. Ладно, будь по-твоему.

В о д я н о й. Впускай.

Квак громко квакает. Двери отворяются настежь, и появляется не спеша, словно никого не видит она и ничего не слышит, – Марья-искусница, окруженная своими отражениями. Кто из них настоящая Марья-искусница, а кто призрачная? Солдат делает шаг назад, пораженный. Водяной ухмыляется. Ваня вскрикивает было: «Мама!» – но тут же закрывает рот рукой.

В о д я н о й (*торжествующе*). Вот то-то и есть! Смотрите, глядите, пескарики мои простенькие. Глядите, да руками не трогайте и не зовите! Помереть могут!

Ваня бросается к Марье-искуснице и ее спутницам. Мечется от одной к другой. Протягивает руки и отдергивает в ужасе, боясь, что нечаянным прикосновением может и в самом деле убить несчастную свою мать. Вдруг кто-то дергает Ваню за рукав. Аленушка прячется за витой колонной.

А л е н у ш к а. Ваня! Слушай меня во все уши. Иди тихо-тихо мимо всех них. У твоей мамы дыхание теплое, а у всех остальных холодное. Так ты и узнаешь Марью-искусницу.

Ваня повинуется. Тихо-тихо идет он мимо замерших неподвижно женщин. И останавливается вдруг. И вскрикивает радостно:

– Вот моя мама!

И тотчас же остальные с легким звоном расплываются в воздухе, исчезают, как тени.

– Ура! – кричит Солдат оглушительно.

Водяной мигает своими зелеными глазищами. И вдруг раздражается таким страшным ревом, что все его слуги с Кваком во главе валятся с ног.

В о д я н о й. Не пущу! Не согласен! Не позволю! Забрать Марью-искусницу – и в подводную темницу!

Аленушка бросается к трону.

А л е н у ш к а. Ты слово дал!

В о д я н о й. Я дал, я и взял. Я своему слову хозяин. Забрать.

С о л д а т. Не спеши, друг наш Водохлеб. Не сердись. Лучше попляши.

В о д я н о й. Ах ты дерзкий! И его забрать!

С о л д а т. Сказать-то легко, а кто первый с места двинется? Выходи под музыку!

Солдат поводит рукой по струнам, и Водяной и слуги его подпрыгивают.

В о д я н о й. Что это такое?

С о л д а т. Я же тебе сказал – попляши. Вот ты и слушаешься.

Снова проводит по струнам рукой. Водяной и слуги его подпрыгивают еще выше.

С о л д а т. Ребята, берите Марью-искусницу за руки. И в путь. Я вас догоню.

Аленушка и Иванушка повинуются. Водяной с ревом бросается за беглецами, но Солдат заводит плясовую. Небыструю, степенную, но до того завлекательную, что Водяной останавливается посреди пещеры. С крайним удивлением глядит на свои ножищи.

В о д я н о й. Эй, ты! Нога! Правая нога – тебе говорю! Стой!

Вместо ответа правая нога, переступая с носка на каблук, лихо пускается в пляс, а за нею и левая. А гусли переходят с пляски медленной и степенной на быструю и отчаянную. Присвистнув и хлопнув ладонью по голенищам, взлетает Водяной чуть не до потолка. Лицо его при этом выражает крайнюю растерянность.

В о д я н о й. Солдат, а Солдат! Положи гусли!

С о л д а т. Будь по-твоему.

Кладет гусли на пол, а они продолжают играть сами собой.

В о д я н о й. Это еще что такое?

С о л д а т. А гусли-самогуды и без меня справятся. Играйте, гусли, не уставайте, Водяному отдохнуть не давайте, в погоню за нами не пускайте! Прощай, Водяной, счастливо оставаться!

Солдат уходит, а Водяной со всеми своими слугами пляшет, прыгает, остановиться не может.

Течение несет Солдата, Ваню, Аленушку и Марью-искусницу прямо к лестнице. Вот взбираются они по коралловым ступеням. Вот бегут, спешат по тропинке между дубами. А Водяной и слуги его пляшут, кто вместе, кто поодиночке.

В о д я н о й. Придумал я, что делать. Сейчас я эти гусли раздавлю.

Он прыгает ногами вперед, прямо на струны, но гусли, словно живые, выскользывают из-под ног Водяного. Тогда Водяной пытается сесть на гусли всей своей тяжестью, но

они тут же спасаются бегством и начинают играть еще веселее, еще неудержимее.

– Помогите! – орет Водяной. – Помогите! Пропадаю! Люди добрые! Помогите!

Каменная плита над колодцем, ведущим к Карпу Карповичу, приходит в движение. Откидывается. И старик выглядывает из колодца.

К а р п К а р п о в и ч. Ты чего на помощь зовешь-то?

В о д я н о й. Помоги, голубчик! Спаси! Останови гусли-самогуды!

К а р п К а р п о в и ч. Остановить их не могу. Они волшебные.

В о д я н о й. Ну меня научи, как остановиться.

К а р п К а р п о в и ч. Не стану. Я на тебя сердит. Ты меня вчера обманул, а я это только сегодня понял. Такую обиду простить невозможно.

В о д я н о й. Карп Карпович! Я больше никогда не буду!

К а р п К а р п о в и ч. Опять, наверное, обманываешь!

В о д я н о й. Ей-право, не обманываю. Помоги. Видишь – я плачу даже, значит, раскаялся.

К а р п К а р п о в и ч. Ну, так уж и быть, научу я тебя, как остановиться. Заткни свои уши, да и только.

Плита закрывается, и Карп уходит в свое подземельное жилище. Водяной и все его слуги затыкают уши. Останавливаются, задыхаясь.

В о д я н о й. Слушайте мое приказание. Немедленно бегите в погоню за Солдатом.

Слуги Водяного стоят неподвижно.

В о д я н о й. Я вам что говорю?

Слуги не двигаются.

В о д я н о й. Что это они? Взбунтовались, что ли? Ох! Понял! Они меня не слышат. В погоню! В по-го-ню!

Он пытается изобразить пальцами, что, мол, надо бежать туда, за беглецами, но никто не хочет его понять. Тогда Водяной подходит к охотникам и силком отнимает их руки от ушей. И тотчас же охотники пускаются в пляс.

– Заткнуть уши! – орет Водяной.

Охотники повинуются и перестают плясать. Но зато и не слышат больше своего повелителя. Водяной ревет оглушительно, так что дрожат своды пещеры. И при этом пляшет так весело, будто он и не разгневан вовсе, а весел, как на свадьбе.

В о д я н о й. Эй, вы! Дожди обложные, проливные и грибные! Отпускаю вас на волю!

Распахиваются двери, за которыми скрывались дожди. Вылетают облака. Блестят частые дождевые струи. И во мгле раздается свирепый голос Водяного:

– Лейтесь, лейтесь, не уставайте, не уступайте. Пусть ручьи станут речками, речки – озерами, а озера – морями. Не выпускайте гостей моих из лесу! Оставьте им островок в три шага длины да в три – ширины. А я, наплясавшись, сам к ним приду.

Рассеивается мгла. Крошечный островок. На нем стоят, прижавшись друг к другу, Ваня, Аленушка, Солдат и Марья-искусница. Льет проливной дождь.

В а н я. Дядя Солдат! Что же делать будем! Мы до самых косточек промокли.

С о л д а т. Ну коли промокли – полотенце поможет!

Он открывает ранец. Достает полотенце, на котором серебром вышит дождь, а шелками – радуга. Взмахивает им широко. Музыка. Радуга, вышитая шелками, растет, солнышко проглядывает через струи проливного дождя, серебрит их. И вот чудо. Радуга стала над озером, что бушует вокруг островка, как море. Один конец радуги упирается в землю, у ног путников, – другой – в едва видимый противоположный берег.

С о л д а т. За мной! Только держитесь зеленой полосы. Она мягкая, как весенняя трава. Не ходите на синюю – она скользкая, как лед.

Из ранца своего он добывает веревку. Дает спутникам. Ступает на крутую радугу первым. Спутники его, держась за веревку, – следом. Все выше поднимаются беглецы, все выше. Озеро бушует далеко внизу. Иванушка взглядывает вниз. Скользя его ноги по гладкой синей полосе радуги. Он вскрикивает. Вздрагивает Марья-искусница. Но Ваня повисает на веревке, и Солдат успевает подхватить его. Вот путники на самой верхушке.

С о л д а т. А теперь по синей полоске – вниз, как с горки!

Он достает из ранца кусок полотна. Стелет на синей полоске. Садится впереди. И путники весело скатываются вниз на куске полотна, как на санках, на противоположный берег.

Путники идут по степи. Дождь все не прекращается.

А л е н у ш к а. А ну-ка, постойте! Дождевые струи что-то говорят! Я их язык понимаю! Недаром прожила столько лет в водяном царстве.

Она вслушивается.

– Аленушка, Аленушка, пропала ты, Аленушка! Мы все плотины размыли. Летит на вас вода стеной! Уж так тебя вода любит, а потопит! Она своей воли не имеет!

А л е н у ш к а. Дядя Солдат, летит на нас стеной водяной вал! И никто его не остановит! Гляди – вон он!

По степи за беглецами движется стена воды.

С о л д а т. Надо с гребнем расставаться.

Он достает из ранца гребень. Швыряет высоко вверх. Жужжа, взлетает гребень до самого неба. Но обратно не падает. Он растет, растет – и совершается чудо. Водяной вал разбивается о его подножье и, обессиленный, отступает. Тучи рассеиваются, выглядывает солнце, путники шагают по дороге.

Перед нами тот самый домик, что видели мы вышитым на ковре за тронном Водяного. Пусто. Никого не видно в садике. Прихрамывая, оглядываясь, появляется у забора Квак. Свистит тихонечко. Чей-то голос отвечает ему:

– Ква-ква! Кто меня зовет?

К в а к. Это Квак, ква, ква, к вам на поклон прискакал!

Из-под дома вылезает жаба. Прыгает Кваку на плечо.

Ж а б а. Радость какая! Племянник мой родной! Да какой же ты стал большой!

К в а к. Да уж лучше бы поменьше быть. Так дела обернулись, что надо скрыться!

Ж а б а. Хромаешь, никак?

К в а к. Захромаешь тут – целый месяц плясал без устали!

Где Солдат?

Ж а б а. По ягоды ушел с Аленушкой.

К в а к. А Иванушка где?

Ж а б а. Дома. Сегодня его очередь пол мыть.

К в а к. А Марья-искусница где?

Ж а б а. Бродит все вокруг да оглядывается. Силится вспомнить, бедняга, где она да что с ней. Сейчас по роще бродит.

К в а к. А далеко роща-то?

Ж а б а. А прыжков с тысячу.

К в а к. Вот это нам и надо. Пойду доложу!

Квак исчезает. Из дому выбегает Ваня с ведром в руках. Он откидывает крышку колодца. Наклоняется над ним. И вдруг косматая башка Водяного бесшумно вырастает над срубом. Он хватается мальчика за руки. Ваня отбивается отчаянно. Марья-искусница не спеша бредет по березовой роще. Глаза ее смотрят сонно и безучастно. И вдруг издали доносится отчаянный зов.

– Мама!

Марья-искусница вздрагивает, словно проснувшись.

– Мама! – зовет Ваня еще громче.

Марья-искусница, как ветер, мчится на зов сына. А мальчик уже изнемог в борьбе. Ноги его скользят по влажной земле.

– Мама!

И Марья-искусница бросается на помощь сыну. Она хватается Водяного за руки, Ваня – за бороду, тянут, тянут – и вот чудовище уже лежит на траве. Ваня захлопывает крышку колодца. Вбегают Солдат и Аленушка. Бросают на траву кошелки с ягодами и грибами. Окружают Водяного.

В о д я н о й. Квак, Квак, Квак – на помощь!

Квак выглядывает из-за забора. И тут же прячется.

К в а к. Ну уж нет! Довольно! Не желаю больше служить такому злодею, которого вытащили за ушко да на солнышко. Пойду обратно в лягушки.

И Квак уменьшается на наших глазах, уменьшается, пока не превращается в обыкновенную лягушку. Уползает в сторону.

В о д я н о й. Братцы! Я больше не буду! Правду говорю!

Никто не отвечает Водяному, и он делается все меньше да меньше, расплывается и исчезает, как будто его и не было.

С о л д а т. Вот и нет больше Водяного. Одно мокрое место осталось.

– Иванушка! Аленушка! – зовет Марья-искусница.

Обнимает детей.

– Иванушка! Аленушка! Вот мы и вместе!

С о л д а т. Нет такой злой напасти, которую не победила бы материнская любовь.

А л е н у ш к а. И дружба.

С о л д а т. Да не забудьте еще про мое солдатское упорство!

М а р ь я - и с к у с н и ц а. А теперь устроим мы пир на весь мир. Эх, давно я по хозяйству не работала! Соскучилась!

Г о л о с а. А мы-то как соскучились, а мы тоже, а мы-то как рады!

Звон, стук, гул. Окна распахиваются, двери открываются. Деревянный стол выбегает из дверей, ласкается к хозяйке, словно пес. За ним бегут табуретки, как щенята.

С о л д а т. Хозяйка ожила – весь дом ожил!

Скатерть вылетает из окна. Опускается на стол. Катятся по траве тарелки. Прыгают ножи, вилки.

М а р ь я - и с к у с н и ц а. Друг ты наш, Солдат. Голос у тебя звучный, зови гостей. Вот уже и печка сама затопилась. И пироги в духовку прыгают. Зови скорей.

С о л д а т. Слушаюсь!

И вот он перед нами крупным планом.

С о л д а т. Друзья, друзья, пожалуйста к нам, к нам на праздник. Как пройти? А очень просто! Шагайте все прямо, прямо, не сворачивая, прямо безо всякого страха. Бойтесь только кривых путей. Прямо да прямо – глядишь, вот вы и у нас на празднике. А пока всем, кто меня видит, всем, кто меня слышит, желаю радостного дня и спокойной ночи.

Комментарии

«ДОКТОР АЙБОЛИТ» (1937)

Сценарий написан по книге К. Чуковского «Доктор Айболит» (1929 г.). Документы, связанные с работой над сценарием и фильмом «Доктор Айболит», почти не сохранились. Съемки фильма начались в 1937 г. По воспоминаниям режиссера картины В. Немоляева, «это был год, когда студия <„Межрабпомфильм“> была реорганизована в „Союздетфильм“. Всем творческим работникам нужно было переключаться на детскую тематику. <...> Вместе с Евгением Львовичем мы работали уже над режиссерским сценарием. Затем были более чем трудные съемки»¹. По мнению исследователя творчества Шварца Е. Биневича, главная трудность в организации съемок была в том, что актер М. Штраух, исполнивший главную роль, был плотно занят в театре². Для самого Шварца работа над фильмом была сопряжена с трагическими обстоятельствами: 3 июля был арестован Николай Олейников, близкий друг Шварца, соавтор по предыдущим сценариям и сотрудник по «Детгизу».

В июле же были арестованы или уволены и многие другие сотрудники детской редакции. В прессе «Детгиз» был назван «контрреволюционной вредительской шайкой, сознательно взявшей курс на диверсию в детской литературе». Только в дневнике 1954 г. Шварц позволит себе описать свое состояние во время работы над сценарием «Айболита»: «Памятное лето. Я писал сценарий „Айболита“ для „Союздетфильма“. Приезжал режиссер. <...> Вечно веселый, не имел он никаких взглядов в своем искусстве, никаких пристрастий <...>. Но с некоторым душевным облегчением встречал я, тем не менее, каждый его приезд: уж больно он дышал несокрушимой, деловой, киношной простотой. <...> Он всем своим существом утверждал, что жизнь продолжается, а это было крайне необходимое напоминание в то лето»³.

Первый вариант сценария был получен студией 26 мая 1937 г.⁴ С самого начала фильм вызывал беспокойство начальства. Режиссера вызывал на беседу Б. Шумяцкий (начальник Главного управления кинофотопромышленности, далее – ГУК) для обсуждения концепции фильма⁵. В заключении ГУКа по пробам актеров от 9 октября 1937 г.⁶ создателей картины упрекали, с одной стороны, в излишней

¹ Биневич Е. Будни сказочника // Искусство кино. 1997. № 3. С. 142.

² Там же.

³ Шварц Е. Предчувствие счастья. М.: Корона-принт, 1999. С. 252–253.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2450. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 26.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ Там же. Л. 12.

рационалистичности («рационалистичность должна быть устранена»), а с другой – в «гаерничанье и утрированной комедийной подаче». В следующем заключении по пробам 25 октября 1937 г.⁷ инспекторы-консультанты ГУКа наставили на том, чтобы роль Айболита сыграл актер МХАТа В. Попов, а не М. Штраух, которого предпочитал режиссер. А также высказывали недовольство тем, что режиссер не учел предыдущие замечания ГУКа и лично Шумяцкого. Студию обязывали «*весь отснятый материал по мере его появления незамедлительно предоставлять на просмотр в ГУК*». О трудностях прохождения сценария свидетельствует, в частности, телеграмма, датированная 1 ноября 1937 г., подписанная замначальника ГУКа Усевичем: «*Сценарий „Доктора Айболита“ следует отклонить*»⁸.

Все это время идут аресты. 18 января 1938 г. арестован и сам Б. Шумяцкий, лично контролировавший съемки фильма.

В заключении ГУКа от 27 декабря 1938 г. претензии к уже готовой картине остаются те же: «*гаерничанье, утрированная комедийность*», «*фильм получился стилистически чрезвычайно неровным*» – и далее: «*Режиссер уделил много внимания работе с ансамблем зверей, но с актерами <...> режиссер работал очень мало. <...> Отсюда излишняя суетливость Айболита (арт. М. М. Штраух), фальшь в образе Варвары*», «*ни один из них [актеров] не создал яркий, запоминающийся образ*»⁹.

Сценарий публикуется по экземпляру, сохранившемуся в архиве «Союздетфильма» (в дальнейшем – Студии детских и юношеских фильмов им. М. Горького): РГАЛИ. Ф. 2540. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 26–66.

«СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА» (1940–1941)

По истории этого сценария мы располагаем лишь косвенными сведениями. Пьеса «Снежная королева» была написана в 1938 г. (первая постановка – Новый ТЮЗ, март, 1939 г.), сценарий – в 1940 г. для режиссера В. Легошина и «Союздетфильма». О том, что и с этим сценарием у Шварца были проблемы, свидетельствует заметка в студийной многотиражке «Детфильм» от 30 января 1941 г.: «*Литературный сценарий, утвержденный Комитетом по делам кинематографии, режиссера не удовлетворил. Художественное руководство и сценарный отдел студии санкционировали доработку сценария,*

⁷ РГАЛИ. Ф. 2450. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 9.

⁸ Там же. Л. 13.

⁹ Там же. Л. 3–4.

и режиссер В. Легошин выехал в Ленинград к автору Е. Шварцу, где в течение 15 дней сценарий был окончательно доработан. Теперь мы имеем полноценный литературный вариант, по которому делается режиссерская разработка»¹⁰. Съемки начались, было отснято около половины материала, но с началом войны работа была остановлена. В 1943 г. была предпринята попытка возобновить картину – «Снежная королева» значится в тематическом плане киностудии «Союздетфильм» по подготовке сценариев¹¹. Однако дети, игравшие в фильме, уже выросли, нужно было искать новых артистов и снимать все заново. После войны о постановке «Снежной королевы» думала режиссер «Золушки» Н. Кошеверова: пьеса и две редакции сценария сохранились в ее архиве¹². Те же два варианта сценария сохранились в архиве «Ленфильма»¹³ – тут они датированы 1966 г. и, очевидно, связаны с экранизацией «Снежной королевы» режиссером Г. Казанским. Г. Казанский в своем фильме (1966 г.) значительно переделал сценарий Шварца, частично используя при этом одноименную пьесу.

Сценарий публикуется по экземпляру, сохранившемуся в архиве «Ленфильма»: ЦГАЛИ-СПб. Ф. 257. Оп. 18. Ед. хр. 1544; на планке надпись: «Вариант З». Текст полностью совпадает с вариантом из архива Н. Кошеверовой: ЦГАЛИ-СПб. Ф. 534. Оп. 1. Ед. хр. 185.

«ЗОЛУШКА» (1945–1946)

Режиссер фильма Н. Кошеверова вспоминает о замысле фильма «Золушка»: «В сорок четвертом году, возвращаясь из эвакуации, я встретила в Москве Жеймо. Она сидела в уголке – такая маленькая, растерянная... Я взглянула на нее и неожиданно предложила: „Яничка, Вы должны сыграть Золушку...“ Она немного повеселела, и мы тут же отправились к Помещикову, который заведовал тогда сценарным отделом в Комитете кинематографии. Возражений у него не было, он только спросил: „А кто напишет сценарий?“ И я, не раздумывая, вытала: „Шварц“. Разумеется, никакой предварительной договоренности у меня не было, но узнав о замысле, он тоже им заинтересовался. Сценарий писался специально для Жеймо»¹⁴.

¹⁰ Билевич Е. Будни сказочника // Искусство кино. 1997. № 3. С. 143.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 18.

¹² ЦГАЛИ-СПб. Ф. 534. Оп. 1. Ед. хр. 183–185.

¹³ ЦГАЛИ-СПб. Ф. 257. Оп. 18. Ед. хр. 1543–1544.

¹⁴ Билевич Е. Будни сказочника // Искусство кино. 1997. № 3. С. 145.

Шварц только что вернулся из эвакуации – сначала в Москву, а вскоре и в Ленинград. В дневнике в 1955 г. он вспоминает: *«Начал я писать „Золушку“ в Москве. <...> Война шла к концу, и вот мы вернулись, наконец, в опустевший и словно смущенный Ленинград. <...> Город, глухонемой от контузии и полуслепой от фанер вместо стекол, глядел так, будто нас не узнает. Но вот вдруг я неожиданно испытал чувство облегчения, словно меня развязали. И с этим ощущением свободы шла у меня работа над сценарием»*¹⁵. И чуть далее: *«...легкий и вдохновенный <...> период работы над „Золушкой“. <...> Что-то случилось со мной, когда мы вернулись в Ленинград. Словно проснулся»*¹⁶.

Первое чтение и обсуждение сценария на худсовете «Ленфильма» состоялось 29 мая 1945 г.¹⁷ Общий тон обсуждения – самый восторженный. Работа над этим фильмом ассоциируется с долгожданным окончанием войны и с возрождением разрушенного «Ленфильма». Более того, художественный руководитель студии режиссер С. Васильев считает, что нужно не просто возрождать, а *«создавать новую марку „Ленфильма“»,* и *«сценарий „Золушка“ – одна из первых работ, которые должны в дальнейшем определить лицо нашей студии»*. Поэтому над картиной *«должна работать вся студия»* и сделать ее нужно *«с блеском, с шиком»*. Обсуждение сценария на худсовете Комитета по кинематографии в Москве принципиально отличается от ленфильмовского¹⁸. М. Ромму кажется, что *«у главной героини как-то нет характера»*. С. Герасимова раздражает, что *«к Золушке просто сверху спускается счастье. <...> Приходит ироническая фея и иронически дает это счастье, между тем как всегда в подобного рода сказках героини сами завоевывают себе счастье и всякого рода кривда покрывается торжествующей правдой!»*. В финале обсуждения М. Ромм все же признает: *«...это один из лучших сценариев, которые мы здесь рассматривали»*. Так что на подпись И. Большакову (председателю Комитета по делам кинематографии) 6 июня 1945 г. уходит положительное заключение¹⁹.

Павильоны и цеха «Ленфильма» в первый послевоенный год находились в плачевном состоянии, производственная база студии восстанавливалась трудно – не лучшее время для сложнопостановочной картины (комбинированные съемки, грандиозные декорации,

¹⁵ Шварц Е. Бессмысленная радость бытия. М. : Корона-принт, 1999. С. 206.

¹⁶ Там же. С. 207.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2450. Оп. 2. Ед. хр. 691. Л. 8–13.

¹⁸ ЦГАЛИ-СПб. Ф. 257. Оп. 16. Ед. хр. 1244. Л. 3–4.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2450. Оп. 2. Ед. хр. 691. Л. 3–4.

костюмы). Съёмочный период растянулся на весь 1946 г. А значит, оргвыводы, последовавшие после выхода Постановления ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“»²⁰, коснулись и «Золушки». Осложнялась ситуация тем, что Шварц был дружен с одним из главных героев постановления, М. Зощенко, еще с 20-х гг. И тут последовало еще одно постановление ЦК ВКП(б) – «О кинофильме „Большая жизнь“»²¹.

В 1955 г. Шварц запишет в дневнике: «...из „Ленфильма“ или телеграммы, одна настойчивей и повелительней другой, требующие, чтобы я приехал и занялся переделкой сценария „Золушки“ в свете решения о журналах. Я ни за что не хотел ехать, чувствуя, что чем позже вернусь, тем здоровее будет обстановка. Но воспоминание о перепуганно-поведительном тоне телеграмм Глотова преследовало, как запахи гари, впитавшийся в твою одежду»²².

24 сентября 1946 г. на «Ленфильме» был срочно организован просмотр и обсуждение уже отснятого материала «Золушки»²³. От панегирического тона майского худсовета 1945 г. не осталось и следа. Тот же С. Васильев теперь заявляет: «Мне кажется, что сценарий Шварца был малоинтересен с точки зрения идейной и художественной стороны. Что сказка была пересказана неясно. Не было простого изложения кинематографическим языком известной сказки». Н. Кошверова пытается защитить работу Шварца: «Мы много думали о сценарии в свете последнего постановления ЦК ВКП(б) и пришли к убеждению, что вредного в нем ничего нет, что жанр комедии-сказки несколько не опасен и даже дает возможность извлечь для нашей молодежи много полезного». Тем не менее в разгар съемок сценарий отправляется на переработку. 22 октября на худсовете Шварц читает правленные сцены²⁴.

Чтобы закончить фильм, потребовалось разрешение из Комитета по делам кинематографии о «перенесении окончания картины» на 1947 г.²⁵ Последнее заключение по отснятому материалу, датированное 10 марта 1947 г., за подписью заместителя министра кинематографии К. Кузакова, содержит резкую критику: «просмотренный материал по фильму „Золушка“ производит впечатление эклектичности

²⁰ Опубликовано в «Правде» от 21 августа 1946 г.

²¹ Опубликовано в «Культуре и жизни» 10 сентября 1946 г.

²² Шварц Е. Бессмысленная радость бытия. М.: Корона-принт, 1999. С. 218.

²³ ЦГАЛИ-СПб. Ф. 257. Оп. 16. Ед. хр. 1353. Л. 42–54.

²⁴ Там же. Л. 87–92.

²⁵ Там же. Л. 22.

стилевого решения»; содержит «ряд малоудачных сцен, в которых отсутствует четкий замысел и налицо разнохарактерная и иногда подчеркнутая резкая манера игры»; «операторская работа в материале отличается большой неровностью» и т. д.²⁶ Съёмочной группе предписано в срочном порядке доснять и переснять неудачные сцены; контроль за исполнением возложен на художественного руководителя студии С. Васильева.

Съёмки «Золушки» были закончены в апреле 1947 г., в мае фильм появился на экранах страны и имел оглушительный успех зрителя.

Впервые сценарий был опубликован самим писателем в сборнике: **Шварц Е. Тень и другие пьесы. Л., 1956.** Текст печатается по этому изданию.

«ПЕРВОКЛАССНИЦА» (1946)

Заявка Шварца на сценарий «Первая ступень»²⁷ датируется 23 апреля 1946 г. и во многом использует материал раннего сценария «Леночка выбирает профессию» (1935 г., совместно с Николаем Олейниковым)²⁸. Это история о шустрой девочке, переехавшей в новый дом и радостно пускающей во все мыслимые приключения, которые можно извлечь из окружающей реальности. Среди соседей-новоселов встречаются люди разных профессий – от летчиков до артистов цирка. И девочка, поочередно очаровываясь каждым, то и дело меняет свои планы на будущее. «Но каждый разговор с новыми знакомыми сводится к тому, что первая ступень к овладению любой специальностью – это первый класс школы. <...> Задача сценария – показать реальную повседневную жизнь обыкновенного дома с точки зрения живой, впечатлительной и поэтической девочки. Весь дом – чудесен, как сказка, а люди, живущие в нем, – еще чудесней».

22 мая 1946 г. со Шварцем заключен договор²⁹. По данным учетной карточки, сценарий был сдан вовремя и утвержден к производству³⁰.

Но, как и в случае с «Золушкой», после известных постановлений ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» и о фильме «Большая жизнь» ситуация осложняется. Фильм И. Фрэза по сценарию

²⁶ РГАЛИ. Ф. 2450. Оп. 2. Ед. хр. 691. Л. 18.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 577. Л. 1–3.

²⁸ ЦГАЛИ-СПб. Ф. 257. Оп. 16. Ед. хр. 401.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 579. Л. 1.

³⁰ Там же. Л. 4.

Шварца запускается на «Союздетфильме», а последнее постановление непосредственно касается художественного руководителя «Союздетфильма» режиссера Л. Лукова. Студию лихорадит. Сценарный отдел выдает жесткое заключение по сценарию «Первая ступень»: *«сырое, недоработанное произведение, содержащее ряд серьезных недостатков»; «следует отказаться от той морали, которая сейчас существует в сценарии»; «автором не найдена форма произведения <...> в представленном варианте сказочные мотивы и приемы переплетаются с приемами реалистической бытовой вещи»³¹.*

Шварц, вызванный из Сочи телеграммой на «Ленфильм» для переделки «Золушки», проездом в Москве встречается с И. Фрэзом: *«...звоню Фрезу, узнаю, что „Первая ступень“ – так назывался первый вариант „Первоклассницы“ – не утвержден в свете последних решений об искусстве. Фрез приезжает поговорить со мной. <...> Как подобает кинорежиссеру, бодр и весел. Но в глазах выражение растерянное. Он в смятении, как и мы все. И я предлагаю забыть сценарий „Первая ступень“, а подумать о новом, назвав его просто „Первоклассница“. На чем мы и расстаемся, в полной уверенности, что у нас ничего из этого не выйдет»³².*

23 января 1947 г. Шварц посылает новый вариант сценария и в сопроводительном письме сообщает директору студии С. Кузнецову следующее: *«Я крайне напуган теми семью вариантами „Водокрута“, которые отняли у меня столько сил и времени совершенно напрасно [речь идет о другом сценарии Шварца для „Союздетфильма“. – Ред.]. Поэтому прошу Вас не требовать у меня добавок, дописок, изменений, пока сценарий не утвержден. Я считаю его готовым. Я согласен принять самое близкое участие в рабочем сценарии, когда у меня будет уверенность, что картина реализуется. Но не прежде»³³.*

Новый вариант «Первоклассницы» посвящен тому, как в процессе обучения в советской школе *«постепенно меняется характер девочки, как впервые появляется у нее чувство долга, чувство общей ответственности всего класса и, наконец, чувство общности школьной работы со всей гигантской работой нашей страны»* (из заявки Шварца³¹).

На худсовете «Союздетфильма» 25 февраля 1947 г. подобная постановка проблемы возражений не вызывает. Правда, все же нужно *«дополнительно ввести некоторые мотивы общественно-политического*

³¹ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 579. Л. 14.

³² Шварц Е. Бессмысленная радость бытия. М.: Корона-принт, 1999. С. 230.

³³ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 579. Л. 28.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 577. Л. 4.

воспитания. В меру своего понимания дети должны быть патриотами своего отечества, должны знать и любить своих вождей (рассказ учительницы о Ленине, мечта об участии в параде, чтобы увидеть Сталина), они должны знать о пионерском движении, мечтать о красном галстуке»³⁵. И вообще: А. Роу считает, что недостаточно подробно показано «счастливое детство: песни, танцы, игры»; К. Кириллову не хватает в сценарии мальчиков, Л. Лукову – катка; а также общее недовольство вызывает тема одиночества учительницы – все требуют, чтобы у нее была семья и дети»³⁶.

27 февраля сценарий обсуждается уже на сценарной комиссии министерства (М. Ромм, И. Пырьев, Б. Бабочкин и др.)³⁷. Здесь настоятельно рекомендуют добавить пионеров и Ленина. Шварц внес самую минималистскую правку, какую только возможно: просто заменил любимую книжку Маруси Орловой с «Финниста-Ясного сокола» на сочинение А. Кононова «Рассказы о Ленине».

Готовый фильм на худсовете «Союздетфильма» обсуждается 8 марта 1948 г.³⁸ Картина «в общем и целом» одобрена. Неприимным оппонентом выступает режиссер М. Донской, которого исключительно раздражает и героиня фильма, и исполняющая ее роль девочка: «ребенок, который на всех кричит, и на детей кричит... это же молодая баба Яга <...> ведь это дефективный ребенок!». Тем не менее картина принимается с положительной резолюцией. Особо отмечена операторская работа Г. Егiazарова, который впервые снял всю картину «на первом советском аппарате и целиком на советской пленке»³⁹.

Впервые сценарий опубликован в издании **Е. Шварц. Первоклассница. М.: Госкиноиздат, 1947.** Текст печатается по этому изданию.

«ПОВЕСТЬ О МОЛОДЫХ СУПРУГАХ» (1947–1949)

26 мая 1947 года Шварц записывает в дневнике: «Мне надоели сказки. Ужасно хочется не спеша писать что-нибудь точное, без чудес»⁴⁰. Так начиналась работа над сценарием, который позже получает название «Повесть о молодых супругах».

³⁵ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 579. Л. 9.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 27. Л. 3–6.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 579. Л. 25.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 34. Л. 17–33.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 579. Л. 24.

⁴⁰ Шварц Е. Позвонки прошедших дней. М.: Корона-принт, 1999. С. 10.

В заявке под названием «Первый год», поданной на «Ленфильм» 17 июля 1947 г., уже есть героиня – Маруся Орлова: милая, хрупкая и непосредственная девушка с твердым характером и неистребимой жизнерадостностью. Заявка, по сути дела, состоит из одной первой сцены (далее – скороговорка), но очень выразительной: у входа в университет толпятся абитуриенты. На них внимательно смотрит девушка-маляр. *«Глядит она на них с люльки, висящей между вторым и третьим этажом. У девушки – обеденный перерыв. Она ест булку и смотрит и слушает и хохочет, когда хохочут внизу, и задумывается, когда внизу разбираются в сложной математической задаче. Эта последняя заинтересовывает ее особенно глубоко. Девушка почти свешивается с перил. И вдруг кричит: „С обратным знаком. С обратным знаком“.* Все головы поднимаются вверх. Девушка конфузится на миг. Но потом спокойно и толково объясняет, как надо решать задачу»⁴¹. В этом либретто главная героиня – одна, и значение названия – другое: это первый год вернувшихся с войны молодых людей, первый год их мирной жизни, первый курс университета – своего рода роман воспитания.

17 июня 1947 г. студия заключает со Шварцем типовой договор⁴², по которому Шварц должен сдать либретто сценария на утверждение к 1 августа 1947 г. Но ничего из этого не выходит. Новый сценарий идет трудно – это непривычный для писателя материал. Когда 28–30 сентября 1947 г. Шварц излагает в дневнике краткую сюжетную схему, это уже совсем другая история: *«Сценарий о двух молодых людях, которые только что поженились, и вот проходит год их жизни с первыми ссорами и так далее и тому подобное. Главная трудность в том, чтобы сюжет был, но не мешал»⁴³*. В результате по договоренности со студией Шварц представляет не либретто, а уже законченный сценарий 17 апреля 1948 г.

4 мая 1948 г. «Первый год» выносится на обсуждение Художественного совета «Ленфильма»⁴⁴. Ни один из сценариев Шварца не был подвергнут такой обструкции. Это совсем другой, неожиданный для коллег Шварц: в сценарии господствует не радость, но тревога и беспокойство; не сказочные приключения, но мелкие семейные стычки и бесконечные выяснения отношений; не условная сказочная страна, но подробная житейская повседневность.

⁴¹ ЦГАЛИ-СПб. Ф. 257. Оп. 16. Ед. хр. 1798. Л. 1–2.

⁴² Там же. Л. 3.

⁴³ Шварц Е. Позвонки прошедших дней. М.: Корона-принт, 1999. С. 24.

⁴⁴ ЦГАЛИ-СПб. Ф. 257. Оп. 16. Ед. хр. 1648. Л. 135–139.

Защищают «Первый год», по сути дела, только редакторы сценарного отдела (Е. Добин, С. Кара) и режиссер Ф. Эрмлер. Но Эрмлер тут же оговаривается, что его *«тревожит общий мрачный колорит сценария», «непреодолимый рок, который коверкает семейную жизнь хороших людей»*. По мнению режиссера А. Иванова, *«автор взял двух злых и не очень умных детей, посадил их в кукольный дом и заставил их играть трагедию»*. Драматурга Б. Чирскова раздражает советская *«открытость и отсутствие внутренней щепетильности при разговоре о любви», «атмосфера чрезмерной обнаженности, которая не свойственна советским людям»*. Самое резкое выступление – у И. Хейфица: советская драматургия зиждется на двух главных правилах – каждый советский человек независим и у каждого советского человека есть цель в жизни. Разве Маруся Орлова, с ее зависимостью от своей любви и растерянностью, – наша героиня? Разве Сергей, с его *«психопатическими»* вспышками раздражительности, – наш герой? *«Мир героев не только сентиментален, он инфантилен»*. И если это сюжет о воспитании чувств, то ведь в нашей стране *«воспитание чувств привносится в семью извне!» «В этом сценарии мы имеем мелкую рецептуру для преодоления малых семейных недоразумений»*. Хейфицу вторит А. Зархи: *«Он рассказал не о большой любви, а о семейных стычках и неразберихе»*. Шварцу предъявляются претензии в том, что сценарий слишком очевидно написан на Я. Жеймо; что болезнь Маруси – чисто механическая развязка, которая не может привести героя к раскаянию; что первый год супружеской жизни – слишком мелкая тема для настоящего искусства; что в сценарии слишком много семейного несчастья и что советские люди вообще так себя не ведут.

В ответном слове Шварц защищает героев и сюжет: *«Я категорически не согласен с тем, что герой психопат и что Сергей и Маруся инфантильны, что мир их обеднен. Я уверен, что зритель и читатель узнает в этой картине очень многое из своих семейных отношений. <...> Сценарий „Первый год“ – обдуманная и прочувствованная вещь. В сценарии говорят, что надо уважать друг друга. Это те самые прописные истины, которые мы презираем потому, что мы к ним привыкли, потому, что о них слишком часто мы слышим. <...> Учитесь чувствовать, учитесь вести себя...»*

Принято решение: договор со Шварцем все-таки заключить, но при условии, что сценарий будет доработан. 25 июля Шварц представил второй вариант, и 10 августа 1948 г. состоялся еще один худсовет¹⁵. На сей раз атмосфера более умиротворенная: Шварц учел

¹⁵ ЦГАЛИ-СПб. Ф. 257. Оп. 16. Ед. хр. 1648. Л. 197–217.

критику, поправки внес. Из общего хора выбиваются два выступления. Л. Трауберг, раскритиковав сценарий, формулирует принципиальную вещь – театральность киносценариев Шварца: «...почему все же Шварц не может научиться кинематографу? <...> этот сценарий заполнен полным запретом зрителю думать о том, что делается на экране. Здесь все время все рассказываете. Нет ситуации, в которой бы не так поступил герой или героиня и чтобы немедленно все это не было обобщено <...>. На мой взгляд, ситуация дает в кинематографе вывод, а не диалог. <...> если в театре можно только разговаривать, то в кинематографе гораздо легче вести действие, развертывая историю»⁴⁶. Второе выступление посвящено не поэтике, а политике. Редактор сценарного отдела и по совместительству секретарь парткома студии И. Гомелло выдвигает против Шварца обвинение в космополитизме: «на сценарии лежит печать скандинавского и французского происхождения»; «основная героиня этого произведения не отвечает тем требованиям, которые мы предъявляем к нашей русской советской женщине». И наконец: «если мы берем на себя задачу – учить молодого человека таким сложным вопросам, как жить в браке, мы должны брать героем такого человека, как Зоя Космодемьянская, которая жила со своим молодым мужем, может быть, Олегом Кошевым»⁴⁷. Заключительная часть выступления тов. Гомелло звучит как оргвывод: «Вопросы брака не разрешают ни вопросы морали, ни вопросы самоусовершенствования. Это самое неверное в сценарии. Вопросы советского построения брака – это не вопросы самоусовершенствования людей, – это вопросы разрешения труда и семьи, это вопросы частного и общественного, это разрешение вопроса личного и коллективного, и только так можно разрешить проблему советского брака»⁴⁸.

Сценарий Шварца все-таки принят, но речь Гомелло становится своего рода предупреждением – как будет воспринята «Повесть о молодых супругах» в свете борьбы с безродными космополитами.

Заключение начальника главного управления по производству художественных фильмов Н. Семенова и главного редактора главного управления по производству художественных фильмов А. Витензона, датированное 13 ноября 1948 г., звучит как приговор, который обжалованию не подлежит: «...кажется непонятным, почему молодые советские люди <...> не могут так долго разглядеть и понять неполадок

⁴⁶ ЦГАЛИ-СПб. Ф. 257. Оп. 16. Ед. хр. 1648. Л. 206–207.

⁴⁷ Там же. Л. 213–213 об.

⁴⁸ Там же. Л. 214–214 об.

в семейной жизни при помощи опыта, данного им советским обществом? <...> В сценарии нет атмосферы общественной жизни. <...> Исправить сценарий можно лишь при большой и коренной переделке, освободив его от сентиментальности, найдя для него крепкую драматургическую основу, жизнённость конфликта»⁴⁹.

20 февраля 1949 г. договор со Шварцем был расторгнут⁵⁰.

В 1948–1949 гг. планировалась также постановка пьесы «Повесть о молодых супругах» в Театре комедии. Сохранилось подробное письмо Шварца Е. Юнгер, А. Ремизовой и Н. Акимову, в котором он пытается объяснить, какой видит главную героиню: «Она непременно должна быть чуть-чуть заурядной. Она обязана быть похожей на любую молодую женщину. Она обязана вызывать жалость своей неопытностью и беспомощностью. Если Марусю не узнают и если она не вызовет к себе жалости – дело пропало»⁵¹. После бесконечных претензий к сценарию Шварц настроен крайне скептически по отношению к судьбе постановки: «Влетит прежде всего мне. Вот, мол, писал сказочки – получалось». Но все закончилось гораздо проще: в 1949 г. «Повесть о молодых супругах» так и не была разрешена к постановке. Шварц пишет в дневнике 6 апреля 1949 г.: «В ССП невесело. Атмосфера, от которой хочется кричать караул. Как всегда в поворотные моменты жизни Союза, вылезает всякая сволочь и делает свои дела. Пьесу, которую я читал в Комедии, и сценарий, – все, очевидно, придется на время забыть»⁵².

Писатель возвращается к своему замыслу 25 апреля 1954 г.: «Стал смотреть свою старую пьесу о молодых супругах, и захотелось мне как будто переделать ее»⁵³. Но эта работа была отгеснена на второй план «Дон Кихотом» и «Обыкновенным чудом». 13 апреля 1956 г. Шварц вновь записывает в дневнике: «Надо писать пьесу о молодых супругах для Комедии»⁵⁴. А 20 октября 1957 г. – «Акимов стал репетировать позавчера, вместе с Чежеговым, мою пьесу „Вдвоем“, сделанную год назад»⁵⁵ (имеется в виду именно «Повесть о молодых супругах»).

Шварц переписывал пьесу «Повесть о молодых супругах» все время, пока репетировали актеры, вплоть до своей смерти. Об этом

⁴⁹ ПГАЛИ-СПб. Ф. 257. Оп. 16. Ед. хр. 1798. Л. 13.

⁵⁰ Там же. Л. 14.

⁵¹ Шварц Е. Позвонки прошедших дней. М.: Корона-принт, 1999. С. 558.

⁵² Там же. С. 26.

⁵³ Там же. С. 129.

⁵⁴ Там же. С. 209.

⁵⁵ Там же. С. 233.

пишет Н. Акимов в предисловии к первому изданию пьесы и публикует в дополнение к основному тексту один из последних вариантов концовки⁵⁶. Любопытно, что Акимов видит в этой пьесе своего рода сказку о современности *«Герои этой пьесы Маруся и Сережа Орловы как будто будничны: они живут на Сенной площади, работают и учатся, ссорятся и мирятся, и вновь ссорятся <...>. И вместе с тем на пьесе лежит отпечаток особой поэтичности и, в какой-то мере, сказочности»*. Шварцу так и не удалось выйти за пределы амплу драматурга-сказочника, хотя *«Повесть о молодых супругах»* была как раз попыткой уйти от сказки в современность – *«точную»* современность, как оговорился Шварц в своей первой дневниковой записи, связанной с этим сценарием.

Пьеса *«Повесть о молодых супругах»* была поставлена в Ленинградском театре Комедии в декабре 1957 г. и неоднократно публиковалась. Сценарий публикуется по экземпляру, хранящемуся в ЦГАЛИ-СПб в архиве киностудии *«Ленфильм»*: Ф. 257. Оп. 16. Ед. хр. 1714.

«ДОН КИХОТ» (1954–1955)

Первое упоминание о *«Дон Кихоте»* в дневнике Шварца датировано 9–10 сентября 1954 г.: *«...вчера звонил Козинцев. Ему предлагают писать „Дон Кихота“*. Он позвонил об этом мне, и мне вдруг захотелось написать сценарий на эту тему. Хожу теперь и мечтаю»⁵⁷. Концепция будущего сценария формулируется автором в самом начале работы: *«Необходимо отступить от романа так, как отступило время. Ставить не „Дон Кихота“, а легенду о Дон Кихоте. Сделать так, чтобы, не отступая от романа, внешне не отступая, рассказать его заново»*⁵⁸.

Шварц почти сразу начинает обдумывать рамку, начало и конец, первую и последнюю сцены фильма. Финал появляется довольно быстро: уже 17 сентября Шварц записывает в дневнике: *«Думаю, что словами о золотом веке следует окончить сценарий»*⁵⁹. Начало складывается не так просто. По первой мысли Шварца, *«начинать сценарий следует сразу на большой дороге, с разговора о том, чем питаются странствующие рыцари, о том, что они не спят, о литературе»*⁶⁰ (14 сентября). Потом – со сцены *«Рыцарь на распутье»*:

⁵⁶ Шварц Е. Повесть о молодых супругах. Л. – М., 1958.

⁵⁷ Шварц Е. Позвонки прошедших дней. М.: Корона-принт, 1999. С. 153.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 155.

⁶⁰ Там же. С. 153–154.

«...придумал новое начало. <...> А что, если начинать всю историю с того, что Дон Кихот останавливается на перекрестке четырех дорог, пробует прочесть надпись на придорожном камне и обнаруживает, что она давно стерлась. Тогда, по рыцарскому обычаю, бросает он поводья на шею коня – пусть Росинант приведет к подвигам. Но Росинант заснул»⁶¹ (8 октября). 30 декабря – снова: «Начал по-новому Дон Кихота».⁶² И далее – 1 января: «Надо сделать просто парикмахерскую, где цирюльник рассказывает новости»⁶³.

Шварц колеблется в выборе жанра. Главная трудность – сохранить и иронию, и патетику, и бытовую достоверность оригинала. Видимо, Шварц собирался действительно писать именно легенду о Дон Кихоте: в первых набросках много почти сказочной фантастики – к примеру, Росинант и Серый разговаривают между собой, а Дон Кихот перед смертью начинает понимать язык деревьев. После разговора с режиссером Г. Козинцевым Шварц записывает в дневнике: «Начинаю приходить в себя после вчерашних разговоров, и „Дон Кихот“ освобождается от тумана. Ладно. Будем держаться романа. <...> Я перечитал роман и вижу: там целый мир, который дает возможность рассказать то, что хочешь. А хочу я рассказать следующее: человек, ужаснувшийся злу и начавший с ним драться, как безумец, всегда прав. Он умнеет к концу жизни. Умирает Дон Кихот с горя. И потому, что отрезвел, то есть перестал быть Дон Кихотом»⁶⁴ (23 сентября 1954).

Студия торопит: 8 октября 1954 г. директор «Ленфильма» И. Гловов просит ГУК «в целях ускорения работы над сценарием „Дон Кихота“ <...> разрешить прикрепить режиссера Г. М. Козинцева к автору Е. Шварцу сроком на октябрь и ноябрь 1954 г.»⁶⁵. Шварцу пытаются создать все условия (к примеру, по его просьбе немедленно организуют в Москве просмотр фильма «Дон Кихот» с участием Ф. Шаляпина⁶⁶). Руководству очень хочется, чтобы фильм вышел на экран в 1955 г., в Международный год Сервантеса – 350-летия выхода первого тома «Дон Кихота» (1605 г.).

Первый вариант сценария был сдан 16 апреля 1955 г.⁶⁷ Он тут же вызывает принципиальные возражения сценарного отдела: «Она

⁶¹ Шварц Е. Позвонки прошедших дней. М.: Корона-принт, 1999. С. 168–169.

⁶² Там же. С. 189.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 158–159.

⁶⁵ ЦГАЛИ-СПб. Ф. 257. Оп. 17. Ед. хр. 1198. Л. 2.

⁶⁶ Там же. Л. 6.

⁶⁷ Там же. Л. 7.

[последняя четверть сценария] *вся построена так, что неизменно приводит к мысли, будто Дон Кихот является другом человечества, необходимым ему и любимым народом, что Дон Кихот действительно творит добро, что конфликт у него существует только с сильными мира сего, которые мешают ему служить человечеству и доводят его до трагического конца. <...> В романе Дон Кихот показан человеком, стремящимся делать добро, но в силу „потери элементарного чутья жизни“ (Сталин) творящим зло. <...> Сценарный отдел просит автора в дальнейшей работе над сценарием учесть высказывание Н. Добролюбова о том, что „отличительная черта Дон Кихота – непонимание ни того, за что он борется, ни того, что выйдет из его усилий“. <...> Нам кажется, что не следует снимать также имеющееся в романе сатирическое отношение к придуманной метафизической любви Дон Кихота. Сейчас острота сатиры и здесь несколько приглушена, придуманная любовь, подменяющая настоящее человеческое чувство, не находит должного обвинения смехом»⁶⁸. Шварцу дается месяц на устранение неправильной трактовки образа Дон Кихота. 14 мая 1955 г. Шварц сдает сценарий с поправками⁶⁹. 22 мая приглашенный в качестве эксперта один из ведущих специалистов по романской филологии К. Державин пишет восторженный отзыв: «наилучший вариант, вряд ли могущий вызвать возражения у любого знатока и ценителя Дон Кихота»⁷⁰. 27 мая 1955 г. сценарий выносятся на обсуждение худсовета «Ленфильма»⁷¹. Обсуждение идет вполне благожелательно. Правда, время от времени возникают комические казусы: многие члены совета не могут отличить текст Шварца от текста Сервантеса. К примеру, драматург Б. Чирсков раздражен слишком откровенными современными аллюзиями финального текста о Золотом веке – и с недоумением узнает, что это абсолютно точная цитата из Сервантеса, причем даже из дореволюционного перевода. Позднее Шварц будет не без гордости вспоминать, что даже Козинцев искренне считал, что, к примеру, сцена ухода Санчо с губернаторского поста – сервантесовская⁷².*

По сути дела, по-настоящему членов совета озадачивает только будущий метраж фильма – уж слишком много материала. К примеру, оператор А. Москвин утверждает, что «в сценарии сейчас <...>

⁶⁸ ЦГАЛИ-СПб. Ф. 257. Оп. 17. Ед. хр. 1198. Л. 10–11.

⁶⁹ Там же. Л. 13.

⁷⁰ Там же. Л. 19.

⁷¹ ЦГАЛИ-СПб. Ф. 257. Оп. 17. Ед. хр. 893. Л. 59–75.

⁷² Шварц Е. Позвонки прошедших дней. М.: Корона-принт, 1999. С. 228.

5 000 метров». Сходятся на том, что нужно просить «соответствующие инстанции увеличить метраж до 3200 метров», а автору предложить сценарий радикально сократить. Соответствующие инстанции (Главное управление по производству фильмов) на 3200 метров не соглашаются и обязывают автора сценария «довести его до нормальных размеров»⁷³. 27 июля 1955 г. Шварц записывает в дневнике: «„Дон Кихота“ я сократил, отчего он как бы оплешивел»⁷⁴. После чего сценарий принимается, и осенью 1955 г. начинаются съемки. 2 марта 1956 г. приказом министра культуры СССР принято решение: в связи со значимостью данной работы делать фильм в двух вариантах: обычном (срок сдачи 15 декабря 1956) и широкоформатном (срок сдачи 5 февраля 1957)⁷⁵. А 24 марта 1956 г. проходит расширенный худсовет студии «Ленфильм», посвященный режиссерской экспликации будущей картины. Козинцев читает собравшимся подробнейшую лекцию о «Дон Кихоте» и концепции будущего фильма: «... мечта нашего коллектива – создать веселую, иногда очень веселую, иногда печальную, иногда очень печальную комическую эпопею о добром человеке, который хотел восстановить на земле справедливость совершенно нелепыми средствами в тот век, когда эта справедливость могла являться предметом для шуток»⁷⁶. На этом же худсовете подробно обсуждаются плюсы и минусы широкоэкранный (тогда еще исключительно экспериментального) формата для этого фильма.

19 декабря 1956 г. Шварц записывает в дневнике: «Кончается съемка „Дон Кихота“. <...> Конечно, картина будет торжеством Толубеева. Пойдут восхвалять Черкасова по привычной дорожке. Совершенно справедливо оценят работу Козинцева. Мою работу вряд ли заметят»⁷⁷. Замечание Шварца становится пророческим. На худсовете по обсуждению уже готового фильма⁷⁸ «Дон Кихот» единодушно назван исключительной удачей, но многочасовой разговор посвящен в основном режиссуре, актерской игре, освоению новой техники широкого формата и т. д. О сценаристе только однажды упоминает С. Васильев.

Картина вышла на экран в марте 1958 г. и прошла с большим успехом.

Сценарий был впервые опубликован в «Литературном альманахе» в июле 1958 г. Текст публикуется по этому изданию.

⁷³ ЦГАЛИ-СПб. Ф. 257. Оп. 17. Ед. хр. 1198. Л. 29.

⁷⁴ Шварц Е. Позвонок прошедших дней. М.: Корона-принт, 1999. С. 200.

⁷⁵ ЦГАЛИ-СПб. Ф. 257. Оп. 17. Ед. хр. 1198. Л. 32.

⁷⁶ ЦГАЛИ-СПб. Ф. 257. Оп. 17. Ед. хр. 1172. Л. 56.

⁷⁷ Шварц Е. Позвонок прошедших дней. М.: Корона-принт, 1999. С. 221.

⁷⁸ ЦГАЛИ-СПб. Ф. 257. Оп. 17. Ед. хр. 1537. Л. 237–253.

«МАРЬЯ-ИСКУСНИЦА» (1946–1958)

Ни один из сценариев Шварца не претерпел стольких мытарств, как «Марья-искусница».

5 августа 1943 г. Е. Шварц заключает со студией «Союздетфильм», эвакуированной в Сталинабад, договор на сценарий по сказке «Кот в сапогах» для режиссера А. Роу⁷⁹. По техническим причинам фильм не состоялся, и к нему решено было вернуться после войны. Но летом 1945 г. Шварц посылает Роу следующее письмо: *«Я кончил детскую пьесу „Царь Водокрут“ на русском материале. Все хвалят. Все говорят, что это прямо для кино. „Кота“ я могу дописать к концу сентября. Но, как я и боялся, после „Золушки“ западный материал мне несколько скучен. Не заменить ли „Кота“ – „Царем Водокрутом“? Материал разработан. Сдам скоро. <...> Умоляю, возьмите командировку и срочно приезжайте. Уверю Вас, нам гораздо интереснее заняться новой, оригинальной русской сказкой»*⁸⁰. В сценарном деле в архиве «Союздетфильма» сохранилась срочная телеграмма Шварцу, датированная 14 ноября 1945 г.: *«Вам послан вызов Москву для работы над Царем Водокрутом вместо Кота тчк запуск сценария запланирован в этом году»*⁸¹.

12 марта 1946 г. худсовет «Союздетфильма» дает по сценарию следующее заключение: *«большая талантливая работа автора, дающая возможность создать музыкальный комедийный фильм-сказку»*⁸². Правда, для этого нужно *«освободить сценарий от некоторой загруженности»*, создающей *«не только производственную сложность, но и драматургическую вялость»*. 15 марта Роу срочно выезжает в Ленинград для доработки сценария⁸³. 10 апреля 1946 г. Шварц с удовлетворением записывает в дневнике: *«Сценарий „Царь Водокрут“ принят в Москве „Союздетфильмом“»*⁸⁴, и продолжает работу над вторым вариантом.

После постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» замученный проблемами со сценариями «Золушка» и «Первоклассница» Шварц пишет директору «Союздетфильма» С. Кузнецову: *«Второй вариант сценария мною был в основном закончен,*

⁷⁹ РГА.ЛН. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 504. Л. 1.

⁸⁰ Там же. Л. 70–70 об.

⁸¹ Там же. Л. 46.

⁸² РГА.ЛН. Ф. 2215. Оп. 1. Ед. хр. 295. Л. 1–2.

⁸³ РГА.ЛН. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 504. Л. 48.

⁸⁴ Шварц Е. Бессмысленная радость бытия. М.: Корона-принт, 1999. С. 214.

но я решил еще раз пересмотреть всю мою работу. Последние решения ЦК ставят настолько серьезные задачи перед всеми нами, что я не рискую сдавать сценарий без некоторых добавлений, проясняющих идею фильма»⁸⁵.

Но и этот вариант студии не нравится. 11 октября 1946 г. Шварцу отправляется большое письмо⁸⁶ за подписями директора студии С. Кузнецова, художественного руководителя Л. Лукова и начальника сценарного отдела Шнейдермана со списком поправок: «солдата необходимо сделать еще более активным, мудрым, находчивым <...>, инициативно нападающим на „злые“ силы»; «солдату должны помогать силы природы», «он должен быть обладателем чудесных предметов (напр., сапогами-скороходами, шапкой-невидимкой и т. д.)». А также нужно сделать Ваню менее сентиментальным, Марью-искусницу – менее «отуманенной», и т. д. Студия торопит Шварца с поправками, т. к. «обязана запустить его [сценарий] в подготовительный период в самое ближайшее время».

20 ноября 1946 г. на «Союздетфильме» обсуждается уже пятый (1) вариант сценария, теперь под названием «Бесстрашный солдат». И снова – требование поправок: «необходимо сгладить все страшное в сценарии (рыбы-чудища, внешний облик охотников, у которых вместо носа – гарпун, вместо пальцев – рыболовные крючки и вместо туловища – рыбацьи сети; десятипалый казначей, бестелесные туманы)»; а также сделать Аленушку не русалочкой, а девочкой и т. д.⁸⁷ Свои рекомендации также высказывает и отдел агитации и пропаганды ЦК ВЛКСМ⁸⁸.

Так или иначе, сценарий в 1946 г. так и не был принят к производству – по неустановленным причинам.

Вновь к сценарию, который теперь в протоколах называется «Марья-искусница», бывший «Союздетфильм», а ныне Киностудия детских и юношеских фильмов им. М. Горького возвращается в 1954 г. 20 апреля 1954 г. пишется новое заключение по сценарию – правда, со старыми претензиями: «ярче раскрыть в его [солдата] характере черты храбрости, находчивости и благородства». А также упростить ироническую стилистику речи Водяного как «мало рассчитанную на детскую аудиторию», ну и просто – сократить⁸⁹. На

⁸⁵ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 504. Л. 50.

⁸⁶ Там же. Л. 51–52.

⁸⁷ Там же. Л. 32.

⁸⁸ Там же. Л. 54.

⁸⁹ Там же. Л. 33.

очередной присланный вариант Шварцу 14 августа 1954 г. отправлено от студийного начальства письмо с очередной порцией претензий⁹⁰: «*Следует сделать образ солдата более действенным. <...> Русалочка должна остаться в сценарии как „добрая сила“, но должно остаться у зрителя такое впечатление, что солдат, несомненно, мог бы и сам спасти Марию-искусницу*». А также очень важно, чтобы солдат был без ружья, а всем персонажам было придано «*больше простонародного юмора*».

Немудрено, что Шварц, закончив очередной вариант, пишет в дневнике (28 августа 1954 г.): «*Сдав сценарий, вышел я на улицу с чувством свободы и почти счастья*»⁹¹. Но, как выяснилось позже, радость была преждевременной. 19 декабря на втором съезде Союза писателей секретарь СП Борис Полевой подвергает резкой критике детскую литературу, в том числе и сказки Шварца. Шварц записывает 20 декабря 1954 г. в дневнике: «*...внезапный удар по животу, вне всяких правил <...>. А тут еще замешался Роу. Звонит в панике, что сценарий может не пойти, раз обо мне такое сказано*»⁹². 21 декабря 1954 г. сценарный отдел студии им. М. Горького выдает новое заключение по «Марье-искуснице»: «*...в сказке Шварца нет той простоты, которая отличает подобные произведения. Слишком много в ней „чудес“, превращений, событий*»⁹³. Тем не менее сценарий, пусть и с новыми поправками, все-таки рекомендован к запуску, и 27 декабря 1954 г. Шварц наконец подписывает договор со студией⁹⁴.

28 января 1955 г. очередное обсуждение сценария в худсовете киностудии проходит достаточно оптимистично⁹⁵. Конечно, поправки снова есть. А именно: солдат разговаривает слишком редко, а потому непонятными пословицами (и в рукописи сценария они даже подчеркнуты рукой Роу⁹⁶). Акула – не русская рыба, нужна щука. Но все это – мелочи. Серьезное опасение вызывает только то, что технически фильм невероятно сложен и есть серьезная опасность из-за отсутствия средств получить на выходе примитивную бутафорскую картину. Роу настроен крайне решительно: он намерен сохранить все спецэффекты и возлагает надежды на совмещенные

⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 504. Л. 56–57.

⁹¹ Шварц Е. Позвонки прошедших дней. М.: Корона-принт, 1999. С. 149.

⁹² Там же. С. 181–182.

⁹³ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 504. Л. 35.

⁹⁴ Шварц Е. Позвонки прошедших дней. М.: Корона-принт, 1999. С. 188.

⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 142. Л. 6–34.

⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 2215. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 10 и сл.

объемной мультипликации с живыми актерами. Точку ставит директор студии Г. Бритиков: практика Союзэкспортфильма показывает, что наибольшим спросом за рубежом пользуются именно советские киносказки, поэтому задача студии – сделать, не жалея средств, высокотехнологичную цветную картину и помочь заработать деньги советскому государству.

Время идет, и Роу с горечью пишет Шварцу: *«За это время сценарий прошел еще много-много инстанций (как официальных, так и неофициальных), преодолел много сомнений и возражений в силу его производственных трудностей – ведь студии легче делать такие картины, как делает Эйсымонт, – летняя натура и пять-шесть стандартных павильонов: „класс“, „комната“, „зал“ и т. д.»*⁹⁷. 1 марта 1957 г. на худсовете, обсуждая тсмплан, директор студии говорит: *«Мы не можем пустить Роу с „Марьей-искусницей“.* И технически это трудно, и тематически не убеждает. А классическую сказку „Кот в сапогах“ надо заказать хорошему автору, и через некоторое время Роу сможет приступить к работе»⁹⁸.

И только когда Роу снимет «Новые похождения Кота в сапогах» по сценарию Сергея Михалкова, ему разрешат приступить к «Марье-искуснице». Последний вариант литературного сценария Шварца в архиве студии им. М. Горького⁹⁹ датирован 1958 г., а 15 января 1958 г. Шварц умер. И только в 1959 г. дело, наконец, доходит до режиссерского сценария¹⁰⁰. Одновременно Роу направляет директору студии письмо¹⁰¹, в котором сообщает об изъятии из сценария Шварца восемнадцати эпизодов, связанных с техническими сложностями. Из будущего фильма исчезают стада рыб, пасущиеся в лесу; погоня акулы за Ваней; разговаривающие туманы; бегающие столы и многие-многие другие не вписывающиеся в бюджет чудеса. В этом же 1959 г. фильм был снят и вышел на экраны.

Сценарий опубликован наследниками в издании: **Шварц Е. Позвонки минувших дней. М., Корона-принт, 1999.** Текст печатается по этому изданию.

Комментарии Елены ГРАЧЕВОЙ

⁹⁷ РГАЛИ. Ф. 2215. Оп. 1. Ед. хр. 225. Л. 3.

⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 196. Л. 65.

⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 502.

¹⁰⁰ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 503.

¹⁰¹ РГАЛИ. Ф. 2468. Оп. 2. Ед. хр. 504. Л. 62–64.

ФИЛЬМОГРАФИЯ

- 1930 **Настоящие охотники** (реж. Николай Лебедев и Наум Угрюмов, авторы сценария Николай Катков, Николай Лебедев и Наум Угрюмов), автор надписей
- 1934 **Разбудите Леночку** (реж. Антонина Кудрявцева)
совм. с Николаем Олейниковым
- 1936 **Леночка и виноград** (реж. Антонина Кудрявцева)
совм. с Николаем Олейниковым
- 1936 **На отдыхе** (реж. Эдуард Иогансон)
совм. с Николаем Олейниковым
- 1938 **Доктор Айболит** (реж. Владимир Немоляев)
- 1945 **Зимняя сказка** (реж. Иван Иванов-Вано)
совм. с Иваном Ивановым-Вано
- 1947 **Золушка** (реж. Надежда Кошеверова и Михаил Шапиро)
- 1948 **Первоклассница** (реж. Илья Фрэнз)
- 1954 **Запасной игрок** (реж. и автор сценария Семен Тимошенко),
автор диалогов
- 1957 **Дон Кихот** (реж. Григорий Козинцев)
- 1959 **Марья-искусница** (реж. Александр Роу)
- 1963 **Каин XVIII** (реж. Надежда Кошеверова и Михаил Шапиро)
совм. с Николаем Эрдманом
- 1966 **Снежная королева** (реж. Геннадий Казанский)

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ФИЛЬМЫ

- 1935 **Леночка и лев** (реж. Антонина Кудрявцева и Павел Арманд)
совм. с Николаем Олейниковым
- 1937 **Брат и сестра** (реж. Михаил Гавронский)
- 1941 **Снежная королева** (реж. Владимир Легошин)
- 1941 **Военный киноконцерт** (реж. Надежда Кошеверова
и Михаил Цехановский)
- 1954 **Запасной игрок** (реж. и автор диалогов Семен Тимошенко)

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ СЦЕНАРИИ И ЗАЯВКИ

- 1935 **Леночка выбирает профессию** (совм. с Николаем Олейниковым)
- 1935 **Красная Шапочка** (совм. с Николаем Олейниковым)
- 1935 **Маро**
- 1937 **Гастроль Доценко**
- 1942 **Далекий край**
- 1943 **Кот в сапогах**
- 1947 **Домик на Мойке**
- 1948 **Повесть о молодых супругах**
- 1951 **Неробкий десяток**
- 1951 **Сказка о мире**
- 1953 **Первое имя** (по повести И. Ликстанова)
- 1956 **Человек и тень**

ФИЛЬМЫ, СНЯТЫЕ ПО МОТИВАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Е. ШВАРЦА

- 1964 **Обыкновенное чудо** (реж. Эраст Гарин и Хеся Локшина, авторы сценария Эраст Гарин и Хеся Локшина)
- 1964 **Сказка о потерянном времени** (реж. Александр Птушко, автор сценария Владимир Лифшиц)
- 1971 **Тень** (реж. Надежда Кошеверова, авторы сценария Юлий Дунский и Валерий Фрид)
- 1977 **Два клена** (реж. Анатолий Солин, автор сценария Татьяна Правдивцева)
- 1978 **Сказка о потерянном времени** (реж. Кирилл Малянтович, автор сценария Юнна Мориц)
- 1988 **Убить Дракона** (реж. Марк Захаров, авторы сценария Григорий Горин и Марк Захаров)
- 1990 **Сказка о потерянном времени** (реж. Дмитрий Генденштейн)
- 1991 **Тень, или Может быть, все обойдется** (реж. Михаил Козаков, авторы сценария Михаил Козаков и Игорь Шевцов)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ*

- I. «Дон Кихот». Николай Черкасов (Дон Кихот)
- II. «Доктор Айболит». Максим Штраух (Айболит). Кадры из фильма.
- III. «Доктор Айболит». Игорь Аркадин (Беналис), Эммануил Геллер и Иона Бий-Бродский (Разбойники), Анна Вильямс (Варвара)
- IV. Н. П. Акимов. Макет и эскиз к фильму «Золушка»
- V. «Золушка». Фаина Раневская (Мачеха), Янина Жеймо (Золушка)
- VI. «Золушка». Варвара Мясникова (Фея), Игорь Клименков (Паж), Янина Жеймо (Золушка), Сергей Филиппов (Скороход)
- VII. «Золушка». Эраст Гарин (Король), Фаина Раневская (Мачеха), Анатолий Королькевич (Герольд), Константин Адашевский (Герольд)
- VIII. «Первоклассница». Наташа Защинина (Маруся Орлова), Тамара Макарова (Учительница), Игорь Ерощкин (Сереза)
- IX. «Первоклассница». Кадры из фильма
- X. «Дон Кихот». Юрий Толубеев (Санчо Панса), Николай Черкасов (Дон Кихот), Лидия Вергинская (Герцогиня)
- XI. «Дон Кихот». Николай Черкасов (Дон Кихот), Георгий Вицин (Карраско)
- XII. «Дон Кихот». Юрий Толубеев (Санчо Панса), Николай Черкасов (Дон Кихот)
- XIII. «Марья-искусница». Нинель Мышкова (Марья-искусница), Михаил Кузнецов (Солдат), Георгий Милляр (Квак), Виктор Перевалов (Иванушка), Ольга Качануридзе (Аленушка)
- XIV. «Снежная королева». Наталья Климова (Снежная королева)
- XV. «Снежная королева». Елена Проклова (Герда), Валерий Никитенко (Разбойник/Сказочник), Вячеслав Цюпа (Кей)
- XVI. Н. П. Акимов. Портрет Е. Шварца.

---

* Иллюстрации предоставлены:

I—III, VIII—IX, XIII — киностудией им. М. Горького;
V—VI, X—XII, XIV—XV — киностудией «Ленфильм».

Литературно-художественное издание

ШВАРЦ
Евгений Львович

ЗОЛУШКА

Ответственный редактор *Елена Грачева*
Редакторы-координаторы *Людмила Речная, Мария Секацкая*
Корректоры *Ольга Абрамович, Сима Пошивалова*
Компьютерная верстка *Светлана Бондаренко*
Бильд-редактор *Иван Соколов*

Подписано в печать 04.08.2006.
Формат издания 84×108^{1/32}. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,52 + 0,84 вкл. Тираж 5000 экз.
Изд. № 60280. Заказ № 2206.

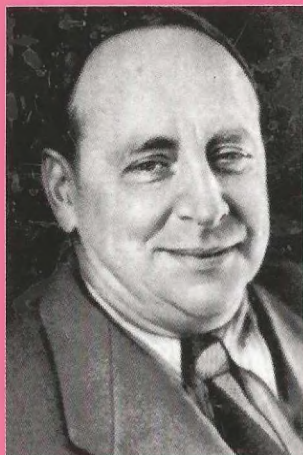
ООО «Сканс».
197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., 10.
Тел.: (812) 237-08-42, факс: (812) 232-49-25.
E-mail: info@scance.ru.

Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197342, Санкт-Петербург, наб. Черной речки, д. 15, литера А.
E-mail: info@amphora.ru

Отпечатано с диапозитивов
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГА

Евгений ШВАРЦ

Евгений Львович Шварц (1896–1958) – советский писатель, драматург, сценарист. Работал в знаменитой Детской редакции Госиздата под руководством С. Маршака в 1920-х годах в журналах «Чиж» и «Еж», писал детские пьесы для ленинградского ТЮЗа. С 1934 года сотрудничал с Николаем Акимовым в Театре комедии (спектакли «Тень», «Дракон», «Обыкновенное чудо» и др.). Для кино Шварц начал писать с 1930 года.

В настоящей сборник вошли сценарии фильмов «Доктор Айболит», «Снежная королева», «Золушка», «Первоклассница», «Дон Кихот», «Марья-искусница» и нереализованный сценарий «Повесть о молодых супругах». Сценарии, написанные в соавторстве с Н. Олейниковым, выйдут отдельным сборником.

ISBN 5-367-00219-6

Слон, взяв термометр, собирается уйти.
– Погоди, – останавливает его Айболит. –
Осторожней встряхивай его.
Слон кивает головой.
– Прошлый раз, встряхивая термометр,
ты ударил по голове зебру и чуть не убил ее.
Смотри, чтобы это не повторилось!
(«Доктор Айболит»)

К о р о л ь. Старые друзья – это, конечно,
штука хорошая, но их уж ничем не удивишь!
Вот, например, Кот в сапогах. Славный
парень, умница, но, как приедет, сейчас же
снимет сапоги, ляжет на пол возле камина
и дремлет. Или Мальчик-с-пальчик. Милый,
остроумный человек, но отчаянный игрок.
Все время играет в прятки на деньги.
А попробуй найди его. А главное, у них все
в прошлом. Их сказки уже сыграны и всем
известны. А вы... Как король сказочного
королевства, я чувствую, что вы стоите
на пороге удивительных сказочных событий.
З о л у ш к а. Правда?
К о р о л ь. Честное королевское!
(«Золушка»)

С а н ч о. Хоть бы соломки догадались
подстелить! Ваша милость, а ваша милость,
вам небось жестко в клетке-то?
Д о н К и х о т. Отстань, дурак, я зачарован!
Телега медленно ползет по дороге.
(«Дон Кихот»)

В о д я н о й. Дрожи передо мной!
Квак дрожит.
В о д я н о й. Отчетливей!
Квак дрожит крупной дрожью.
В о д я н о й. Молодец. Из простых лягушек
выслужился, а как разумен!
(«Марья-искусница»)

SEANCE
WWW.SEANCE.RU

ИЗДАТЕЛЬСТВО
амфора
WWW.AMPHORA.RU

Театрал

ДОСУГ

«ВЕСЕЛЫЙ
ШУРИК»

ЗДОРОВЬЕ ШКОЛЬНИКА
рекомендует

WWW.HAPPY-SHURIK.RU